ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал

www.online-science.ru

№ 4
2025

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 4 от 25.04.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистрской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т Трубилина;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Ображиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западносибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., **Понеделков А.В.**, **Самгуров А.Ш.**
Национальный проект «Семья» на 2025–2030 годы 13

Брюно В.В.
Гражданская идентичность студентов педагогических вузов: опыт, восприятие, риски 18

Лутова Ю.А., **Щанина Е.В.**
Социальная адаптация и профессиональная социализация
иностранных студентов: структурные и факторные элементы 29

Назар М.М., **Тамьяров А.В.**, **Магомедов И.А.**, **Лобачева Н.А.**
Организация, контроль и экспертиза закупочной деятельности
в контексте региональной специфики 37

Петрухина Д.А.
Социальное здоровье и способы его поддержания в семейной среде 47

Пономарев Ф.С.
Механизмы социального управления демографическими процессами:
структурно-функциональный подход и теория социального действия 55

Пупкова Ю.В., **Мусаева А.Г.**
Профессиональные траектории студенческой молодежи
в условиях цифровизации общества 61

Сабанов З.М.
Теоретико-методологические основы реабилитации инвалидов в РФ 69

Тен Ю.П.
Методические рекомендации по развитию визуальной грамотности
у студентов вузов в контексте патриотического воспитания 75

Тужба Э.Н., **Оплетаева О.Н.**, **Корсакова Л.В.**
Социальные риски автомобилизации городской среды 81

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Балаклеец И.И., **Рознатовская С.Р.**
Пассивное избирательное право женщин: вопросы становления
в зарубежных странах и Советской России 91

Баршова О.А., **Гарькина Т.А.**, **Сеськина О.Е.**
Некоторые аспекты реализации института прекращения гражданства
на территории Российской Федерации 97

Беляева А.А.
Влияние геополитических и политических процессов
на форму самоорганизации институтов гражданского общества 104

Глазатов А.А., **Игошин Н.А.**
Историко-правовой анализ предложений по кодификации
административного законодательства в 2000–2025 годах 108

Глоба Э.Ю.
Криминалистические особенности при установлении убытка государству
от совершенного преступления, отличие данного понятия от ущерба,
в контексте уголовно-правовой оценки 115

Зехов Б.З.
Понятия «недостоверность доказательств» и «фальсификация доказательств»:
сопоставительный анализ 121

Катомина В.А., **Пархоменко А.Г.**
Проблемы установления взаимодействия органов прокуратуры
с институтами гражданского общества 127

Коняхин В.П., **Огородникова Н.В.**
Преступления против собственности: международно-правовой сегмент 133

Лозинский О.И.
Перспективные криминалистические методики в сфере биологической
идентификации человека: микробиом человека – живой след 141

Лысенко В.С.
Конфискация имущества: актуальные проблемы этимологии,
правовой природы, формы и содержания 147

Марухно В.М.
Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации
неоказания помощи больному 152

Пархоменко А.Г., **Дружинин Г.В.**
Организованная общность работников как коллективный субъект трудовых правоотношений 158

Попов М.Ю., **Клименко Т.М.**, **Чапурко Т.М.**, **Хорольский Г.В.**, **Попова Е.А.**
Международный опыт борьбы с коррупцией
(в экспертных оценках сотрудников правоохранительных органов) 163

Хованцев А.С.
Функции отсылочных норм права 173

Хут Д.Ш.
Формы уяснения права 179

Шмидт А.В.
Критерии разграничения общего и специального правовых статусов 184

Штанько М.А., **Забиров А.Б.**
Цифровая трансформация государственного управления в здравоохранении: правовой аспект 190

Щеглов Е.Н.
О некоторых вопросах реализации защиты отдельных сегментов
конфиденциальной информации в деятельности органов внутренних дел 196

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаджиев Х.М., **Юсуфов Ш.А.**, **Хасанов И.И.**
Квалификация эксперта при проведении экспертизы закупочной
и отчетной документации в сфере образования 205

Замбаев Х.Н.
Сравнительный анализ моделей фискального федерализма 213

Кацемир Я.В., **Классовская М.И.**
Управление грузопотоками контейнеров Российской Федерации в условиях санкций 219

Киреева А.В.
Преимущества и недостатки международного разделения труда 226

Левшов И.В., **Сердечная Ю.Н.**
Перспективы использования инновационной инфраструктуры
для развития цифровых технологий в России 232

Мисько О.Б.
Особенности изменения системы менеджмента компаний
при их переходе к цифровой экономике 240

Хрустова Л.Е., **Косталындина Н.В.**, **Чивина А.Д.**
Цифровая трансформация бизнес-процессов в финансовом секторе:
теоретические основы, перспективы, ограничения 246

Шапошникова Т.Л., **Киселев М.В.**, **Ключиков А.В.**
Актуальные аспекты проведения экспертизы закупочной
и отчетной документации в сфере образования 253

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, **Alexander V. Ponedelkov**, **Anzor S. Samgurov**
National project «Family» for 2025–2030 13

Victoriya V. Bryuno
Civic identity of pedagogical university students: experience, perception, risks 18

Yulia A. Lutova, **Ekaterina V. Shchanina**
Social adaptation and professional socialization of international students:
structural and factor elements 29

Marina M. Nazar, **Andrey V. Tamyarov**,
Isa A. Magomedov, **Natalia A. Lobacheva**
Organization, control, and expertise of procurement activities in the context of regional specifics 37

Diana A. Petrukhina
Social health and ways to maintain it in a family environment 47

Philip S. Ponomarev
Mechanisms of social management of demographic processes:
structural-functional approach and theory of social action 55

Yulia V. Pupkova, **Anna G. Musayeva**
Professional trajectories of students in the context of digitalization of society 61

Zaurbek M. Sabanov
Theoretical and methodological foundations
of rehabilitation of disabled people in the Russian Federation 69

Yulia P. Ten
Methodical recommendations for the development of visual literacy
among university students in the context of patriotic education 75

Emir N. Tuzhba, **Olesya N. Opletaeva**, **Lidiya V. Korsakova**
Social risks of automobilization in the urban environment 81

JURISPRUDENCE

Irina I. Balakleets, **Sofia R. Roznatovskaya**
Passive voting right of women: issues of formation in foreign countries and Soviet Russia 91

Oksana A. Barshova, **Tatiana A. Garkina**, **Olga E. Seskina**
Some aspects of the implementation of the institution of termination
of citizenship in the territory of the Russian Federation 97

Anna A. Belyaeva
Influence of geopolitical and political processes
on the form of self-organization of civil society institutions 104

Aleksey A. Glazatov, **Nikolai A. Igoshin**
Historical and legal analysis of proposals for the codification
of administrative legislation 2000–2025 108

Eduard Yu. Globa
Criminalistic features in determining the loss to the state from a committed crime,
the difference between this concept and damage, in the context of criminal law assessment 115

Batyr Z. Zekhov
The concepts of «unreliability of evidence» and «falsification of evidence»:
a comparative analysis 121

Victoria A. Katomina, **Alexander G. Parkhomenko**
Problems of establishing cooperation between
the prosecutor's office and civil society institutions 127

Vladimir P. Konyakhin, **Nina V. Ogorodnikova**
Crimes against property: an international legal segment 133

Oleg I. Lozinsky
Promising forensic techniques in the field of human biological identification:
the human microbiome is a living trace 141

Vadim S. Lysenko
Confiscation of property: current problems of etymology,
legal nature, form and content 147

Vasilisa M. Marukhno
Criminal law characteristics and qualification issues
of non-provision of assistance to the patient 152

Alexander G. Parkhomenko, **Gleb V. Druzhinin**
An organized community of employees as a collective subject of labor relations 158

Mikhail Yu. Popov, **Tauzhan M. Klimenko**, **Tatyana M. Chapurko**,
Gennadiy V. Khorolsky, **Elena A. Popova**
International experience in combating corruption
(in expert assessments of law enforcement officers) 163

Alexey S. Khovantsev
Functions of the reference norms of law 173

Diana Sh. Khut
Forms of clarification of law 179

Anna V. Schmidt
Criteria for distinguishing between general and special legal statuses 184

Marina A. Shtanko, **Alexey B. Zabirov**
Digital transformation of public administration in healthcare: a legal aspect 190

Evgeny N. Shcheglov
Organizational and legal problems of implementing the protection of certain segments
of confidential information in the activities of internal affairs bodies 196

ECONOMIC SCIENCES

Khadzhimurat M. Gadzhiev, **Shirali A. Yusupov**, **Ilnur I. Khasanov**
Qualification of an expert in the examination of procurement
and reporting documentation in the field of education 205

Khongor N. Zambaev
Comparative analysis of fiscal federalism models 213

Yana V. Katsemir, **Maria I. Klassovskaya**
Management of Russia`s container cargo flows under sanctions 219

Antonina V. Kireeva
Title of the article: advantages and disadvantages of the international division of labor 226

Ivan V. Levshov, **Yulia N. Serdechnaya**
Prospects for using innovative infrastructure for the development
of digital technologies in Russia 232

Oleg B. Misko
The Impact of the digital economy on the development of strategic management 240

Lyubov E. Khrustova, **Anna D. Chivina**, **Nadezhda V. Kostalyndina**
Digital transformation of business processes in the financial sector:
theoretical foundations, prospects, limitations 246

Tatiana L. Shaposhnikova, **Mikhail V. Kiselev**, **Arkady V. Klyuchikov**
Current aspects of conducting expertise of procurement
and reporting documentation in the field of education 253

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-1
УДК 314

Attribution
cc by

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СЕМЬЯ» НА 2025–2030 ГОДЫ

Аверин А.Н.[1], Понеделков А.В.[2], Самгуров А.Ш.[3]
[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[2, 3]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется национальной целью развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи [1]. Цель статьи состоит в рассмотрении национального проекта «Семья» на 2025–2030 годы. Объектом исследования являются национальный проект «Семья» и входящие в его состав федеральные проекты – Поддержка семьи, Многодетная семья, Охрана материнства и детства, Старшее поколение, Семейные ценности и инфраструктура культуры. Использованы методы исследования: статистический, анализ и синтез, дедукция и индукция.

В качестве полученных результатов можно назвать использование паспортов национального проекта «Семья» и федеральных проектов – Поддержка семьи, Многодетная семья, Охрана материнства и детства, Старшее поколение, Семейные ценности и инфраструктура культуры. Рассмотрены цели и динамика показателей национального проекта и федеральных проектов, финансовое обеспечение национального проекта. Основным выводом является признание значительной роли национального проекта и федеральных проектов в сохранении населения, укреплении здоровья и повышении благополучия людей, поддержке семьи.

В обзоре литературы следует отметить, что после утверждения и начала реализации национального проекта прошло немного времени, поэтому появились статьи в основном в печатных средствах массовой информации. Вполне понятно, что в процессе его реализации в течение шести лет появятся статьи, в которых будет анализироваться его результаты.

Ключевые слова: инфраструктура культуры, многодетная семья, охрана материнства и детства, поддержка семьи, показатель, семейные ценности, семья, старшее поколение, национальная цель, национальный проект, федеральный проект, финансы, цель.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

NATIONAL PROJECT «FAMILY» FOR 2025–2030

Alexander N. Averin[1], Alexander V. Ponedelkov[2], Anzor S. Samgurov[3]
[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
[2, 3]South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the national development goal of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 – preserving the population, strengthening health and improving the well-being of people, supporting the family [1]. The purpose of the article is to consider the national project «Family» for 2025–2030. The object of the research is the national project «Family» and its federal projects – Family Support, Large Family, Protection of Motherhood and Childhood, Older Generation, Family Values and Cultural Infrastructure. The research methods used are statistical method, analysis and synthesis, deduction and induction.

The results obtained include the use of passports of the national project «Family» and federal projects – Family Support, Large Family, Protection of Motherhood and Childhood, Older Generation, Family Values and Cultural Infrastructure. The goals and dynamics of indicators of the national project and federal projects, financial support of the national project are considered. The main conclusion is the recognition of the significant role of the national project and federal projects in preserving the population, improving health and well-being of people, and supporting the family.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Самгуров А.Ш.

In the literature review, it should be noted that not much time has passed since the approval and start of the implementation of the national project, so articles appeared mainly in the print media. It is quite clear that in the process of its implementation within six years there will be articles in which its results will be analyzed.

Keywords: cultural infrastructure, large family, protection of motherhood and childhood, family support, indicator, family values, family, older generation, national goal, national project, federal project, finance, goal.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Целью национального проекта «Семья» является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. [Национальный проект «Семья» на 2025–2030 годы. URL : https://mintrud.gov.ru]. Финансовое обеспечение национального проекта составляет 20 трлн 449 млрд 050 млн 983,75 тыс. рублей, в том числе: федеральный бюджет – 17 трлн 889 млрд 982 млн 168,30 тыс., бюджеты государственных внебюджетных фондов – 15 трлн 761 млрд 835 млн 826,10 тыс., консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации – 1 трлн 358 млрд 471 млн 722,65 тыс.

Результаты. Обсуждение.

В рамках национального проекта предусмотрена реализация пяти федеральных проектов – Поддержка семьи, Многодетная семья, Охрана материнства и детства, Старшее поколение, Семейные ценности и инфраструктура культуры.

В федеральном проекте «Поддержка семьи» сформулирована цель – увеличение числа семей с детьми, содержатся следующие показатели. К 2030 году все семьи с детьми должны быть обеспечены адресной поддержкой при рождении ребенка – снижение уровня бедности среди многодетных семей с 22,9 % до 12 %, доля получателей ежегодной семейной выплаты от общего числа трудоспособного населения – 8,5 %, увеличение доли семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей на основании только заявления или проактивно, от общего числа семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей, с 95 % до 97,5 %. К 2030 году должна быть улучшена инфраструктура детских садов посредством адресного строительства и капитального ремонта детских садов в регионах с выявленной потребностью – увеличение доли зданий дошкольных образовательных организаций, в которых проведен капитальный ремонт, от общего количества зданий дошкольных образовательных организаций – с 0,5 % до 6,3 %. Планируется создать комфортную среду в образовательных организациях для молодых студенческих семей и матерей с детьми – увеличить доли образовательных организаций высшего образования, на базе которых созданы комнаты матери и ребенка и группы кратковременного пребывания детей, из числа образовательных организаций, испытывающих в них потребность, с 30 % до 100 %, доля молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, получивших поддержку образовательных организаций высшего образования от числа всех молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, обучающихся в вузах, с 40 % до 90 %.

Семьи с детьми воспользовались правом получения ипотечного кредита (займа) по программе «Семейная ипотека» – 198 тыс. и 1 млн 523 тыс., в регионах Дальневосточного федерального округа семьи при рождении первого ребенка получили единовременную выплату, семьи при рождении второго ребенка распорядились региональным материнским (семейным) капиталом – 36,552 тыс. и 39,174 тыс., предоставлено ежемесячное пособии в связи с рождением и воспитанием ребенка – 9 млн 900,722 тыс. и 9 млн 618,594 тыс., предоставлена ежегодная семейная выплата работающим родителям, имеющим двух и более детей, – 4,2 млн, семьи с ребенком (детьми) распорядились средствами материнского (семейного) капитала – 1 млн 736,159 тыс. и 1 млн 925,097 тыс., обеспечено адресное строительство детских садов в отдельных населенных пунктах с объективно выявленной потребностью инфраструктуры – 4 (2026 год) и 100, количество созданных мест в дошкольных образовательных организациях – 520 и 23472. Осуществлен капитальный ремонт и оснащение зданий дошкольных образовательных организаций – 142 и 2200. Созданы комнаты матери и ребенка и группы кратковременного пребывания детей в образовательных организациях высшего образования – 220 и 1000. Ежегодный охват благополучателей из числа молодых семей и матерей (отцов) с детьми, обучающихся в образовательных организациях высшего образования – 30 тыс. и 35 тыс. человек.

Значение федерального проекта состоит в том, что он направлен на достижение показателей и задач национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», «Комфортная и безопасная среда для жизни».

Целью федерального проекта «Многодетная семья» является увеличение количества многодетных семей. Утверждены следующие показатели. К 2030 году количество многодетных семей вырастет на 15 %. Увеличится суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей с 0,399 до 0,475, доля граждан, охваченных государственной социальной помощью

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Самгуров А.Ш.

на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан – с 5,1 % до 6,3 %, доля обучающихся 1–4 классов в группах продленного дня – с 16,1 % до 17,6 %, темп прироста числа многодетных семей – с 2,5 % до 15 %, доля регионов, обеспечивших не ниже среднероссийских темпы повышения суммарного коэффициента рождаемости, из числа регионов, в которых по итогам 2023 года значение такого коэффициента было ниже среднероссийского, – с 26,83 % до 100 %, количество многодетных семей с детьми, получивших выплату в размере 450 тыс. рублей на погашение ипотечного кредита (займа) – с 210 тыс. до 1 млн 428 тыс., семей, охваченных мерами поддержки в рамках региональных программ по повышению рождаемости, – с 203,844 тыс. до 216,260 тыс.

Значение федерального проекта состоит в том, что он влияет на достижение таких показателей национального проекта и государственной программы, как суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, уровень бедности среди многодетных семей.

В федеральном проекте «Охрана материнства и детства» определены цель – повышение качества и доступности медицинской помощи гражданам, планирующим ребенка, беременным женщинам, детям, укрепление репродуктивного здоровья граждан.

Сравним показатели 2025 и 2030 годов. Обеспечена доступность и квалифицированная помощь женщинам и детям, в том числе по охране репродуктивного здоровья – охват граждан репродуктивного возраста в 18–49 лет диспансеризацией с целью оценки репродуктивного здоровья – 32 % и 50 %, доля женщин, проживающих в сельской местности, поселках городского типа и малых городах, получивших медицинскую помощь в женских консультациях, расположенных в этих населенных пунктах, – 20 и 80 %, младенческая смертность – 4,2 промилле и 3,9 промилле, доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0–17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами, от общего числа выявленных заболеваний по результатам проведения профилактических медицинских осмотров – 81 % и 95 %, доля беременных женщин, обратившихся в медицинские организации в ситуации репродуктивного выбора, получивших услуги по оказанию правовой, психологической и медико-социальной помощи, и вставших на учет по беременности, – 22 % и 26 %. Оказана медицинская помощь с использованием вспомогательных репродуктивных технологий для лечения бесплодия – 79553 и 485299, женские консультации, расположенные в сельской местности, поселках городского типа, малых городах, в том числе вновь созданные, внедрили новые подходы в работе с учетом стандартизации и типизации процессов оказания медицинской помощи – 168 и 311, оснащены мобильным медицинским оборудованием детские поликлиники, отделения регионов для проведения выездных мероприятий, в том числе с целью профилактических медицинских осмотров, диспансеризации и диспансерного наблюдения детского населения – 123 (2026 год) и 526. Утверждены показатели по оснащению, дооснащению, переоснащению медицинскими изделиями перинатальных центров и родильных домов, отделений регионов, в том числе в составе других организаций – 91 и 133; детских больниц, подведомственных федеральным органам исполнительной власти – 2 и 20; детских больниц регионов, в том числе в составе других организаций – 23 (2026 год) и 160. Созданы женские консультации, в том числе в составе других организаций, в регионах, для оказания медицинской помощи женщинам, в том числе проживающим в сельской местности, поселках городского типа, малых городах – 168 и 311; подведомственных Федеральному медико-биологическому агентству – 5 и 25 (2029 год). Значение федерального проекта состоит в том, что он влияет на достижение показателей национального проекта и государственной программы - ожидаемая продолжительность жизни при рождении, удовлетворенность населения медицинской помощью по результатам оценки общественного мнения, на общественно значимый результат «Обеспечена доступность и квалифицированная помощь женщинам и детям, в том числе по охране репродуктивного здоровья».

В федеральном проекте «Старшее поколение» в качестве цели определена поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов, содержатся следующие показатели. К 2030 году будет обеспечен охват старшего поколения семьи долговременным уходом из числа нуждающихся и созданы условия для поддержания активного образа жизни пожилых людей.

Рассмотрим динамику показателей в 2025 и 2030 годы. Доля пожилых граждан и инвалидов, получающих долговременный уход, от общего числа нуждающихся в таком уходе граждан – 10,5 % и 30,3 %, доля граждан старшего поколения, вовлеченных в региональные программы «Активное долголетие». – 35,2 % и 41,9 %. Численность граждан старшего возраста, которые приняли участие в волонтерском движении, – 191366 и 233694; в занятиях физической культурой и спортом – 8 млн 597 тыс. 858 и 10 млн 232 тыс. 526; в культурно-досуговых мероприятиях и творческих проектах – 2 млн 620 тыс. 802 и 3 млн 119 тыс. 082; в образовательных проектах – 1 млн 208 тыс. 246 и 1 млн 437 тыс. 964. Реализованы развивающие и образовательные мероприятия в центрах общения для граждан старшего поколения – 29 тыс. и 31,5 тыс. Введены в эксплуатацию объекты капитального строительства для размещения граждан в стационарных организациях социального обслуживания в регионах – 79 и 122, количество койко-мест для размещения граждан 1243 и 840. Граждане старше трудоспособного возраста и инвалиды получили услуги в рамках системы долговременного ухода – 174079 и 500509. Отремонтированы объекты стационарных организаций социального обслуживания в регионах – 21 и 43 (2027 год).

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Самгуров А.Ш.

Значение федерального проекта состоит в том, что он направлен на достижение показателей и задач национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», на решение таких приоритетных задач, как развитие социальных услуг и вовлечение граждан старшего возраста в активную жизнедеятельность за счет обеспечения качественного ухода и различных образовательных и просветительских проектов.

В соответствии с целью формирования семейно-ориентированной инфраструктуры, укрепления института семьи, продвижения в обществе семейных ценностей в федеральном проекте «Семейные ценности и инфраструктура культуры» сравним показатели 2025 и 2030 годов.

Граждане получают дополнительные возможности для посещения и участия в культурно-просветительских мероприятиях и для обеспечения семейного досуга – уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества – 56,5 % и 63 %, количество созданных центров воспроизведения аудиовизуального контента в малых населенных пунктах с численностью населения до 50 тыс. человек, оснащенных необходимым оборудованием и подключенных к единой цифровой платформе с библиотекой современных продуктов российской киноиндустрии – 40 и 900. К 2030 году 80 % населения считают семью главной ценностью, доля граждан, считающих семью главной ценностью – 67,5 % и 80 %. Гражданам предоставлена возможность расширения доступа к творческим мероприятиям, направленным в том числе на сохранение семейных ценностей, увеличение числа посещений организаций культуры по отношению к 2023 году – 110 % и 135 %.

Значение федерального проекта состоит во влиянии на достижение показателей национального проекта и государственной программы – количество созданных центров воспроизведения аудиовизуального контента в малых населенных пунктах с численностью населения до 50 тыс. человек, оснащенных необходимым оборудованием и подключенных к единой цифровой платформе с библиотекой современных продуктов российской киноиндустрии; уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества; удовлетворенность населения качеством предоставления услуг в сфере культуры; число посещений культурных мероприятий.

Заключение.

Можно утверждать, что реализация национального проекта даст возможность для сохранения населения, укрепления здоровья, повышения благополучия людей, поддержки семьи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL : https://ivo.garant.ru
2. Национальный проект «Семья» на 2025–2030 годы. URL : https://mintrud.gov.ru

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2024 № 309 «On the National Goals of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective until 2036». URL : https://ivo.garant.ru
2. The National Project «Family» for 2025–2030. URL : https://mintrud.gov.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
ORCID 0009-0009-0579-8545

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow
ORCID 0009-0009-0579-8545

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Самгуров А.Ш.

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Самгуров Анзор Шихарбиевич
аспирант кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону
samgurov-anzor@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Anzor S. Samgurov
PhD Student at the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don
samgurov-anzor@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Самгуров А.Ш.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-5
УДК 316.3

Attribution
cc by

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ: ОПЫТ, ВОСПРИЯТИЕ, РИСКИ

Брюно В.В.
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет»,
Институт социологии,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Аннотация. Статья посвящена анализу гражданской идентичности студенческой молодёжи в условиях современной социокультурной трансформации. Особое внимание уделено студентам педагогических вузов как будущим трансляторам ценностей и смыслов. Эмпирическая база включает массовый опрос (n = 1600), серию глубинных интервью с респондентами (n = 60) и опрос экспертов (n = 12). Анкета охватывала блоки, связанные с самоидентификацией, восприятием символического пространства, гражданскими практиками, ценностными ориентациями и ощущением социальной справедливости.

Выявлено преобладание формальной идентификации с гражданством и наличие позитивного эмоционального отношения к стране. Вместе с тем, за устойчивыми показателями прослеживаются внутренние колебания, критическая дистанция, фрагментарность идентификационных стратегий и высокая чувствительность к опыту несправедливости. Интервью с респондентами и экспертами позволяют говорить о формировании гражданской идентичности студентов в условиях ценностной гибридности – с пересечением коллективистских и индивидуалистических установок, локальной укоренённости и ориентации на глобальные горизонты.

Обнаружено, что на процесс идентификации влияет не столько официальная риторика, сколько качество символической среды, повседневный опыт и доступ к включённым практикам.

Результаты исследования позволяют уточнить специфику гражданской идентичности студенческой молодёжи, обозначить риски и ресурсы её формирования, а также подчеркнуть значимость образовательной среды как пространства символического и ценностного взаимодействия.

Ключевые слова: гражданская идентичность, ценности, студенческая молодёжь, формирование идентичности, волонтёрство, социализация, идентификационные стратегии, воспитательный процесс.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CIVIC IDENTITY OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS: EXPERIENCE, PERCEPTION, RISKS

Victoriya V. Bryuno
National Research Moscow State University of Civil Engineering,
Institute of Sociology,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This article explores the civic identity of student youth in the context of contemporary socio-cultural transformation. Special attention is given to students of pedagogical universities as future transmitters of values and meaning. The empirical base includes a mass survey (n = 1600), a series of in-depth interviews with respondents (n = 60), and an expert survey (n = 12). The questionnaire covered thematic blocks related to self-identification, perception of symbolic space, civic practices, value orientations, and a sense of social justice.

The data reveal a predominance of formal identification with citizenship and the presence of a generally positive emotional attitude toward the country. At the same time, behind these stable indicators lie internal ambivalence, critical distance, fragmented identification strategies, and heightened

© Брюно В.В.

sensitivity to experiences of injustice. Interviews with respondents and experts suggest that civic identity among students is shaped in a context of value hybridity, combining collectivist and individualist orientations, local rootedness, and openness to global horizons.

The findings indicate that the process of identification is influenced less by official rhetoric and more by the quality of the symbolic environment, everyday experiences, and access to participatory practices.

The study contributes to a more nuanced understanding of civic identity among student youth, highlighting the risks and resources of its development, and emphasizing the significance of the educational environment as a space of symbolic and value-based interaction.

Keywords: civic identity, values, student youth, identity formation, volunteering, socialization, identification strategies, educational process.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Современное российское общество переживает этап интенсивных изменений, затрагивающих как структуры экономики и политики, так и системы ценностей, представления о государстве, его будущем и границах идентичности. В этой ситуации особое значение приобретает гражданская идентичность – форма восприятия себя как части политического и культурного целого, сопряжённого с представлением о стране, обществе и собственной роли в нём.

В последние годы российское общество оказалось в условиях затяжного кризиса – пандемия, экономические колебания, международный конфликт, беспрецедентное внешнее давление и санкционный режим становятся фоном повседневности. Эти обстоятельства активизируют процессы внутренней переоценки, когда происходит пересмотр установок, и попытка найти новые точки устойчивости. Одной из ключевых тенденций текущего момента становится поиск субъектности – и на уровне общества в целом, и на уровне индивидуального самосознания, что особенно значимо в молодёжной среде, где неустойчивость идентификационных рамок может выступать фоном для маргинализации или девиантного поведения. Выстроенная идентичность, в этом контексте, способна выполнять роль психологической и социальной опоры, снижая риски выхода за границы нормативного. В данном случае речь идёт о восстановлении способности к самостоятельному смыслополаганию, к формированию внутренней рамки «мы» в условиях внешней нестабильности.

По данным социологических исследований, в любой стране существует немалая доля граждан – около 15–17 %, – не идентифицирующих себя со своей страной и при наличии ресурсов готовых покинуть её навсегда [1]. Это указывает на то, что формирование устойчивой гражданской идентичности не может быть отнесено к «само собой разумеющимся» процессам.

Институты первичной социализации (семья), зачастую, не справляются с задачей передачи устойчивых идентификационных моделей. В этих условиях образовательные учреждения, особенно педагогические вузы, приобретают особое значение как пространство, в котором формируются будущие трансляторы ценностей и смыслов.

Россия – многонациональное государство, где по официальным данным проживают представители 194 национальностей. В условиях культурной и этнической многосоставности особенно остро встаёт вопрос о том, какие символы, образы и нарративы способны выполнять функцию объединения. Ответы на него ищут не только исследователи, но и идеологи, политики, государственные деятели. При этом наблюдается отчётливое расхождение между идентификационными механизмами, складывающимися в России, и теми, что характерны для стран так называемого коллективного Запада. Климат, пространство, исторический опыт, восприятие угроз и политические условия – всё это влияет на структуру гражданской идентичности, придавая ей уникальные черты, нередко не считываемые извне.

В западных обществах всё большую популярность приобретают модели, ориентированные на мобильность, прагматизм и культурную гибкость. Концепции «текучей идентичности», «арендованной жизни» и «общества кочевников»[1] подрывают представления о гражданстве как о долговременной лояльности. Молодёжи транслируется образ жизни, где важна не принадлежность и укоренённость, а возможность быстрой смены контекста, идентичности, социальной роли. Такая модель, при всей своей кажущейся свободе, снижает уровень привязанности к сообществу и ослабляет внутренние основания государственной устойчивости.

На этом фоне становится очевидной необходимость целенаправленной работы по формированию гражданской идентичности, особенно среди молодёжи. Значимую роль здесь играют буду-

[1] Жак Аттали, французский экономист и политолог, в своей книге «Линии горизонта» (1990) ввёл концепцию «общества кочевников» для описания будущей цивилизации, характеризующейся мобильностью и отсутствием привязанности к конкретным территориям или национальным идентичностям. Её высшее воплощение – торговец, не имеющий ни культуры, ни родины, ни семьи, а ведущий образ жизни кочевника, постоянно перемещающегося по всей планете в поисках максимальной прибыли.

© Брюно В.В.

щие педагоги – носители не только предметных знаний, но и культурных кодов, а также потенциальные медиаторы между молодёжью и обществом в целом, чья собственная идентификационная стабильность может способствовать профилактике девиантных установок у будущих поколений. Именно они оказываются в положении посредников между государственными институтами, образовательной системой и следующим поколением граждан.

Настоящее исследование направлено на выявление сущностных черт гражданской идентичности студентов педагогических вузов России в условиях современной социокультурной динамики. В фокусе внимания – восприятие молодёжью символов, норм, гражданских практик и представлений о будущем страны как части собственной идентификации.

В исследовании решались следующие задачи:

– определить уровень гражданской идентичности студентов педагогических вузов, включая самоотнесение, эмоциональное отношение к стране и участие в гражданских практиках;

– проанализировать различия в идентификационных установках студентов в зависимости от направления обучения, этнокультурного фона и религиозности; выявить преобладающие формы идентичности (гражданская, национальная, региональная, социальная) и специфику их соотношения; изучить восприятие символического пространства (флаг, герб, исторические образы) как фактора формирования идентичности;

– сопоставить количественные данные с результатами глубинных интервью и экспертных мнений для комплексного понимания идентификационных стратегий молодёжи.

Теоретическая рамка и обзор исследований.

Исследование гражданской идентичности активно ведётся как в России, так и за рубежом.

В США и Европе сложилась устойчивая исследовательская линия, в рамках которой гражданская идентичность понимается как сложная структура, включающая доверие к институтам, чувство принадлежности и ответственность за общее благо.

Одним из первых подходов к осмыслению гражданской принадлежности стала концепция гражданства, предложенная английским социологом Т. Х. Маршаллом. Он рассматривал гражданство как совокупность гражданских, политических и социальных прав, обеспечивающих не только формальную принадлежность к государству, но и участие в его институтах и доступ к общественным ресурсам [2].

Позднее, важное развитие получила концепция гражданской культуры, сформулированная американскими политологами Г. Алмондом и С. Верба. Они показали, что устойчивость демократий определяется не только институтами, но и типом политического сознания – способностью к участию, доверию и внутреннему ощущению сопричастности [3].

В дальнейшем, фокус исследований сместился к условиям формирования гражданской идентичности в многонациональных и иммиграционно насыщенных обществах. Так, американская политолог Сара Уоллес Гудман изучала, как государства Западной Европы выстраивают требования к новым гражданам, включая обязательное знание языка, истории, символов, норм и ценностей. Эти практики направлены на институциональное закрепление устойчивой модели гражданской идентичности как альтернативы этнической замкнутости [4].

Современные исследования подчёркивают различие между этнической и гражданской идентичностью и фиксируют их связь с представлениями о солидарности, справедливости и распределении ресурсов. Гражданская идентичность оказывается более гибкой и функциональной в условиях глобализации, но требует символического оформления, культурной поддержки и включённости в реальные социальные практики. Особенно важно, чтобы у молодёжи сохранялась возможность видеть в государстве не только внешний институт, но и часть своей внутренней идентичности [5].

В российской науке внимание к теме гражданской идентичности сохраняется стабильно. Особый интерес вызывает молодёжь как группа, наиболее чувствительная к изменениям и одновременно наиболее значимая для будущей идентификационной модели. При этом в исследованиях фиксируются не только институциональные влияния, но и глубокие культурные сдвиги, происходящие в обществе.

В 1990-е годы российское общество переживало ценностную аномию: прежние ориентиры были демонтированы, новые не укоренились, особенно среди молодёжи. Это приводило к внутренней дезориентации и фрагментации идентичности. Однако в последние годы ситуация изменилась. Как отмечает Ю.А. Зубок, современная молодёжь живёт в среде пересечения разных культурных пластов, институтов и мировоззрений. Это формирует особую ценностную гибридность – сочетание локального и глобального, традиционного и инновационного, коллективистских установок и индивидуалистических притязаний [6]. С 2014 по 2022 годы эта тенденция усилилась: ценности патриотизма и коллективной ответственности сосуществуют с модернистским стремлением к личной свободе и постмодернистским сомнением в универсальности истины.

Для молодого поколения это создаёт сложное поле идентификаций, где важен не выбор между крайностями, а способность балансировать между общественными ожиданиями и личной траекторией, между историческим нарративом и

© Брюно В.В.

собственным опытом. На этом фоне растёт интерес к механизмам консолидации. Учёные, педагоги и представители институтов гражданского общества ищут формы, через которые возможно структурировать разнородное символическое пространство и укрепить чувство гражданской принадлежности.

Очевидно, что отдельные инициативы – демонстрация фильмов о Великой Отечественной войне или «Разговоры о важном» – не способны решить задачу формирования устойчивой идентичности. Вместе с тем, в ряде исследований подчёркивается важность символического окружения: флага, герба, гимна, визуальных образов. Не случайно в школах и вузах на регулярной основе стали проводиться церемонии поднятия флага, а интерьеры аудиторий насыщаются государственной символикой, фотографиями героев, в том числе участников специальной военной операции [7; 8].

Социологи также обращают внимание на роль системы образования в компенсации дефицитов первичной социализации, особенно в случаях, когда семья не выполняет своих воспитательных функций [9; 10]. При этом семья продолжает оставаться важным фактором: в исследованиях акцентируются риски социализации в неполных семьях и утрата межпоколенческой преемственности в связи с демографическими потерями старшего поколения.

Наряду с этим, фиксируется позитивная роль национальных проектов, программ поддержки семейных ценностей, а также вовлечённости ветеранских и общественных организаций – таких как Комитет семей воинов Отечества – в воспитание молодёжи. Эти процессы способствуют укреплению идентификационных оснований и росту уровня гражданской самоидентификации [11].

Выводы, полученные социологами и политологами, были учтены при разработке программы эмпирического исследования.

Эмпирическая база и методы исследования.

Эмпирическая часть исследования опирается на комбинированную стратегию: массовый опрос, серию глубинных интервью со студентами и экспертное анкетирование. Такой подход позволил отразить как общую картину идентификационных установок будущих педагогов, так и выявить индивидуальные смысловые предпочтения в условиях культурной и ценностной фрагментированности.

Квотный опрос был проведён в четырёх региональных педагогических вузах: Государственном университете просвещения (ГУП), Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского (ЯГПУ), Воронежском государственном педагогическом университете (ВГПУ) и Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова (УлГПУ). Эти вузы отобраны как типичные для системы подготовки педагогических кадров.

Выборочная совокупность составила 1600 студентов. Квоты задавались по полу, возрасту, типу семьи и вузу. Анкета включала блоки: самоидентификация и образ гражданина (принадлежность, гордость, символика); ценностные установки (отношение к правам, обязанностям, служению обществу); восприятие символического пространства (флаг, герб, портреты, мемориалы в вузе); гражданская активность и волонтёрство; ощущение справедливости, дискриминации, миграционные установки.

Дополнительно было проведено 60 глубинных интервью со студентами, отобранными по принципу разнообразия (пол, этническое происхождение, религиозность, факультет, родной город, опыт участия в студенческих инициативах). Интервью были полуструктурированными, с акцентом на личные представления о гражданственности, принадлежности, символах и включённости в коллективные практики. Осуществлялся содержательный анализ с выделением устойчивых сюжетов и идентификационных паттернов. Также проведён экспертный опрос ($n = 12$). В нём участвовали специалисты по молодёжной политике, преподаватели и исследователи, работающие с темой идентичности. Их мнения позволили соотнести студенческие установки с институциональными ожиданиями и нормативными рамками.

Результаты.

Исследование началось с попытки зафиксировать базовые уровни гражданской идентификации среди студентов педагогических вузов. В качестве отправной точки был выбран вопрос об отнесении себя к гражданству: «Ассоциируете ли Вы себя с гражданином России, то есть со страной?». Ответы студентов показывают высокий уровень формальной идентификации: в среднем, около 85% опрошенных заявляют о такой ассоциации. Это значение практически не варьируется по вузам и свидетельствует о преобладании устойчивой самоидентификации на уровне юридической и территориальной принадлежности.

Однако при внешне благополучных цифрах следует учитывать контекст: около 10% студентов во всех вузах открыто заявляют о желании уехать из страны навсегда. Это не маргинальная доля – это каждый десятый, причём в среде будущих педагогов. Фиксация гражданской принадлежности, таким образом, не исключает внутреннего отчуждения и потенциального дистанцирования от страны в ценностном или экзистенциальном плане. Ещё около 5–6 % затруднились с ответом, что может указывать либо на слабую рефлексию, либо на внутренние ам-

© Брюно В.В.

бивалентные установки, не сводимые к бинарной логике «да/нет».

Ощущение себя гражданином страны – это один из когнитивных компонентов идентичности. Но для формирования устойчивого чувства принадлежности важен также аффективный компонент, то есть эмоциональное принятие, сопряжённое с позитивной самооценкой своей гражданской позиции. Для оценки этой составляющей был задан вопрос: «Испытываете ли Вы чувство гордости, что Вы гражданин РФ?». Ответы на него почти зеркально повторяют предыдущие: около 85 % студентов отвечают утвердительно. Эта параллель может восприниматься как индикатор ценностной конгруэнтности между юридическим статусом и эмоциональной самоидентификацией.

Тем не менее, и здесь около 10 % заявляют о том, что не испытывают чувства гордости, и это требует отдельного внимания. Речь, вероятно, идёт о молодых людях с критической дистанцией к государству, символической системе или текущей политической повестке. Важно понимать: отсутствие гордости не означает автоматического отрицания принадлежности, но указывает на разрыв между статусом и смыслом, между формой и содержанием идентичности.

На этом этапе можно говорить о том, что большинство студентов демонстрируют высокую степень формальной и эмоциональной идентификации. Однако под этими показателями скрываются разные уровни включённости, внутреннего принятия и намерения ассоциировать своё будущее с российским обществом. Значения, близкие к 85 %, не следует интерпретировать как однозначный показатель «успешности» социализации – скорее, как фон, внутри которого возможны разные стратегии осмысления себя как гражданина.

Другой важный элемент гражданской идентичности – способность ощущать себя частью различных социальных и территориальных общностей. Вопрос об идентификациях на разных уровнях (локальном, региональном, национальном) позволяет понять, какие связи студенты считают значимыми, а какие остаются на периферии их восприятия.

Судя по полученным данным, наибольшую степень идентификационной вовлечённости вызывает локальный уровень – принадлежность к своему городу или посёлку. Почти 94 % опрошенных заявляют, что ощущают близость с жителями своего населённого пункта в «значительной степени». Это значение выше, чем по всем остальным категориям. Гражданская идентичность (ощущение близости с гражданами России) занимает вторую позицию: 79 % отмечают её как значимую. Региональный уровень воспринимается чуть слабее: 72 % респондентов говорят о близости к жителям своего края или республики.

Такая структура указывает на то, что идентичность у значительной части молодёжи строится снизу-вверх: от локального укоренения – к региональной и национальной рамке. Иными словами, именно непосредственное окружение – город, село, близкие сообщества – выступает в качестве опоры при формировании ощущения принадлежности. Национальная идентичность при этом сохраняется как важный ориентир, но она не является автономной, скорее, включается в цепочку других социальных привязанностей. В этом можно усмотреть как потенциал для формирования гражданской общности через локальные практики, так и риски фрагментации в условиях ослабления региональных и федеральных связей.

Отдельное внимание было уделено вопросу об отношении к этнической идентичности. Вопрос был сформулирован через реакцию на обращение к респонденту по его национальности – как маркера, не всегда нейтрального в российском контексте: «Когда Вас называют в соответствии с Вашей национальностью, Вы…»

Большинство студентов (59–64 %) воспринимают этническую принадлежность как нечто само собой разумеющееся. Более трети испытывает гордость при упоминании своей национальности. Это важно: при всей социальной норме «не замечать различий» факт этнической отнесённости у значительного числа молодых людей вызывает позитивную эмоциональную реакцию. В то же время, 5–7 % респондентов испытывают неловкость, стыд или дискомфорт при акценте на своей национальности. Эти данные нельзя игнорировать: речь может идти как о внутреннем напряжении, вызванном негативным опытом (включая латентную дискриминацию), так и о результатах разрыва между публичной риторикой и личным восприятием этничности как «неудобной» темы.

Таким образом, этническая идентичность для большинства студентов не является доминирующей, но сохраняет позитивную значимость.

Важным аспектом исследования стало изучение чувства уязвимости, связанного с этнической принадлежностью. Респондентам был задан вопрос: «Часто ли Вы испытывали несправедливость по отношению к себе в связи с Вашей национальностью?».

Полученные результаты оказались достаточно тревожными: около трети юношей и почти половины девушек заявили, что часто сталкиваются с подобными ситуациями. Ещё примерно 12–25% отметили, что иногда испытывают подобное ощущение.

Таким образом, совокупно – более половины (до двух третей) студентов фиксируют эпизоды этнически окрашенного опыта несправедливости в своей жизни (табл. 1).

© Брюно В.В.

Таблица 1

Распределение ответов студентов на вопрос: «Часто ли Вы испытывали несправедливость по отношению к себе в связи с вашей национальностью?», %, от ответивших

Частота	Студенты, n = 1600							
	ГУП		ЯГПУ		ВГПУ		УлГПУ	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Часто	31	50	30	49	32	51	33	50
Иногда	20	15	12	16	20	15	25	16
Никогда	44	29	51	29	42	28	35	27
Затрудняюсь ответить	5	6	7	6	6	6	7	7

Важно уточнение, полученное в открытых ответах: в подавляющем большинстве случаев речь идёт не о ситуации в вузе, а о более широкой социальной среде – транспорте, учреждениях, бытовых взаимодействиях в городе. Это позволяет говорить не столько о дискриминации в образовательной среде, сколько об общем фоновом напряжении, которое формирует у студентов этнических меньшинств ощущение уязвимости и возможного исключения.

Показательно и то, что девушки систематически демонстрируют более высокий уровень чувствительности к этнической несправедливости. Это может объясняться как реальной разницей в опыте, так и большей готовностью признавать и артикулировать подобные переживания. Социологически значимо и то, что около трети (в среднем 35,6 %) никогда не сталкивались с подобной несправедливостью. Эти данные уравновешивают картину, но не отменяют важного вывода: этничность продолжает оставаться полем потенциального напряжения, даже в среде, где декларируется толерантность.

Далее, рассмотрим восприятие студентами символического пространства как фактора, влияющего на формирование их гражданской идентичности. Студенты оценивали наличие государственной символики в учебной среде – в аудиториях, вестибюлях, на стендах и в других публичных зонах.

Как показывает распределение ответов на вопрос: «Если в основных учебных аудиториях (вестибюле, на стендах в коридоре и т.д.) символика РФ», ключевые государственные символы – флаг, герб, текст гимна – присутствуют почти повсеместно во всех вузах. Более 85 % опрошенных отметили наличие флага и герба в учебных корпусах, что указывает на институционализированную норму визуального присутствия государственной символики в пространстве вузов. Текст гимна встречается реже (ГУП – 67 %, ЯГПУ – 74 %, ВГПУ – 74 %, УлГПУ – 80 %), но его наличие также зафиксировано большинством респондентов, особенно в актовых залах и местах официальных мероприятий.

Однако символическое пространство не ограничивается флагом и гербом, важную роль играет и визуализация исторического и героического нарратива. Таблица 2 демонстрирует, что в вузах активно представлены изображения, связанные с Великой Отечественной войной и другими ключевыми моментами национального прошлого. Это портреты маршалов и героев СССР, образы Александра Невского, мемориалы – от Могилы Неизвестного Солдата до «Мамаева кургана» и Ржевского мемориала.

Таблица 2

Распределение ответов студентов на вопрос: «Есть ли в вузе (аудиториях, коридорах и т.д.) изображения символов героического прошлого страны (портреты героев, мемориальных комплексов, памятников)?»[1], % от опрошенных.

Варианты ответов	Студенты, n = 1600			
	ГУП	ЯГПУ	ВГПУ	УлГПУ
Портреты участников ВОВ (маршалов, генералов, героев СССР, полных кавалеров ордена Слава и т.д.)	89	90	87	86
Портреты Александра Невского, Дмитрия Донского, Георгия Жукова и т.д.	86	85	84	82
Ржевский Мемориал Советскому Солдату – мемориальный комплекс	81	83	79	80
«Могила Неизвестного Солдата»	78	79	77	81
Изображение памятников, мемориалов, расположенных в регионе	72	78	77	80
Парк Победы на Поклонной горе	68	69	70	71
«Тыл – фронту»	66	67	68	69
Мемориал «Мамаев курган»	64	63	62	64
«Воин-освободитель»	61	60	62	62
Мемориал в честь героев второй обороны Севастополя	56	58	57	50
Другие	5	6	5	5

[1] Общая сумма процентов по столбцу превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

© Брюно В.В.

Показательно, что в каждом вузе студенты отмечают и локальные мемориальные образы, связанные с регионом. Это говорит о стремлении не только транслировать федеральную символику, но и укоренять её в местном контексте, делая прошлое ближе и более узнаваемым.

Сформированная таким образом визуальная среда выполняет одновременно воспитательную, мемориальную и идентификационную функции. Но важно понимать: её наличие – это ещё не гарантия осмысленного восприятия. Образы, которыми насыщено пространство, могут восприниматься как привычный фон или как репрезентации смысла, и именно эта граница становится зоной интереса для дальнейшего анализа.

Отдельный блок исследования был посвящён тому, как в визуальном и образовательном пространстве вузов репрезентируются события и участники специальной военной операции (СВО). Это особенно важно сегодня, когда идёт активное переосмысление общественных ориентиров, и участники СВО всё чаще включаются в число тех, кого общество считает героями и символами гражданской ответственности.

По данным опроса, чуть более трети студентов (31–34 %) отмечают, что в их учебных корпусах присутствуют портреты или изображения героев СВО. Ещё около 60 % ответили, что таких образов нет, а 5–6 % затруднились с ответом. Несмотря на то, что визуальное присутствие пока остаётся точечным, студенты в открытых вопросах сообщают о встречах с участниками СВО, в том числе с теми, кто ранее обучался в этих же вузах. Эти контакты происходят, как правило, в рамках «часа наставника» или специальных мероприятий. Такие элементы могут играть важную роль в формировании сопричастности, особенно если речь идёт не о формальной риторике, а о возможности живого взаимодействия. Репрезентация героев СВО в учебной среде – это индикатор того, насколько активно вуз стремится встроить студентов в новую гражданственную повестку. На данном этапе речь идёт скорее о начальных шагах, и именно потому важно отслеживать, как эти практики будут восприниматься, осмысляться и трансформироваться в ближайшие годы.

Ответы студентов на вопрос: «Что для Вас значит быть гражданином государства?» демонстрируют довольно устойчивую структуру представлений, в которой сочетаются как ценностные, так и формально-правовые аспекты. На первом месте – любовь к Родине, патриотизм, на втором – соблюдение закона и уважение к Конституции. Около 85 % респондентов связывают гражданственность с чувством причастности к жизни страны как в масштабах государства, так и в повседневных делах (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов студентов на вопрос:
«Что для Вас значит быть гражданином государства?», % от ответивших**

Варианты ответа (содержание представлений о гражданственности)	Студенты, n = 1600			
	ГУП	ЯГПУ	ВГПУ	УлГПУ
Быть патриотом, любить Россию	89	91	90	87
Соблюдать законы, уважать конституцию	87	89	88	86
Чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства	85	88	82	80
Иметь все права, предоставляемые законами этой страны, пользоваться ими	78	79	80	75
Не испытывать желания уехать в другую страну	76	74	71	73
Уважать людей у власти	54	55	54	52
Чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане	50	54	52	56
Постоянно проживать на территории страны (государства)	43	42	46	45
Другое	5	5	5	5

Показательно, что лишь 44 % респондентов связывают гражданственность с проживанием на территории страны. Для большинства это не является определяющим признаком, что может указывать на растущую гибкость в восприятии принадлежности – особенно в условиях цифровизации, транснациональных коммуникаций и изменений в структуре пространственного укоренения.

При этом только половина студентов связывает гражданственность с чувством стабильности и уверенности в будущем, а уважение к власти отмечают чуть более 50 %. Это говорит о том, что доверие к институтам остаётся умеренно выраженным и не является ядром самоидентификации. Образ гражданина в представлении студентов – это скорее человек, исполняющий нормы, чувствующий сопричастность и неравнодушие, но при этом сохраняющий дистанцию к власти и не связывающий лояльность с социальными гарантиями.

Наряду с этим, в исследовании оценивалась гражданская активность через опыт волонтёрской деятельности. Согласно полученным данным, около одной пятой студентов (19–21 %) в настоящее время вовлечены в волонтёрские

© Брюно В.В.

инициативы, а ещё примерно столько же (18 %) имели такой опыт ранее.

Таким образом, около 40 % респондентов сталкивались с формами добровольческого участия, что можно рассматривать как положительный индикатор гражданской вовлечённости.

Важно, что в открытых комментариях студенты подчёркивали: участие в волонтёрстве зачастую связано с конкретными образовательными, патриотическими или гуманитарными проектами. У некоторых это – спонтанная инициатива, у других – часть учебной или кураторской практики. Иначе говоря, волонтёрство воспринимается как способ социальной реализации, сопряжённый с ощущением значимости, а не просто как формальный «опыт». При этом более 60 % студентов не участвовали в волонтёрской деятельности, что не обязательно свидетельствует об отчуждении. В ряде случаев респонденты связывали это с отсутствием времени, информационной перегруженностью, а также с неуверенностью, что их вклад будет действительно востребован. Это требует внимания со стороны университетской среды, особенно в плане создания пространства для мягкого вовлечения, без давления, но с осмысленными возможностями.

Экспертные оценки: тревоги, вызовы, контуры решений.

Анализ интервью с экспертами (n = 12), включавшими представителей власти, научного сообщества и общественных организаций, выявил общую озабоченность состоянием гражданской идентичности молодёжи. Почти все респонденты отмечают, что молодое поколение демонстрирует признаки отчуждённости, прагматической ориентации и сниженной вовлечённости в государственный проект.

Так, профессор одного из университетов отмечает: *«Молодые люди не ассоциируют себя со страной и не видят своего будущего в России через 5–10 лет. Они стремятся выучить иностранные языки и уехать за границу».*

По мнению эксперта, апелляции к прошлому (Победа в ВОВ, достижения СССР) постепенно теряют эффективность, и формирование гордости должно опираться на современные успехи, *«в спорте, промышленности, образовании, экономике».*

Эти наблюдения дополняются оценками институциональных пробелов:

«Долгое время вопрос конструирования коллективной идентичности оставался без должного внимания», – указывает заместитель министра региона, добавляя, что в ряде территорий «наблюдается кризис коллективной идентичности».

Эксперты связывают фрагментацию идентичности не только с кризисами доверия, но и с последствиями миграционной и образовательной политики, а также подчёркивают, что в условиях дефицита идентификационной включённости возрастает вероятность ухода в протестное или маргинализированное поведение, особенно у тех, кто не находит точек символической принадлежности. Отмечается необходимость представлять историю страны как пространство многоэтничного вклада: *«Каждый гражданин, независимо от своей национальности, должен видеть, что его предки способствовали развитию страны»*, высказывается один из участников, предлагая актуализировать этот подход в учебниках по истории.

Отдельный фокус – ценностный дисбаланс, усилившийся после распада СССР. Один из представителей Ассамблеи народов России отмечает: *«Образование формировало рационального потребителя, а не патриота»*, и называет приоритетным возвращение к традиционным основаниям – патриотизму, духовным ориентирам, идее общего культурного пространства.

Эксперт-социолог, участвовавший в исследовании, указывает на то, что в условиях одновременного действия противоположных культурных потоков у части молодого поколения формируется эклектичное, а порой и противоречивое сознание: *«Современный молодой человек может одновременно говорить о гордости за страну и о желании уехать. Он может участвовать в волонтёрских акциях и при этом считать, что государство его не представляет. Я бы даже не назвал это цинизмом или лицемерием. Это, скорее, результат жизни в гибридном ценностном поле, где рядом сосуществуют фрагменты разных эпох, идеологий и культурных кодов».*

Такое состояние эксперт определяет, как фрагментарную идентичность, когда принадлежность к стране или обществу не отвергается, но не обладает внутренней связностью. Это создаёт дополнительную сложность: привычные формы мобилизации – через лозунг, символ или историческую метафору – всё чаще не срабатывают или срабатывают выборочно. Необходимы более тонкие, включающие практики, такие, которые позволят не просто повторять паттерны, но и переприсваивать смыслы.

В целом экспертные интервью формируют образ «двойного разрыва» – и в мотивационной структуре молодёжи, и в институциональной повестке. Молодые люди не видят в государстве опоры для самоопределения, а государственные механизмы пока лишь фрагментарно отвечают на этот вызов. Поэтому в ответах экспертов звучат предложения по созданию точек сопричастности: через символическое пространство, образовательный контент, живой диалог поколений. Но ключевая задача, как следует из этих интервью, – восстановить связь между будущим молодого человека и будущим страны, вернуть ощущение, что их можно мыслить в одном времени и в одной траектории.

© Брюно В.В.

Индивидуальные стратегии идентичности студентов.

Глубинные интервью со студентами (n = 60) раскрывают, как формирование гражданской идентичности происходит в повседневном опыте: через внутренние колебания, ситуативные решения, попытки удержать целостность в условиях ценностной и культурной неоднородности. Эти голоса демонстрируют осознание сложности российской социальной ткани, а также поиск своих точек опоры внутри неё.

Для многих респондентов этническая принадлежность не отрицает гражданскую, а встраивается в неё как фоновое, но важное измерение. Как говорит Хадиза (22 года): *«Я люблю Россию, но всегда помню, что я осетинка… Мы с сестрой и братом любим русскую литературу, говорим на русском и думаем на русском. Однако учителя и незнакомые люди воспринимают нас по внешнему виду и фамилии».*

Здесь – двойная динамика: с одной стороны, человек культурно и языково интегрирован, с другой – ощущает перманентную внешнюю маркировку как «иная». Это не конфликт идентичностей, а жизнь в слоистом поле идентичности, где своё и чужое переплетены.

Некоторые респонденты связывают своё этническое «я» с опытом поддержки, но и с уязвимостью. Усуб (23 года), представитель езидской диаспоры, отмечает: *«Когда в новостях появляется информация, что кто-то из нашей диаспоры что-то натворил, я ощущаю на себе неприятные взгляды… Но мы, езиды, сейчас активно участвуем в СВО и вносим вклад в защиту России».* Это важный маркер: участие в коллективной судьбе страны становится способом не столько доказать лояльность, сколько встроиться в символическую общность, быть признанным не просто «проживающим», а «принадлежащим».

Похожая логика звучит в словах Рустама (20 лет): *«К сожалению, в обществе существует негативный стереотип о том, что таджики работают только на низкоквалифицированных должностях, имеют невысокий уровень образования и периодически совершают преступления. Но ведь среди нас много учителей и специалистов в различных областях. Для укрепления единства нации важно бороться со стереотипами. Если таджик выигрывает олимпиаду – пусть говорят, что он таджик. А если кто-то совершает преступление – не надо акцентировать национальность».*

Здесь можно услышать потребность в справедливом символическом балансе, переопределении образов, тиражируемых в медиа. Проблема не столько в этничности, сколько в способе её освещения.

Некоторые студенты отмечают, что на бытовом уровне продолжается этническое дистанцирование, но при этом признают эффективность внутриуниверситетских практик, направленных на сближение. Ильмир (22 года) говорит: *«В нашем вузе всегда стараются организовывать соревнования между факультетами с участием разных этносов. В результате мы больше узнаем о культуре других народов – это сближает нас и помогает формировать гражданскую идентичность»*. Такие инициативы работают как форма нормализации многообразия, создающая безопасную среду для совместного действия в спорте, проектах, диалогах.

В целом студенческие интервью показывают: гражданская идентичность формируется не через лозунг, а через позитивный, коллективный и принимающий опыт. Молодёжь остро чувствует напряжения в обществе, но при этом не склонна к нигилизму. Напротив, многие респонденты предлагают конкретные шаги – от корректного медийного освещения до расширения образовательных форматов, работающих с межэтническими темами не директивно, а уважительно.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет зафиксировать сложную картину формирования гражданской идентичности у студентов педагогических вузов в условиях многослойной и нестабильной социальной среды. Данные опроса и интервью показывают: большинство респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством и позитивное отношение к стране. Однако за этими цифрами скрываются разные уровни включённости, критической дистанции и иногда внутренняя амбивалентность. Идентичность остаётся скорее установкой, чем устойчивой практикой.

Ценности, через которые молодёжь описывает гражданственность, включают патриотизм, уважение к закону, чувство сопричастности и стремление быть полезным. При этом уровень доверия к институтам остаётся умеренным, а связь идентичности с территорией слабой. Представление о гражданине формируется как образ человека, способного на участие, но не обязательно встроенного в государственную вертикаль.

Позитивные практики (волонтёрство, межэтнические проекты, символическое пространство) действительно влияют на восприятие принадлежности, но они работают при условии живого опыта, а не формального присутствия. Символы становятся значимыми тогда, когда вписываются в повседневность и соотносятся с личным смыслом.

Индивидуальные и экспертные интервью подтверждают: молодёжь не отвергает идентичность, но действует в условиях ценностной гибридности. Этничность, профессиональные амбиции, семейные установки и гражданская лояльность сосуществуют в одном пространстве, не всегда переходя в устойчивый контур. Это требует от институтов не формальных программ, а среды, способной к включению и диалогу.

© Брюно В.В.

Формирование гражданской идентичности в таких условиях должно быть связано с возможностью сопричастности там, где она ощущается, а не с красивыми декларациями. Понимание себя как части общества – в культурном и гражданском измерении – укрепляет чувство принадлежности и может снижать вероятность дезадаптации или ухода в маргинальные формы поведения, особенно в молодёжной среде, где поиск идентичности часто сопряжён с неопределённостью и социальной уязвимостью. Если педагог будущего должен транслировать смыслы, важно, чтобы он сам находил в этих смыслах опору и соотнесение с собственной жизненной траекторией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Таланов С.Л. Трансформация ценностей студенческой молодежи в условиях динамики социальных изменений // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 2. С. 32–41.
2. Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge : University of Cambridge Press, 1950. P. 1–85.
3. Алмонд Г.А. Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; Пер. с англ. Е. Генделя. – М. : Мысль, 2014. 500 с.
4. Goodman S.W. Immigration and Membership Politics in Western Europe. Cambridge University Press, 2014. – 270 p.
5. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Harvard University Press, 1992. 596 p.
6. Зубок Ю.А. Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
7. Магранов А.С. Образы россиян и иностранцев в представлениях российских и зарубежных студентов (опыт социологических исследований в вузах юга России) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 112–122.
8. Хайбулаев М.Х. Патриотическая идентичность и её сущностные характеристики / М.Х. Хайбулаев, Р.В. Сулейманова // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2024. № 4(96). С. 25–35.
9. Самаркина И.В. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства / И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Н.П. Кузьменко // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3(49). С. 133–143.
10. Волков Ю.Г. Региональная и гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества / Ю.Г. Волков, В.Н. Гурба, И.А. Гуськов // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 3. С. 14–24.
11. Коряковцева О.А. Патриотическое воспитание как фактор общественно-политической социализации российской студенческой молодёжи / О.А. Коряковцева, С.Л. Таланов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 4. С. 28–33.

References:

1. Talanov S.L. Transformation of Values of Student Youth under Conditions of Dynamic Social Changes // Alma Mater. Higher School Herald. 2020. № 2. С. 32–41.
2. Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge : University of Cambridge Press, 1950. P. 1–85.
3. Almond G.A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G.A. Almond, S. Verba; Transl. from English by E. Gendel. M. : Mysl, 2014. 500 p.
4. Goodman S.W. Immigration and Membership Politics in Western Europe. Cambridge University Press, 2014.
5. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Harvard University Press, 1992.
6. Zubok J.A. Youth: Life Strategies in a New Reality. Mo ni to ring of Pub lic Opi ni on: Eco no mic and So cial Chan ges. 2020. № 3. P. 4–12. URL : https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688
7. Magranov A.S. Images of russians and foreigners in the representations of russian and foreign students (experience of sociological study in universities in the South of Russia). Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities. 2024. № 3. P. 112–122.
8. Khaibulaev M.Kh. Patriotic identity and its essential characteristics / M.Kh. Khaibulaev, R.V. Suleimaynova // Municipal Education: Innovations and Experiment. 2024. № 4(96). P. 25–35.
9. Samarkina I.V. Formation of civic identity within the educational policy system under the transformation of the political space / I.V. Samarkina, I.S. Bashmakov, N.P. Kuzmenko // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. № 3(49). P. 133–143.

© Брюно В.В.

10. Volkov Yu.G. Regional and civic identity as a factor of the consolidation of Russian society / Yu.G. Volkov, Gurba V.N. Guskov I.A. // Humanities of the South of Russia 2024. Vol. 13. № 3. P. 14–24.
11. Koryakovtseva O.A. Patriotic education as a factor of socio-political socialization of Russian student youth / O.A. Koryakovtseva, S.L. Talanov // Alma Mater (Higher Education Herald). 2017. № 4. P. 28–33.

Информация об авторе

Брюно Виктория Владимировна
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук и технологий,
Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет» (НИУ МГСУ);
старший научный сотрудник
сектора социологии девиантного поведения
Института социологии,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
ORCID 0000-0001-9735-024X
victoria.bruno@mail.ru

Victoriya V. Bryuno
Candidate of Sociological Sciences,
Lecturer at the Department of Social Sciences,
Humanities and Technologies,
National Research Moscow State University
of Civil Engineering (NRU MGSU);
Senior Research at the Sociology
of Deviant Behavior Sector, Institute of Sociology,
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
ORCID 0000-0001-9735-024X
victoria.bruno@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Брюно В.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-15
УДК 316.4

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: СТРУКТУРНЫЕ И ФАКТОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Лутова Ю.А.[1], Щанина Е.В.[2]
[1]Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича,
[2]Пензенский государственный университет

Аннотация. Образовательный экспорт, это один из процессов, повышающих имидж нашей страны, который отвечает за распространение русской культуры и русского языка. В современных условиях усиливается роль высших учебных заведений, международных служб, поскольку обучение иностранных студентов усиливает авторитет и привлекательность вуза в социокультурном пространстве страны. Привлекательность и результат освоения образовательных программ во многом зависят от удовлетворенности студента образовательным процессом, от уровня владения языком обучения, как средства общения и овладения профессией. Важную роль в профессиональном и личностном становлении человека играет социализация, которая приобретает новые качества в социокультурном пространстве.

Следовательно, успешность обучения и уровень профессиональной подготовки иностранных студентов напрямую зависит от степени социальной адаптации в стране пребывания. Данный факт приобретает особую актуальность, теоретическую и практическую значимость. В статье рассматриваются процессы социальной адаптации и профессиональной социализации. Особое внимание уделяется структурным элементам социальной адаптации и анализируются ключевые факторы, влияющие на профессиональную социализацию. В статье также подчеркивается взаимосвязь между процессами социальной адаптации и профессиональной социализации, где первая выступает основанием для формирования полноценной профессиональной идентичности. Результаты исследования ориентированы на создание функциональных моделей, которые способствуют разработке образовательных стратегий интернационализации высшего образования.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, социализация, высшее образование, высшее учебное заведение, факторы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL ADAPTATION AND PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF INTERNATIONAL STUDENTS: STRUCTURAL AND FACTOR ELEMENTS

Yulia A. Lutova[1], Ekaterina V. Shchanina[2]
[1]Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications,
[2]Penza State University

Abstract. Educational export is one of the processes that improve the image of our country, which is responsible for the spread of Russian culture and the Russian language. In modern conditions, the role of higher educational institutions and international services is increasing, since the training of foreign students strengthens the authority and attractiveness of the university in the sociocultural space of the country. The attractiveness and result of mastering educational programs largely depend on the student's satisfaction with the educational process, on the level of proficiency in the language of instruction, as a means of communication and mastering the profession. An important role in the professional and personal formation of a person is played by socialization, which acquires new qualities in the socio-cultural space.

Consequently, the success of education and the level of professional training of foreign students directly depends on the degree of social adaptation in the host country. This fact acquires special relevance, theoretical and practical significance. The article discusses the processes of social adaptation and professional socialization. Particular attention is paid to the structural elements of adaptation and the key factors affecting socialization are analyzed. The article also emphasizes the relationship between the processes of social adaptation and professional socialization, where the former serves as

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

the basis for the formation of a full-fledged professional identity. The results of the study are focused on the creation of functional models that contribute to the development of educational strategies for the internationalization of higher education.

Keywords: foreign students, adaptation, socialization, higher education, higher educational institution, factors.

***Funding**:* independent work.

Введение.

Эпоха глобализации затрагивает в настоящее время как экономические и политические сферы, так и систему образования. Одна из национальных целей, утвержденных Президентом Российской Федерации – увеличение к 2030 году численности иностранных студентов до 500 тыс. [1]. Многие страны через образование стремятся максимально привлечь самых способных абитуриентов в свои вузы, и это позволяет им доминировать на международной арене. Нашей стране необходимо не только привлекать самых талантливых абитуриентов, но и заинтересовать их остаться после окончания вузов, в частности, создавать условия для их полноценной самореализации в РФ [2]. В 2024 году количество иностранных студентов в России выросло до 389 тыс. человек (7 % по сравнению с предыдущим годом). Рост свидетельствует о продолжающемся повышении привлекательности российского образования на международной уровне. Ввиду возрастающей конкуренции, перед российскими вузами стоит задача не только повысить качество образования, но и создать комфортные условия для иностранных учащихся. Одной из ключевых проблем, выявленных в ходе анализа научной литературы (Э. Гидденс, Э.Дюркгейм, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, Г. Спенсер, У.И. Талльмен и др.) является недостаточная изученность процесса социальной адаптации иностранных студентов и их последующей профессиональной социализации [3–8]. Социальная адаптация включает в себя множество аспектов, таких как культурная интеграция, языковая подготовка, а также психологическая поддержка. Эти факторы напрямую влияют на выбор места обучения и общее восприятие образовательного процесса. Важность социальной адаптации становится особенно актуальной, когда речь идет о студентах из разных стран с различными культурными традициями и образовательными системами. Исследования К. Ишака 2014, Б.Б. Степановой 2015, И.В. Петровой 2016, Е.В. Никитенко 2016 и др., показывают, что успешная адаптация может значительно повысить уровень удовлетворенности студентов, их академическую успеваемость и желание продолжить обучение в России [9–12].

Цель исследования – анализ процессов социальной адаптации и профессиональной социализации иностранных студентов в образовательной среде, а также выявление ключевых структурных и факторных составляющих, влияющих на успешность этих процессов. Исследование направлено на изучение механизмов взаимодействия иностранных студентов с новой социальной и культурной средой, а также их включения в профессиональную деятельность, с целью определить, каким образом различные факторы – академические, социокультурные, психологические и институциональные – формируют условия для их успешной социализации и интеграции в профессиональное сообщество.

Полученные результаты объясняют взаимосвязь понятий «социальная адаптация», «социализация» и «профессиональная социализация», а также формируют комплексное представление о структурных и факторных элементах социальной адаптации иностранных студентов.

Обсуждение.

Понятие адаптации – это многогранный феномен, изучаемый с различных научных позиций, что приводит к существованию множества подходов к его определению. К ним относятся: биологический, психологический, философский, культурологический, педагогический, социологический.

Понятие «адаптация» (от лат. adaptation – приспособление) впервые появилось в биологии 18 века и обозначало способность индивида приспосабливаться к окружающей среде. Биологическое понимание термина акцентировало внимание на физиологических аспектах, не учитывая личностные особенности.

Вклад психологии в исследовании процессов адаптации достаточно велик. Одни, например, Т. Шибутани понимали её как совокупность приспособительных реакций, направленных на освоение и изменение среды для успешной деятельности. Другие, такие как Ж. Годфруа, напротив, рассматривали адаптацию как результат формирования личности в различных условиях. Психолог К. Уорд различала психологическую и социокультурную адаптацию: первая определяется личностными чертами и социальной поддержкой, а вторая – культурными особенностями, знанием языка и продолжительностью проживания в новой среде. Психологическая адаптация связана с индивидуальными особенностями, тогда как социокультурная зависит от стратегии аккультурации и понимания норм новой культуры.

Философский подход рассматривает адаптацию через роль социальных институтов, норм, морали и ценностей. Философия на сегодняшний день связывает адаптацию с гармонизацией личного и общественного, объединяя их в согласованное единство.

Рассматривая культурологический подход, социокультурная среда представляет собой «диалог культур», разработанный М.М. Бахтиным и В.С. Библером. Существование культуры имеет место быть только при наличии взаимодействия как минимум двух культурных пространств.

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

С педагогической точки зрения, адаптация часто связана с процессом социализации, но полностью не отождествляется. Такие исследователи, как – Л.Л. Шпак, Б.Д. Парыгин, Е.В. Руденский, считают адаптацию частью социализации. По мнению данных авторов, социализация включает в себя два этапа: социальную адаптацию и интериоризацию. Первый этап связан с освоением новых ролей, норм и условий, второй – с внутренним восприятием социальных ценностей, где личность сохраняет самостоятельность.

Одними из первых, кто исследовал адаптацию в социологии, это Г. Спенсер и Э. Дюркгейм. Они определяли ее как необходимый и относительно стабильный процесс для развития человека и общества. Р. Мертон рассматривал адаптацию как активное приспособление к социальной среде, подчеркивая ее динамическую природу, и ввел дихотомию понятий «адаптация – дезадаптация» [13].

Таким образом, социальная адаптация – это более широкий процесс, в рамках которого иностранный студент приспосабливается к новой социальной среде, включая культурные, социальные и академическую среды. Этот процесс включает в себя установление социальных связей, адаптацию к новым культурным нормам и ожиданиям, а также интеграцию в новую академическую среду. Социальная адаптация иностранного студента включает в себя не только профессиональную адаптацию, но и адаптацию к более широкому социальному контексту, такому как повседневные взаимодействия, культурные различия и академическая среда.

На основании анализа научной литературы нами осуществлена структурная операционализация понятия «социальная адаптация» (рис. 1.) иностранных студентов, которая определяет ее основные аспекты.

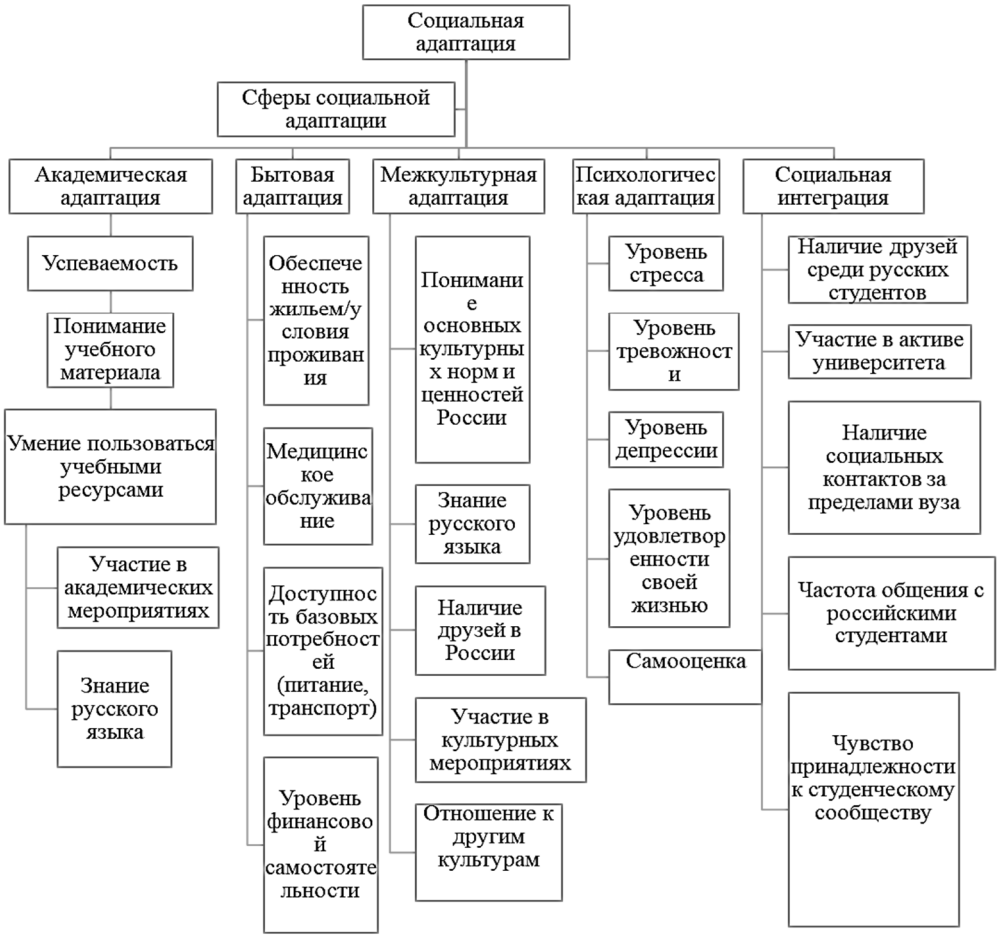

Рисунок 1 – Структурная операционализация понятия «социальная адаптация» иностранных студентов

Понятие адаптации в современной российской социологии испытывает на себе влияние теории социализации. Поэтому в сложившихся теоретических концептах относительно понятия социальной адаптации можно обнаружить содержательное родство с социализацией [14].

Анализ научной литературы позволяет с одной стороны определить социализацию как «процесс формирования умений и социальных установок индивида, соответствующих их социальным ролям», с другой как «воспитание», которое «подразумевает направленные действия, посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства, в то время как социализация наряду с воспитанием включает ненамеренные, спонтанные воздействия, бла-

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

годаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества» [15].

Социализация – это более широкое понятие, которое охватывает общий процесс усвоения социальных норм и культуры, а социальная адаптация – это более конкретный аспект этого процесса, связанный с приспособлением к конкретной социальной среде или ситуации. В контексте иностранных студентов: социализация отражает их общее вхождение в культуру и общество страны обучения, а социальная адаптация – конкретные стратегии приспособления к университетской среде, учебному процессу и повседневной жизни.

В свою очередь, профессиональная социализация и социальная адаптация иностранных студентов – это два взаимосвязанных, но различных аспекта их интеграции в новую социальную среду и профессиональную сферу.

Профессиональная социализация – это процесс, в рамках которого иностранный студент приобретает знания, навыки и ценности, необходимые для успешного выполнения профессиональной роли в определенной профессиональной сфере. Это включает в себя усвоение профессиональных стандартов, норм и культуры, а также развитие профессиональной идентичности и самостоятельности. Профессиональная социализация иностранного студента протекает на протяжении всего периода обучения и профессиональной интеграции, включая учебные курсы, стажировки, практику и карьерное развитие. На рисунке 2 показано соотношение понятий социальная адаптация и профессиональная социализация.

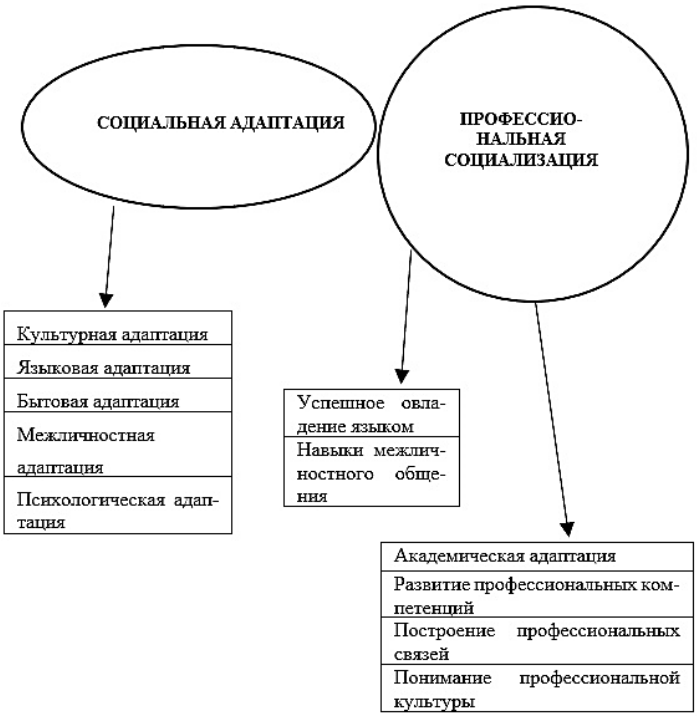

Рисунок 2 – Соотношение понятий «социальная адаптация» и «профессиональная социализация» в контексте иностранных студентов

Успех социальной адаптации и социализации во многом зависит от условий, в которых они проходят и воздействующих факторов. Существует множество подходов к выделению и классификации условий социализации, и в этом контексте можно выделить четыре основные группы факторов. Первая группа включает в себя мегафакторы. Эти факторы характеризуются своей масштабностью и всеобъемлющим влиянием. К мегафакторам относятся такие глобальные элементы, как космос, планета и мир в целом. Они оказывают влияние на процесс социализации всех людей на Земле, хоть и в большей степени опосредованно, через другие группы факторов. Например, глобальные изменения в климате или экономике могут затрагивать все население планеты, формируя определенные условия для социализации. Вторая группа факторов – это макрофакторы. Эти факторы имеют более узкий, но все же широкий охват и включают в себя такие элементы, как государство, страна, общество, этнос. Макрофакторы влияют на социализацию людей, которые проживают в определенных регионах или странах. Их влияние может быть, как прямым, так и косвенным, взаимодействуя с другими группами факторов. Например, законы и социальные нормы, установленные в конкретной стране, могут оказывать значительное влияние на воспитание и социализацию детей. Третья группа – мезофакторы. Эти факторы касаются условий социализации больших групп людей, которые можно выделить по различным критериям, таким как географическое положение и тип поселения (регион, село, город, поселок) или принадлежность к определенным субкультурам. Мезофакторы могут оказывать влияние на социализацию как непосредственно, так и через взаимодействие с микрофакторами. Четвертая группа факторов – это микрофакторы. Эти факторы определяют окружение конкретного чело-

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

века и тех людей, с которыми он взаимодействует. Семья, соседи, группы сверстников, образовательные учреждения, религиозные организации, а также различные общественные, государственные и частные организации относятся к микрофакторам. Микросоциум, в котором человек растет и развивается, играет важную роль в его социализации, формируя его личные ценности, убеждения и поведение. Важно отметить, что процесс социализации является многофакторным и сложным. Существуют теории, которые абсолютизируют значение одного определенного фактора, игнорируя или умаляя роль других. Например, некоторые теологи старого образца утверждали, что единственным социализирующим фактором является религия, не учитывая влияние социокультурных, экономических и политических факторов, которые также играют важную роль в формировании личности и ее социализации. Таким образом, социализация – это результат взаимодействия множества факторов, которые действуют на разных уровнях и в различных контекстах. Понимание этих факторов и их влияния помогает глубже осознать, как формируются социальные связи, нормы и ценности у индивидов и групп, и как они влияют на общество в целом.

Исследуя данную проблему, мы пришли к выводу, что процесс профессиональной социализации осуществляется через постоянное взаимодействие объективных и субъективных факторов на разных уровнях анализа: микро (индивидуальный), мезо (групповой, организационный) и макро (общественный). Наши представления о факторной структуре профессиональной социализации отражены на рисунке 3.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Макроуровень	**ГОСУДАРСТВО** • Миграционная политика • Законодательная база образования • Государственная поддержка • Политический климат	Макроуровень
	ЭКОНОМИКА • Экономические условия страны • Стоимость жизни • Доступность работы • Уровень развития экономики	
	РЕЛИГИЯ • Влияние религиозных институтов • Религиозная толерантность • Доступ к религиозным общинам • Культурные различия в религиозных практиках	
Мезоуровень	**ОБРАЗОВАНИЕ** • Политика университета • Программы поддержки студентов • Качество образования и преподавания • Академическая нагрузка • Атмосфера университета • Качество студенческой жизни	Мезоуровень
	Поддержка соотечественников	
Микроуровень	**СЕМЬЯ** • Поддержка • Финансовая помощь • Эмоциональная помощь	Микроуровень
	ДРУЗЬЯ • Формирование дружеских связей	
	ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ • Открытость • Коммуникабельность • Адаптивность • Языковые навыки • Уровень стрессоустойчивости	
	СМИ • Формирование стереотипов и представления о культуре	

Рисунок 3 – Факторная операционализация процесса профессиональной социализации иностранных студентов

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

Таким образом, данная модель является универсальным инструментом, позволяющим исследовать и описывать различные аспекты процесса формирования профессионального поведения и адаптации индивида к нормам и требованиям профессиональной среды на разных уровнях.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Социальная адаптация – это динамический процесс активного приспособления личности к социальной среде, включающий в себя эффективное взаимодействие с другими людьми, принятие социальных норм и ролей, интеграцию в социальную систему, а также постоянное приспособление к изменениям в окружающей социальной среде, обеспечивающее психическое благополучие и социальную успешность индивидуума.

2. Профессиональная социализация – это динамичный и многоаспектный процесс формирования и развития профессиональной идентичности индивида, который включает в себя усвоение не только профессиональных знаний, умений и навыков, но и системы ценностей, норм, ролей и образцов поведения, принятых в конкретной профессиональной среде, взаимосвязанный с его личностной социализацией и определяемый взаимодействием индивидуальных характеристик субъекта с социокультурным контекстом и условиями профессиональной деятельности.

3. Социальная адаптация и социализация представляют собой многообразные явления, которые различаются в зависимости от того, как происходит взаимодействие социальных субъектов с внешней средой. Данные процессы взаимосвязаны и взаимно предполагают друг друга. Однако они имеют совершенно разные социальные функции. Процесс адаптации готовит студента к взаимодействию с профессиональной средой, в ходе которого он осваивает ценности, нормы и образцы поведения, свойственные данной деятельности. Профессиональная социализация является одной из основных составляющих социальной адаптации, которая представляет собой процесс вхождения личности в профессию, привыкания к профессиональным условиям и требованиям, к структуре и содержанию профессиональной деятельности, к определенной профессиональной группе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL : minobrnauki.gov.ru (дата обращения 14.03.2025).
2. Таланов С.Л. Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» // Социально политические исследования. 2024. № 1(22). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya-kak-instrument-myagkoy-sily (дата обращения 15.03.2025).
3. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
4. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. С. 20. С. 88.
5. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии / Ф. Знанецкий; В.И. Добреньков (ред.) // Американская социологическая мысль. М. : Изд. Международного ун-та бизнеса и управления. С. 60–76.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
7. Спенсер Г (1820–1903). ... Основные начала : = Основные начала / Герберт Спенсер; Пер. с англ. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1897. 467 с.
8. Tallman I. Adolescence Socialization in Cross-cultural Perspective: Planning for Social Change / I. Tallman, R. Marots-Baden, P. Pindas. N.Y., 1983.
9. Камара И. Иностранные студенты в российском вузе : социокультурные особенности адаптации и профессиональной социализации : автореф. дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Камара Ишака; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. Краснодар, 2014. 27 с.
10. Степанова Б.Б. Социальная адаптация иностранных студентов в полиэтническом регионе: на материале Республики Бурятия : автореф. дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Степанова Баирма Баировна; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т]. Улан-Удэ, 2015. 25 с.
11. Петрова И.В. Процесс социализации студентов в условиях современной системы высшего профессионального образования России : автореф. дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Петрова Ирина Владимировна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. СПб., 2016. 28 с.

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

12. Никитенко Е.В. Мотивация выбора вуза иностранными студентами: на примере китайских студентов, обучающихся в г. Хабаровске : дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Никитенко Евгений Владимирович; [Место защиты: Тихоокеан. гос. ун-т]. Хабаровск, 2016. 134 с.
13. Иванова Г.П. Иностранный студент в российском вузе / Г.П. Иванова, Н.Н. Ширкова, О.К. Логвинова. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. 138 с.
14. Попов В.Г. К вопросу о соотношении понятий «Социальная адаптация» и «Социализация» / В.Г. Попов, В.В. Карпов // Вестник ЧелГУ. 2013. № 33(324). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-sotsialnaya-adaptatsiya-i-sotsializatsiya (дата обращения 15.03.2054).
15. Коледа И.В. Социализация личности: особенности процесса // Высшее техническое образование. 2018. № 1. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-osobennosti-protsessa (дата обращения 23.03.2025).

References:

1. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: official site. URL : minobrnauki.gov.ru (date of application 14.03.2025).
2. Talanov S.L. Export of Russian Higher Education as a Tool of «Soft Power» // Socio-Political Research. 2024. № 1(22). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya-kak-instrument-myagkoy-sily (date of application 15.03.2025).
3. Giddens E. Sociology. M. : Editorial URSS Publ., 1999. 704 p.
4. Durkheim, E. Sociology. Her subject, method, purpose / E. Durkheim. M. : Canon Publ., 1995. P. 20. P. 88.
5. Znanetsky F. Initial Data of Sociology // American Sociological Thought / F. Znanetsky; V.I. Dobrenkov (ed.). M. : Izd. International University of Business and Management. P. 60–76.
6. Parsons T. The system of modern societies / T. Parsons; L.A. Sedov and A.D. Kovalev; Ed. by M.S. Kovaleva. M. : Aspect Press Publ., 1998. 270 p.
7. Spencer G (1820-1903). ... Basic Principles: = Basic Principles Transl. Herbert Spencer. SPb. : L.F. Pantelee-v, 1897. 467 p.
8. Tallman I. Adolescence Socialization in Cross-cultural Perspective: Planning for Social Change / I. Tallman, R. Marots-Baden, P. Pindas. N.Y., 1983.
9. Kamara I. Foreign students in the Russian university: socio-cultural features of adaptation and professional socialization. ... PhD in Sociology: 22.00.04 / Kamara Ishaka; [Place of defense: Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Krasnodar, 2014. 27 p.
10. Stepanova B.B. Social adaptation of foreign students in a polyethnic region: based on the material of the Republic of Buryatia ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04 / Stepanova Bairma Bairovna; [Place of defense: Buryat State University]. Ulan-Ude, 2015. 25 p.
11. Petrova I.V. Protsess sotsializatsii studentov v usloviyakh sovremennoy sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya Rossii : avtoreferat dis. ... PhD in Sociology: 22.00.04 / Petrova Irina Vladimirovna; [Place of defense: St. Petersburg State University]. SPb., 2016. 28 p.
12. Nikitenko E.V. Motivation for choosing a university by foreign students: on the example of Chinese students studying in Khabarovsk : dis. ... PhD in Sociology: 22.00.04 / Nikitenko Evgeny Vladimirovich; [Place of defense: Pacific State University]. Khabarovsk, 2016. 134 p.
13. Ivanova G.P. Foreign student in a Russian university / G.P. Ivanova, N.N. Shirkova, O.K. Logvinova. M. : Limited Liability Company «Rusains», 2022. 138 p.
14. Popov V.G. On the question of the relationship between the concepts of «Social adaptation» and «Socialization» / V.G. Popov, V.V. Karpov. 2013. № 33(324). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-sotsialnaya-adaptatsiya-i-sotsializatsiya (date of application 15.03.2054).
15. Koleda I.V. Socialization of Personality: Features of the Process // Higher Technical Education. 2018. № 1. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-osobennosti-protsessa (date of application 23.03.2025).

Информация об авторах

Лутова Юлия Алексеевна
аспирантка кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный университет;
начальник отдела международного образования
Санкт-Петербургского государственного
университета телекоммуникаций
имени профессора М.А. Бонч-Бруевича
lutova.iua@sut.ru

Yulia A. Lutova
Postgraduate Student of the Department
of Management and Public Administration,
Penza State University;
Head of the Department of International Education
of the St. Petersburg State University
of Telecommunications
named After Professor M.A. Bonch-Bruevich
lutova.iua@sut.ru

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

Щанина Екатерина Владимировна
доктор социологических наук,
доцент,
заместитель директора
Института экономики и управления;
профессор кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный университет
shchanina@mail.ru

Ekaterina V. Shchanina
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Deputy Director
of the Institute of Economics and Management;
Professor of the Department of Management
and Public Administration,
Penza State University
shchanina@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лутова Ю.А., Щанина Е.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-35
УДК 005.96:352:35.073.53

Attribution
cc by

ОРГАНИЗАЦИЯ, КОНТРОЛЬ И ЭКСПЕРТИЗА ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

Назар М.М.[1], Тамьяров А.В.[2], Магомедов И.А.[3], Лобачева Н.А.[4]
[1]Колледж сферы услуг № 10 города Москвы (ГБПОУ «КСУ № 10»),
[2]Ульяновский государственный технических университет,
[3]Дагестанский государственный технический университет,
[4]Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (филиал в г. Ялте)

Аннотация. В условиях цифровизации государственных закупок в Российской Федерации возрастает необходимость повышения эффективности и прозрачности закупочных процедур. В статье рассматриваются ключевые тенденции развития системы закупок, включая централизацию, цифровизацию и поддержку малого бизнеса. Цель: анализ современного состояния контрактной системы в регионах России, а также выявление тенденций и направлений ее развития, ориентированных на улучшение закупочной деятельности. В ходе исследования использовались методы анализа нормативно-правовых актов, обзора существующих практик внедрения цифровых технологий и анализа кейсов из различных регионов. Определены основные направления развития системы закупок, включая использование региональных информационных систем, поддержку малого и среднего бизнеса, а также повышение роли экспертизы закупочной документации. Выявлены преимущества цифровизации и унификации закупочных процедур, а также обозначены существующие вызовы, такие как необходимость адаптации к региональным условиям и повышение квалификации участников рынка. Развитие цифровых инструментов и совершенствование экспертизы закупочной документации способствует улучшению эффективности и прозрачности государственных закупок, а также оптимизации использования бюджетных средств в регионах России.

Ключевые слова: государственные закупки, цифровизация, централизация, закупочные процедуры, региональные информационные системы, искусственный интеллект, большие данные, малое и среднее предпринимательство, экспертиза документации, эффективность, прозрачность, конкурентоспособность, стандартизация, контроль, оптимизация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ORGANIZATION, CONTROL, AND EXPERTISE OF PROCUREMENT ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF REGIONAL SPECIFICS

Marina M. Nazar[1], Andrey V. Tamyarov[2], Isa A. Magomedov[3], Natalia A. Lobacheva[4]
[1]College of Service Sphere № 10 of the City of Moscow,
[2]Ulyanovsk State Technical University,
[3]Dagestan State Technical University,
[4]V.I. Vernadsky Crimean Federal University (branch in Yalta)

Abstract. In the context of the digitalization of public procurement in the Russian Federation, the need to improve the efficiency and transparency of procurement procedures is growing. This article discusses key trends in the development of the procurement system, including centralization, digitalization, and support for small businesses. Objective: The analysis of the current state of the contracting system in Russian regions, as well as the identification of trends and directions for its development aimed at improving procurement activities. Methods: The research involved methods of analyzing normative legal acts, reviewing existing practices for implementing digital technologies, and analyzing case studies from various regions. Results: The main directions for the development of the procurement system were identified, including the use of regional information systems, support for small and medium-sized businesses, and enhancing the role of procurement documentation expertise. The advantages of digitalization and unification of procurement procedures were revealed, as well as the sig-

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

nificant challenges, such as the need for adaptation to regional conditions and improving the qualifications of market participants. Conclusion: The development of digital tools and the improvement of procurement documentation expertise contribute to enhanced efficiency and transparency in public procurement, as well as the optimization of budget spending in Russian regions.

Keywords: public procurement, digitalization, centralization, procurement procedures, regional information systems, artificial intelligence, big data, small and medium-sized enterprises, documentation expertise, efficiency, transparency, competitiveness, standardization, control, optimization.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Система государственных закупок в Российской Федерации играет решающую роль в обеспечении эффективного использования бюджетных средств и стимулировании конкурентной среды на региональном уровне. Помимо экономической составляющей, государственные и муниципальные закупки выполняют важные социальные функции, такие как поддержка предпринимательства, формирование спроса на определенные услуги, товары, а также повышение их качественных характеристик. Это способствует устойчивому социально-экономическому развитию регионов.

В условиях цифровой экономики актуализируется необходимость постоянной адаптации закупочных процедур к новым вызовам. Это включает в себя совершенствование нормативно-правового регулирования, внедрение эффективных инструментов поддержки малого и среднего предпринимательства, упрощение закупочных процедур и повышение их прозрачности посредством цифровизации.

Одним из ключевых аспектов эффективности закупочной деятельности является экспертиза закупочной деятельности и оценка результатов исполнения контрактов и договоров. Эти механизмы позволяют обеспечить качество поставок и соответствие условиям контракта, что напрямую влияет на эффективность и результативность использования бюджетных средств.

Исследование тенденций развития государственных и муниципальных закупок в субъектах Российской Федерации, в том числе улучшение механизмов экспертизы и контроля результатов исполнения контрактов, представляет собой важную задачу для дальнейшего повышения экономической и социальной эффективности системы закупок.

Обсуждение. В данной статье в ходе исследования использовались методы анализа нормативно-правовых актов, обзора существующих практик внедрения цифровых технологий и анализа кейсов из различных регионов.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими современную контрактную систему России, являются Федеральный закон № 44-ФЗ от 05 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – 44-ФЗ) и Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2] (далее – 223-ФЗ), а основным инструментом их реализации – официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) (URL : https://zakupki.gov.ru).

Процедура проведения государственных закупок регулируется не только федеральными законами. Она представляет собой комплексную систему взаимодействия между государственными и муниципальными органами власти на уровне субъектов Российской Федерации. Каждый субъект осуществляет собственное правовое регулирование контрактной системы. Это достигается путем разработки внутренних нормативных документов и внедрения индивидуальных механизмов для их практического применения.

Результаты. Во многих регионах применяют централизованный подход к закупкам, что позволяет повысить эффективность и прозрачность закупочной деятельности. Этот подход позволяет объединить несколько заказчиков для упрощения закупочного процесса и снижения затрат.

До 2024 года в Свердловской области действовала государственная программа «Совершенствование механизмов осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд Свердловской области». Ее основной целью было заявлено увеличение результативности использования бюджетных средств в сфере государственных закупок. Основной задачей данной программы была оптимизация бюджетных трат при обеспечении государственных нужд. Ответственность за выполнение данной программы была закреплена за Департаментом государственных закупок Свердловской области, который получил статус уполномоченного органа, осуществляющего выбор поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для государственных заказчиков области. Данная мера способствовала формированию централизованной модели закупочной деятельности, характеризующейся наличием единого органа, ответственного за проведение процедур закупок и оказание методологической поддержки государственным заказчикам [3].

В Челябинской области реализуется проект централизации государственных закупок, для ряда органов исполнительной власти. В отдельном распоряжении Челябинской области от

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

08.09.2016 № 500-рп «О централизации закупок отдельных товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Челябинской области» определен их перечень, насчитывающий 25 органов, включая Управление делами Губернатора и Правительства Челябинской области, Министерство образования и науки Челябинской области, Главное контрольное управление Челябинской области. Министерство информационных технологий и связи наделено полномочиями по проведению государственных закупок от имени некоторых органов исполнительной власти. Такая организация закупочных процессов предполагает строгую регламентацию номенклатуры товаров, услуг и работ, которые должны закупаться централизованно. Областная администрация планирует дальнейшее расширение круга ведомств, охваченных централизованными закупками, однако включение муниципальных образований в эти планы пока не предусмотрено.

В Тюменской области в качестве уполномоченного органа по определению поставщиков для региональных заказчиков функционирует Управление государственных закупок Тюменской области (далее – Управление). Юридический статус данного управления сопоставим с положением Департамента госзакупок Свердловской области, что говорит о близких принципах в организации закупочной деятельности в этих субъектах. Вместе с тем, в отличие от практики свердловского Департамента, Управление чаще прибегает к процедуре государственных закупок в форме совместных конкурсов, при этом не привлекая муниципальные образования. Существенной проблемой является отсутствие нормативных актов, регламентирующих порядок обращения госучреждений к услугам Управления, будь то обязательный или добровольный, что порождает правовую неопределенность.

В Омской области роль уполномоченного органа, регулирующего сферу закупок, играет Главное управление контрактной системы. В его задачи входит сопровождение закупочной деятельности муниципальных заказчиков, если эти закупки имеют целевое значение для региона и их стоимость превышает 1 миллион рублей. Помимо этого, Главное управление контрактной системы определяет поставщиков, подрядчиков и исполнителей для органов исполнительной власти области, а также для казенных и бюджетных учреждений. Региональным законодательством установлен перечень товаров, работ и услуг, закупки которых проводятся централизованно, при этом основную долю составляют закупки в сфере строительства. Таким образом, централизация закупочной деятельности в Омской области характеризуется выборочным применением и фокусировкой на отдельных сферах.

В Ленинградской области работает Комитет государственного заказа, который уполномочен определять поставщиков для государственных заказчиков региона. Комитет организует проведение совместных конкурсов и осуществление закупок для государственных заказчиков, если начальная (максимальная) цена контракта превышает 2 миллиона рублей. С муниципальными заказчиками комитет взаимодействует в ситуациях, когда закупки финансируются из областного бюджета или важны для развития региона. В подобных случаях отношения между Комитетом и муниципалитетами закрепляются соглашением.

В Оренбургской области до 2030 года, в рамках государственной программы «Экономическое развитие Оренбургской области», действует система закупок для государственных нужд. Данная программа формулирует стратегические цели и задачи, задает ключевые индикаторы результативности, а также определяет объем бюджетных средств, предназначенных для поддержки стабильного экономического роста и оптимизации системы управления социально-экономическим развитием региона. Ответственным исполнителем по реализации данной государственной программы является Министерство экономического развития, инвестиций, туризма и внешних связей Оренбургской области, что подчеркивает взаимосвязь системы государственных закупок с общими задачами социально-экономического развития региона. Оно координирует различные направления деятельности, включая поддержку малого и среднего бизнеса, развитие сельской кооперации и улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.

На государственное казенное учреждение Оренбургской области «Центр организации закупок» (ГКУ «ЦОЗ») возложены полномочия по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для государственных заказчиков региона. ГКУ «ЦОЗ» с 01 января 2017 года выполняет функции по выбору поставщиков для государственных бюджетных и автономных учреждений, государственных унитарных предприятий. Кроме того, центр выполняет аналогичные функции для муниципальных заказчиков в рамках процесса централизации закупок.

ГКУ «ЦОЗ» осуществляет различные функции, включая:

1. Рассмотрение заявок заказчика на закупку.

2. Формирование извещения в региональной информационной системе.

3. Определение представителя для участия в составе комиссии.

4. Формирование проекта решения о создании комиссии.

5. Размещение сформированного извещения в Единой информационной системе в сфере закупок после утверждения его заказчиком.

6. Размещение протоколов работы комиссии и другие.

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

А также выступает организатором в рамках соглашений о проведении совместных закупок, что позволяет оптимизировать процесс и снизить затраты за счет централизации закупочной деятельности.

Такая система закупок позволяет Оренбургской области эффективно управлять процессом закупок, обеспечивая прозрачность и конкуренцию, а также способствует развитию региональной экономики за счет поддержки малого и среднего бизнеса.

В Пермском крае задачи по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в области закупок переданы Министерству по регулированию контрактной системы региона, которое выполняет функции уполномоченного органа. Данное министерство выступает учредителем двух подведомственных учреждений, занимающихся организацией и проведением закупочных процедур: Государственного казённого учреждения Пермского края «Центр организации закупок» (ГКУ ПК «ЦОЗ») и Государственного автономного учреждения Пермского края «Краевой центр закупок» (ГАУ ПК «КЦЗ»). ГКУ ПК «ЦОЗ» выполняет функцию централизованного сопровождения закупок для различных заказчиков. Среди них – органы государственной власти региона, Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Пермского края, некоммерческую организацию «Фонд капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах в Пермском крае», унитарные предприятия и автономные учреждения региона и муниципальных образований края. Деятельность учреждения нацелена на оптимизацию и повышение эффективности закупочных процедур за счет централизации и стандартизации всех процессов. ГАУ ПК «КЦЗ», в свою очередь, специализируется на оказании методической и консультационной поддержки участникам закупочного процесса. В его функции входит организация обучения специалистов в сфере госзакупок, разработка методических материалов и осуществлению мониторинга эффективности закупочной деятельности.

В Саратовской области роль уполномоченного органа, отвечающего за сферу закупок, отведена ГКУ СО «Государственное агентство по централизации закупок». Основной задачей этого учреждения является определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для обеспечения государственных нужд региона. Помимо этого, на основании соглашений, агентство берет на себя аналогичные функции для муниципальных органов власти и казенных учреждений, за исключением закупок, связанных со строительством и проектированием. Для контрактов с начальной (максимальной) ценой, не превышающей ста тысяч рублей, определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) остается децентрализованными и не входит в компетенцию данного учреждения.

Волгоградская область использует механизмы общественного контроля за закупками, включая экспертизу закупочной документации для оценки ее соответствия законодательным требованиям, что позволяет выявить потенциальные ошибки и несоответствия и снижает риск нарушений и неоднозначной интерпретации положений документов.

Начиная с 2021 года в области реализуется постановление Администрации Волгоградской области от 03.12.2020 № 744-п «О дополнительных мерах в сфере организации осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд Волгоградской области». Нормативный акт регламентирует порядок формирования и функционирования коллегиальных органов, осуществляющих согласование закупочной документации, разрабатываемой заказчиками Волгоградской области при осуществлении закупок для обеспечения государственных нужд. Обязательному согласованию подлежат закупки, осуществляемые в рамках реализации национальных, федеральных, региональных или приоритетных проектов, закупки с начальной (максимальной) ценой контракта, превышающей 50 млн руб., а также закупки, обладающие высокой социальной или экономической значимостью для региона. Основная задача этих коллегиальных органов – контроль за соблюдением заказчиками нормативных требований в сфере закупок, предварительное согласование закупочной документации и снижение вероятности двоякого толкования содержащихся в ней положений.

По итогам реализации данного постановления в 2021 году было зафиксировано снижение административных, организационных и экономических барьеров, повышение гласности и прозрачности осуществления закупок, минимизация коррупционных и иных злоупотреблений, а также создание дополнительных условий для развития добросовестной конкуренции среди участников закупочных процедур.

Результаты работы коллегиальных органов на примере закупок с НМЦК свыше 50 млн руб. [4]:

– на 35 % возросла эффективность закупок;

– на 45 % увеличилась привлекательность закупок (в связи с более тщательной проработкой документов, они стали более понятны для участников закупок);

– на 75 % возросла конкурентность закупок (увеличилось количество закупок с экономией при одновременном снижении случаев демпинга);

качество подготовки документов улучшилось, и, в связи с этим, снизилось количество повторно объявленных процедур на 37 %.

В субъектах Российской Федерации наблюдается вариативность не только в моделях организации государственных закупок, но и в практиках

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

сопровождения закупочного процесса. Рассмотрим некоторые из таких практик, которые активно внедряются в отдельных регионах и находят свое распространение в других субъектах.

Опыт Вологодской области в организации независимой экспертизы закупок. Введение независимой экспертизы в сфере закупок товаров является актуальной задачей для многих регионов России. Вологодская область, начиная с 2017 года, стала одним из пионеров в реализации данной инициативы, внедрив практику специализированных складов для контроля качества продуктовых поставок. Этот опыт может служить примером для других субъектов РФ, стремящихся оптимизировать процесс закупок и повысить качество поставляемой продукции.

Специализированный склад в Вологодской области был создан для решения проблемы оперативной приемки товаров и контроля их качества. Логистический терминал, функционирующий как контрольная точка, позволяет централизованно проводить экспертизу продуктов, что значительно снижает количество нарушений, связанных с качеством, упаковкой, маркировкой и сроками поставки. В результате внедрения такой системы, количество нарушений сократилось в разы, а возможность оперативного возврата товаров в случае необходимости стала реальностью.

Одним из ключевых преимуществ, выявленных в ходе реализации проекта, является значительная экономия бюджетных средств. Вологодская область смогла оптимизировать затраты на экспертизу, обеспечивая при этом высокий уровень контроля. Это позволило региональным производителям и малому бизнесу получить доступ к государственным закупкам, что ранее было затруднительно из-за сложностей с транспортировкой и качеством продукции. В результате, конкуренция на рынке возросла, ассортимент поставок расширился, а лишние посредники были устранены, что положительно сказалось на снижении издержек.

В рамках проекта был выстроен комплексный подход к контролю качества и продуктового сбыта, включающий правовую, финансовую и цифровую системы. Официальный «Логистический оператор – Специализированный склад» взаимодействует с тремя группами поставщиков: региональными крестьянскими и фермерскими хозяйствами, сельхозтоваропроизводителями и переработчиками. Это сотрудничество создало эффективную экосистему, где реальные производители продовольственной продукции получили возможность участвовать в государственных закупках.

Практика специализированного склада открывает новые горизонты для продовольственной отрасли Вологодской области. Единый логистический центр не только удовлетворяет текущие потребности заказчиков, но и накапливает излишки, которые могут быть реализованы через разнообразные каналы сбыта, включая федеральные ритейлерские сети. Это создает дополнительные возможности для роста и развития региональных производителей, а также способствует улучшению качества жизни населения.

Идея «Специализированного склада», реализованная в Вологодской области, была принята и адаптирована другими регионами, включая Самарскую область. Однако в Самаре эта система отличается по номенклатуре, объему поставок и нормативному регулированию. В Самарской области задействовано 119 заказчиков и около 14 поставщиков. Регион также проводит совместные закупки продуктов питания для социальных учреждений, для чего создана соответствующая нормативная основа. Полномочия по осуществлению этих централизованных закупок переданы местному органу экономической власти.

В Самарской области Главное управление организации торгов наделено функциями по контролю за контрактной системой в сфере закупок товаров, работ и услуг. В его компетенции также входит выбор поставщиков, осуществляющих закупки для покрытия потребностей Самарской области и, в некоторых ситуациях, муниципальных образований. Кроме того, Главное управление оказывает методологическую поддержку заказчикам, занимается подготовкой проектов нормативных правовых актов, регулирующих сферу закупок, организует профессиональное обучение специалистов и занимается аналитической работой.

В Московской области внедрена система управления государственными закупками, основанная на обязательном применении справочника товаров, работ, услуг (Классификатор объектов закупок 2.0 – КОЗ 2.0). Утвержденный распоряжением Комитета по конкурентной политике Московской области от 06.10.2023 № 31-01-10-42/23, классификатор выступает ключевым компонентом в процессе планирования и осуществления закупок в государственной информационной системе «Единая автоматизированная система управления закупками Московской области» (ЕАСУЗ), в соответствии с регламентирующими Правилами формирования и ведения.

КОЗ 2.0 представляет собой структурированную базу данных, содержащую около 130 тысяч позиций, охватывающих широкий спектр товаров, работ и услуг, закупаемых государственными заказчиками Московской области. Применение данного классификатора в системе ЕАСУЗ с 2021 года обеспечивает унификацию и стандартизацию процессов планирования и осуществления закупок, повышая прозрачность и контролируемость использования бюджетных средств. А также способствует повышению прозрачности государственных и муниципальных закупок для бизнеса и сокращение их трудозатрат для заказчиков. Количественные показатели [5]:

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

– 100 % автоматизация информирования о применяемых в закупке национальных режимах, преференциях, позициях ОКПД2, КТРУ;

– более чем на 80 % сокращение нарушений заказчиков при указании единицы измерения товара, работы, услуги, являющихся объектами закупок;

– формировании лотов закупок медицинских изделий, лекарственных препаратов;

– указании формулы цены и максимального значения цены контракта; при выборе способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя);

– применении шаблонов проектов контрактов (типовых условий контрактов);

– сокращение трудозатрат заказчиков (около 67 тыс. часов в год в масштабах региона).

Качественные показатели:

– актуальное и своевременное информирование представителей бизнеса о потребностях заказчиков;

– доступность для бизнеса функций поиска и мониторинга закупок в региональных информационных системах;

– реализация автоматизированных инструментов для согласования и конструирования документации;

– наличие гибкой системы контроля и мониторинга закупок, позволяющей оперативно выявлять и устранять возникающие проблемы.

Стандартизация оформления документации о закупке способствует упрощению процесса сравнения предложений от различных поставщиков и снижает вероятность ошибок при оценке заявок. Данный подход обеспечивает повышение прозрачности и понятности требований для всех участников закупочной процедуры.

Особую роль в повышении прозрачности и эффективности закупочной деятельности играет экспертиза документации, которая проводится на различных этапах закупочной процедуры. Она включает в себя анализ планов-графиков закупок, обоснований НМЦК, технических заданий, проектов контрактов и других документов, необходимых для проведения закупочных процедур. Целью экспертизы документации является выявление возможных нарушений законодательства, несоответствий требованиям нормативных актов, а также оценка обоснованности и целесообразности закупочных решений.

Начиная с 01 января 2015 года, в Москве введена процедура проверки достоверности определения начальных (максимальных) цен контрактов (НМЦК), осуществляемая в соответствии с регламентом, утвержденным распоряжением Правительства Москвы от 16.05.2014 № 242-РП. Организация взаимодействия между заказчиками города Москвы и экспертными организациями при проведении указанной проверки обеспечивается посредством использования Единой автоматизированной информационной системы торгов города Москвы.

Аналитический центр города Москвы осуществляет экспертное сопровождение деятельности в области экономической политики и государственных закупок. Направлениями деятельности Центра являются, в том числе:

– экспертиза НМЦК, направленная на проверку обоснованности стоимости сделок, в том числе с недвижимостью, что способствует оптимизации бюджетных расходов и повышению эффективности закупочной деятельности;

– консультационно-методическая поддержка заказчиков города Москвы на различных этапах закупочного процесса, включая планирование и подготовку закупочной документации, что позволяет обеспечить правильное определение НМЦК и подготовку обосновывающих материалов.

Результаты экспертизы позволяют выявить экономию бюджетных средств. Так, по состоянию на 31 января 2025 года, было выдано 56 заключений на общую сумму 49212,56 млн рублей, что привело к экономии в размере 189,98 млн рублей [6].

Цифровые инструменты управления контрактной системой нацелены на повышение эффективности работы с контрактами, что имеет огромное значение для государственных институтов и муниципальных образований. Наряду с ЕИС функционируют региональные платформы для автоматизации закупочной деятельности, которые позволяют агрегировать информацию о закупочных и бюджетных процессах

В рамках цифровизации в Краснодарском крае функционирует региональная информационная система в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (URL : https://zakupki.krasnodar.ru/). Платформа обеспечивает доступ к календарю закупок, реестру извещений и контрактов, плану-графику закупок, а также содержит аналитические и обучающие материалы. Доступ в систему возможен через сервисы личного кабинета, повышающие надежность платформы.

В Алтайском крае активно используют сходную по функционалу региональную автоматизированную информационную систему для повышения эффективности расходования бюджетных средств, оптимизации бизнес-процессов и развития конкуренции (URL : https://gzalt.ru/DefaultA2.aspx). Система включает модули для 44-ФЗ, 223-ФЗ и портал поставщиков, обеспечивая электронный документооборот и перевод закупок

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

малого объема в цифровой формат. Это особенно актуально в условиях региона с большой территорией и позволяет обеспечить равный доступ к закупочным процедурам всех поставщиков, независимо от географической локации.

В Санкт-Петербурге автоматизация деятельности в системе закупок для государственных нужд обеспечивает АИС ГЗ, разработанной Комитетом по государственному заказу Санкт–Петербурга. Данная система призвана оказывать информационно-аналитическую поддержку в процессах планирования закупок товаров, работ, услуг, определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и исполнения контракта заказчиками Санкт-Петербурга.

Содействие региональным субъектам малого предпринимательства (далее – СМП) в рамках закупочной деятельности осуществляется через установление квот на участие субъектов СМП в торгах госкомпаний. Для поддержки СМП, помимо экономических преференций, предоставляется и консультационная помощь, в том числе с помощью современных цифровых сервисов. Так, на платформе МСП.РФ (URL : https://мсп.рф/) предприниматели могут воспользоваться сервисом «Гид по закупкам», который позволяет получить необходимое содействие на любом этапе процедуры закупок – от поиска заказчика до защиты интересов в Федеральной антимонопольной службе или в суде.

В Чувашской Республике система размещения государственного и муниципального заказа уделяет особое внимание на поддержку участия в закупках субъектов малого предпринимательства. Согласно результатам, зафиксированным в 2024 году, подобная стратегия привела к тому, что значительная часть закупок, а именно 55,5 % от суммарного объема, каждая вторая закупка обеспечивается малым бизнесом. Сумма размещенных закупок среди субъектов СМП и СОНКО составляет 23,5 млрд руб. [7].

Расширению доступа предпринимателей к сфере госзаказа также способствовало развитие сервисов электронных магазинов в Волгоградской, Тюменской, Иркутской, Саратовской, Московской, Новосибирской, Ульяновской областях, Ставропольском и Камчатском крае, Республике Крым.

В январе 2025 года состоялась презентация сервиса «Электронный магазин закупок малого объема Чувашской Республики». Данный сервис призван помочь предпринимателям и товаропроизводителям открыто работать с потенциальными заказчиками в электронном формате без привлечения посредников: заказчики размещают в данной системе извещения об осуществлении малых закупок (до 600 тысяч рублей); любой желающий может ознакомиться с этой информацией, подать заявки и выиграть, подписать контракт, при этом отсутствуют какие-либо сборы за подписание контрактов (договоров). В республике ежегодно осуществляется порядка 10 тысяч малых закупок. Объем таких закупок региональных заказчиков составляет несколько миллиардов рублей в год.

Также, в системе государственного заказа нельзя недооценивать межрегиональное взаимодействие. Региональные власти демонстрируют открытость к диалогу и активно обмениваются знаниями, передавая накопленный опыт другим субъектам. Этот обмен позволяет оптимизировать процессы закупок и внедрять эффективные практики в различных субъектах Российской Федерации. Мониторинг открытых источников, размещенных в сети Интернет, показывает, что в 2024 году проведены несколько конференций, круглых столов и иных мероприятий по обсуждению лучших практик закупочной деятельности в регионах. К наиболее значимым из них можно отнести III межрегиональную конференцию «Развиваем контрактную систему в сфере закупок ВМЕСТЕ», которая прошла в Липецке, Межрегиональную практическую конференцию «Контрактная система в сфере закупок. Практика применения», прошедшая в Нижнем Новгороде, Первую межрегиональную конференцию для уполномоченных органов, учреждений и организаторов закупок в Москве, IV Балтийскую межрегиональную конференцию «Тенденции и перспективы развития контрактной системы», состоявшуюся в Светлогорске, Межрегиональную конференцию «Госзакупки. В национальных интересах», которая прошла в Челябинске. В феврале 2025 года состоялась VII Пензенская конференция государственных, муниципальных и корпоративных закупок 223-ФЗ. Широкая география мероприятий демонстрирует активность субъектов Российской Федерации в обмене опытом и наличие центров аккумуляции регионального опыта, который может быть успешно тиражирован в практике региональной закупочной деятельности.

Помимо обмена опытом, специалисты получают возможность принять участие в обсуждении актуальных вопросов, связанных с государственными и муниципальными закупками, получить консультационные и методические рекомендации, а также углубить знания о способах и инструментах повышения эффективности закупочной деятельности на местах.

Заключение. Исследование организации и принципов работы системы государственных закупок в различных субъектах Российской Федерации позволяет выделить основные тенденции, определяющие современное направление ее развития, ориентированное на повышение прозрачности и эффективности закупочной деятельности. Во-первых, наблюдается устойчивый тренд к централизации закупочной деятельности, направленный на повышение эффективности использования бюджетных средств, стандартизацию процедур и снижение транзакционных издержек. Однако, важно отметить, что выбор модели централизации должен учитывать специфику региона и особенности его экономической структуры.

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

Во-вторых, существенное влияние на развитие системы закупок оказывает цифровизация. Реализация и оптимизация региональных информационных систем, их интеграция с федеральной системой, а также применение современных технологий (искусственный интеллект, большие данные) позволяют повысить прозрачность закупочных процедур, автоматизировать рутинные операции и усилить контроль за расходованием бюджетных средств.

В-третьих, возрастает роль коллегиальных органов в процессе принятия решений о закупках. Создание и эффективное функционирование таких органов способствует повышению объективности и обоснованности закупочных решений.

В-четвертых, особое внимание уделяется развитию конкуренции и поддержке малого и среднего предпринимательства в сфере закупок. Реализация мер по стимулированию участия малого бизнеса в государственных закупках, таких как установление квот и упрощение процедур, способствует расширению конкурентной среды и повышению эффективности закупочных процедур.

В-пятых, экспертиза закупочных документов становится важным направлением в улучшении системы госзакупок, способствуя обеспечению соответствия закупочных процедур требованиям действующего законодательства, минимизации рисков нарушений, а также повышению качества подготовки закупочной документации, включая технические задания и обоснования начальной (максимальной) цены контракта.

В целом, можно констатировать, что система государственных закупок в регионах Российской Федерации находится в состоянии непрерывной эволюции. Прогнозируется, что в 2025 году контрактная система регионов будет унифицироваться в следующих направлениях: развитие закупок малого объема и электронных магазинов, унификация процедур и правил работы с поставщиками, электронное анкетирование поставщиков, цифровизация дополнительных соглашений об изменении или расторжении контракта, применение цифровой сметы контракта, реализация инструментов импортозамещения [8, 9, 10]. Совершенствование контрактной системы с акцентом на экспертизе закупочной документации и контроле результатов исполнения контрактов будет способствовать повышению эффективности использования бюджетных средств, развитию конкуренции, минимизации рисков и обеспечению устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (дата обращения: 11.02.2025).
2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964 (дата обращения 11.02.2025).
3. Плотников В.Д. Актуальные вопросы осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг в Свердловской области / В.Д. Плотников, Н.В. Сыманюк. URL : https://elibrary.ru/item.asp?id=43794598 (дата обращения 11.02.2025).
4. «Белая книга» проконкурентных региональных практик 2022 год. URL : ФАС России | Белая и черная книги.
5. «Белая книга» проконкурентных региональных практик 2024 год. URL : ФАС России | Белая и черная книги.
6. Аналитический центр Москвы. URL : https://ac-mos.ru/price-examination
7. Закупки в цифрах: в 2024 году консолидированный объем закупок в республике составил 57 млрд рублей | Государственная служба Чувашской Республики по конкурентной политике и тарифам. URL : https://tarif.cap.ru/news/2025/02/11/zakupki-v-cifrah-1
8. Как изменятся закупки в 2025: планы Минфина, Казначейства и ФАС. URL : https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51195-kak_izmenyatsya_zakupki (дата обращения 11.02.2025).
9. Андреева Е.В. Проблемы правового регулирования региональных закупок: теория и практика / Е.В. Андреева, А.Н. Рожкова // Журнал «Государственная служба и кадры». 2023. № 4.
10. Счетная палата РФ. Аналитический доклад о состоянии и проблемах контрактной системы в субъектах Российской Федерации (по данным за 2023–2024 гг.). URL : https://ach.gov.ru/upload/iblock/analytics/kontrol_zakupki_regions_2024.pdf

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

References:

1. Federal Law «On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» dated 05.04.2013 № 44-FZ (latest edition). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (date of application 11.02.2025).
2. Federal Law «On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» dated 18.07.2011 № 223-FZ (latest edition). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964 (date of application 11.02.2025).
3. Plotnikov V.D. Topical Issues in the Implementation of State Procurement of Goods, Works, and Services in Sverdlovsk Region / V.D. Plotnikov, N.V. Symanyuk. URL : https://elibrary.ru/item.asp?id=43794598 (date of application 11.02.2025).
4. «White Book» of Pro-Competitive Regional Practices 2022. URL : FAS Russia | White and Black Books
5. «White Book» of Pro-Competitive Regional Practices 2024. URL : FAS Russia | White and Black Books
6. Moscow Analytical Center. URL : https://ac-mos.ru/price-examination
7. Procurement in Figures: In 2024, the Consolidated Procurement Volume in the Republic Totaled 57 Billion Rubles | Chuvash Republic State Service for Competition Policy and Tariffs. URL : https://tarif.cap.ru/news/2025/02/11/zakupki-v-cifrah-1
8. How Procurement Will Change in 2025: Plans of the Ministry of Finance, the Treasury, and FAS. URL : https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51195-kak_izmenyatsya_zakupki (date of application 11.02.2025).
9. Andreeva E.V. Issues of Legal Regulation of Regional Procurement: Theory and Practice / E.V. Andreeva, A.N. Rozhkova // Journal «Public Service and Personnel». 2023. № 4.
10. Accounts Chamber of the Russian Federation. Analytical Report on the State and Problems of the Contract System in the Regions of the Russian Federation (based on 2023–2024 data). URL : https://ach.gov.ru/upload/iblock/analytics/kontrol_zakupki_regions_2024.pdf

Информация об авторах

Назар Марина Михайловна
кандидат экономических наук,
преподаватель экономических дисциплин,
Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение города Москвы
«Колледж сферы услуг № 10»
ORCID 0000-0003-0074-0159
nmm_76@mail.ru

Тамьяров Андрей Валерьевич
кандидат технических наук,
доцент кафедры
измерительно-вычислительных комплексов,
Ульяновский государственный
технических университет,
директор департамента
образовательной деятельности
ORCID 0000-0002-0608-444X
a.tamyarov@ulstu.ru

Магомедов Иса Алигаджиевич
кандидат технических наук,
доцент кафедры УиИТСиВТ,
Дагестанский государственный
технический университет
Misa1949@mail.ru

Лобачева Наталия Александровна
кандидат филологических наук,
Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского (филиал в г. Ялте)
ORCID 0000-0001-8846-6021
loba4evana@gmail.com

Marina M. Nazar
Candidate of Economic Sciences,
Teacher of Economic Disciplines
State Budget Professional
Educational Institution of the city of Moscow
«College of the service sector № 10»
ORCID 0000-0003-0074-0159
nmm_76@mail.ru

Andrey V. Tamyarov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of
Measuring and Computing Complexes,
Ulyanovsk State Technical University,
Director of the Department of
Educational Activities
ORCID 0000-0002-0608-444X
a.tamyarov@ulstu.ru

Isa A. Magomedov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor at the Department
of Management in Information
and Telecommunication Systems
and Computing Technology,
Dagestan State Technical University
Misa1949@mail.ru

Natalia A. Lobacheva
Candidate of Philological Sciences,
Humanities and Pedagogical Academy
of the V.I. Vernadsky
Crimean Federal University (branch in Yalta)
ORCID 0000-0001-8846-6021
loba4evana@gmail.com

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Назар М.М., Тамьяров А.В., Магомедов И.А., Лобачева Н.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-19
УДК 377.031

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ И СПОСОБЫ ЕГО ПОДДЕРЖАНИЯ В СЕМЕЙНОЙ СРЕДЕ

Петрухина Д.А.
Центр основ семьеведения и управления домом

Аннотация. В статье затрагивается проблема социального здоровья как важного аспекта социально-психологического благополучия семейной среды. Целью предпринимаемого исследования является изучение и систематизация традиционных и современных подходов к пониманию социального здоровья семьи. На основании теоретического обзора научной литературы автором выделены основные показатели социального здоровья семьи, достижение которых способствует повышению эмоционального и духовного единства всех лиц, проживающих в данной семье. Теоретический анализ дополнен результатами мини-анкетирования, направленного на выявление уровня осведомленности российских семей о социальном здоровье и основных факторах, обусловливающих его наличие в семье. В результате обработки полученных данных установлено, что большинство респондентов полагают, что социальное здоровье сводится к благоприятному социально-психологическому климату в семье и зависит, главным образом, от уровня материального благосостояния. Теоретические и эмпирические результаты исследования позволили автору сформулировать рекомендации для специалистов, направленные на укрепление социального здоровья семьи.

Ключевые слова: социальное здоровье, внутрисемейные взаимоотношения, духовно-нравственные ценности, социально-психологическое благополучие, семейная среда, семейный микроклимат, профилактика конфликтов, семейный институт.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL HEALTH AND WAYS TO MAINTAIN IT IN A FAMILY ENVIRONMENT

Diana A. Petrukhina
Center of the Basics of Family Science and Home Management

Abstract. The article addresses the issue of social health as an important aspect of the socio-psychological well-being of the family environment. The aim of the study being undertaken is to explore and systematize traditional and modern approaches to understanding family social health. Based on a theoretical review of the scientific literature, the author identified the main indicators of the social health of the family, the achievement of which contributes to an increase in the emotional and spiritual unity of all persons living in this family. The theoretical analysis is supplemented by the results of a mini-survey aimed at identifying the level of awareness of Russian families about social health and the main factors that determine its presence in the family. As a result of the processing of the data obtained, it was established that the majority of respondents believe that social health is reduced to a favorable socio-psychological climate in the family and depends mainly on the level of material well-being. The theoretical and empirical results of the study allowed the author to formulate recommendations for specialists aimed at strengthening the social health of the family.

Keywords: Social health, family relationships, spiritual and moral values, socio-psychological well-being, family environment, family microclimate, conflict prevention, family institute.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Проблема воспитания целостной, физически, социально и духовно здоровой личности выступает одной из приоритетных задач современной российской педагогики, которая характеризуется рядом серьезных, экономических, геополитических, социокультурных и других преобразований, неизбежно затрагивающих все аспекты здоровья личности. При этом следует отметить, что то-

© Петрухина Д.А.

тальная коммерциализация учреждений здравоохранения, образования и культуры, от которых напрямую зависит здоровье как отдельного гражданина, так и нации в целом, фактически оставляет человека уязвимым перед большим количеством стрессогенных факторов, спровоцированных упомянутыми выше переменами и преобразованиями. Вместе с тем, риски для социального здоровья граждан связаны не только с трансформациями на государственном уровне. Утрата альтруистических идеалов и единых для всех духовно-нравственных ценностей в сочетании с раскрепощением эгоцентрического начала в человеке приводит к эмоциональному отчуждению людей друг от друга, что проявляется уже на уровне семьи. Психологическое насилие, частые супружеские и детско-родительские конфликты, социальное сиротство, юридическая и нравственная легализация абортов, девальвация брака как основного фундамента и каркаса любой семьи – далеко не полный перечень проблем, разрушающих семейную среду и подрывающих и без того уязвимое здоровье населения.

В соответствии с этим, возникает актуальность рассмотрения и анализа понятия «социальное здоровье» как важного аспекта семейной среды. Отмечается, что в настоящее время специалистами насчитывается более 100 определений понятия «здоровье», при этом многие из них постоянно изменяются и дополняются. С нашей точки зрения, такое положение вещей может свидетельствовать о понятийной несостоятельности имеющихся определений, что обуславливает необходимость более детального анализа отдельных составляющих здоровья, в числе которых понятие «социальное здоровье» занимает одно из ключевых мест. Кроме того, определение роли социального здоровья в контексте оптимизации и гармонизации семейной среды позволит по-новому взглянуть на распространенные семейные проблемы и усовершенствовать способы повышения семейного благополучия.

Целью настоящего исследования является изучение и систематизация научных представлений о социальном здоровье как важной составляющей благоприятной семейной среды.

В соответствии с поставленной целью, нами сформулированы следующие задачи исследования:

– рассмотреть основные подходы к пониманию социального здоровья как феномена современной действительности, а также проанализировать основные определения данного понятия;

– выявить основные социальные проблемы российской семьи;

– сформулировать основные показатели социального здоровья семьи;

– провести опрос респондентов с целью выявления их представлений о социальном здоровье;

– представить рекомендации для специалистов по содействию социальному здоровью семьи.

Научная новизна исследования заключается в предпринятой автором попытке соединить современные и традиционные взгляды на социальное здоровье как значимый аспект семейной среды. В теоретический анализ составляющих социального здоровья включено рассмотрение концепции соборности – национальной социально-духовной характеристики русского народа, обеспечивающей устойчивые эмоциональные связи между членами различных социальных объединений.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в анализе и систематизации взглядов на социальное здоровье различных отечественных и зарубежных специалистов в области социологии, психологии, медицины, педагогики, философии и других естественных и гуманитарных дисциплин. В свою очередь, практическая значимость состоит в проведении мини-опроса, направленного на изучение представлений о социальном здоровье среди населения, а также в разработке рекомендаций для специалистов по поддержанию и укреплению социального здоровья семьи.

Методологию исследования составили анализ научных статей, монографий и диссертаций, посвященных вопросам здоровья и социально-психологического благополучия семьи, влияния среды на внутрисемейные отношения, а также проблеме реализации нравственного и духовного потенциала семьи. В целях выполнения эмпирической части исследования применялась анкета-опросник, направленная на выявление осведомленности респондентов о социальном здоровье. Обработка результатов производилась путем установления процентного соотношения ответов, опрошенных и его представления в описательной форме.

Обсуждение.

Несмотря на очевидную актуальность, понятие «социальное здоровье» не является частотным в научной и общеупотребительной лексике. Намного чаще обыватели и специалисты оперируют такими словосочетаниями, как «физическое здоровье», «психическое здоровье», «душевное здоровье» и т.п., не прибегая к прилагательному «социальный». Поэтому считаем целесообразным начать содержательную часть нашего исследования именно с дефиниций понятия «социальное здоровье».

Для полноценной характеристики социального здоровья необходимо принимать во внимание двойственный характер существования человека: с одной стороны, он является относительно автономной личностью, имеющей определенные ресурсы, потребности, убеждения, и пр., а с другой – неотъемлемой частью определенного коллектива, носителем его традиций, ценностей и т.д.

© Петрухина Д.А.

В соответствии с этим, подходы к определению социального здоровья можно условно разделить на две большие группы. Так, первая группа подходов рассматривает социальное здоровье как комфортное состояние личности в рамках взаимодействия с социумом (в частности, с отдельными референтными общностями) в то время, как вторая группа подходов предлагает понимать данный феномен, прежде всего, как групповое, общественное здоровье или же как благополучие нации в целом.

Исходя из этого, социальное здоровье общества можно рассматривать в качестве целостной и многогранной характеристики коллективного благополучия. При этом упомянутая многогранность обязательно включает в себя духовно-нравственные аспекты здоровья. Любая нравственная деградация общества так или иначе влечет за собой дезорганизацию социальной жизни, на почве которое возникают этнические и иные противостояния, наркомания, алкоголизм, пандемии инфекционных заболеваний и пр.

Таким образом, от состояния социального здоровья и так называемого народного духа напрямую зависит телесное здоровье каждого отдельно взятого члена социума.

Если же применять понятие «социальное здоровье» по отношению к личности, то в одном из возможных определений оно может трактоваться как психологическое состояние личности, связанное с удовлетворенностью условиями жизни и формирующее ее позицию по отношению к другим членам социума. Исследователи подчеркивают, что состояние социального здоровья не сводимо к клиническим параметрам жизнедеятельности организма, а выражается, прежде всего, социальными составляющими – степенью удовлетворенности трудом, семейными отношениями, положением в обществе и пр. [1]

Вместе с тем, важно понимать, что подходы к изучению социального здоровья как общественной и личностной составляющей оправдано разделять исключительно в целях систематизации теоретического материала, но в практической жизни они неразрывно связаны между собой. Как отмечал Э. Дюркгейм, человек настолько тесно связан с жизнью общества, что общество, находясь в болезненном состоянии, не может не заражать своих отдельных членов, а каждый человек, в свою очередь, неизбежно привносит страдания в жизнь всего коллектива. К тому же, согласно культурно-исторической теории (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.), личность рассматривается в качестве своеобразного продукта социализации, а, значит, становление социального здоровья не может происходить в отрыве от общественных отношений.

Другие подходы к определению социального здоровья указывают на междисциплинарный характер этого понятия. Так, на сегодняшний день наиболее популярными являются медико-валеологический, социологический, культурологический и философский подходы. С позиции медико-валеологического подхода, социальное здоровье отражает динамическое состояние, связанное с реализацией личностью своего биологического и генетического потенциала в условиях конкретной социокультурной среды (Н.М. Амосов, А.Г. Щедрина и др.). В рамках социологического подхода, социальное здоровье определяется уровнем развития, степенью сформированности и совершенством форм взаимодействия представителей социума на основе уважения гражданского и человеческого достоинства, соблюдения принципов социальной справедливости и других общественно значимых гарантий. Параллельно с этим, социологический подход допускает рассмотрение социального здоровья в качестве социального капитала, необходимого подрастающим поколениям для успешной социализации и социальной адаптации к имеющимся условиям среды (О.А. Рагимова, А.Н. Сошиев, В.А. Ядов и др.). В свою очередь, в культурологическом подходе состояние социального здоровья означает целостность физического, душевного и социального развития личности, обеспечивающую достижение общественных и личных благ, а также соответствие устоявшимся в обществе социальным и культурным нормам (Ю.Г. Волков, И.В. Кондаков и др.). И, наконец, с точки зрения философского подхода социальное здоровье, понимается, прежде всего, как фактор социальной реализации человека, а также как общественно значимая ментальная ценность. (И.С. Ларионова, В.Н. Ярская и др.).

Отдельные исследования посвящены детальному анализу составляющих социального здоровья применительно к отдельным возрастным группам, в частности, к детскому населению. В частности, Е.Н. Приступа [2] подробно анализирует структуру социального здоровья школьника. По ее мнению, данное понятие подразумевает сформированность социально-приемлемого и нравственно-нормативного опыта взаимодействия ребенка с социумом, которая проявляется в саморегуляции поведения в условиях изменяющейся среды, а также успешную реализацию социальных потребностей. При этом сама по себе структура социального здоровья, с позиции исследовательницы, содержит несколько компонентов, а именно: духовно-нравственный, социально-поведенческий, социально-психологический и социокультурный. Также интересно отметить, что с целью характеристики нарушений социального здоровья Е.Н. Приступа использует понятие «девиации социального здоровья», к фактическим проявлениям которых относятся деструктивное социальное поведение, пассивная жизненная позиция, отсутствие или недостаточный уровень самоконтроля и т.д.

В исследовании Э.И. Поднебесной [3] несколько схожим образом затрагивается вопрос социального здоровья подростков. Данная исследовательница полагает, что социальное здоровье подростка представляет собой интегративное личностное образование, характеризующееся

© Петрухина Д.А.

конструктивными взаимоотношениями со сверстниками, другими значимыми людьми и обществом в целом, а также способствующее двустороннему позитивному взаимовлиянию подростка и социума. Кроме того, Э.И. Поднебесная предлагает рассматривать три уровня социального здоровья подростков:

1. Социально-здоровый (принимающий себя и других, неконфликтный, эмоционально-устойчивый, способный к саморегуляции и успешной реализации сообразных возрасту видов деятельности).

2. Условно социально-здоровый (состояние, когда представленные выше показатели выражены в недостаточной степени).

3. Социально-нездоровый (пассивный, конфликтный, эмоционально-лабильный, требующий внешнего контроля и т.д.).

Учитывая то, что наше исследование касается вопросов социального здоровья в контексте семьи, считаем важным включить возрастные характеристики социального здоровья в перечень рассматриваемых дефиниций.

Анализ этих и других схожих определений социального здоровья дает возможность выделить ключевые семантические параметры данного понятия, в число которых входят: общество, человек, взаимоотношения, взаимовлияние, общественное и личное благо, социальная адаптированность, социальное положение, социальное признание, духовно-нравственное развитие, эмоциональная устойчивость, самообладание, удовлетворенность жизнью и выполняемой деятельностью и т.п.

Принимая во внимание важность духовно-нравственной составляющей социального здоровья (а она фигурирует в подавляющем большинстве рассмотренных нами концепций), полагаем, что предпринимаемое исследование не будет полным без затрагивания такой социально-нравственной характеристики русской нации, как соборность. Концепция соборности подробно рассматривается в религиозно-богословской и религиозно-философской литературе. Выражаясь в буквальном смысле в двух словах, идею соборности можно представить, как «единство во множестве». В своем более полном определении соборность означает духовное единение людей в религиозной и общественной жизни, основанное на братстве, взаимной любви и других нравственных ценностях. С.Л. Франк подчеркивает, что принятие идеи соборности снимает типичное для современного общества противопоставление «я» и «мы», формируя при этом такое единое «мы», в котором раскрываются уникальность и ценность каждого. Интерпретацию соборности в социальном контексте можно найти в творчестве русского публициста К.С. Аксакова. В частности, он приходит к отождествлению идеи соборности с понятием общины высшей инстанции, обеспечивающей смыслообразующие ценности для каждого входящего в ее состав человека. Такая община отнюдь не обесценивает личность, но в тоже время лишает ее эгоистического начала, при этом делая ее свободной во всех остальных социальных аспектах [4].

С идеей соборности во многом коррелируют взгляды известного социолога П. Сорокина, по мнению которого, фактор взаимной помощи, сотрудничества и неэгоистической любви играет намного большую роль в прогрессивном развитии человечества, чем враждебное соперничество. К тому же, ряд исследований показывает, что альтруистические личности живут дольше эгоистических, поскольку любовь со способностью к самопожертвованию служит мощной профилактикой нарушений здоровья как личности, так и нации в качестве единого социального организма [5].

Как нам кажется, идею соборности и альтруистического начала во взаимоотношениях следовало бы заложить в концепцию социального здоровья, в целом и применительно к социальной среде семьи, в частности. К сожалению, в современном обществе устойчиво закрепилась претензия человека на собственную исключительность, что проявляется в раннем привитии подрастающим поколениям установок на лидерство, соперничество, систематическое самоутверждение, а также удовлетворение потребностей, если и не совсем любой ценой, то, по крайней мере, за счет пренебрежения еще недавно разделяемыми большинством нравственными ценностями. Как следствие, частота бракоразводных процессов, обусловленная неспособностью подобных эгоцентрически ориентированных личностей к совместному проживанию, ставит под угрозу существование брака как социального института, что агрессивно подрывает социальное здоровье семьи и нации.

Вместе с тем, с древних времен существования человечества семья считается самым важным структурным элементом общества, основным социальным институтом, в котором формируется личность человека. Именно в семье человек осваивает базовые социальные роли, приобщается к ценностям и традициям своего народа, приобретает первый опыт общественного поведения.

Не случайно создание семьи в одном ряду с рождением и смертью – событиями, знаменующими начало и конец человеческой жизни. В свою очередь, вступление в брак символически обозначает середину жизни человека, а также свидетельствует об определенном уровне его физической, умственной, эмоциональной, духовной и гражданской зрелости. При этом каждая человеческая популяция, вне зависимости от места обитания и религиозной принадлежности тщательнейшим образом регулирует обычаи, связанные с перечисленными жизненными событиями.

© Петрухина Д.А.

Семья служит особым форматом межличностных отношений, основанных на взаимной любви и привязанности ее членов друг к другу. Для подавляющего большинства мужчин и женщин брак становится жизненно необходимым и социально признанным соединением телесной, психической и душевно-духовной сфер в единое «мы» (перекликается с соборностью), объединяющее индивидуальные эго обоих участников семейного союза. В основу благополучного семейного союза заложена гармония, как во взаимоотношениях между супругами, так и в системе их взаимоотношений с другими членами семьи. Всеобъемлющее единство мужчины и женщины становится лучшим средством защиты от экзистенциального одиночества. Оно наилучшим образом способствует духовно-нравственному совершенствованию супругов и подлинному воспитанию их детей. Кроме того, настоящая семья служит также институтом заботы и попечительства о представителях старших поколений, которые вследствие вызванных старением изменений самочувствия со временем лишаются способности заботиться о себе самостоятельно. Значимость ожиданий по отношению к семье со стороны социума легко выразить при помощи известного изречения «Какова семья, таково и общество» [6].

Как отмечает А.И. Пьянов, отличие семьи от других малых групп и социальных общностей заключается в том, что семья объединяет в себе все аспекты жизнедеятельности человека, а не отдельные потребности и интересы. Как никакое другое образование, семья уникальным образом связывает индивидуальные и коллективные приоритеты не только благодаря ее способности окультуривать физиологические и психологические потребности человека, но и благодаря ее высокой ориентированности на содействие совершенствованию и саморазвитию.

Поскольку семья является основным социальным институтом, выполняющим ряд жизнеобеспечивающих функций, социальное здоровье семьи можно с уверенностью рассматривать в качестве неотъемлемого условия ее существования, Н.Ф. Гафиатулина и соавт. полагают, что социальное здоровье семьи характеризует социальное благополучие и жизнеспособность данной семьи как социального института, предполагающее полноценную реализацию всех закрепленных за семьей социальных функций: репродуктивной, регулятивной, воспитательной, жизнеохранительной и т.д. При этом важно подчеркнуть, что репродуктивную и воспитательную функции принято относить к ключевым функциям семьи. Как указывает О.А. Рагимова, воспроизводство личности, способной стать полноценным субъектом общественных отношений, является основополагающим критерием социального здоровья семьи.

В целом, социальное здоровье семейной среды зависит от множества факторов, среди которых особо важную роль играют половозрастной состав семьи, количество поколений, проживающих вместе, состояние здоровья членов семьи, уровень материальной обеспеченности, социально-психологический климат, характер внутрисемейного взаимодействия (включая подходы к воспитанию детей), семейные ценности и традиции и т.д. [7].

Исследователями выделен ряд показателей социального здоровья семьи, которые нам представляется целесообразным представить в настоящем исследовании. Отметим, что некоторые из анализируемых показателей дополнены нами в соответствии с рассмотренными выше теоретическими положениями, а также собственными взглядами на проблематику современной семьи.

Итак, уровень социального здоровья в семейной среде определяется следующими показателями:

1. Готовность к отказу от удовлетворения собственных потребностей ради интересов семьи. Известно, что, вступая в брак, молодые люди неизбежно сталкиваются с потерей своего личного пространства, на смену которому приходит общее жизненное пространство семьи, в формировании которого участвуют двое. Как правило, чувственные порывы, возникающие под воздействием эгоистических устремлений, провоцируют частые конфликты, которые в конечном итоге ставят под угрозу не только социальное здоровье, но и фактическое существование самой семьи. Формирование общего семейного пространства неизбежно требует от супругов терпения, взаимных уступок и готовности пренебречь собственными потребностями ради обеспечения общих интересов. Постепенное приобретения навыка следования общим семейным интересам является важным условием поддержания социального здоровья семейной среды.

2. Готовность к совместному переживанию трудностей. В современной психологической литературе часто фигурирует тезис о том, семья, как и любая другая динамическая система характеризуется гомеостазом (поддержанием постоянства внутренней среды). В свою очередь, нарушения данного гомеостаза, к которым традиционно принято относить болезнь, смерть, рождение ребенка со стойкими отклонениями в здоровье и т.п., нередко приводят к выраженной социально-психологической дезадаптации семьи, вплоть до ее распада. Это усугубляется также и тем, что общечеловеческое устремление к комфорту, сопровождаемое соответствующими ценностями и материально-идеологической атрибутикой, формирует в сознании молодых людей иллюзорное чувство защищенности от жизненных неурядиц. В то же время, практически невозможно представить себе семью, на протяжении своего жизненного пути защищенную от различных трудных ситуаций. Поэтому способность к конструктивным внутрисемейным взаимоотношениям в условиях воздействия различных отягощающих обстоятельств также следует

© Петрухина Д.А.

рассматривать в качестве важного показателя социального здоровья семьи.

3. Умение прощать обиды. Современное общество характеризуется повышенным уровнем конфликтогенности, что закономерным образом распространяется на семью, как и на другие социальные общности. В соответствии с этим, в каждой семье так или иначе всегда присутствует риск возникновения конфликтных ситуаций. Однако, если в любой другой социальной группе человек может выйти из конфликта, отказавшись от отношений, то в семье такое решение угрожает серьезными проблемами, связанными с потерей социального положения и совокупности благ, обеспечиваемых семьей. Таким образом, в целях сохранения целостности семьи каждому из ее членов необходимо уметь справляться с обидами – справедливыми и несправедливыми огорчениями, которые умышленно или неосознанно будут причиняться в процессе различных жизненных ситуаций.

4. Умение находить ресурсы в совместной деятельности. Выше мы уже упоминали о том, что семья, будучи ключевым социальным институтом, призвана выполнять определенные функции – воспитательную, рекреационную, хозяйственно-бытовую и т.д. Реализация большинства из этих функций предполагает совместную деятельность всех членов семьи, которая так или иначе призвана содействовать эмоциональной сплоченности и духовному единению. Как известно, сегодняшняя цивилизация предлагает семье множество технологических и цифровых решений, существенно облегчающих семейный быт. Однако освобождаемое время далеко не всегда направляется в конструктивное русло и нередко используется членами семьи, в лучшем случае, для отчужденного досуга, а в худшем – для предъявления взаимных претензий и выяснения отношений. В соответствии с этим, максимальная включенность членов семьи в жизнеобеспечивающую совместную деятельность (походы в магазин, приготовление ужина и т.д.) будет способствовать рациональному заполнению времени и укреплению эмоциональной привязанности.

5. Ориентированность на семейное долголетие, рождение детей и достижение отсроченных семейных целей. В данном контексте важно подчеркнуть, что такой распространенный в наши дни социальный феномен, как управление рождаемостью негативно влияет на все аспекты супружеских отношений, провоцирует повышенное эмоциональное напряжение и снижает степень удовлетворенность браком в целом. В результате незапланированная беременность становится сильным стрессогенным фактором, создающим риски для физического и социального здоровья супругов. Вместе с тем, необходимо помнить о том, что именно репродуктивная функция является одной из главных энергообеспечивающих и биологически обусловленных функций семьи, а многодетность, в свою очередь, является важным условием рационального распределения психических родительских ресурсов. К сожалению, данная проблема не может быть полностью решена в условиях внутрисемейной среды, популяризация многодетности так или иначе требует подкрепления на общегосударственном уровне, например, в рамках реализации различных социальных программ и национальных проектов.

Результаты.

Анализ и систематизация теоретических материалов был дополнен данными анкетирования, в котором приняли участие 30 супружеских пар, имеющих одного-троих детей в возрасте от 2 до 16 лет. Анкетирование было направлено на выявление осведомленности испытуемых о понятии «социальное здоровье», а также о факторах, влияющих на уровень состояния социального здоровья в семье. Используемая анкета содержала открытые вопросы в форме незаконченных предложений, которые предлагалось завершить испытуемым по собственному усмотрению. Полученные данные были подвергнуты качественно-количественной обработке.

Результаты анкетирования продемонстрировали отсутствие у испытуемых однозначных представлений о социальном здоровье как о значимом аспекте социальной среды. Так 60% опрошенных связывают социальное здоровье с благоприятной социально-психологической атмосферой в семье, а также отсутствием частых конфликтов и разногласий. В свою очередь, 22 % респондентов полагают, что социальное здоровье определяется уровнем социальной активности семьи, а именно – наличием устойчивых дружеских связей, разнообразием форм досуга, участием в значимых социальных проектах, мероприятиях и т.п. 10 % испытуемых рассматривают социальное здоровье как синоним трудоспособности и объясняют его наличие или отсутствие различными аспектами профессиональной самореализации. И, наконец, 8 % испытуемых затруднились дать однозначное определение социальному здоровью, отметив, что здоровье, по их мнению, является целостной характеристикой и не предполагает разделения на отдельные составляющие.

Представления респондентов о факторах, влияющих на социальное здоровье, распределились следующим образом: по мнению 27 % опрошенных на социальное здоровье влияет материальное благополучие семьи; 23 % испытуемых считают, что оно зависит от характера и эмоциональной отзывчивости ближайших родственников; 19 % в качестве основного фактора, влияющего на социальное здоровье, выделили степень загруженности семьи домашними делами и количество свободного времени, остающегося на досуг; 15 % полагают, что на социальное здоровье влияют статусные характеристики семьи, по мнению 10 % респондентов, таким фактором служит физическое и психологическое самочувствие детей и 6 % испытуемых затруднились ответить на данный вопрос.

© Петрухина Д.А.

Результаты исследования в сочетании с анализом теоретических данных позволили нам сформулировать рекомендации по повышению уровня психологического благополучия и социального здоровья семьи. С нашей точки зрения, работа специалиста по укреплению социального здоровья в семейной среде может быть направлена на формирование у членов семьи следующих компетенций:

– признание ценности семьи в системе человеческих взаимоотношений, понимание значимости ее сохранения и поддержания семейного благополучия;

– умение видеть в другом человеке его индивидуальность в сочетании со способностью проявлять терпимость к недостаткам, а также интересам и склонностям, противоречащим собственным установкам и убеждениям;

– принятие факта наличия проблем в семейных взаимоотношениях, готовность конструктивно их обсуждать, учитывать точку зрения другого, анализировать обстоятельства и принимать совместные конструктивные решения;

– готовность к решению проблем путем взаимных уступок, взаимопомощи, восприятие собственного благополучия через заботу о ближних, создание атмосферы доверия и взаимной поддержки;

– использование семейного совета как формы совместного поиска решений личных и семейных проблем, бережное отношение к мнению каждого, признание ценности нахождения выхода из противоречивой ситуации совместными усилиями;

– овладение системой практических знаний и умений, связанных с рациональным распределением супружеских и родительских ролей, оптимизация бытовых функций, формирование и закрепление навыков конструктивной совместной деятельности;

– формирование способов совместного времяпрепровождения, совместное участие в семейных торжествах, развитие и поддержание семейных традиций.

Исследователи отмечают, что высокий уровень социального здоровья семьи положительно влияет не только на состояние семейной среды, но и на внесемейную деятельность всех ее членов: профессиональную реализацию супругов, школьную успеваемость детей и т.д. Таким образом, поддержание социального здоровья внутри семьи положительно влияет на социальное здоровье других общностей, а, следовательно, как отмечено выше, и на коллективное социальное здоровье всей нации.

Заключение.

Теоретические и эмпирические результаты проведенного исследования позволяют нам сделать следующие выводы. Социальное здоровье представляет собой целостное многоуровневое образование, структура которого содержит физиологическую, психосоциальную и духовно-нравственную составляющие. Терминологическое словосочетание «социальное здоровье» в научном и научно-популярном дискурсе может употребляться применительно как к отдельно взятой личности, так и по отношению к социальной группе (семье, трудовому коллективу, обществу в целом). При этом социальное здоровье личности и социальное здоровье коллектива находятся в тесное взаимосвязи друг с другом, в соответствии с чем изменение социального здоровья на одном уровне влечет за собой изменения на другом уровне, и наоборот.

Несмотря на ряд политических, социально-экономических и духовно-нравственных трансформаций в обществе, семья продолжает оставаться главным социальным институтом, обеспечивающим становление личности и удовлетворение комплекса ее базовых потребностей. В соответствии с этим, социальное здоровье в семейное среде следует рассматривать в качестве основополагающего критерия семейного благополучия. К сожалению, некоторые психологические установки, сопровождающие формирование личности в современной цивилизации, далеко не всегда способствуют умению строить гармоничные семейные отношения и тем самым подрывают социальное здоровье семейной среды. Поэтому поддержание социального здоровья семьи является ключевой задачей педагогики.

Результаты эмпирического исследования показали противоречивость мнений представителей современных семей по поводу социального здоровья. Большинство опрошенных полагает, что социальное здоровье семьи является эквивалентом социально-психологического климата, а основным фактором, определяющим его состояние, является материальное благополучие. Другие респонденты, в свою очередь, считают социальное здоровье показателем социальной активности семьи, при этом среди факторов, опосредующих уровень социального здоровья, на втором месте оказались покладистость характеров и эмоциональная отзывчивость ближайших родственников. Интересно отметить, что ни один из опрошенных не связал социальное здоровье с состоянием общества, в соответствии с чем представляется своеобразным проведение просветительской работы в данном направлении.

На наш взгляд, затронутая в исследовании тема является актуальной и практически значимой. В перспективе планируется расширить эмпирическую составляющую исследования, дополнив ее результатами формирующего эксперимента и статистическим сравнением полученных различий.

Настоящая статья адресована, в первую очередь, педагогам, психологам и социальным работникам, в своей профессиональной деятельности непосредственно взаимодействующим с семьями, а также другим специалистам, заинтересованным в укреплении социального здоровья современной семьи.

© Петрухина Д.А.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Формирование традиционных семейных ценностей как основа социального благополучия : учеб. пособие / Н.В.Попова [и др.]; Под общ. ред. канд. филос. наук, доц. Н.В.Поповой; М-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. 160 с.
2. Приступа Е.Н. Социально-педагогическая профилактика девиаций социального здоровья школьника. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М., 2008. 43 с.
3. Поднебесная Э.И. Педагогические аспекты формирования социального здоровья подростков : автореф. дис. … на соискание ученой степени канд. педагогических наук. Рязань, 2010. 23 с.;
4. Кирсанов А.А. О возможностях использования ценностей «педагогики соборности» в современном образовании / А.А. Кирсанов, С.Н. Сорокина // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 428–433.
5. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция / П.А. Сорокин; Пер. с англ. Г.Ф. Войтенковой. URL : https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/amerikanskaya_sexualnaya_revolyutsia_p_sorokin.pdf
6. Тюмасева З.И. Семейная среда как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения / З.И. Тюмасева, И.Л. Орехова // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 3. С. 5.
7. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 21–25.

References:

1. Formation of traditional family values as the basis of social well-being : textbook / N.V. Popova [et al.]; under general. ed. cand. philos. Sciences, assoc. N.V. Popova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2024. 160 p.
2. Pristada E.N. Socio-pedagogical prevention of deviations of the social health of the student : autoref. dis. … for the degree of doctor of pedagogical sciences. M., 2008. 43 p.
3. Celestial E.I. Pedagogical aspects of the formation of social health of adolescents : autoref. dis. … for the degree of cand. pedagogical sciences. Ryazan, 2010. 23 p.
4. Kirsanov A.A. On the possibilities of using the values of «pedagogy of collegiality» in modern education / A.A. Kirsanov, S.N. Sorokina // Actual problems of science and education in conditions of modern challenges. Collection of materials of the XXVI International Scientific and Practical Conference. M., 2023. P. 428–433.
5. Sorokin P.A. American Sexual Revolution / P.A. Sorokin; Transl, from English G.F. Voitenkova. URL : https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/amerikanskaya_sexualnaya_revolyutsia_p_sorokin.pdf
6. Tyumaseva Z.I. Family environment as a means of preserving, strengthening the health of students and the formation of self-preserving behavior / Z.I. Tyumaseva, I.L. Orekhova // Bulletin of Mininsky University. 2019. Vol. 7. № 3. P. 5.
7. Gafiatulina N.Kh. Social health of a young family: indicators and levels of assessment / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9. P. 21–25.

Информация об авторе

Петрухина Диана Александровна
председатель АНО «Центр основ семьеведения и управления домом»
info@center-homeclub.ru

Diana A. Petrukhina
Chairman of the ANO «Center for the basics of family studies and home management»
info@center-homeclub.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Петрухина Д.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-20
УДК 316

Attribution
cc by

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Пономарев Ф.С.
Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов социального управления демографическими процессами с опорой на классические социологические концепции Т. Парсонса, Р. Мертона и М. Вебера. Применяется структурно-функциональный подход и теория социального действия для объяснения того, каким образом институциональные и социокультурные факторы влияют на воспроизводство населения. В эмпирической части исследования обобщены результаты социологического анкетного опроса, выявившие связь между типом родительской семьи и желаемым числом детей, а также роль ценностных ориентаций и институциональных условий в репродуктивном поведении. Особое внимание уделено латентным механизмам влияния через современное медиа-пространство (СМИ и блогосфера) и их воздействию на массовое сознание. Результаты показывают, что эффективное управление демографическими процессами требует комплексного учета как институциональных мер (политик, экономических стимулов), так и социокультурных детерминант (норм, ценностей, информационного влияния).

Ключевые слова: демографические процессы, воспроизводство населения, социальное управление, структурный функционализм, социокультурные факторы, институциональные факторы, массовое сознание.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

MECHANISMS OF SOCIAL MANAGEMENT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES: STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACH AND THEORY OF SOCIAL ACTION

Philip S. Ponomarev
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Abstract. The article is devoted to the analysis of mechanisms of social management of demographic processes based on classical sociological concepts of T. Parsons, R. Merton and M. Weber. The structural-functional approach and the theory of social action are used to explain how institutional and socio-cultural factors influence population reproduction. The empirical part summarizes the results of a sociological questionnaire survey that revealed the relationship between the type of parental family and the desired number of children, as well as the role of value orientations and institutional conditions in reproductive behavior. Particular attention is paid to latent mechanisms of influence through the modern media space (mass media and blogosphere) and their impact on mass consciousness. The results show that effective management of demographic processes requires a comprehensive consideration of both institutional measures (policies, economic incentives) and socio-cultural determinants (norms, values, information influence).

Keywords: demographic processes, population reproduction, social management, structural functionalism, socio-cultural factors, institutional factors, mass consciousness.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В 2024 году вопросы демографической политики активно вошли в текущее информационное поле. Все чаще одним из немаловажных предметов публичного обсуждения на государственном уровне выступает вопрос повышения текущего уровня рождаемости.

Существует определенный социальный запрос со стороны государства, который обусловлен текущим показателем коэффициента рождаемо-

© Пономарев Ф.С.

сти – 1,4 ребенка на весь репродуктивный период женщины.

В качестве теоретической базы исследования была выбрана концепция «Структурного Функционализма» Р. Мертона [5] и Т. Парсонса [7], позиции которой коррелируют непосредственно с основами социального управления, представленными отечественными социологами: Ивановым В.Н. [4], Патрушевым В.И. [8], Гладышевым А.Г. [6] и другими. Также, в качестве опоры исследования были выбраны классические положения теории М. Вебера [1]

Материалы и методы.

Исследование основывается на сочетании теоретического и эмпирического методов. На теоретическом уровне проведён анализ классических работ по социологии управления и общей социологической теории – трудов Т. Парсонса по социальной системе и структуре действия, Р. Мертона по функциональному анализу среднего уровня, М. Вебера по типологии социального действия и легитимности власти. Данные концепции использованы для выдвижения аналитической модели: институциональные механизмы (включая государственную демографическую политику, социально-экономические условия) рассматриваются как «явные» инструменты управления рождаемостью, тогда как социокультурные влияния (нормы семьи, религиозные установки, информационное поле) трактуются как потенциально латентные механизмы регулирования демографического поведения.

Эмпирическая часть выполнена в формате социологического исследования с использованием анкетного опроса. Опрос проводился среди репродуктивно активного населени (возраст группы 18–45 лет) в нескольких регионах. Выборка (N ~ 800 человек) была квотной по полу и возрасту, обеспечивая представительность основных социальных групп. Анкета включала вопросы о:

1) социально-демографических характеристиках респондентов (включая состав родительской семьи – полная семья, неполная, количество детей в семье происхождения);

2) желаемом и предполагаемом количестве детей;

3) ценностных ориентациях относительно семьи и детей (например, важность детей в жизни, отношение к гендерным ролям);

4) восприятии институциональных условий (осведомленность о мерах господдержки семей, удовлетворённость доступностью детских садов, жильем, стабильностью работы);

5) влиянии информационной среды (вопросы о том, откуда респондент черпает представления о «нормальной» семье – из семейного окружения, от друзей, из СМИ, социальных сетей).

Для обработки данных использовались методы описательной статистики и корреляционный анализ. В частности, проверялась взаимосвязь, существующая между типом родительской семьи и репродуктивными установками (гипотеза о том, что опыт воспитания в определённой семейной структуре влияет на желаемое число детей).

Также, анализировались групповые различия: сравнивались ответы респондентов с традиционными ценностями и секулярными установками, различных уровней образования, городских и сельских жителей – с целью выявить, какие социокультурные и институциональные факторы наиболее значимо связаны с намерениями обзавестись детьми.

Качественная информация из открытых вопросов анкеты и комментариев респондентов использована для интерпретации количественных результатов, позволяя понять мотивации и переживания, стоящие за цифрами. Исследование сознательно не опиралось на формальные статистические показатели рождаемости регионов или на данные переписей, а сфокусировалось на субъективных намерениях и мнениях людей, поскольку именно они являются непосредственной целью воздействия механизмов социального управления. Полученные эмпирические выводы были сопоставлены с теоретической моделью для выявления соответствий и расхождений, что обсуждается в следующих разделах.

Обсуждение.

На текущий момент, несмотря на эпоху индивидуализма и желание самореализоваться и жить для себя, среди молодого поколения существует определенная тенденция поддержки идей расширенного типа семьи. Расширенная семья имеет ряд плюсов в сравнении с классической нуклеарной семьей.

Концепция нуклеарной семьи наиболее распространена в реалиях современного Российского общества [2]. Это – расширенная семья, которая состоит из нескольких поколений и подразумевает наличие не только матери, отца и их детей, но и родственников со стороны родителей, а также имеет многогранный состав разной степени родства.

Исходя из данных эмпирического исследования, расширенный тип родительской семьи - второй по величине после нуклеарной; также стоит отметить, что варианты ответа традиционная (отвечающая традициям определенных народов / религиозных групп), патриархальная (семья с абсолютной властью мужа), а также партнерская семья (семья с равнозначным влиянием обоих родителей) были использованы для большей погруженности анкетируемых лиц в процесс опроса.

Также, данные варианты ответа были включены с целью генерализации получаемых результатов для последующего углубленного рассмотрения предмета исследования.

© Пономарев Ф.С.

Следует учитывать, что в случае с вышеописанными вариантами ответа, нельзя исключать прямого или косвенного отношения патриархальной, традиционной, партнерской семей к вариантам ответа расширенная и нуклеарная семья.

В классическом понимании, расширенный тип семьи подразумевает совместное проживание семьи состоящей из отца матери и их несовершеннолетних детей с родственниками мужа и (или) жены. Однако мы предпочитаем рассматривать расширенную семью, скорее, как культурное явление, не подвергая данное понятие догматизации.

Склонность к построению расширенной семьи имеет следующие положительные факторы влияния на демографические процессы:

– материальную помощь со стороны других членов семьи;

– возможность высвобождения свободного времени для супругов с целью проведения совместного времяпрепровождения;

– комплексный подход в воспитании детей с использованием межпоколенческого жизненного опыта.

Перечисленные факторы способствуют не только решению бытовых вопросов, но и материальных.

С позиции структурного функционализма, семья выступает ключевым социальным институтом, выполняющим функции воспроизводства, социализации и поддержания стабильности общества.

Т. Парсонс отмечал, что для традиционного общества характерна большая (расширенная) семья, удовлетворявшая множество потребностей своих членов [7].

Сегодня доминирует нуклеарная модель, но значение широкой родственной сети не утрачено: эмпирические данные свидетельствуют о том, что участие бабушек и дедушек существенно повышает готовность молодых родителей заводить детей.

Таким образом, поддержка расширенной семьи – важный резерв государственной демографической политики.

Механизмы воздействия на демографическое поведение не ограничены прямыми мерами – значимы и скрытые каналы формирования ценностей.

Образовательные институты помимо явных (академических) целей выполняют латентную функцию социализации, передавая молодежи базовые нормы и ценности, включая отношение к семье и родительству.

Интернет-пространство стало мощным латентным механизмом, незаметно транслирующим аудитории культурные образцы (стиль жизни, модели поведения, семейные идеалы).

Особенно подвержена влиянию цифровой среды молодежь, для которой интернет превратился в основной канал коммуникации. Еще десятилетие назад идеологические установки транслировали прежде всего традиционные СМИ, но с цифровизацией они утратили монополию на информационное пространство: центральное место заняли новые медиа – блоги, видеоплатформы и социальные сети. Популярные блогеры с миллионной аудиторией стали мощным инструментом влияния на общественное мнение; показательно, что около 80 % россиян признают влияние авторов блогов на формирование взглядов. Уровень доверия к блогерам нередко выше, чем к традиционным медиа, и молодежь подражает их позициям, в том числе относительно семейных ценностей. Таким образом, блогосфера превратилась в новый канал ценностного влияния, которым может воспользоваться демографическая политика.

Эффективное управление демографическим поведением требует комплексного подхода. С точки зрения структурно-функционального подхода, меры демографической политики должны сочетать экономические стимулы с социокультурным воздействием, учитывая взаимосвязь социальных институтов. Практически, это означает дополнение материальных мер просветительскими программами (воспитание семейных ценностей в системе образования), поддержкой института семьи (включая расширенную) и использованием потенциала новых медиа. Лишь такая всесторонняя стратегия способна устойчиво укрепить ориентацию на семейность и повысить рождаемость.

Также опрос зафиксировал, что осведомлённость и доверие к мерам государственной поддержки семей коррелируют с репродуктивными планами. Респонденты, считающие, что государство предоставляет достаточные условия для воспитания детей (материальные выплаты, доступное жильё, детсады), в среднем, планировали больше детей.

Итоговая картина результатов складывается следующим образом.

На индивидуальном уровне решение о количестве детей формируется под влиянием семейного бэкграунда и ценностных ориентиров, скорректированных оценкой внешних условий. Большинство хотели бы иметь больше детей, чем считают осуществимым на практике, что указывает на ограничивающее влияние экономико-институциональных факторов.

Традиционные нормы и поддерживающая семейная среда способствуют более высоким репродуктивным планам, тогда как отсутствие такого подкрепления или присутствие альтерна-

© Пономарев Ф.С.

тивных ценностей (индивидуализм, карьеризм) снижает готовность заводить детей.

Институциональные условия (социальная политика, экономика) выступают как «сито», через которое проходит действие ценностей: даже при наличии желания, реализация его зависит от воспринимаемой поддержки или препятствий.

Эти выводы согласуются с идеей о том, что культура и религия являются ключевыми драйверами желаемого числа детей, тогда как социально-экономические факторы влияют на фактическое число детей, – в нашем исследовании высокая значимость ценностей для идеальных установок сочетается с влиянием материальных условий на реальные планы.

Результаты.

1. Социальный институт семьи занимается первичным ценностным ориентированием индивидов на микро-социологическом уровне, но именно социальный институт государства с помощью своих ресурсов и возможностей может придавать необходимую ценностную огранку как ячейкам общества, так и индивидам в частности.

Вышеупомянутый контекст крайне важен в обсуждении дальнейших тезисов касающихся социальных факторов репродуктивного воспроизводства, воздействие на которые подразумевает социальное управление демографическими процессами с нашей точки зрения.

2. Закон приоритетности социальных целей. Как известно приоритетность выбора конечной цели управленческого воздействия определяется на этапе целеполагания, которое подразумевает нечто большее чем единичную односложную линейную задачу.

Текущая парадигма выбора и достижения социальных целей сформировалась во второй половине XX века. Фокус внимания сместился на комплексное развитие, что также коррелирует с теорией структурного функционализма, подразумевающей функционирование социальных институтов с помощью прямых и латентных воздействий на систему и её отдельно взятые субъекты.

Также следует отметить приоритетность социального управления демографическими процессами в целом и стимулирования деторождения в частности на уровне актуальных социальных запросов со стороны государства, что также подтверждает закон приоритетности социальных целей, так как государство, в свою очередь, заинтересовано в исправном функционировании всех социальных институтов, основной движущей силой которых остается по-прежнему человеческий ресурс, ибо исправно функционирующие институты общества напрямую виляют на жизнедеятельность самого государства.

Демографические показатели напрямую влияют на появление трудовых ресурсов, которые в дальнейшем задействуются во всех экономически-ориентированных социальных институтах. В условиях низких показателей рождаемости в долгосрочной перспективе происходит постепенное старение населения. Старение населения закономерно снижает количество трудоспособного населения, что в будущем влияет социальный институт экономики [3, с. 197].

Государство, воздействуя на институт экономики, закрывает лишь часть потребностей населения, которые в парадигме нашего исследования относятся к институционально-средовым. Наряду с ними, полноправно существуют социально-мировоззренческие потребности. В своем исследовании мы также выделили две группы социальных детерминант репродуктивного воспроизводства – институционально-средовые и социально-мировоззренческие.

Закон интеграции управления. Подразумевает объединение действий на разных уровнях общества и направлениях в сфере управления в единый управленческий процесс интегрируемый в общество (систему). Интегрирующими факторами, в данном случае, являются задачи и запросы общества (интересы). В рамках социального управления демографическими процессами с позиции рассмотрения социокультурной сферы общества, мы опираемся на социальные запросы не только государства, но и общества.

Социальные действия, производимые в рамках социального управления с опорой на теорию структурного функционализма, отвечают вышеупомянутому закону, формируя комплексный интегрированный процесс управления, благодаря совокупности применяемых государством мер для достижения целей в области демографии.

Базисом управленческих процессов по-прежнему остается институционально-средовое (экономическое) стимулирование детородных процессов, но, тем не менее, все чаще в актуальном социально-политическом и научном дискурсе мы сталкиваемся с тезисами, обращающими наше внимание на необходимость взаимодействия с массовым сознанием или же в рамках нашей работы «необходимость воздействия на социокультурные детерминанты репродуктивного воспроизводства», которые и есть продукт социокультурной сферы общества, сформировавшей представления индивидов о семье и деторождении.

Закон возрастающей субъективности управления и интеллектуальности в управлении. Управление, представляя собой субъективную деятельность, имеет в своей сущности управленческую культуру и собственную историческую специфику, сформированную общественным сознанием.

Полученные результаты подтверждают, что демографическое поведение формируется на пересечении институциональных и социокультур-

© Пономарев Ф.С.

ных влияний, что требует интерпретации сразу в двух аналитических плоскостях. С позиций структурного функционализма, общество стремится поддерживать определённый уровень рождаемости, достаточный для замещения поколений и выполнения функций семьи по социализации.

Если фактическая рождаемость падает ниже уровня воспроизводства, возникает дисфункция, угрожающая стабильности социальной системы. В ответ включаются механизмы социального управления: государство как центральный управляющий институт разрабатывает меры для коррекции ситуации (например, программы поддержки многодетных семей, стимулирование рождения второго и третьего ребёнка). Эти меры представляют собой явные функции – намеренные, официально декларируемые воздействия, цель которых осознаётся всеми участниками (повышение рождаемости). Примером является программа «материнского капитала» в России, запущенная в 2007 году, когда за рождение второго ребёнка семьям предоставляется существенная денежная выплата. Данная мера продемонстрировала определённую эффективность: коэффициент суммарной рождаемости в стране вырос с 1,3 (2006 г.) до 1,5 (2019 г.) за счёт увеличения числа вторых и последующих детей, что привело примерно к 2–2,5 млн дополнительным рождениям за время действия программы.

Этот пример иллюстрирует действие институционального механизма управления демографией, направленного на восстановление функционального баланса (более высокую рождаемость для компенсации демографического спада). Однако, как показывает анализ, одного институционального вмешательства недостаточно для устойчивого изменения демографических тенденций, если не учитываются латентные механизмы и культурный контекст.

С учётом изложенного, можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, социальное управление демографическими процессами многослойно: на верхнем, явном уровне это – комплекс политико-экономических мер (демографическая политика, социальная поддержка семей, законодательство, институциональные реформы типа улучшения здравоохранения), а на глубинном, латентном уровне – воздействие на ценности, нормы, общественное мнение (через систему образования, культуру, СМИ).

Во-вторых, институциональные и социокультурные факторы должны рассматриваться в единстве. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что политики эффективны, когда они резонируют с культурными ожиданиями населения. Если общество не воспринимает ценность многодетности, одними выплатами проблему не решить; и наоборот, при высокой семейно-ориентированной культуре даже скромные меры поддержки могут дать ощутимый эффект, поскольку люди мотивированы изначально.

В-третьих, классические социологические теории дополняют друг друга в понимании этих процессов.

Структурный функционализм подчёркивает необходимость системного равновесия и дает рамку для оценки эффективности управленческих вмешательств (например, достаточность мер для восстановления рождаемости), тогда как подход через теорию действия и массовое сознание высвечивает, почему индивиды могут реагировать не так, как «предписано» политиками – из-за своих собственных смыслов, или под влиянием неформальных социальных сил.

Заключение.

В современном обществе важно формировать ценности о семье и деторождении. Одним из методов улучшения демографии может стать повышение престижа расширенной семьи, что воздействует на ранние стадии формирования семейных установок. В отличие от традиционной агитации через СМИ, такой подход использует образовательные учреждения для латентного влияния, постепенно меняя социальные нормы и репродуктивное поведение. Он вписывается в теорию структурного функционализма (Мертон, Парсонс), где семья и социальное управление нацелены на стабильность общества.

Латентное воздействие эффективнее прямой пропаганды, поскольку не вызывает сопротивления.

Традиционные медиа остаются важными, но образование даёт более устойчивый, долгосрочный эффект: формирует новое поколение с пониманием ценности многодетности, меняет восприятие семейных ролей и социальной ответственности.

Такой комплексный подход открывает новые перспективы для социологии управления и демографической политики, создавая основу для дальнейших исследований и практических рекомендаций.

Использование неочевидных способов воздействия на семейные ценности и репродуктивные планы через социальный институт образования, в сочетании с уже применяемыми средствами массовой информации, откроет новые горизонты для социологии управления.

Эти подходы создадут основы для новых исследований и практических рекомендаций в области социального управления и демографической политики.

© Пономарев Ф.С.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : «Прогресс», 2003.
2. Верещагина А.В. Типологическая характеристика семьи в современном российском обществе // ИАЭК. 2012. № 2(30). URL: https://cyberleninka. ru/article/n/tipologicheskaya-harakteristika-semi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve (дата обращения 30.04.2022).
3. Зотиков Н.З. Роль населения в развитии экономики // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2023. С. 196–207.
4. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. М., 1996.
5. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой, [и др.]; Науч. ред. З.В. Коганова. М. : АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
6. Основы социального управления : учеб. пособие / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев [и др.]; Под ред. В.Н. Иванова. М. : Высш. шк., 2001. 271 с.
7. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М. : Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
8. Социальный менеджмент / Отв. ред. В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. М., 1998.

References:

1. Weber M. Selected works. M. : Progress, 2003.
2. Vereshchagina A.V. Typological characteristics of the family in modern Russian society // IAEK. 2012. № 2 (30). URL : https://cyberleninka ru/article/n/tipologicheskaya-harakteristika-semi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve (date of application 30.04.2022).
3. Zotikov N. Z. The role of the population in the development of the economy // Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges: a collection of scientific articles. Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 196-207.
4. Ivanov V.N. Social technologies in the modern world. M., 1996.
5. Merton R.K. Social theory and social structure / Transl. from English by E.N. Egorova [et al.]; scientific ed. by Z.V. Koganov. M. : AST, Guardian, 2006. 873 p.
6. Fundamentals of social management : textbook / A.G. Gladyshev, V.N. Ivanov, V.I. Patrushev [et al.]; Edited by V.N. Ivanov. M. : Higher School of Economics, 2001. 271 p.
7. Parsons T. The system of modern societies / Transl. from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. M. : Aspect Press, 1997. 270 p.
8. Social management / Ed. by V.N. Ivanov, V.I. Patrushev. M., 1998.

Информация об авторе

Пономарев Филипп Сергеевич
соискатель,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
brigadafila@gmail.com

Philip S. Ponomarev
Applicant,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
brigadafila@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Пономарев Ф.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-24
УДК 316.4.064

Attribution
cc by

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.
Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В условиях цифровой экономики молодые специалисты сталкиваются с новыми вызовами, которые требуют от них гибкости в выборе карьерного пути и освоения новых навыков. В статье представлены результаты анкетного опроса студентов Кубанского государственного технологического университета о влиянии цифровизации на их профессиональные планы. В ходе исследования установлено, что большинство опрошенных являются сторонниками цифровой трансформации и ожидают дальнейшего расширения возможностей для профессионального выбора студенческой молодежи. В отношении востребованности в будущем их собственной специальности, для респондентов характерен низкий уровень уверенности. Были выявлены гендерные различия и различия между студентами технических и общественных специальностей о готовности опрашиваемых к переобучению по цифровым профессиям. Результаты исследования подчеркивают необходимость дифференцированного подхода в адаптации студенческой молодежи к требованиям современного рынка труда и могут быть использованы в процессе разработки образовательных программ высших учебных заведений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровые профессии, молодежь, профессиональные навыки, цифровой гендерный разрыв.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROFESSIONAL TRAJECTORIES OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Yulia V. Pupkova, Anna G. Musayeva
Kuban State University of Technology

Abstract. In the digital economy, young professionals face new challenges that require them to be flexible in choosing a career path and mastering new skills. The article presents the results of a questionnaire survey of students of Kuban State Technological University on the impact of digitalization on their professional plans. The study found that the majority of respondents are supporters of digital transformation and expect further expansion of professional choice opportunities for students. Respondents have a low level of confidence about the relevance of their own specialty in the future. Gender differences and differences between students of technical and social specialties were identified in the responses about the willingness of respondents to retrain in digital professions. The results of the study emphasize the need for a differentiated approach in the adaptation of students to the requirements of the modern labor market and can be used in the process of developing educational programs of higher education institutions.

Keywords: digitalization, digital economy, digital transformation, digital professions, youth, professional skills, digital gender gap.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Интенсивное развитие цифровых технологий и их внедрение в различные сферы экономики приводит к значительным изменениям структуры занятости, форм трудовой деятельности и требований к профессиональным компетенциям специалистов.

Цифровизация оказывает противоречивое влияние на рынок труда, создавая как новые возможности для профессионального роста, так и усу-

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

губляя риски социального неравенства и нестабильности трудовых отношений в условиях быстро меняющейся экономической среды.

К положительным эффектам перехода к цифровой экономике относят минимизацию рутинных рабочих задач, появление множества новых профессий, рост производительности и объемов производства благодаря инвестициям в информационно-коммуникативные технологии и реинжиниринг, оптимизацию трудовых ресурсов за счет использования онлайн-платформ, увеличение эффективности и заработной платы работников отраслей, применяющих цифровые решения [1; 2].

Социальные риски цифровизации связаны с поляризацией и интенсификацией труда, потерей конфиденциальности из-за систем контроля деятельности персонала, размыванием границ между рабочим и личным временем, а также неравномерным распределением цифровых навыков по регионам, отраслям, профессиям, гендеру и расам [1; 2; 3].

В докладе Всемирного экономического форума 2025 года подчеркивается, что расширение цифрового доступа является основным драйвером трансформации бизнес-процессов и рынка труда [4]. По оценкам экспертов, в течение 5 лет произойдут значительные изменения в пропорциях трех типов рабочих задач: выполняемых исключительно человеком, выполняемых человеком совместно с технологиями и основанных исключительно на технологических решениях (машинах и алгоритмах). Ожидается, что доля чисто технологических задач в период с 2025 по 2030 гг. возрастет с 22 % до 34 %, в то время как доля задач, решаемых исключительно людьми, наоборот, сократиться с 47 % до 33 % [4, p. 26]. Закономерно, это приведет к изменениям в требованиях работодателей к профессиональным компетенциям, появлению новых профессий, исчезновению или снижению потребности в некоторых специальностях. По мнению экспертов Всемирного экономического форума, к 2030 г. может измениться 39% ключевых навыков, требуемых на рынке труда. При этом потребность работодателей в технологических навыках персонала будет расти быстрее, чем в любых других [4. p.32]. Кроме того, самый высокий относительный прирост рабочих мест прогнозируется именно в сфере цифровых профессий.

В Российской Федерации в период с 2019 по 2023 гг. ИТ-отрасль занимала лидирующие позиции среди крупных отраслей экономики [5]. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, за девять месяцев 2024 г. объем инвестиций сектора ИКТ в основной капитал увеличился почти в 1,5 раза (на 48,7 %) по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. [6]. Статистика занятости в сфере информационных технологий свидетельствуют о развитии этого экономического сектора в РФ за последние годы. Так, готовые темпы прироста среднесписочной численности работников ИТ-отрасли и прочих ИТ-услуг составили 5,1 % в 2021 г., 11,6 % в 2022 г. и 11,6 % в 2023 г. [7]. За девять месяцев 2024 г. количество занятых в этих направлениях увеличилось на 13,3 % в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. По прогнозным оценкам НИУ ВШЭ общая численность работников ИТ-отрасли в России в конце 2024 г. могла приблизиться к 1 млн человек [6]. При этом спрос на цифровые профессии продолжает оставаться высоким и рынок труда насчитывает более 700 тыс. вакансий для специалистов в этой сфере [8].

Результаты исследований общественного мнения свидетельствуют о существенных изменениях в восприятии россиянами статуса профессий за последние десятилетия. По данным ВЦИОМ, в 2006 г. 28 % респондентов считали престижным быть специалистом в юридической сфере, 20 % – экономистом, 10 % – работником банковской сферы, 10 % – предпринимателем [9]. В 2023 г. подобные взгляды стали разделять значительно меньше респондентов (7 %, 4 %, 3 % и 2 % соответственно). В то же время, рейтинг IT-специальностей за последние годы повысился. Если в 2006 г. работу в сфере информационных технологий включали в тройку наиболее престижных профессий только 7 % респондентов, то в 2023 г. подобный выбор сделали уже 31 % опрошенных ВЦИОМ граждан РФ.

В условиях растущего спроса на диджитал-специалистов со стороны рынка труда и повышающегося престижа IT-профессий среди россиян, важно исследовать, как эти тренды могут влиять на выбор карьерного пути современной студенческой молодежи, стремящейся к актуальным и востребованным специальностям. Многим студентам и выпускникам высших учебных заведений придется пересматривать свои профессиональные ориентиры и осваивать новые навыки для того, чтобы оставаться конкурентоспособными в цифровой экономике. Это обуславливает необходимость определения ключевых факторов и барьеров профессиональной адаптации молодежи к цифровым вызовам.

Методы и результаты.

С целью изучения представлений современной молодежи о профессиональном будущем в условиях цифровой экономики был проведен социологический опрос среди студентов Кубанского государственного технологического университета. Было опрошено 172 человека, в том числе 95 (55 %) женщин и 77 (45 %) мужчин. Все респонденты являются студентами бакалавриата очной формы обучения. 110 (64 %) респондентов получают высшее образование по техническим специальностям, 62 (36 %) – социально-экономическим.

В вопросе о том, как они в целом относятся к процессу повсеместного внедрения цифровых технологий, вариант ответа «позитивно» выбрали 53,5 % респондентов, «скорее позитивно» –

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

29,7 %, «нейтрально» – 5,8 %, «скорее отрицательно» – 7,0 %, «отрицательно» – 4,1 % респондентов. В ответах на данный вопрос не было выявлено гендерных различий. Различия отсутствуют и в разрезе двух разных направлений подготовки: социально-экономического и технического.

Большинство респондентов (66,9 %) считает, что в условиях цифровой трансформации экономики у молодежи появляется больше возможностей для выбора профессии. Не согласны с этим только 9,9 % опрошенных. Затруднились с оценкой того, как происходящие перемены влияют на профессиональный выбор 23,3 % респондентов. При этом студенты социально-экономических направлений подготовки чаще испытают подобные сомнения (35,5 %) и реже оптимистично оценивают свои будущие профессиональные возможности (45,2 %), чем студенты технических направлений подготовки (соответственно 28,2 % и 60,0 %).

На вопрос о том, сомневались ли они в правильности собственного профессионального выбора в связи с активным проникновением цифровых технологий в различные сферы деятельности, утвердительно ответили 41,3 % опрошенных. Около трети респондентов (33,7 %) затруднились с ответом на данный вопрос. И только четверть опрошенных (25,0 %) убеждены, что не совершили ошибку при выборе будущей профессии. Хотя подобные убеждения больше свойственны студентам технических специальностей (29,1 %), чем социально-экономических (17,7 %), сомневающихся в правильности выбранного пути достаточно много как среди «технарей», так и «гуманитариев» (40,0 % и 43,5 % соответственно).

Представленные данные свидетельствуют о том, что современная молодежь осознает, насколько сильно цифровизация влияет на рынок труда в целом и как быстро могут измениться требования к профессиональным навыкам в различных секторах экономики. Это подтверждают ответы респондентов на следующий вопрос: «Возможна ли такая ситуация, что выбранная Вами специальность в ближайшие 10 лет станет не востребованной из-за развития цифровых технологий?» (таб. 1).

Таблица 1

Мнение студентов о востребованности их специальности в ближайшие десятилетие, %.

Степень востребованности специальности	Пол		Направление обучения		Всего
	Женщины	Мужчины	Техническое	Социально-экономическое	
Будет востребована	16,8 %	28,6 %	29,1 %	9,7 %	22,1 %
Не будет востребованна	32,6 %	26,0 %	30,9 %	27,4 %	29,7 %
Затруднились с оценкой востребованности специальности	50,5 %	45,5 %	40,0 %	62,9 %	48,3 %
Всего	100	100	100	100	100

Лишь менее четверти, опрошенных оптимистично оценивают конкурентоспособность специалистов своего направления подготовки в будущем (рис. 1). Для основной части респондентов перспективы трудоустройства и работы по специальности, по которой они сейчас проходят обучение в университете, выглядят весьма неопределенными. В сравнении с технарями, студенты гуманитарных профилей реже выражают уверенность в востребованности собственной профессии на рынке труда и чаще затрудняются с оценкой того, что может ожидать их в профессиональном плане в ближайшие годы. Также, в ответах на данный вопрос прослеживаются гендерные различия: женщины чаще испытывают сомнения относительно соответствия свой специальности требованиям цифровой экономики.

Осознавая риски устаревания и не востребованности своей профессии в условиях цифровизации, молодежь может искать пути адаптации к происходящим переменам и построения успешной карьеры.

В таблице 2 представлены распределения ответов респондентов на вопрос об их планах на получение второго высшего образования или прохождения профессиональной переподготовки в сфере IT-технологий в будущем.

Таблица 2

Готовность молодежи освоить цифровую профессию, %

Степень готовности	Пол		Направление обучения		Всего
	Женщины	Мужчины	Техническое	Социально-экономическое	
Готовы	33,7 %	40,3 %	45,5 %	21,0 %	36,6 %
Не готовы	21,1 %	11,7 %	15,5 %	19,3 %	16,9 %
Затрудняются ответить	45,2 %	48,0 %	39,0 %	59,7 %	46,5 %
Всего	100	100	100	100	100

В целом более трети опрошенных заинтересованы получить диплом специалиста в сфере цифровых технологий. Достаточно много респондентов сомневались в необходимости по-

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

следующего обучения по IT-специальностям. Однако численность испытывающих подобные сомнения, как в целом по выборке, так и в разрезе отдельных групп опрашиваемых, оказывается заметно больше числа тех студентов, кто не желает связывать свою профессиональную карьеру с IT-сферой. Мужчины более мотивированы к освоению новой – цифровой – профессии. Различия в ответах присутствуют и в разрезе разных направлений подготовки учащихся. Большинство студентов социально-экономических профилей еще не определились в своих планах на будущее. В то время как студенты технических специальностей достаточно часто, еще на этапе обучения в университете, планируют в дальнейшем развивать собственные цифровые компетенции.

К недостаткам цифровых профессий большинство респондентов (52,3 %) отнесли риск быстрого устаревания знаний и навыков в данной отрасли экономики. Среди других минусов диджитал-специальностей 44,8 % опрошенных отметили необходимость приобретения дорогостоящего оборудования для учебы и дальнейшей работы, 42,4 % – необходимость постоянного обучения и саморазвития, 34,9 % – большую конкуренцию на рынке труда, 33,7 % – высокие требования к знаниям специалистов этой сферы деятельности. В оценках рисков построения карьеры в сфере цифровых технологий присутствуют гендерные различия: опасения из-за высоких квалификационных требований чаще испытывают женщины (41,1% vs. 24,7 % у мужчин).

На рисунке 1 представлены распределения ответов респондентов на вопрос о преимуществах выбора цифровой профессии. Данные представлены в целом по выборке и в разрезе разных направлений подготовки учащихся.

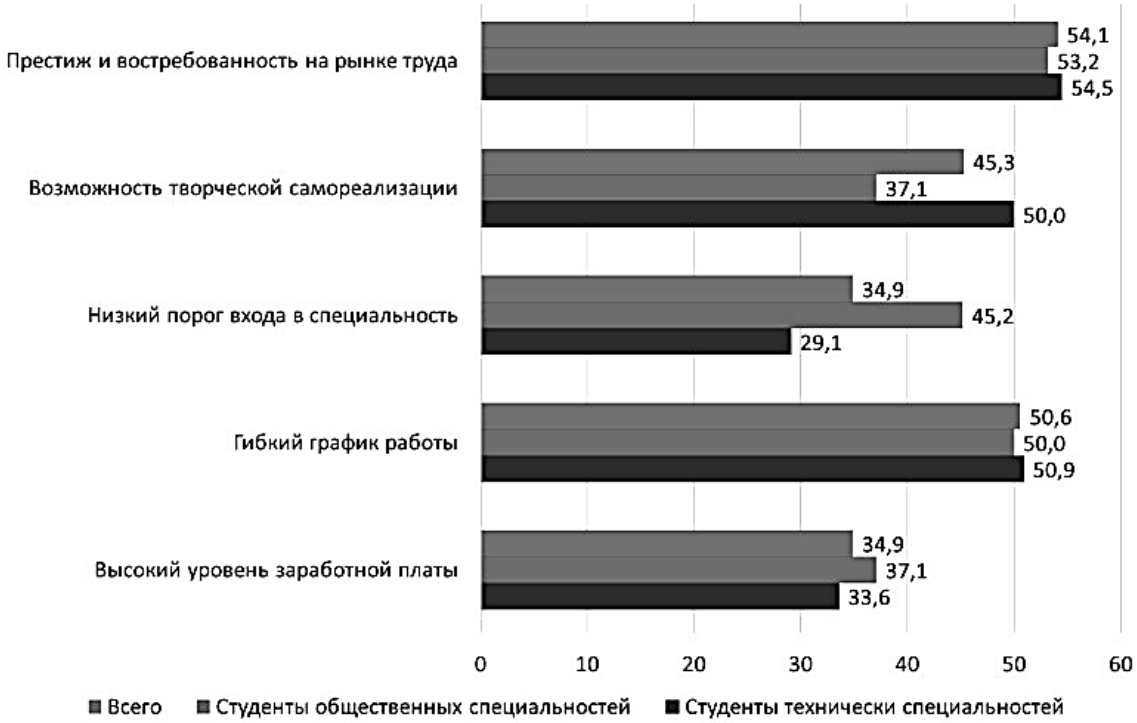

Рисунок 1 – Преимущества специализации в сфере цифровых технологий, %

По данным Росстата, в апреле 2024 г. средняя заработная плата в IT-отрасли была вдвое выше средней зарплаты по России [10]. Однако большинство опрошенных студентов не соотносит преимущества работы в диджитал-сфере с ее потенциальными финансовыми выгодами (рис. 2). По мнению респондентов, привлекательность цифровых профессий прежде всего связана с их престижем и востребованностью в современном обществе, а также присущим этим профессиям, более удобным, режимом рабочего дня.

Подобные представления характерны для студентов и технических, и социально-экономических направлений обучения.

В оценках «гуманитариями» и «технарями» других характеристик цифровых профессий наблюдаются значительные различия. Для многих студентов технических специальностей преимущество работы в IT-сфере состоит в возможности творческой самореализации. В то время как будущие социологи и экономисты чаще считают, что плюсом IT-отрасли является отсутствие барьеров для трудоустройства и карьерного роста молодых специалистов.

Обсуждение.

Происходящие технологические изменения влияют на социально-профессиональную структуру общества, приводя к исчезновению или значи-

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

тельной трансформации традиционных профессий и появлению новых направлений деятельности, требующих от человека освоения цифровых навыков, которые постоянно обновляются и развиваются по мере прогресса в области искусственного интеллекта. Проведенный опрос показал, что у многих респондентов нет четких представлений о судьбе их собственной профессии в ближайшее десятилетие, но при этом большинство опрошенных верит в расширение возможностей для профессионального выбора в рамках цифровой экономики. Это может свидетельствовать о завышенных ожиданиях у части студентов в отношении потенциальных экономических последствий цифровизации. В данной ситуации высшим учебным заведениям необходимо развивать карьерное консультирование, направленное на понимание студенческой молодежью рисков и возможностей, связанных с их карьерными траекториями и требованиями работодателей. Это поможет студентам более реалистично оценивать свои шансы на рынке труда и принимать обоснованные решения о выборе профессии.

Восприятие рисков цифровизации студенческой молодежью может зависеть от многих факторов, включая личные качества, опыт работы и прохождения стажировок, поддержки со стороны окружения, индивидуальных достижений в вузе и, конечно, от самого направления обучения, поскольку «цифровые» риски распределены неравномерно по разным профессиональным областям.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о различиях оценок рисков безработицы и динамики рабочих мест у студентов технических и гуманитарных специальностей. Прогнозы гуманитариев в отношении перспектив рынка труда были более пессимистичны [11].

В ходе нашего социологического опроса также были выявлены различия в ответах респондентов, обучающихся на разных направлениях подготовки. В сравнении с гуманитариями, студенты технических специальностей характеризуются более позитивным восприятием происходящих перемен. Они более уверены в востребованности собственной профессии в высокотехнологичной экономике будущего и проявляют большую открытость к освоению цифровых профессий. Подобные различия в профессиональных ожиданиях респондентов могут быть обусловлены следующими психологическими факторами:

– традиционно, в общественных науках более слабая связь с технологиями, поэтому на социально-экономические направления поступают те, кто менее заинтересован использовать цифровые методы и инструменты в своей профессиональной деятельности;

– если для технических специальностей использование технологий в учебном процессе является стандартом, то в социально-экономических специальностях нет такой интеграции технологических решений и методов обучения. Отсутствие регулярного закрепления навыков работы с технологиями у гуманитариев может приводить к их сомнениям в способности освоить диджитал- профессии и страху перед будущим, в котором цифровые решения играют ключевую роль;

– технологии искусственного интеллекта и машинного обучения автоматизируют не только рутинный умственный труд, но и не рутинные когнитивные задачи, которые раньше считались исключительно прерогативой человека. Ожидаемая конкуренции с цифровыми технологиями в традиционных для социологов и экономистов сферах деятельности, может приводить к снижению уверенности в востребованности собственной профессии в будущем и правильности выбора направления обучения.

Несмотря на различия представлений о профессиональном будущем у респондентов разных направлений подготовки, ответы студентов технических специальностей свидетельствуют о том, что проблема неопределенности карьерных путей в цифровой экономике также актуальна и для них. Выпускники в областях STEM (Science, Technology, Engineering, Math) приобретают за время обучения в университете навыки аналитического мышления, количественного анализа и работы с математическими моделями, которые могут быть применены в цифровых профессиях. Это повышает шансы на трудоустройство в сферах, широко использующих технологии. Однако именно в этих сферах наиболее активно внедряются технологические инновации и быстро меняются требования к профессиональным навыкам. Поэтому студенты технических специальностей также могут испытывать опасения по поводу устаревания университетских знаний и навыков и понимать необходимость их актуализации в условиях постоянной эволюции технологий.

В отношении влияния цифровой трансформации на гендерное неравенство существуют разные оценки. Ожидания позитивных перемен связаны с тем, что благодаря цифровым технологиям появляются новые возможности для онлайн-обучения, удаленной работы и работы с гибким графиком. Это может способствовать снижению гендерного неравенства за счет создания более благоприятных условий для приобретения женщинами навыков, востребованных на рынке труда, а также более простого совмещения профессиональных и семейных обязанностей. Действительно, результаты некоторых исследований свидетельствуют о сокращении гендерного разрыва в оплате труда при переходе к цифровой экономике [12].

Однако во многих исследованиях акцент делается как раз на новых, обусловленных цифровой революцией вызовах для экономического положения женщин. Так, автоматизация и внедрение систем искусственного интеллекта приводят к массовой потере рабочих мест, связанных с вы-

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

полнением рутинных задач и простых операций. Но поскольку в этих сферах более активно представлены именно женщины, они становятся особенно уязвимыми к структурным изменениям на рынке труда. Гендерный цифровой разрыв усугубляется также из-за того, что мужчины чаще работают в областях STEM, чаще занимают не только высшие политические и управленческие должности, но и ключевые позиции в технологических проектах и стартапах [13].

Проанализировав статистические данные по 29 европейским странам за 2011–2020 гг., Е. Лехман и М. Половска пришли к выводу о лишь незначительном сокращении гендерного неравенства в технологическом образовании. Что касается занятости мужчин и женщин в высокотехнологичных областях, то разрыв между ними в рассматриваемый период времени только увеличился [14].

Критике подвергаются и ожидания, связанные с нивелированием различий в возможностях акторов в условиях платформенной экономики. Алгоритмические методы управления персоналом на цифровых платформах (системы рейтингов, оценки производительности, распределения задач) зачастую приводят к прекаризации женского труда. При этом усиление гендерного неравенства может затрагивать как неквалифицированных работников, так и специалистов высокой квалификации [15; 16; 17].

Результаты социологического опроса студентов Кубанского государственного технологического университета свидетельствуют о возможных гендерных различиях профессиональных траекторий респондентов в условиях активной цифровизации и формирования нового экономического пространства в РФ. Хотя женщины чаще сомневаются в том, что их специальность будет востребована на рынке труда в будущем, они выразили меньшую готовность к освоению цифровых профессий, актуальных в рамках цифровой экономики.

Один из барьеров профессиональной адаптации может быть связан с выявленными в ходе исследования гендерными различиями в ожиданиях молодежи относительно профессиональных компетенций диджитал-специалистов. Женщины значительно чаще, чем мужчины, считали высокие квалификационные требования недостатком цифровых профессий. На наш взгляд, это свидетельствует о необходимости учета гендерных стереотипов при подготовке специалистов в областях STEM. Эти области ассоциируются с традиционно мужскими профессиями, что может создавать барьеры для женщин и вызывать у них сомнения в возможности собственной реализации в сфере информационных технологий.

Заключение.

Проведенное исследование выявило некоторые особенности восприятия цифровизации студенческой молодежью, которые важны для лучшей адаптации выпускников университетов к требованиям рынка труда. Неуверенность в долгосрочной востребованности собственной специальности свидетельствует о необходимости усиления профориентационной работы в вузах, направленной на повышение осведомленности студентов о рисках цифровой экономики и возможностях, которые она представляет. Университетам следует развивать гибкие образовательные траектории, сочетающие углубленную профессиональную подготовку с формированием цифровых компетенций и soft skills. Выявленные гендерные и междисциплинарные различия в готовности к переобучению подчеркивают важность дифференцированного подхода в образовательном процессе.

Однако не все проблемы могут быть решены самими университетами. Так, для привлечения женщин в цифровые профессии должны проводиться информационные кампании, в рамках которых будут продемонстрированы примеры успешных женщин в технологической сфере. Но подобные кампании должны быть частью более широкой государственной политики, направленной на создание целевых ориентиров и стратегий сокращения гендерного разрыва в STEM-областях. Это требует комплексного подхода, включающего не только образовательные инициативы, но и активное участие государства в решении ряда проблем профессиональной адаптации молодежи в условиях стремительно меняющейся цифровой среды.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Козлова Е.И. Влияние цифровизации на рынок труда // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10(444). С. 70–77.

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

2. Климовицкий С.В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда / С.В. Климовицкий, Г.В. Осипов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 212–216.
3. Арзамасова Е.Л. Влияние цифровизации и автоматизации на рынок труда и занятость в различных отраслях экономики // Человек. Общество. Инклюзия // 2024. № 2(58). С. 37–45.
4. The Future of Jobs Report 2025 / World Economic Forum. URL : https://www.weforum.org/reports/the-future-ofjobs-report-2025 (date of application 23.03.2025).
5. ИТ-отрасль заняла 1 место по темпам роста ключевых показателей за 4 года среди всех крупных отраслей экономики // Минцифры. URL : https://digital.gov.ru/en/news/it-otrasl-zanyala-1-mesto-po-tempam-rosta-klyuchevyh-pokazatelej-za-4-goda-sredi-vseh-krupnyh-otraslej-ekonomiki (дата обращения 23.03.2025).
6. Российский сектор ИКТ в I–III кварталах 2024 года // ИСИЭЗ. URL : https://issek.hse.ru/news/1008748239.html (дата обращения 23.03.2025).
7. Российский сектор ИКТ. Аналитика на основе официальной статистической информации // ИСИЭЗ. URL : https://issekdash.hse.ru/viewer/public?dashboardGuid=0e54f8988a3241129ffae56ca76001cd&showNav=true&fit=true (дата обращения 23.03.2025).
8. Дмитрий Чернышенко принял участие в церемонии запуска конкурса «Цифровой марафон – 2025» // Правительство России. URL : http://government.ru/news/54052 (дата обращения 23.03.2025).
9. Профессии в России: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost (дата обращения 23.03.2025).
10. Зарплата ИТ-специалистов в два раза выше средней по экономике // Минцифры. URL : https://digital.gov.ru/news/zarplata-it-speczialistov-v-dva-raza-vyshe-srednej-po-ekonomike (дата обращения 23.03.2025).
11. Ермолаева С.Г. Влияние цифровизации на рынок труда: мнение студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2(65). С. 56–64.
12. Which groups benefit more? Evidence from the impact of the digital economy on the gender wage gap / Y. Wang [et al.] // Applied Economics. 2023. № 56(58). P. 8462–8480. URL : https://doi.org/10.1080/00036846.2023.2290597
13. Bannykh G. Gender Digital Inequality: Conceptualization and Practices / G. Bannykh; E. Zaramenskikh, A. Fedorova (eds) Digital Transformation and New Challenges. Lecture Notes in Information Systems and Organisation. 2021. Vol 45. Springer, Cham. URL : https://doi.org/10.1007/978-3-030-71397-3_13
14. Lechman E. Overcoming gender bias in the digital economy. Empirical evidence for European countries / E. Lechman, M. Popowska // Gender, Technology and Developmen. 2022. № 26(3). P. 404–436. URL : https://doi.org/10.1080/09718524.2022.2127064
15. Anwar M.A. Platforms of inequality: gender dynamics of digital labour in Africa. Gender & Development. 2022. № 30(3). P. 747–764. URL : https://doi.org/10.1080/13552074.2022.2121059
16. van Doorn N. Platform labor: on the gendered and racialized exploitation of low-income service work in the «on-demand» economy. Information, Communication & Society. 2017. № 20(6). P. 898–914. URL : https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1294194
17. James A. Women in the gig economy: feminising «digital labour». Work in the Global Economy. 2022. № 2(1). P. 2–26. Retrieved Mar 25, 2025. URL : https://doi.org/10.1332/273241721X16448410652000

References:

1. Kozlova E.I. The impact of digitalization on the labor market // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2020. № 10(444). P. 70–77.
2. Klimovitsky S.V. The impact of digitalization of the economy on the labor market / S.V. Klimovitsky, G.V. Osipov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 4. P. 212–216.
3. Arzamasova E.L. The impact of digitalization and automation on the labor market and employment in various sectors of the economy. Society. Inclusion // 2024. № 2(58). P. 37–45.
4. The Future of Jobs Report 2025 / World Economic Forum. URL : https://www.weforum.org/reports/the-future-ofjobs-report-2025 (date of application 23.03.2025).
5. The IT industry has taken 1st place in terms of the growth rates of key indicators over 4 years among all major sectors of the economy // Ministry of Finance. URL: https://digital.gov.ru/en/news/it-otrasl-zanyala-1-mesto-po-tempam-rosta-klyuchevyh-pokazatelej-za-4-goda-sredi-vseh-krupnyh-otraslej-ekonomiki (date of application 03/23/2025).
6. The Russian sectarian in the I–III quarters of 2024 // FROM. URL : https://issek.hse.ru/news/1008748239.html (date of application 03/23/2025).
7. The Russian ICT sector. Analytics based on official statistical information // ISIEZ. URL : https://issekdash.hse.ru/viewer/public?dashboardGuid=0e54f8988a3241129ffae56ca76001cd&showNav=true&fit=true (date of application 03/23/2025).
8. Dmitry Chernyshenko took part in the launch ceremony of the Digital Marathon 2025 contest // Government of Russia. URL : http://government.ru/news/54052 (date of application 03/23/2025).
9. Passage in Russia: location, accessibility, interest // OUR. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost (date of application 03/23/2025).
10. The salary of IT specialists is twice as high as the average for the economy // Ministry of Finance. URL : https://digital.gov.ru/news/zarplata-it-speczialistov-v-dva-raza-vyshe-srednej-po-ekonomike (date of application 03/23/2025).

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

11. Ermolaeva S.G. The impact of digitalization on the labor market: the opinion of students // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2020. № 2(65). P. 56–64.
12. Which groups benefit more? Evidence from the impact of the digital economy on the gender wage gap / Y. Wang [et al.] // Applied Economics. 2023. № 56(58). P. 8462–8480. URL : https://doi.org/10.1080/00036846.2023.2290597
13. Bannykh G. Gender Digital Inequality: Conceptualization and Practices / G. Bannykh; E. Zaramenskikh, A. Fedorova (eds) Digital Transformation and New Challenges. Lecture Notes in Information Systems and Organisation. 2021. Vol 45. Springer, Cham. URL : https://doi.org/10.1007/978-3-030-71397-3_13
14. Lechman E. Overcoming gender bias in the digital economy. Empirical evidence for European countries / E. Lechman, M. Popowska // Gender, Technology and Developmen. 2022. № 26(3). P. 404–436. URL : https://doi.org/10.1080/09718524.2022.2127064
15. Anwar M.A. Platforms of inequality: gender dynamics of digital labour in Africa. Gender & Development. 2022. № 30(3). P. 747–764. URL : https://doi.org/10.1080/13552074.2022.2121059
16. van Doorn N. Platform labor: on the gendered and racialized exploitation of low-income service work in the «on-demand» economy. Information, Communication & Society. 2017. № 20(6). P. 898–914. URL : https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1294194
17. James A. Women in the gig economy: feminising «digital labour». Work in the Global Economy. 2022. № 2(1). P. 2–26. Retrieved Mar 25, 2025. URL : https://doi.org/10.1332/273241721X16448410652000

Информация об авторах

Пупкова Юлия Валентиновна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
ORCID 0000-0002-1107-4393
pupjul@mail.ru

Мусаева Анна Геннадьевна
магистрант кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
musaeva.anna15@yandex.ru

Yulia V. Pupkova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
ORCID 0000-0002-1107-4393
pupjul@mail.ru

Anna G. Musayeva
Master's Student at the Department
of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
musaeva.anna15@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Пупкова Ю.В., Мусаева А.Г.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-30
УДК 316.3

Attribution
cc by

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В РФ

Сабанов З.М.
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы комплексной реабилитации инвалидов в РФ, раскрываются особенности реабилитации инвалидов, представлены определяющие термины и понятия, раскрывающие современные тенденции и содержательные основы социальной защиты инвалидов, включая вопросы реабилитационного прогноза и реабилитационного потенциала, а также вопросы организации социальной помощи как приоритетного направления государственной политики в отношении инвалидов.

Результаты исследования позволило сделать выводы о том, что использование инноваций в сфере социальной защиты инвалидов является основой успешной реабилитации инвалидов. Государству необходимо следовать современным тенденциям в области технологий и научных исследований в области комплексной реабилитации инвалидов. Инновационные решения, такие как использование робототехники и протезов, рациональное трудоустройство в дистанционном формате, создание оптимальной социальной инфраструктуры с полным доступом к информации и услугам, могут значительно улучшить качество жизни инвалидов.

Социальная поддержка инвалидов и обеспечение им равных возможностей является важной областью государственной политики. Тем не менее, законодательство в данной области часто сталкивается с противоречиями и недостатками, что ограничивает достижение полной социальной защиты для этой уязвимой группы населения.

Проанализированный научный дискурс в области социальной поддержки и реабилитации инвалидов, определил необходимость дальнейшего совершенствования системы социальной поддержки инвалидов в РФ, в основе которой лежит повышение качества, объективности, «прозрачности» и доступности услуг по социальному сопровождению инвалидов и определение их потребностей в технологиях социальной поддержки и реабилитации.

Ключевые слова: комплексная социальная реабилитация, организации медико-социальной реабилитации, социально-средовая реабилитация, рациональное трудоустройство; социальная интеграция.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF REHABILITATION OF DISABLED PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zaurbek M. Sabanov
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract. The article discusses the problems of comprehensive rehabilitation of the disabled in the Russian Federation, reveals the features of the rehabilitation of the disabled, presents the defining terms and concepts that reveal the current trends and substantive foundations of the social protection of the disabled, including the issues of rehabilitation prognosis and rehabilitation potential, as well as the organization of social assistance as a priority area of state policy in relation to the disabled.

The study allowed us to conclude that the use of innovations in the field of social protection of the disabled is the basis for the successful rehabilitation of the disabled, the state needs to follow modern trends in the field of technology and scientific research in the field of comprehensive rehabilitation of the disabled. Innovative solutions, such as the use of robotics and prostheses, rational employment in a remote format, the creation of an optimal social infrastructure with full access to information and services, can significantly improve the quality of life of people with disabilities.

© Сабанов З.М.

Social support for persons with disabilities and ensuring equal opportunities for them is an important area of public policy. However, legislation in this area often faces contradictions and shortcomings, which limits the achievement of full social protection for this vulnerable group of the population.

The analyzed scientific discourse in the field of social support and rehabilitation of people with disabilities determined the need for further improvement of the system of social support for people with disabilities in the Russian Federation, which is based on improving the quality, objectivity, «transparency» and accessibility of services for social support of people with disabilities and determining their needs for technologies of social support and rehabilitation.

Keywords: comprehensive social rehabilitation; organizations of medical and social rehabilitation; social and environmental rehabilitation; rational employment; social integration.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В современном обществе поддержка инвалидов и обеспечение им равных возможностей является важной областью государственной политики. Тем не менее, законодательство в данной области часто сталкивается с противоречиями и недостатками, что ограничивает достижение полной социальной защиты для этой уязвимой группы населения.

До определенного времени никто даже на уровне международных институтов не требовал, чтобы все остальные члены общества снижали уровень своих действий применительно к особым потребностям или несли дополнительные расходы в связи с наличием особых потребностей находящихся рядом инвалидов. Скорее общим правилом была «эксклюзия», т.е. предоставление этим лицам дополнительных форм поддержки и соответствующих гарантий.

Обсуждение.

Разворот в сторону неолиберальной повестки в отношении инвалидов отчетливо проявляется в 1994 г., сначала в сфере образования. В 1994 г. на Всемирной конференции по образованию людей с особыми потребностями под эгидой ЮНЕСКО провозглашается новая концепция обучения, нашедшая отражение в Саламанкской декларации, гласящей, что «лица, имеющие особые потребности в области образования, должны иметь доступ к обучению в обычных школах», т.е. на принципах позитивной дискриминации.

Позднее данные подходы были распространены и на вопросы защиты прав инвалидов [2, с. 49]. Причем, что характерно, в то же время, разворачивается, инициированная группой Всемирного банка, политика отказа государств от социальных обязательств во всех сферах социальной защиты. Именно в 1994 г. появляется знаковый доклад Всемирного банка «Преодолевая кризиса пожилого возраста», с которого начинается реализация масштабной политики замещения институтов социального обеспечения разного рода накопительными и частно-страховыми схемами.

В ходе продвижения политики инклюзивности, с каждым годом всё больше обязательств возлагалось на общество, все меньше – на государство.

Следует отметить, что концепция инклюзии, зародившаяся в конце 1950-х гг. в США в рамках борьбы с расовой дискриминацией, тесно связана с предоставлением прав и преимуществ меньшинствам с целью превентивного воспрепятствования возможной дискриминации, компенсации и выравнивания прав, т.е. с принципом «позитивной дискриминации». Действительный же смысл этой концепции – перенос ответственности с государства (и системы соцзащиты) на гражданское общество. Это сугубо англосаксонское изобретение, приемлемость которого для остальных культур далеко не очевидна. Кроме того, позитивная или негативная – это все равно дискриминация.

Конвенция по правам инвалидов акцентирует внимание на том, что в международной практике выделяются три термина, описывающих состояние инвалидности с различных сторон. При этом проводятся различия между нарушениями функций (Impairment), инвалидностью (Disability) как ограничением способности выполнять обычные для данного возраста и пола функции (биологическая), и инвалидностью (handicap) как социальным явлением, связанным с неспособностью исполнять социальные роли, которые является нормальной (в зависимости от возраста, пола, социальных и культурных факторов) для этого человека.

Как видим, решение проблем третьего порядка, являющихся социальными, а не медицинскими, культурно и ценностно детерминировано. Даже органы Евросоюза, крайне чувствительные ко всем вопросам «мейнстримной» повестки, отмечают, что термин «дефект» (handicap) уже не рассматривается как подходящий или как соответствующий современному пониманию инвалидности. И что взгляды и подходы в отношении защиты прав инвалидов и их социальной интеграции в разных культурах и странах могут различаться.

Концепция «инклюзивности» в области работы с инвалидами контрпродуктивна и ориентирована исключительно на снижение бюджетных расходов в рамках политики «затягивания поясов» (austerity policy), продвигаемой Группой Всемир-

© Сабанов З.М.

ного банка в интересах глобальных финансовых институтов за счет перекладывания издержек социальных программ на гражданское общество. Ее «продавливание» не приведет ни к чему, кроме роста социальной напряженности и оппортунистического поведения со стороны работодателей. Характерно, что сегодня это всё более осознается в экспертных кругах в Европе, где более острые проблемы экономического свойства характерны для стран, наиболее последовательно движущихся в рамках политики жесткой экономии: Болгария, Румыния, страны Балтии.

Российская правовая и культурная традиция мало совместима с концепциями инклюзии и позитивной дискриминации. Вместе с тем, нашим обществом наработан значительный багаж подходов и решений, которые могут быть продуктивными и эффективными в современных условиях.

Требуется совмещение механизмов реабилитации и обеспечения в рамках единого комплексного подхода к решению проблем. А сегодня приоритеты смещены: вместо того, чтобы сконцентрировать средства на реабилитации инвалида и на возвращении его на рынок труда, государство фактически откупается от инвалида пенсией при полном бездействии, со своей стороны. Все предусмотренные законодательством «индивидуальные программы реабилитации», имеют характер профанации. При этом очевидно, что вложить средства (в том числе страховые) в реабилитацию гораздо выгоднее, чем тратить их на выплату пенсий. И социально, и экономически.

Для этого необходима реабилитационная индустрия: инфраструктура, институты, технологии, кадры, достаточный источник финансирования, целью деятельности которых является полноценное возвращение инвалида на рынок труда. Особенно в условиях трансформации рынка труда в сторону перехода от физического труда к умственному и развития дистанционной занятости.

Затронутые в данных тезисах проблемы, нуждаются в дополнительной проработке, которая должна осуществляться в рамках целенаправленной научно-практической деятельности в рамках независимых исследовательских центров социальной направленности, не аффилированных с государственными органами и в силу этого не ограничиваемых корпоративными интересами и текущим дискурсом, закрепленным различными международными документами, обязательными для государственных организаций [1, с. 20].

Таким образом, необходимо отметить, что законодательство о социальной защите инвалидов в РФ все еще содержит противоречия. В результате, инвалиды часто сталкиваются с недостатком доступных услуг и программ, которые не удовлетворяют их потребностей. Необходимо усовершенствование законодательства, увеличение финансирования и улучшение координации различных органов и уровней власти, чтобы обеспечить полную и эффективную социальную защиту для инвалидов. Законодательство стремится создать инклюзивное общество, где инвалиды могут полноценно участвовать в жизни общества.

Некоторые тенденции этого процесса включают следующее:

Расширение прав инвалидов: законодательство все больше ориентировано на защиту прав инвалидов и обеспечение равенства возможностей. Оно предусматривает доступность образования, труда, здравоохранения и других сфер жизни для инвалидов.

Инклюзивное образование: в законодательстве все чаще уделяется внимание инклюзивному образованию, которое предполагает обеспечение равных возможностей для инвалидов в системе образования. Это позволяет инвалидам получить образование и развить свой потенциал.

Использование инноваций: законодательство о социальной защите инвалидов старается следовать современным тенденциям в области технологий и научных исследований. Инновационные решения, такие как использование робототехники и протезов, могут значительно улучшить качество жизни инвалидов.

Несмотря на положительные тенденции, в законодательстве о социальной защите инвалидов существуют определенные противоречия, которые затрудняют полное осуществление прав инвалидов.

Некоторые из них включают следующее.

Недостаточная информированность: инвалидам и их близким часто не хватает информации о доступных им правах и социальной поддержке. Законодательство должно обязательно предусматривать информационную поддержку и консультации, чтобы инвалиды могли получить полный доступ к своим правам.

Отсутствие единой системы оценки инвалидности: практика определения степени инвалидности может различаться от региона к региону, что создает противоречия и неравенство перед законом. Важно разработать единые критерии и систему оценки для обеспечения справедливости и равенства [5, с. 72].

Необходимо продолжать работу над совершенствованием законодательства по следующим направлениям:

Повышения доступности инфраструктуры: необходимо осуществлять работы по адаптации общественных мест и инфраструктурных объектов для обеспечения их доступности и использования инвалидами. Это включает установку панду-

© Сабанов З.М.

сов, лифтов, специальной оборудованной транспортной системы и других средств, которые облегчают передвижение и жизнедеятельность инвалидов.

Упрощения процедур и сокращение бюрократии: необходимо упростить процедуры получения пособий, льгот и услуг для инвалидов. Это включает сокращение бюрократических процессов, улучшение информационной поддержки и создание единых электронных платформ для подачи заявлений и получения необходимых документов.

Обеспечения равного доступа к медицинским услугам: государство должно работать над устранением неравенства в доступе к медицинской помощи для инвалидов.

При определении объема, предоставляемой государством помощи для восстановления и адаптации инвалида, немаловажное значение имеет его реабилитационный потенциал.

В науке существует несколько подходов к понятию «реабилитационный потенциал». Так, реабилитационный потенциал есть комплекс биологических, личностных, и социально-средовых факторов, составляющих основу рессоциализации больного [4, с. 25].

Также, необходимо отграничить реабилитационный потенциал от клинического прогноза и реабилитационного прогноза.

Клинический прогноз представляется собой оценку врача по поводу исхода заболевания при нормальном лечении, а реабилитационный прогноз – предполагаемую вероятность реализации реабилитационного потенциала и предполагаемый уровень интеграции инвалида в общество. Так, прогнозы – это предположение врача по поводу ожидаемых результатов, тогда как реабилитационный потенциал является индивидуальной способностью лица восстановиться с учетом его физиологических, иных показателей и особенностей.

Согласно Приказу Минтруда от 26.06.2023 № 545Н, прогнозы определяются по одинаковым показателям (благоприятный, относительно благоприятный, сомнительный), в то время как потенциал может быть высоким, удовлетворительным, низким. Данные категории указаны в действующем ранее Приказе Минтруда России от 13.06.2017 № 486Н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм», в Приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 788Н «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых».

Медицинское учреждение, оформляющее документы на проведение медико-социальной экспертизы (МСЭ), может указать в своем направлении на отсутствие реабилитационного потенциала у лица, однако, этот факт ставит под сомнение правильность оценки состояния больного, так как заведомо реабилитационный потенциал лица, у которого он отсутствует, будет отмечен на ступень выше, то есть как «низкий». Нулевой реабилитационный потенциал – это невозможность восстановления из-за прогрессирования заболевания, имеющего резко выраженные нарушения функций, не поддающихся компенсации, а также невозможности лицом самостоятельно осуществлять все виды деятельности. Несмотря на то, что в методических рекомендациях нулевой и низкий потенциалы отождествляются, это два непохожих друг на друга состояния, имеющих отличающиеся последствия [2, с. 107].

Для определения реабилитационного потенциала используются различные методы обследования физического и психологического состояния больного лица, позволяющие установить степень нарушения и возможность восстановления утраченных способностей. Следует полагать, что даже формальное определение его представляется невозможным, поскольку любой здоровый организм имеет уникальную реакцию на различные условия, не говоря о состоянии людей, страдающих более выраженными патологиями.

Лица с нулевым реабилитационным потенциалом получают не соразмерную их состоянию и дефицитам поддержку от государства, что лишает их возможности нормально жить и успешно абилитироваться в соответствии с основным заболеванием. Поэтому, учитывая настоящую обстановку, существующую в центрах, органах, службах, содействующих восстановлению инвалида, следует заключить, что специалистам бюро МСЭ, в первую очередь, необходимо рассматривать отрицательные показатели реабилитационного потенциала. Если в поступивших к рассмотрению МСЭ заключениях указаны неблагоприятные прогнозы по поводу восстановления лица, в том числе по сопутствующим основному заболеваниям, тогда при определении группы инвалидности видов и объема реабилитационных и абилитационных мер, специалисты обязаны рассматривать все негативные риски, оказывающие влияние на уровень реабилитационного потенциала.

Отдельно заслуживающей исследования является проблема применения предвосхищающего подхода к реабилитационному потенциалу, то есть такого, при котором намеренно занижается реабилитационный потенциал с целью предоставления дополнительного времени и специальных мероприятий для повышения эффективности реабилитации, адаптации, и компенсации утраченных функций.

© Сабанов З.М.

Заключение.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование понятия и основ правового регулирования социальной защиты инвалидов в России имеет высокую актуальность и важность в современном обществе по ряду важных причин.

Прежде всего, социальная политика и социальная защита инвалидов являются приоритетными направлениями государственной политики в России.

Обеспечение социальной стабильности, борьба с бедностью и неравенством, а также гарантирование базовых потребностей инвалидов остаются важнейшими задачами, и правовое регулирование играет, в этом контексте, ключевую роль.

Социальная защита населения является важным компонентом системы управления обществом, а также оказывает влияние на самочувствие общества и его экономические и политические процессы.

Следует отметить, что в России регулярно происходят изменения в законодательстве, связанные с социальной защитой инвалидов. Эти изменения затрагивают различные аспекты, включая систему пенсионного обеспечения, реабилитации, и многие другие элементы социальной политики. Поэтому понимание актуальных норм и правил в данной области является необходимым условием дальнейшего совершенствования системы социальной защиты инвалидов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бегидов М.В. Социальная защита инвалидов: учеб. пособие для академического бакалавриата / М.В. Бегидов, Т.П. Бегидова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 98 с.
2. Теория и методика социальной работы : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононова, М.В. Вдовиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 288 с.
3. Кононова Т.Б. Теория и методика социальной работы: история социальной работы : учеб. пособие для СПО. М. : Издательство Юрайт, 2019. 356 с.
4. Менеджмент в социальной работе : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Отв. ред. Е.И. Холостова, Е.И. Комаров, О.Г. Прохорова. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2018. 319 с.
5. Теория и методика социальной работы : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононова, М.В. Вдовиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 288 с.

References:

1. Begidov M.V. Social protection of disabled people : textbook for Academic Bachelor's Degree / M.V. Begidov, T.P. Begidova. 2nd ed., revised and supplemented. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 98 p.
2. Theory and methods of social work : textbook for secondary vocational education / E.I. Kholostova [et al.]; Ed. by E.I. Kholostova, L.I. Kononov, M.V. Vdovina. 3rd ed., revised and supplemented. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 288 p.
3. Kononova T.B. Theory and methods of social work: history of social work]. posobie dlya SPO. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 356 p.
4. Management in sOCIAL work : textbook for Secondary Vocational Education / E.I. Kholostova [et al.]; Holes. Eds. by E.I. Kholostova, E.I. Komarov, O.G. Prokhorova. 2nd ed. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 319 p.
5. Theory and methods of social work : textbook for secondary vocational education / E.I. Kholostova [et al.]; ed. by E.I. Kholostova, L.I. Kononov, M.V. Vdovina. 3rd ed., revised and supplemented. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 288 p.

© Сабанов З.М.

Информация об авторе

Сабанов Заурбек Михайлович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогического образования,
Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова
sabanovz@mail.ru

Zaurbek M. Sabanov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pedagogical Education,
North Ossetian State University
named after K.L. Khetagurov
sabanovz@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Сабанов З.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-23
УДК 316.35

Attribution
cc by

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ВИЗУАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Тен Ю.П.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска и оптимизации современных подходов и методик в развитию визуальной грамотности у студентов в плане их патриотического воспитания, что определяет цель статьи. Задачи исследования включают: прояснение понятия «визуальная грамотность»; рассмотрение визуальных изображений как символов; разработка методических рекомендаций по развитию визуальной патриотической культуры у студентов. Методами являются анализ научной литературы по теме исследования, обобщение, концептуальный синтез, а также знаково-символический подход. Результаты исследования: визуальная грамотность представлена как важный компонент информационно-культурной компетенции; раскрыты методы формирования и оценки визуальной грамотности посредством изучения культурных символов в контексте формирования патриотической культуры современных студентов; даны практические рекомендации по патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: визуальная грамотность, визуализация, визуальные символы, патриотическое воспитание.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

Original article

METHODICAL RECOMMENDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF VISUAL LITERACY AMONG UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONTEXT OF PATRIOTIC EDUCATION

Yulia P. Ten
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to search for and optimize modern approaches and techniques in the development of visual literacy among students in terms of their patriotic education, which determines the purpose of the article. The objectives of the research include: clarifying the concept of «visual literacy»; consideration of visual images as symbols; development of methodological recommendations for the development of visual patriotic culture among students. The methods are the analysis of scientific literature on the research topic, generalization, conceptual synthesis, as well as a symbolic approach. Research results are visual literacy is presented as an important component of information and cultural competence; methods of formation and assessment of visual literacy through the study of cultural symbols in the context of the formation of patriotic culture of modern students are revealed; practical recommendations on patriotic education of youth are given.

Keywords: visual literacy, visualization, visual symbols, patriotic education.

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

Введение.

Современный период развития общества характеризуется рядом особенностей, среди которых – расширение значения и роли цифровых технологий не только в профессиональной, но и в повседневной деятельности человека, колоссальный рост объема информации, которую человек вынужден осваивать, обрабатывать и преобразовывать для решения профессиональных за-

© Тен Ю.П.

дач; увеличение объема и скорости передаваемой информации, а также возрастание значения визуальной информации в сфере коммуникаций. Развитие веб-технологий и информационно-коммуникационных технологий «превратило наше общество в онлайновое социальное общество, изменив то, как люди общаются и обмениваются информацией» [8, p. 194]. Неслучайно, что М. Кастельс заметил, что современный человек перемещается из «Галактики Гуттенберга» в «Галактику Интернет» [1].

Внедрение цифровых технологий в практику коммуникаций способствовало беспрецедентному росту информации и повышению доступности цифровых изображений и других невербальных способов передачи информации. Интернет, социальные сети и мобильные технологии содействуют простоте просмотра и обмена изображениями в глобальном масштабе.

Цифровая трансформация обусловлена не только распространением значимости информационных ресурсов, но и с растущей востребованностью изображения как способа представления знаний. Пользователи изображений больше не являются только зрителями, но выступают создателями и активными участниками визуальной коммуникации. Указанные факторы коренным образом меняют способы, которыми студенты используют информационные ресурсы и представляют результаты своей работы. В академической среде, в которой традиционно доминировал текст, высокая актуализация визуальных ресурсов вызывает споры и дебаты о месте изображения в университетском образовании [2; 8; 9]. Научно-технический прогресс посредством цифровых технологий предоставляет большие возможности для цифрового способа зрительного представления объектов окружающего природного и социального мира, что требует иного уровня профессиональной подготовки студентов к восприятию, усвоению и оценке визуальной информации.

По сути, визуализация предстает как «ответ» человечества на «вызовы» цифровой революции, поскольку информация нуждается в визуализации, чтобы быть более доступной для анализа и интерпретации. «Визуальное восприятие и интерпретация стали неотъемлемой частью жизни современного человека, доля визуальной информации постоянно возрастает благодаря развитию технологий» [2, с. 133]. В этой связи, использование визуальных образов в социальной практике коммуникаций студентов в рамках обучения в вузе настолько расширилось, что ведет к необходимости поиска подходов и методов к формированию визуальной грамотности у обучающихся. Для более эффективной реализации патриотического воспитания как первоочередного направления Концепции молодежной политики России [4] важно указать на необходимость разработки методологических рекомендаций по формированию визуальной грамотности в сфере повышения уровня патриотизма в культуре российских студентов, что и формирует цель работы. Методами являются анализ научной литературы по теме исследования, обобщение, концептуальный синтез, знаково-символический подход.

Обсуждение.

Визуализация – определенный способ представления личности информации в наглядном виде для чувственно-понятийного анализа и интерпретации. Визуальное мышление – одна из составляющих мышления, представляющее собой деятельность, результатом которой выступают осмысление когнитивных образов, порождение новых визуальных форм, наделенных определенными значениями и смыслами. Развитие визуального мышления помогает человеку повысить свои возможности в плане творческого решения каких-либо задач в форме образного моделирования предметов, явлений и процессов, а также содействует развитию критического мышления.

Визуальная грамотность характеризуется способностью мыслить, учиться и самовыражаться с помощью визуальных образов. Термин «визуальный» происходит от древне-греческого слова «γραμματικος». Оно означает «грамматика», «алфавит», а также «умеющий читать и писать, грамотный, сведующий в языке, литературе, занимающийся толкованием языка древних писателей ученый». Слово связано с понятием «γραμμη» – «черта», «линия», «очертания», «предел», «цель», «священная» линия». Термин «визуализация» происходит от латинского «visualis» (рус. «зрительный»). А латинское слово «video» означает: способность зрения, зрение; взгляд, взор; внешность, вид. Метафорически визуальная грамотность обозначает способность человека как бы «переходить черту» материально «очерченного» зримого мира и умение обрисовать этот мир, увидев за внешней формой вещей, явлений и процессов мира некие скрытые значения и смыслы, которые нуждаются в истолковании.

Интересно отметить, что в рамках античной греко-римской культурной традиции перманентное значение отводилось зримому, чувственно-воспринимаемому – форме, за которой скрывается незримое, идеальное. В европейском средневековье тренд кардинально меняется – на первый план выходит понимание незримого, которое скрыто в зримых, чувственно-воспринимаемых вещах, но почти не постижимо. Культура Нового времени провозглашает тезис о необходимости познания незримого посредством раскрытия тайн, скрываемых за видимыми вещами и явлениями. Незримое должно стать зримым. Культура цифрового общества реабилитирует древнюю традицию о превалировании зримых образов, значения которых не несут уже сакральную составляющую как в далекие культурные эпохи. Видимые формы, наполненные смыслами в раках той или иной историко-

© Тен Ю.П.

культурной эпохи, как бы «распаковываются», приобретая статус симулякров в большей степени, чем знаков и символов.

Результаты.

Понятие «визуальная грамотность» начинает активно использоваться в зарубежной литературе с 60-х гг. XX в., что обусловлено изменениями в жизни и деятельности человечества под влиянием глобализации и научно-технического процесса. Знаменательно, что в так называемую «доцифровую эпоху» века дефиниции визуальной грамотности были неразрывно вплетены в общую концепцию грамотности и относились к компетенциям в использовании и интерпретации различных визуальных ресурсов, включая графические изображения, фотографию, кино, видео и средства массовой информации. С развитием цифровых технологий происходит значительный рост визуального контента в контексте коммуникаций как в профессиональной, так и личной деятельности людей. Изменения в информационной сфере с появлением новых технологий приводит к тому, что «печатная грамотность, которая включает устное общение, утрачивает свою актуальность…В двадцать первом веке такие визуальные элементы, как телевидение, реклама и Интернет, выходят на первый план» [7, p. 19]. Таким образом, в результате внедрения в практику новых технических средств сбора, хранения и передачи информации произошла глубинная трансформация в сознании человека цифрового общества к восприятию текста. Текст стал прочитываться не только через книгу, но и по другим каналам [3].

В настоящее время визуальная грамотность – это междисциплинарная область знаний. Визуальная грамотность – это один из видов грамотности, который может существенно повлиять на оценку навыков и умений человека, а также на то, как он взаимодействует со своим окружением [10]. Сдвиг в сторону понимания визуальной грамотности как многомерной концепции стал очевиден в исследовательской литературе в конце 2000-х годов, когда ряд авторов концептуально обосновали влияние цифровых технологий, которые не только повысили актуальность визуальной грамотности, но и связали ее с созданием изображений и средствами коммуникации [6]. В настоящее время визуальная грамотность как междисциплинарная область остается сложной областью для анализа, что обусловлено разногласиями среди исследователей по поводу определения, измерений, областей применения этого понятия [7].

Визуальная грамотность как теоретическая дисциплина включает пять основных компонентов: визуальное восприятие, визуальное мышление, визуальная коммуникация и визуальный язык, визуальное обучение. Визуальная грамотность входит в группу визуальных компетенций, овладевая и обладая которыми, человек развивается, наблюдая, присваивая и интегрируя собственный чувственный опыт [5]. Визуальная грамотность определяется как «способность понимать (читать) и использовать (писать) изображения, а также думать и учиться в терминах изображений» [6, p. 41]. Визуальная грамотность – это не только способ осмысленного и креативного прочтения и интерпретации субъектом восприятия информации, представленной в мире визуального, но и особый уровень компетентного, профессионального подхода к явлениям социально-культурной действительности [3].

Визуализация может быть представлена как форма критического мышления, развивающие познавательные и креативные способности студентов, позволяющая им более эффективно:

1) распознавать изображение как знаково-символический текст, созданный в определенном историческом, социально-культурном, религиозном, политическом или правовом контексте, открывая возможности для новой интепретации;

2) интерпретировать содержание этого изображения как текста – раскрывая значения и смыслы как изображения в целом, так и при необходимости его отдельных составляющих элементов;

3) исследовать социальное воздействие изображение на воспринимающего его субъекта и оценивая степень его влияние на воспринимающего его человека или социальную группу;

4) творчески перерабатывать смысл данного изображения с тем, чтобы создать на его основе новый знаково-символический текст, придав ему новую интерпретацию в контексте решения образовательных или научно-исследовательских задач.

В контексте образовательной деятельности обучающихся визуальная грамотность может быть определена как способность видеть скрытые идейно-ценностные представления за знаково-символической формой изображений, уметь их правильно интерпретировать в зависимости от ряда контекстов (научного, религиозного, политического, этического и т.д.), а также быть способным применять полученные знания в ходе творческого процесса по созданию нового продукта или решению образовательных и научно-исследовательских задач. Таким образом, визуальная грамотность – важный компонент формирования информационно-культурной компетенции современного студента высшей школы.

В контексте формирования профессиональных компетенций в эпоху, когда промышленной революции 4.0 диктует новые требования к знаниям, умениям и навыкам специалистов, визуальная грамотность имеет важное значение в обучении студентов и формировании ценностей патриотизма. Дело в том, что визуальная грамотность позволяет студентам более критически анализировать, интерпретировать и развивать понимание различного рода текстов, позволяя им мысленно визуализировать информацию.

© Тен Ю.П.

Патриотическое воспитание – неотъемлемая часть как воспитательного, так и образовательного процесса в вузе. Патриотизм является не только важным нравственным качеством личности, но и выступает ценным компонентом его личной профессиональной компетентности. Быть патриотом означает разделять систему идей, верования, норм и ценностей, которые составляют основу национальной культуры. Патриотизм является механизмом оценки лояльности человека к своей стране, ее народу и культурному наследию. Быть патриотом означает в своей профессиональной деятельности быть способным понимать разницу в интерпретации тех или иных понятий, ценностей и норм, отдавая предпочтения трактовке культуре своей страны.

Знаково-символический подход к анализу проблемы формирования патриотических установок у современной молодежи предлагает внедрения в рамках их обучения в высших учебных заведениях мероприятий, направленных на формирование визуальной культуры, в которой особое место принадлежит идеалам и ценностям патриотизма. Здесь целесообразно обратиться к символам как инструментам коммуникации, передающие закодированную информацию в форме изображений. При этом информация, которую передают символы может быть «прочитана» без обращения к вербальному языку. Понимание данных символов включает анализ их компонентов, интерпретацию их значений, распознавание контекста, в зависимости от которого данный символ может по-иному интерпретироваться разными реципиентами. Например, гвоздика как христианский символ в католической традиции и гвоздика как эмблема Октябрьской революции 1917 г. имеют разные значения в зависимости от контекста использования. Отсюда важной методологической рекомендацией по развитию визуальной грамотности в плане патриотического воспитания российской молодежи является формирование организационно-образовательных условий, при которым обучение студентов направлено на глубокое изучения национальной символики своей страны, а также на осознание возможной степени различий в интерпретации и оценке роли схожих символов у разных народов и стран.

Сегодня в рамках вузовского обучения предполагается выполнение научных работ и исследовательских проектов с визуальными компонентами, при этом многие студенты не уделяют достаточного внимания проблеме разночтений в интерпретации изображений как определенных культурных символов. В связи с этим одним из практических советов могут быть задания и проекты, предполагающие использование визуальных изображений, которые обучающиеся могут подобрать под тему задания/проекта, а также осуществить интерпретацию в зависимости от возможности контекстного разного использования того или иного изображения. Например, проект по дисциплине «Национальный бренд России» может быть ориентирован на поиск символов из разных источников (логотипы российских компаний, художественные произведения, персонажи народного фольклора, выдающиеся исторические личности и т.д.), их интерпретация, а также разработка конкретных предложений по продвижению национального бренда «Сделано в России». Другой пример. Проект по дисциплине «История России» может быть ориентирован на анализ конкретного произведения художественной культуры, результаты которого могут быть представлены в в виде слайд-презентации или эссе, в котором раскрыта пред-история и история создания выбранного произведения, исторический и социо-культурный контекст его прошлого существования и современного видения автором проекта.

Предложенный знаково-символический подход предполагает методы, ориентированные на расширение и углублений знаний студентов в области семиотического анализа текстов, умение понимать смысл «текста культуры», на овладение навыками грамотного использования того или иного визуального изображения. При этом текст рассматривается как сообщение, который отправитель сообщения (источник) передают реципиенту (получателю) сообщения. Интерпретация символов зависит от социокультурного опыта реципиента, от уровня и направленности образования.

Интересно отметить, что в современную эпоху под влиянием глобализационных процессов символы, которые в прежние эпохи, были характерны для конкретной локальной культуры, получают более широкое распространение в рамках глобальной культуры. Отсюда происходит «размывание» исконно сакральных значений и смыслов, которыми они наделялись в конкретной локальной культуре. Например, символ инь-ян можно встретить в татуировках людей разных культур и вероисповеданий. Молодежь подвержена влиянию глобализационных тенденций, прежде всего в плане экспансии западной цивилизации, формирования международной системы символов в силу повышенного интереса к знакомству с контентом зарубежных социальных медиа. Отсюда возможны риски размывания традиционной для российской национальной культуры системы идеалов, норм и ценностей, влекущей за собой профанацию национальных символов.

Заключение.

Цифровизация приводит к осознанию человеком необходимости развития способности визуального мышления как реакция на необходимость «ответа» на изменения способов получения информации и ее образно-знаковом содержании. Эффективная реализация студентов в будущей профессии в цифровой экономике требует высокого уровня не только цифровой, но и визуальной грамотности, что предполагает формирование специальных навыков по восприятию, обра-

© Тен Ю.П.

ботке и использованию большого объема информации. Знание культурной символики своей страны, а также других народов и стран является важным компонентом образовательного и культурного капитала человека. Поэтому развитие визуальной грамотности в контексте знания образов и символов, укоренных в российской национальной культуре, владении техниками адекватной интерпретации визуальных символов в историко-культурном, социо-этническом, религиозной и политическом контекстах, умении применять свои знания в своей профессиональной деятельности, являются ключевыми индикаторами информационно-культурной компетенции.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кастельс М. Галактика Интернет : размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. 327 с.
2. Мартынова А.Г. Формирование визуальной грамотности как компонента иноязычной коммуникативной компетенции // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4(30). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vizualnoy-gramotnosti-kak-komponenta-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii (дата обращения 19.03.2025).
3. Симбирцева Н.А. Визуальное в современной культуре: к вопросу о визуальной грамотности // Политическая лингвистика. 2013. № 4. URL : Политическая лингвистика_4(46)_2013.pdf
4. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/2
5. Avgerinou M.D. Toward a cohesive theory of visual literacy // Journal of Visual Literacy. 2011. Vol. 30. № 2. P. 1–19.
6. Braden R.A. Identifying the theoretical foundations of visual literacy / R.A. Braden, J.A. Hortin // Journal of Visual Verbal Languaging. 1982. № 2. P. 37–42.
7. Handbook of research on multidisciplinary approaches to literacy in the digital age / Ed. by N.O. Taskiran. New Jersey: IGI Global, 2019. 405 p.
8. Zachos G, Paraskevopoulou-Kollia E-A, Anagnostopoulos I. Social media use in higher education: a review // Education Sciences. 2018. № 8(4). URL : https://www.sci-hub.ru/10.3390/educsci8040194?ysclid=m8mz8sopgm656449681
9. Zhou J. Analysis of the application of national cultural symbols in visual communication design // Frontiers in Educational Research. 2020. № 3(1). Vol. 3. Iss. 1. P. 149–154.
10. The impact of virtual technology on students' creativity: a meta-analysis / Y. Wang [et al.] // Computers & Education. 2024. Vol. 215. URL : https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360131524000587

References:

1. Castells M. The Galaxy of the Internet: Reflections on the Internet, business and society. Yekaterinburg : U-Factoria : Publishing house Humanit. University, 2004. 327 p.
2. Martynova A.G. The formation of visual literacy as a component of foreign language communicative competence // Science of man: humanitarian research. 2017. № 4(30). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vizualnoy-gramotnosti-kak-komponenta-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii (date of application 03/19/2025).
3. Simbirtseva N.A. Visual in modern culture: on the issue of visual literacy // Political Linguistics. 2013. № 4. URL : Politicheskaya linguistika_4(46)_2013.pdf
4. Federal Law № 489-FZ dated 12/30/2020 «About youth policy in the Russian Federation». URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/2
5. Avgerinou M.D. Toward a cohesive theory of visual literacy // Journal of Visual Literacy. 2011. Vol. 30. № 2. P. 1–19.
6. Braden R.A. Identifying the theoretical foundations of visual literacy / R.A. Braden, J.A. Hortin // Journal of Visual Verbal Languaging. 1982. № 2. P. 37–42.
7. Handbook of research on multidisciplinary approaches to literacy in the digital age / Ed. by N.O. Taskiran. New Jersey: IGI Global, 2019. 405 p.
8. Zachos G, Paraskevopoulou-Kollia E-A, Anagnostopoulos I. Social media use in higher education: a review // Education Sciences. 2018. № 8(4). URL : https://www.sci-hub.ru/10.3390/educsci8040194?ysclid=m8mz8sopgm656449681

© Тен Ю.П.

9. Zhou J. Analysis of the application of national cultural symbols in visual communication design // Frontiers in Educational Research. 2020. № 3(1). Vol. 3. Iss. 1. P. 149–154.
10. The impact of virtual technology on students' creativity: a meta-analysis / Y. Wang [et al.] // Computers & Education. 2024. Vol. 215. URL : https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360131524000587

Информация об авторе

Тен Юлия Павловна
доктор философских наук,
доцент,
кафедра маркетинга,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ORCID 0000-0003-2387-6243
YPTen@fa.ru

Yulia P. Ten
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Department of Marketing, Financial University
under the Government of the Russian Federation
ORCID 0000-0003-2387-6243
YPTen@fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тен Ю.П.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-25
УДК 316.4

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ АВТОМОБИЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.
Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность. Социальные риски, существующие во всех сферах человеческого существования, исследуются в различных областях научного знания, каждая из которых обладает собственным взглядом и методами исследования этого феномена. Интерес социальных наук к процессу автомобилизации, оказывающей влияние на все институты общества, предоставляя жизни людей благоустроенность, определяется рядом побочных проявлений и рисков. В статье представлена классификация рисков автомобилизации по возможным последствиям и содержанию, условиям возникновения и особенностям проявления. Риск автомобилизации выступает междисциплинарным концептом, формирующимся в категориальном пространстве взаимодействия естественных и социальных наук. Выявлена зависимость социальных рисков автомобилизации от иррациональных компонент мотивирующего сознания участников дорожного движения. Показано, что автомобиль, являясь частью социально-экономических отношений, существенно влияет на культуру общества, способствует формированию определенных ценностей и норм.

Ключевые слова: автомобилизация, безопасность дорожного движения, социальная безопасность, социальные риски, социальный конфликт, урбанизация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL RISKS OF AUTOMOBILIZATION IN THE URBAN ENVIRONMENT

Emir N. Tuzhba, Olesya N. Opletaeva, Lidiya V. Korsakova
Kuban State Technological University

Abstract. Relevance. Social risks existing in all spheres of human existence are studied in all areas of scientific knowledge, each of which has its own view and methods of studying this phenomenon. The interest of social sciences in the process of motorization, which affects all institutions of society, providing people's lives with well-being, is determined by a number of side effects and risks. The classification of motorization risks by possible consequences and content, conditions of occurrence and features of manifestation is presented. The risk of motorization is an interdisciplinary concept formed in the categorical space of interaction of natural and social sciences. The dependence of social risks of motorization on irrational components of motivating consciousness of road users is revealed. It is shown that a car, being a part of socio-economic relations, significantly affects the culture of society, contributes to the formation of certain values and norms.

Keywords: motorization, road safety, social security, social risks, social conflict, urbanization.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Урбанизация современного мира обращает нас к проблемам техногенных рисков, связанных с транспортом, феномен автомобилизации тесно связан с развитием городской среды. Автомобилизация индивидуализирует мобильность человека, делает его конкурентным при достижении определенных целей. Потребности людей, концентрация производственно-административных зданий и сооружений ряд факторов определяют рост количества автотранспорта, приводят к усложнению инфраструктуры городской среды.

Эйфорию, связанную с позитивным восприятием автомобилизации, наступлением новой эпохи в развитии человечества, сегодня нельзя воспринимать однозначно без критики, так как интенсивный рост автотранспорта и отставания в развитии инфраструктуры являются серьезной проблемой и риском городской среды, все это вызывает обеспокоенность, и недовольство значи-

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

тельной части населения, выражающееся в активизации экологических и социально-политических движений.

Автомобиль в качестве средства передвижения, изначально внесший в человеческую жизнь комфорт оперативность и скорость передвижения на большие расстояния в современном мире ввиду его непомерного роста привел к ухудшению качества жизни, ограничил индивидуальную мобильность и скорости перемещений.

Обсуждение.

Массовая индивидуальная автомобилизация отчуждает человека от окружающей среды жизнедеятельности, друг от друга. Закрывшись, изолировавшись в своих автомобилях, люди психологически отчуждаются друг от друга, конкурируют в скорости передвижения, а других участников дорожного движения пешеходов воспринимают в качестве проблемы. В сложившейся ситуации сознательные индивиды отказываются от автотранспорта, передвигаясь другими возможными средствами, так как автомобиль – продукт капиталистической эпохи, расширение сферы его использования является стремлением к получению прибыли, что собственно приводит к загруженности современной городской среды [1].

Д. Харви автомобильную загруженность современных городов связывает с капиталистическими отношениями, дегуманизирующими город в интересах потребления и получения прибыли [2].

Изменение ландшафта городской среды в угоду интересам автовладельцев, идет в разрез с интересами и потребностями других людей, приводит к изменению культурно-исторического облика городов, который трансформируется под интересы и потребности транспортной инфраструктуры.

Многие жители городов, по мнению В. Вучика, из пассажиров перешли в группу автомобилистов, что заставило властные структуры трансформировать городское пространство в угоду автомобилистов.

Автор рассматривает два уровня политики городских властей в отношении автотранспорта.

В первом случае речь идет о «политике невмешательства», предполагающей отказ от кардинальных мер в регулировании и разрешении проблем автотранспортной инфраструктуры, что ведет к автомобильно-ориентированной политики городского устройства, которая приводит к снижению комфортных условий проживания пешеходов, так как ограничиваются возможности их мобильности (транспортные пробки, отсутствие функциональных пешеходных зон, неразвитость общественного транспорта и т.д.). Аналогичная ситуация существует во всех автомобильно-ориентированных городах.

Во втором случае разговор идет о «политике развития транспортной системы», предполагающей активную деятельность городских властей в регулировании транспортной инфраструктуры, что способствует гуманизации городской среды, улучшению качества и условий жизни [3]. Этот подход можно назвать «городом для человека», так как он ориентирован на пешеходов.

Современная политика развития городской среды должна ориентироваться на научно-технические возможности и быть гуманистически ориентированной. Максимально возможный вывод автотранспорта в пригород, совершенствование деятельности общественного транспорта, должны стать приоритетной задачей.

Для ограничение количества индивидуальных автомобилей в городской среде, необходимы экономические рычаги [3]. Технические и экономические приоритеты и интересы должны быть поставлены в угоду экологическим и социокультурным ценностям городского пространства, окружающей среды.

Транспортная инфраструктура ее эффективное развитие актуализирует вопросы планирования пространства городской среды, которыми занимаются с первой половины XX века. Х. Мондерман, анализируя проблемы транспорта в Европе, считает, что приоритет в управлении дорожным движением необходимо отводить естественному взаимодействию участников дорожного движения, а не методам искусственного регулирования. Принцип взаимоуважения, согласно этому подходу, выступает основополагающим в поведении на дорогах, а проезжая часть, являясь частью общего пространства не должна в плане движения отличаться от остального пространства, причем автомобилист не должен быть в привилегированном положении [4].

Автор выделяет несколько принципов модернизации:

– минимизацию дорожно-знаковой составляющей в совокупности с рассчитанной до мелочей дорожной архитектурой способной определять поведение в процессе движения;

– разнообразие уличной архитектуры, отсутствие унылости, крупных скульптурных форм отвлекающих водителя;

– равномерное освещение, как дорог, так и пешеходных зон с целью избегания диссонанса восприятия;

– обеспечение максимального зрительного контакта позволит самим участникам дорожного движения принимать оптимальные решения в определенных случаях не зависимо от знаков, разметок; а граница раздела тротуаров и дорог должна быть на одном уровне и носить чисто символический характер [4].

Отсутствие права выбора, когда решения диктуются сверху, а не принимаются индивидом, и за

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

которое он не несет ответственности лично, приводит к смирению с ситуацией и апатии. Любые, даже самые продуманные и совершенные, правила не могут предсказать все варианты развития ситуации. С другой стороны, отсутствие контроля приводит к соблазну их нарушить, что для некоторых индивидов становится нормой. Возникает дилемма, с одной стороны, участникам движения необходимо предоставить большую свободу выбора в каких-то случаях, с другой стороны – это может привести к ситуации, когда кто-то будет этим пользоваться в ущерб дисциплинированной части участников дорожного движения.

Система дорожной безопасности, как полагает Х. Мондерман, должна уступить место системе социальной ответственности участников дорожного движения. Водитель должен выступать составляющей социокультурного контекста, а его действия в движении регулироваться общепринятыми нормами поведения.

Социальное пространство города его динамичность предполагает реализацию мероприятий включающих модернизацию городского пространства в направлении гуманизации, учета интересов человека (город для пешеходов).

Экологические и социокультурные ценности должны быть приоритетными в сравнении с экономическими, следовательно, развитие городского пространства и инфраструктуры должны быть направлены на повышение качества жизни населения.

В общих чертах, описав социальные риски автомобилизации, рассмотрим криминогенную составляющую и негативные последствия транспортной загруженности, поскольку огромное количество преступлений и правонарушений свойственных для городского пространства, связаны с использованием индивидуального транспорта (ДТП, конфликты на дорогах, угоны и кражи и т.д.).

Следовательно, разрешение проблем излишней автомобилизации и перегруженности городского пространства снизило бы уровень декриминализации городской среды, уменьшило потенциал насилия разной степени тяжести и конфликтов.

Как известно, система дорожного движения крайне сложна и опасна для здоровья людей, а усилия специалистов, давно не воспринимающих ДТП как случайность направлены на предотвращение негативных последствий автомобилизации.

ДТП – постоянный спутник и следствие автомобилизации, а доля смертей от них колеблется в диапазоне от 10 до 14 %. Дорожно-транспортные происшествия являются также причиной увечий и травматизма различной степени тяжести. В 2023 году в стране произошло 132466 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими. Каждое девятое – со смертельным исходом. За год на дорогах страны погибли 14504 человека. Еще 166500 получили травмы [5].

По данным статистики, число смертей от внешних причин снижается. При этом доля погибших в результате ДТП составляет около 13 % от общего числа умерших от внешних причин. Ежегодно в результате ДТП умирает около 20 тысяч человек и порядка 220 тысяч россиян получают травмы различной степени тяжести. Вклад дорожно-транспортной аварийности в общую величину ежегодной смертности в РФ составляет 1 % [6].

По уровню смертности от ДТП Россия превосходит другие развитые страны. В 2013 году в России погибло в авариях 28935 человек, а к 2023-му это число уменьшилось до 14504 человек. К снижению смертности привели рост качества магистралей и улучшение их инфраструктуры, снижение числа тяжёлых нарушений ПДД и повысившаяся безопасность самих автомобилей.

Однако в 2024-м число погибших начало увеличиваться. За первые восемь месяцев прирост, по данным Росстата, составил 2,1 % к тому же периоду прошлого года. Самым распространённым видом ДТП в нашей стране оказалось столкновение транспортных средств [7].

В качестве проблемы, необходимо учитывать и огромные размеры социально-экономического ущерба от ДТП и их последствий. Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения в целом ряде стратегических и программных документов обозначены в качестве приоритетов социально-экономического развития страны.

В целях снижения смертности от ДТП в Российской Федерации, принята и реализуется федеральная целевая программа, в которой важное значение отводится ужесточению административной практики в отношении нарушителей.

Признавая наличие взаимосвязи мер административного воздействия с показателями аварийности, специалисты отмечают, что она пока не дала значимых результатов [8].

На Западе накоплен значительный опыт, обращение к которому позволяет структурировать ситуацию с ДТП в России. Предыстория создания государственных систем управления, комплексных программ безопасности дорожного движения относится к 60–70 гг. XX века, реализация которых осуществлялась в Японии и США, которые достигли в этой сфере значительных результатов. Существенный рост аварийности в тот период способствовал осознанию серьезности положения дел и явился причиной разработки национальных программ. Разработанный блок программ обеспечения безопасности дорожного движения в США включал восемнадцать стандартов, можно условно разделить на два основных направления.

В первом направлении сформулированы требования и стандарты к учреждениям (полиции, строительно-дорожным организациям, скорой медицинской помощи и т.д.). Требования и стан-

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

дарты второго направления относятся к обеспечению транспортного процесса (техническое состояние автомобилей, обучение водителей, отчеты о дорожном движении и ДТП).

Целевой характер представленных требований и стандартов определялся по конечному результату, а верное распределение финансовых средств в правильном направлении в пользу наиболее эффективных мер позволил при тех же затратах добиться более значительного результата.

Существенных результатов удалось достичь в Японии в результате принятия Основного закона о мероприятиях по обеспечению безопасности движения. Обстоятельный анализ и обсуждение содержания данного закона специалистами, общественными деятелями оказались полезными в контексте доработки содержания общественных установок по вопросам понимания важности проблемы, безопасности движения.

Для нашего исследования важно то, что к разрешению проблемы было привлечено население (проводились семинары, кружки безопасности дорожного движения и т.д.), результатом чего стало повышение дисциплины участников процесса, уровня общественного сознания. Обстоятельный комплексный подход к проблеме, привлечение всего населения, научно обоснованный анализ причин ДТП, использование новейших достижений научно-технического прогресса, позитивного зарубежного опыта с учетом ментальных особенностей населения, отбор наиболее эффективных полей деятельности и планомерная реализация задач дали положительный эффект.

Внедрение целевых программ в Европе также позволило добиться существенных результатов по снижению аварийности.

У. Хэддон, в разработанной им программе «эпидемиологической триады», объединившей различные подходы, существовавшие ранее, предложил механизмы снижения ДТП. Оценивая автомобильный транспорт, как плохо продуманную систему «Человек-Машина», проанализировав случаи ДТП, автор остановился на трех составляющих «до аварии», «во время аварии» и «после аварии». Окружающая среда, человек и автомобиль составили триаду в условиях возникновения ДТП. Каждый из выделенных элементов состоял из условий, которые подлежали анализу с целью выяснения причин и путей минимизации последствий [9].

Матрица Хэддона позволила оценить факторы, связанные с характеристиками и состоянием автомобилей, дорожной инфраструктуры, поведением участников движения (водителей), влияющих на возникновение ДТП, является инструментарием для выявления и анализа причин ДТП.

Таким образом, предложенная формула Человек – Транспорт – Окружающая среда позволяет рассмотреть проблемы в России в аспекте имеющихся в распоряжении данных.

Человеческий фактор занимает лидирующее положение и выступает в качестве основного, так как действия водителей их не профессионализм, употребление алкоголя, не соблюдение правил дорожного движения, самонадеянность, «лихачество» способствуют отрицательным показателям. По оценкам ГИБДД, порядка в 86 % случаев, главная ответственность за ДТП и их последствия ложится на водителей и лишь только 14 % – на пешеходов [10].

В РФ основная причина возникновения большинства ДТП – превышение скоростного режима, что также наблюдается и в европейских государствах. Однако превышение скорости движения в РФ служит причиной 45 % случаев, приведших к смертельному исходу, тогда как в Европе 30 % [5]. В сравнении с большинством стран Европы, в России верхние пределы скоростного режима в городах выше.

В России, как и в большинстве других стран, существует сложная система отбора, которая не допускает к вождению лиц не способных к управлению автомобилем. Навыки вождения, уровень которых невысок, человек получает в автошколе, далее все определяет фактор опыта, приходящий со временем и определяющий поведение водителя.

Порядка 10 % всех ДТП с пострадавшими в РФ осуществляется по вине водителей со стажем вождения менее двух лет. По мере увеличения стажа, статистика ДТП с участием этой категории граждан убывает [11].

Употребление алкоголя, выступает важным фактором влияния на показатели смертности от ДТП. В 2013 году был принят закон об отмене нулевого содержания алкоголя в крови водителя, минимальный уровень был увеличен до 0,35 промилле. Причина – употребление некоторых продуктов и лекарственных средств и продуктов, содержащих небольшое количество алкоголя, приводило к спорным ситуациям. Количество ДТП с погибшими и ранеными при участии водителей, находившихся в состоянии опьянения, привела к тому, что четверть всех погибших (25,1 %) в ДТП получили смертельные ранения в происшествиях с участием водителей с признаками опьянения [12].

Значительная часть российских автолюбителей пренебрегает проблемой пассивной безопасности и не использует ремни безопасности, что недопустимо в ряде Европейских стран.

Далее следуют пешеходы, нарушающие ПДД, которые также вносят «вклад» в ухудшение показателей на дорогах. По оценке ГИБДД, за 2024 г. из-за нарушений правил дорожного движения пешеходами произошло 7,8 тыс. ДТП, в которых погибло 1,4 тыс., ранено 6,6 тыс. человек [13].

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

Дорожная инфраструктура или окружающая среда также выступает одним из факторов ДТП. Ускорение автомобилизации страны не привело к пропорциональному росту объемов строительства и реконструкции дорожной сети. За последние 10 лет парк легковых автомобилей в России увеличился на 51 % – с 27 млн в начале 2006 года до 40,9 млн к началу 2016 года [14].

Доля российских автомобильных дорог, отвечающих нормативным требованиям составила в 2024 г. чуть более половины – 54 % [15].

Неудовлетворительное состояние дорог, способствует увеличению числа аварий.

Ощущение неотвратимости наказания за нарушения ПДД составляет часть мер БДД, а их строгость выступает показателем значимости, которую общество придает нарушениям в этой сфере. При существующем разбросе штрафных санкций, в РФ система денежных штрафов менее дифференцирована, минимальные штрафы выше, чем в других развитых странах, а максимальные значительно ниже.

Низкие показатели ДТП в Европе, в таких странах, как США, и Япония, имеют определенный опыт и традиции в обеспечении БДД. Эти системы совершенствуются и показывают позитивную динамику минимизации этих типов рисков.

Россия, имея сопоставимый уровень автомобилизации, уступает этим странам по многим показателям. Две федеральные программы, основанные на комплексном программно-целевом подходе к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, направлены на разрешение существующих проблем.

В статье 3 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» отмечены основные принципы:

– приоритет жизни и здоровья населения, над экономическими показателями хозяйственной сферы;

– приоритет государственной ответственности за обеспечение безопасности дорожного движения;

– программно-целевой подход к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

Обращение к программно-целевым механизмам управления, зарубежному опыту немного улучшило ситуацию с дорожно-транспортной аварийностью в стране, были сформулированы дальнейшие направления развития. Россия стала лидером по динамике снижения смертности от ДТП, значительно опередив по этому показателю даже такого лидера, как США. Однако абсолютные значения основных показателей аварийности в России остаются высокими в сравнении с показателями в развитых странах.

Решающим фактором обеспечения безопасности дорожного движения следует признать правовую (административная, гражданская и уголовная ответственность) регламентацию поведения участников дорожного движения.

Анализ использования программно-целевого подхода по обеспечению безопасности дорожного движения показывает, что важным фактором успешности его реализации выступает общественное мнение, что, ведет к соблюдению правил безопасности и изменению поведения на дорогах. В современных условиях научно технического прогресса роль технического фактора снижается, а человеческого возрастает. Конечно, пропаганда повышения сознательности участников дорожного движения, в том числе и воздействием данных о количестве смертей в ДТП посредством СМИ подействует только на определенную осознающую личную ответственность часть участников движения, но работать в этом направлении необходимо.

Одной из самых действенных мер, сдерживающим фактором поведения в зарубежной практике признается значительная материальная ответственность за нарушение правил дорожного движения. Существуют и другие экономические механизмы наказания/поощрения, находящиеся в прямой зависимости от количества штрафных балов за нарушения, которые отражаются на стоимости той же страховки.

Сегодня проводятся мероприятия, учебные социально-психологические тренинги, семинары, внедряются новшества, распространяется практика сообщать о правонарушениях.

Значительный потенциал повышения БДД заложен в процесс подготовки водителей, этому способствует 2-х этапная система получения водительского удостоверения. Кроме обычных камер фиксаций, наблюдение за шоссейными дорогами ведется с воздуха, о чем информируются водители посредством дорожных знаков и таблиц, что оказывает воздействие на водителей в плане соблюдения ПДД.

Итак, программно-целевой подход включает комплекс мер, отвечающих всем требованиям:

– безопасности и функциональному назначению современных дорог;

– высокотехнологичные «умные» автомобили, вождение которых значительно облегчено;

– высококвалифицированная подготовка водителей;

– тотальное отслеживание нарушений ПДД;

– применение стимулирующих поощряющих/наказывающих экономических и социально-психологических мер;

– систематическая деятельность по созданию позитивного общественного мнения.

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

Объективные данные и научный подход имеют первостепенное значение и позволяют использовать эффективные меры.

Таким образом, аварийность на автомобильном транспорте – проблема России и большинства стран мира. Она занимает важное место в ряду социально-демографических проблем. Знания о факторах, сопутствующих дорожно-транспортной структуре, предполагает анализ ряда событий, так как ДТП касаются как дорожно-транспортной сферы, так и поведения людей, Анализ проблемы требует междисциплинарного, системного, а не частного подхода, доминировавшего в исследовательских практиках до последнего времени.

Следует признать, что главной причиной существующего положения в этой сфере остается сам человек как водитель и пешеход, а его поведение и навыки имеют определяющее значение. Хотя и принимаются законодательные акты, ограничивающие/запрещающие определенные виды поведения на дороге, их значительная часть не приносят ощутимого эффекта.

В большинстве своем, поведенческие установки населения ориентированы на логику соблюдения закона, а не обеспокоенность сохранностью собственной жизни и окружающих людей.

Особого внимания требует к себе алкогольный фактор и несоблюдение скоростного режима, что требует принятия мер вплоть до уголовной ответственности за многократные нарушения этих пунктов ПБДД.

Также, следует ужесточить правила прохождения технического осмотра транспортных средств, что приведет к исчезновению автомобилей, не соответствующих современным требованиям безопасности и технического состояния, что будет способствовать сокращению дорожно-транспортных рисков.

Предложенные варианты профилактики не способны существенно улучшить ситуацию, однако, они могут снизить тяжесть последствий, так как основной целью любой методики является «снижение человеческих потерь».

Реализация всех возможных условий и мер, а также координация деятельности и отлаженный механизм взаимодействия различных служб будет способствовать изменению сложившейся ситуации в лучшую сторону.

Заключение.

Российский автомобильный рынок ежегодно наращивает темпы роста производства и продаж автотранспорта. Уровень автомобилизации населения РФ сопоставим с показателями некоторых восточноевропейских стран. Однако по сравнению со странами Западной Европы и США, российские показатели значительно ниже, что позволяет говорить о существующем потенциале роста.

Привлекательность российского автомобильного рынка для мировых производителей (автомобилей, комплектующих, запчастей и т.д.) ведет к увеличению уровня автомобилизации и выступает серьезным аспектом социальной политики, так как социально-экономический подъем возможен только при наличии качественно функционирующего транспортного комплекса.

Автомобиль становиться социальным риском для населения и окружающей среды, когда он находится в движении особенно с превышением допустимой скорости, и если выбросы в атмосферу превышают нормы экологической безопасности.

Автотранспортная инфраструктура, выступая в качестве социальной подсистемы города, стала одной из форм жизни и деятельности социальных групп, общностей и отдельных индивидов.

Социальные аспекты автомобилизации определяют взаимодействие людей в крупном городе. От ее функционирования зависит деятельность большинства институтов, организаций, соответственно интересы общества состоят в сохранении бесперебойного равновесия этой динамической системы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дебор Г. Общество спектакля // Перев. с франц. С. Офертас, М. Якубович. М., 2000. 183 с.
2. Харви Д. Городской опыт. URL : https://web.archive.org/web/20090923190021/http://www.urban-club.ru/?p=105 (дата обращения 10.03.2025).
3. Вучик В. Транспорт, в городах, удобных для жизни. М. : «Альпина Pro». 2023. 676 с.
4. Минеев А. Изобретатель счастливого пути // Новая газета. 2006. № 59 (7 авг.).

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

5. Статистика ДТП В России: причины, сколько гибнет людей. URL : https://t-j.ru/stat-dtp (дата обращения 20.03.2025).
6. Аредова А.К. Анализ смертности и травматизации от дорожно-транспортных происшествий в РФ // Молодой ученый. 2020. № 46(336). С. 466–468.
7. Россия вошла в число стран-лидеров по темпам снижения смертности в ДТП. URL : https://auto.ru/mag/article/rossiya-voshla-v-chislo-liderov-po-tempam-snizheniya-smertnosti-v dtp/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 10.03.2025).
8. Чубуков А.Б. Применение математических методов для анализа аварийности в регионах : методическое пособие / А.Б. Чубуков, В.Т. Капитанов, О.Ю. Монина. М. : МАДИ (ГТУ). 2013. 80 с.
9. Блинкин М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции / М.Я. Блинкин, Е.М. Решетова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 240 с.
10. Проблемы пешеходов и первоочередные меры для обеспечения безопасности пешеходов России // ГИБДД официальный сайт. URL : https://госавтоинспекция.рф/document/402 (дата обращения 11.03.2025).
11. ГИБДД. Официальный сайт. URL : http://www.gibdd.ru/stat (дата обращения 03.03.2025).
12. Государственный доклад о состоянии дорожного движения в РФ. URL : https://госавтоинспекция.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf (дата обращения 12.03.2025).
13. МВД: 7,8 тысяч ДТП по вине пешеходов произошло в 2024 году. URL : https://aif.ru/auto/mvd-7-8-tysyach-dtp-po-vine-peshehodov-proizoshlo-v-2024-godu?ysclid=m8a1ik68bp901866661 (дата обращения 10.03.2025).
14. Динамика автопарка России и стран Европы. URL : https://www.autostat.ru/infographics/26425/ (дата обращения 05.03.2025).
15. Рейтинг российских регионов по качеству дорог. URL : https://ria.ru/20240812/dorogi-1965419192.html (дата обращения 20.03.2025).

References:

1. Debord G. Society of the Performance // Transl. from French S. Ofertas, M. Yakubovich. M., 2000. 183 p.
2. Harvey D. Urban experience. URL : https://web.archive.org/web/20090923190021/http://www.urban-club.ru/?p=105 (date of application 10.03.2025).
3. Vuchik V. Transport in cities convenient for life. M. : «Alpina Pro». 2023. 676 p.
4. Mineev A. Inventor of a happy path // Novaya Gazeta. 2006. № 59 (Aug. 7).
5. Statistics of road accidents in Russia: reasons, how many people die. URL : https://t-j.ru/stat-dtp (date of application 20.03.2025).
6. Aredova A.K. Analysis of mortality and injuries from road accidents in the Russian Federation // Young scientist. 2020. № 46(336). P. 466–468.
7. Russia is among the leading countries in terms of the rate of decline in road accident mortality. URL : https://auto.ru/mag/article/rossiya-voshla-v-chislo-liderov-po-tempam-snizheniya-smertnosti-vdtp/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of application 10.03.2025).
8. Chubukov A.B. Application of mathematical methods for accident analysis in the regions : methodological guide / A.B. Chubukov, V.T. Kapitanov, O.Yu. Monina. M. : MADI (STU). 2013. 80 p.
9. Blinkin M.Ya. Road safety: history of the issue, international experience, basic institutions / M.Ya. Blinkin, E.M. Reshetova. M. : Publishing house of the Higher School of Economics, 2013. 240 p.
10. Problems of pedestrians and priority measures to ensure the safety of pedestrians in Russia // State Traffic Safety Inspectorate official website. URL : https://госавтопроводцевия.рф/document/402 (date of application 11.03.2025).
11. State Traffic Safety Inspectorate. Official website. URL : http://www.gibdd.ru/stat (date of application 03.03.2025).
12. State report on the state of road traffic in the Russian Federation. URL : https://госавтопроводцеря.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf (date of application 12.03.2025).
13. Ministry of Internal Affairs: 7.8 thousand accidents due to the fault of pedestrians occurred in 2024. URL : https://aif.ru/auto/mvd-7-8-tysyach-dtp-po-vine-peshehodov-proizoshlo-v-2024-godu?ysclid=m8a1ik68bp901866661 (date of application 10.03.2025).
14. Dynamics of the vehicle fleet in Russia and European countries. URL : https://www.autostat.ru/infographics/26425 (date of application 05.03.2025).
15. Rating of Russian regions by road quality. URL : https://ria.ru/20240812/dorogi-1965419192.html (date of application 20.03.2025).

Информация об авторах

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный технологический университет
emirtu@yandex.ru

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

Оплетаева Олеся Николаевна
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный
технологический университет
ORCID 0000-0003-4356-3420
SPIN-код: 3206-9425
AuthorID: 739394
opleole@gmail.com

Корсакова Лидия Викторовна
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный
технологический университет
ORCID 0000-0001-7418-0380
SPIN-код: 7592-8633
AuthorID: 352391
likors@rambler.ru

Olesya N. Opletaeva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kuban State Technological University
ORCID 0000-0003-4356-3420
SPIN-код: 3206-9425
AuthorID: 739394
opleole@gmail.com

Lidiya V. Korsakova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy,
Kuban State Technological University
ORCID 0000-0001-7418-0380
SPIN-код: 7592-8633
AuthorID: 352391
likors@rambler.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 017.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тужба Э.Н., Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-2
УДК 342.8

Attribution
cc by

ПАССИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИН: ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Аннотация. На основе анализа научных и статистических данных в историко-правовом контексте прослеживаются мировые тенденции развития пассивного избирательного права женщин. Изучение зарубежной законотворческой и парламентской практики позволило оценить эффективность мер в области реализации пассивного избирательного права лицами женского пола в зарубежных странах. Право женщин выдвигать свою кандидатуру на выборные должности в органы власти в России впервые появилось в 1918 году. С этой даты оно получило свое стабильное законодательное закрепление и поэтапно развивалось. Авторы анализируют меры, обеспечивающие гендерный паритет государствами, лидирующими в рейтинге по представительству женщин в органах публичной власти, определяются факторы, необходимые для эффективной реализации женского пассивного избирательного права.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, гендерное равенство, пассивное избирательное право, представительство, реализация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PASSIVE VOTING RIGHT OF WOMEN: ISSUES OF FORMATION IN FOREIGN COUNTRIES AND SOVIET RUSSIA

Irina I. Balakleets, Sofia R. Roznatovskaya
Immanuel Kant Baltic Federal University

Abstract. Based on the analysis of scientific and statistical data in the historical and legal context, global trends in the development of passive suffrage for women are traced. The study of legislative and parliamentary practice in foreign countries made it possible to evaluate the effectiveness of measures in the field of implementing passive suffrage by female persons in foreign countries. The right of women to run for elected positions in government bodies first appeared in Russia in 1918. From that date on, it received its stable legislative consolidation and has been constantly developing throughout each stage of our country's existence. The authors analyze measures to ensure gender parity in the countries that are leading in the ranking of women's representation, and identify factors necessary for the effective implementation of women's passive suffrage.

Keywords: electoral law, elections, gender equality, passive suffrage, representation, implementation.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Исследование эволюции законодательного закрепления и реализации женщинами избирательных прав представляется актуальным в контексте тендерной политики современных государств. В числе первых государств мира, которые наделили женщин избирательными правами, были Новая Зеландия и Австралийский союз, где женщины получили право голоса в 1893 и 1902 годах соответственно. Финляндией впервые внимание пассивному избирательному праву женщин было уделено в 1906 году. Однако оно было реализовано лишь в 1917 году – но уже тогда женское представительство от социально-демократической партии в парламенте составляло 10 % [7, с. 101–104].

Достижение эффективного роста женского представительства в парламенте на основе избирательного права требует не только законодательной основы, но и практических мер для того,

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

чтобы пассивное избирательное право женщинами могло быть реализовано. В то время закрепление пассивного избирательного права могло быть достигнуто посредством объединения лиц в ассоциации, общественные объединения и политические партии, которые ставили его перед собой основной целью. Именно поэтому Финляндия достигла закрепления пассивного избирательного права с помощью активизации деятельности политической партии.

В свою очередь, Новая Зеландия достигла законодательного закрепления пассивного избирательного права женщин в результате сбора подписей по колониальной державе: порядка 30 тысяч человек поддержали предложение о наделении женщин правом избираться в парламент.

Обсуждение.

По данным Межпарламентского союза на 2023 год, страны, которые стали одними из первых государств, наделивших женщин правом избираться в законодательные органы, лидируют в рейтинге по представительству женщин в парламенте. Например, в парламенте Финляндии женщины занимают 64,3 % мест, а в Новой Зеландии – 45 %, Норвегии – 50 %, Швеции – 47,8 % [9].

Для достижения результата, обеспечивающего гендерный паритет, государствами, лидирующими в рейтинге по представительству женщин, предпринимаются меры, которые учитывает факторы, необходимые для эффективной реализации женского пассивного избирательного права. В частности, речь идёт о внедрении гендерных квот на разных уровнях и в различных формах. Так, в Норвегии, в результате своей активной деятельности, женщины добились от ряда политических партий установления гендерных квот рекомендательного характера [2, с. 167]. С 1970-х годов по настоящее время их применяет социалистическая левая партия Норвегии, с середины 1980-х годов – лейбористская. Впоследствии, к соглашению в 1993 году присоединились партия центра, христианско-демократическая партия и консервативная, которая стала одной из последних в их числе.

В Швеции и Финляндии гендерные квоты приняла лишь часть партий [2, с. 167]. В Швеции принцип квот был принят лишь партией зеленых в 1983 году, в 1990 году – левая партия, в Финляндии, в свою очередь, идею поддержали лишь три партии, которые являются меньшей частью от общего числа: альянс левого крыла, лига зелёных и социал-демократическая партия.

Отдельное внимание скандинавские страны уделили законодательному закреплению гендерного равенства с целью установления симметрии в законодательных органах. 09 июля 1978 года в Норвегии был принят закон, ставящий под запрет разделение мужчин и женщин по гендерному признаку, за исключением тех случаев, которые обусловлены физиологическими особенностями или ставят человека другого пола в худшее положение.

Кроме того, закон признал позитивные действия, направленные на достижение гендерного равенства, законными, что уже исключает факт дискриминации того или иного пола.

Таким образом, Норвегия заложила основу для дальнейшего осуществления практических мер в пользу женщин, дискриминация которых была признана. Финляндия приняла целый ряд законов 1986 и 1995 годах, первый из которых закреплял гендерное равенство, а второй утверждал комплекс мер, позволявших его достичь. В их число входило введение квоты, которая касалась лишь исполнительных органов.

Особое влияние оказал и идеологический уровень достижения гендерного паритета. В скандинавских странах политические партии активно вели просветительскую деятельность для устранения дискриминации в обществе. Для того, чтобы расширить возможности женщин в области реализации пассивного избирательного права женщин, важные решения на государственном уровне для достижения гендерного равенства применялись мужчинами. По итогам всех реализованных мер процентное представительство женщин в законодательных органах Норвегии, Швеции и Финляндии к 2007 году достигло 37,9, 47,3 и 42 % соответственно [2].

Политика гендерного квотирования применяется и в других странах Европы и Азии, которая уже не носит рекомендательный характер, а закреплена на законодательном уровне.

Ярким примером является Албания, где по пропорциональной системе в однопалатный парламент избираются 140 депутатов по 12 многомандатным округам. Для достижения гендерного равенства установлен минимальный процент представительства лица определённого пола – 30 %, при этом в каждом списке кандидатов из первых трёх одно из выдвигаемых лиц должно быть противоположного пола [4]. В случае наличия вакантного места депутатского мандата, он замещается лицом из того же списка политической партии и того же пола. Кроме того, законодательством Албании предусмотрены и другие меры: в случае нарушения избирательного законодательства о гендерном равенстве, в частности, порядка расположения кандидатов разного пола в списках, ЦИК Албании налагает штраф. Реализуя столь эффективные меры, по данным 2023 года, Албания разместилась на первом месте в рейтинге представительства женщин в парламенте с 66,7 % [9].

Ещё одним примером является Бельгия, использующая пропорциональную систему; в ее законодательстве закреплены гендерные квоты в списках избирателей на национальном уровне и уровне избирательных округов: не менее 50 % лиц в списках должны быть противоположного пола, при этом количество кандидатов в списках

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

не должно превышать количества депутатских мандатов, выделенных в каждом округе. На данный момент Бельгия занимает 7 место в мировом рейтинге с 57, 1 % представительства женщин в парламенте.

Результаты.

Несмотря на высокие результаты, в отдельных странах проблема гендерной асимметрии остаётся актуальной. В настоящее время пассивное избирательное право женщин отсутствует или вовсе не закреплено на законодательном уровне в некоторых странах.

Так, в Ватикане власть полностью сосредоточена в руках Папы Римского, на должность которого могут избираться кардиналами только лица мужского пола. За женщинами это право не закреплено [1, с. 233–235].

В Саудовской Аравии, форма правления которой – дуалистическая монархия, в 2005 году пассивное и активное избирательное право на местном уровне закреплялось только за мужчинами, женщины получили избирательные права лишь в 2015 году [8]. Такое ограничение пассивного избирательного права женщин связано, как правило, с формой правления, которая эволюционировала от абсолютной к дуалистической монархии.

Низким процентом представительства женщин обладает большинство арабских стран. В 2004 году Советом Лиги арабских государств была принята Арабская Хартия прав человека, закрепляющая в ст. 3 равенство прав вне зависимости от пола, а в ст. 24 – активное и пассивное избирательное право за лицами обоих полов [6, с. 196–202]. По состоянию на январь 2021 года ратифицировали Арабскую хартию прав 16 государств [10].

Существует ряд арабских стран, в которых пассивным избирательным правом женщины были наделены в начале XXI века. В их числе находятся Бахрейн, Оман, Кувейт, Саудовская Аравия, в которых процент представительства женщин в парламенте составляет 20 %, 2,3 %, 6,3 % и 19, 9 % соответственно. Это означает, что институт избирательного права находится лишь на стадии развития, как и принципы равноправия и демократического государства.

В свою очередь, в России пассивное избирательное право женщинам было предоставлено наряду с остальными политическими правами Временным правительством в 1917 году. Важным событием, на наш взгляд, стало предоставление права участвовать в выборах в Учредительное Собрание (осень 1917 г.) «всем гражданам России обоих полов, достигшим 20 лет к моменту выборов» [5, с. 46–57].

После провозглашения советской власти в Конституции РСФСР 1918 года был закреплён принцип равноправия мужчин и женщин. В.И. Ленин представлял место женщины в обществе и государстве следующим образом: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [5, с. 46–57]. По решению XI съезда РКП(б), в 1922 году была поставлена задача выдвижения женщин рабочего класса для представительства в органах государственного управления, тем самым, заранее определяя желаемый для государства их социальный статус.

Окончательно пассивное избирательное право женщин закреплялось в ст. 137 Конституции СССР 1936 года, где право избирать и быть избранными закреплялось за женщинами и мужчинами в равной степени, а также в ст. 122, которая предоставляла женщинам и мужчинам равное право на участие в государственной и общественно - политической деятельности.

Таким образом, на законодательном уровне была закреплена социальная роль женщины, в том числе как политически активного гражданина, что обусловлено идеологией Советского государства. В её основе лежала необходимость распространить политическую грамотность, обеспечить политическое равенство и предоставить женщине политические права как трудящемуся человеку, задействованному в хозяйстве и производительности труда государства «нового типа».

Порядок выборов в органы государственной власти регулировался Положениями о выборах в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, согласно которым «лица женского пола имеют право на участие в выборах». Выборы проводились по избирательным округам. Списки с кандидатами могли выдвигать общественные организации, организации трудящихся, коммунистические партийные организации, организации молодёжи, культурные общества. Организация выборов была в высокой степени формализована и имела предрешённый характер – зачастую, кандидаты для получения депутатского мандата были определены заранее.

Для женщин, намеревающихся избираться в органы государственной власти, предусматривалась квотная система их продвижения, которая распространена и в современное время в ряде стран ОБСЕ: Албании, Бельгии, Греции, Ирландии, Казахстане, Македонии, Молдове и др. С целью обеспечения равного положения среди разных слоёв общества устанавливался определённый процент мест в выборных органах, которые предусматривались для женщин, представителей различных социальных групп, прежде всего – рабочего класса. Такое «квотирование», в контексте идеологизации советского государства, было необходимо не для достижения гендерного паритета, а для формирования особого положения женщин в обществе как полноправных советских гражданин, способных трудиться и достигать государственных целей.

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

Меры, предпринятые в СССР, способствовали реализации пассивного избирательного права, привели к высоким показателям, превосходящим западные: число женщин-депутатов в Верховном Совете СССР к 1952 году составило более четверти от общего числа, а к 1970 году достигло 30 % [3]. За данный период времени процент представительства женщин в Верховных Советах союзных республик составил 34,8 %, в Верховных Советах автономных республик 38 %, а в городских и сельских советах народных депутатов был доведен до 45 % в сумме.

Критически такой подход оценивает исследователь А.В. Кочкина; она считает, что советские выборные органы «декоративны и имели маргинальную роль в процессе принятия решений», поэтому нельзя в полной мере оценивать данные результаты как показатель эффективной реализации пассивного избирательного права женщинами.

По данным политолога и социолога Дж. Хью, на 60-е и 70-е гг. XX в. выступления женщин в Верховном Совете СССР составляли всего 10,5 % по вопросам об образовании, 31 % – по вопросам о социальном обеспечении, о финансовом обеспечении и государственном планировании женщины не выступали [3].

На основе политического статистического анализа политолога Питера Лентини был сделан вывод о том, что в Верховном Совете СССР женщины были менее влиятельны, составляли 72 % от общего числа непартийных депутатов и избирались в достаточно молодом возрасте, чаще всего, избираясь второй или третий раз в Верховный Совет СССР.

Результаты выборов 1984 г. в Верховный Совет СССР показали, что процент женщин, избираемых на должность депутата, составил 32,8 %, в результате выборов 1985 г. в Верховные Советов союзных республик – 36 %, в краевые, областные, окружные, районные, поселковые, сельские советы – 50 % [3].

На реализацию пассивного избирательного права женщинами, существенно, повлияли избирательные реформы, проведённые в эпоху перестройки. Согласно новому Союзному закону о выборах, в 1988 году выборы осуществлялись по мажоритарной системе в территориальных и национально-территориальных округах, а также посредством выдвижения по закрытым спискам от 39 организаций. Соответственно, он предусматривал существенное уменьшение квот: 100 человек – от КПСС, ВЛКСМ, Комитета советских женщин, Всесоюзного совета ветеранов, по 1 человеку – от небольших общественных организаций. Это привело к резкому снижению процента представительства женщин в результате избрания народных депутатов в 1988 году до 15,6 % (из 2 220 народных депутатов 345 человек – женщины) [3].

Новый избирательный закон послужил отправной точкой для развития тенденции снижения представительства женщин в парламенте страны. Система квотирования и представительства по национально-территориальным округам были окончательно отменены при принятии Закона «О выборах народных депутатов РСФСР» от 27 октября 1989 года в связи с общественной критикой по поводу несоответствия ее демократическим принципам равноправия. В итоге, выборы съезда народных депутатов РСФСР 1990 года показали существенно низкие результаты представительства женщин – 5,6 % из 7,6 % общего числа женщин-кандидатов на выборах. Согласимся с мнением исследователя Е.В. Кочкиной, которая считает, что такой результат зависит не столько от наличия системы квотирования, сколько от всей совокупности факторов, в том числе, способа формирования избирательных округов, в частности, отмены способа выдвижения кандидатов от общественных организаций.

Заключение.

Можно сделать вывод о том, что для достижения идеологической цели в советском законодательстве были задействованы основные нормативные механизмы для достижения гендерного паритета. Однако в значительной степени гендерная симметрия достигалась государством искусственно ради поддержания политического образа советской женщины, которая является отдельной единицей общества. Именно поэтому после ликвидации нормативных механизмов реализации пассивного избирательного права женщинами проблема стала более явной.

Представляя одну из основ конституционного строя в демократических государствах, избирательное право продолжает совершенствоваться в части определения механизмов обеспечения гендерного равенства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

Литература:

1. Иванова Н.А. Зарубежный опыт формирования гендерной симметрии: целесообразность его применения в российских условиях // Записки Горного института. 2005. С. 233–235.
2. Кочетков А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кочетков Андрей Васильевич. М., 2009. С. 167.
3. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // ИСПГ – Алетея, 2003. URL : http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy (дата обращения 02.04.2025).
4. Лысенко В. Парламентские гендерные, социальные и иные квоты в государствах региона ОБСЕ. URL : https://rfsv.ru/law/obuchenie/parlaments (дата обращения 01.03.2025).
5. Митяева Ю.В. О роли женщин в избирательной системе России: историко-политический аспект // Выборы: теория и практика. 2023. № 1. С. 46–57.
6. Скютте Д.Н. Реализация пассивного избирательного права женщин: актуальные тенденции // Социально-экономические и правовые исследования. 2015. № 2. С. 196–202.
7. Скютте Д.Н. Реализация права женщин быть избранными в парламент: актуальные тенденции // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: Сб. науч. ст. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. 2024. С. 101–104.
8. В органы местного самоуправления в Саудовской Аравии избраны 20 женщин URL : https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2524826 (дата обращения 03.04.2025).
9. Women in politics: 2023 // Inter-Parliamentary Union. URL : https://www.ipu.org/resources/publications/infographics/2023-03/women-in-politics-2023 (дата обращения 25.03.2025).
10. International Justice Resource Center. URL : https://ijrcenter.org/regional/middle-east-and-north-africa (дата обращения 03.04.2025).

References:

1. Ivanova N.A. Gendernoy simmeters formations: integument of ego changes in Russian terms // Notes of the upper Institute, 2005. P. 233–235.
2. Kochetkov A.V. Constitutionallevel-juridiancereferencessources in the legislatualsabilitypublications in the body of the Russian Federation and in the case of the Bulgarian Federation of Russia : dis. ... candidate of law sciences: 12.00.02 / Kochetkov Andrey Vasilyevich. M., 2009. P. 167.
3. Kochkina E.V. Representation of zhenshtin in the structure of the authorities of Russia, 1917–2002 // ISPG-Alethea, 2003. URL : http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy (date of application 04/02/2025).
4. Lysenko V. Parliamentary gendern Urga, social Urga and in Urga quota Urga in gosudarz the region of obse. URL : https://rfsv. ru/law/obuchenie/parliaments (date of application 03/01/2025).
5. Mityaeva Yu.V. O roles of women in the electoral system of Russia: historical and political aspect // Elections: Theory and Practice. 2023. № 1. P. 46–57.
6. Scute D.N. Implementation of women's passive suffrage: current trends // Socio-economic and legal research. 2015. № 2. P. 196–202.
7. Scute D.N. The realization of women's rights was elected to Parliament: current trends // Current issues of development of legal institutions in the context of global challenges: Collection of scientific articles. Grodno State University of the Republic of Croatia named yank Kupal. 2024. P. 101–104.
8. 20 women elected to local government bodies in Saudi Arabia URL : https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2524826 (date of application 03.04.2025).
9. Women in politics: 2023 // Inter-Parliamentary Union. URL : https://www.ipu.org/resources/publications/infographics/2023-03/women-in-politics-2023 (дата обращения 25.03.2025).
10. International Justice Resource Center. URL : https://ijrcenter.org/regional/middle-east-and-north-africa (дата обращения 03.04.2025).

Информация об авторах

Балаклеец Ирина Ивановна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент Высшей школы права,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта
AuthorID: 571013
merkulowa73@mail.ru

Irina I. Balakleets
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor at the Higher School of Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University
AuthorID: 571013
merkulowa73@mail.ru

Рознатовская Софья Романовна
студентка Высшей школы права,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
sofaroznatovskaa34@gmail.com

Sofya R. Roznatovskaya
Student of the Higher School of Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University
sofaroznatovskaa34@gmail.com

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Балаклеец И.И., Рознатовская С.Р.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-3
УДК 342.7

Attribution
cc by

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сеськина О.Е.
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саранске

Аннотация. В положениях настоящей научной статьи отражается анализ правовой природы института прекращения гражданства в Российской Федерации, отмечаются актуальность и значимость его непосредственной реализации в настоящее время. Актуальность темы обуславливается, в том числе недавними изменениями законодательства в области прекращения гражданства лиц, совершивших отдельные категории преступлений. Научная статья отражает различные позиции авторов на определение сущности и толкования института прекращения гражданства, рассматривая его как один из способов обеспечения соблюдения конституционных обязанностей лиц, приобретших или принятых в гражданство. Внимание уделяется и вопросу соотношения института прекращения гражданства с нормами и принципами международного права, такими как «недопустимость произвольного лишения гражданства», «единство гражданства» и «право человека на гражданство». В статье рассматриваются конституционные основы гражданства, в том числе отмечаются отдельные положения статьи 6 Конституции Российской Федерации. Делается заключение о необходимости создания в государствах сбалансированного подхода к развитию и реализации на практике института прекращения гражданства, учитывающего как интересы самого государства, так и его непосредственных граждан.

Ключевые слова: гражданство, государство, институт прекращения гражданства, Российская Федерация, институт гражданства, лица, правовая природа, законодательство, территория.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF CITIZENSHIP IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Oksana A. Barshova, Tatiana A. Garkina, Olga E. Seskina
Sredne-Volzhsky Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

Abstract. The provisions of this scientific article reflect an analysis of the legal nature of the institution of termination of citizenship in the Russian Federation, noting the relevance and importance of its immediate implementation at the present time. The relevance of the topic is determined, among other things, by recent changes in legislation in the field of termination of citizenship of persons who have committed certain categories of crimes. The scientific article reflects the different positions of the authors on the definition of the essence and interpretation of the institution of termination of citizenship, considering it as one of the ways to ensure compliance with the constitutional duties of persons who have acquired or accepted citizenship. Attention is also paid to the issue of the relationship of the institution of termination of citizenship with the norms and principles of international law, such as the «inadmissibility of arbitrary deprivation of citizenship», «unity of citizenship» and «human right to citizenship». The article examines the constitutional foundations of citizenship, including certain provisions of Article 6 of the Constitution of the Russian Federation. It is concluded that it is necessary to create a balanced approach in States to the development and implementation in practice of the institution of termination of citizenship, taking into account both the interests of the state itself and its immediate citizens.

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Keywords: citizenship, state, institute of termination of citizenship, Russian Federation, institute of citizenship, persons, legal nature, legislation, territory.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Институт прекращения гражданства в Российской Федерации, несмотря на кажущуюся первоначально статичность, является динамично развивающейся и крайне актуальной областью правовых исследований, что обусловлено совокупностью факторов, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю политику страны, права человека и международное право, в частности.

На протяжении десятилетий Российская Федерация переживает сложные демографические процессы, характеризующиеся снижением рождаемости и старением населения. Миграция, как внутренняя, так и внешняя, играет важную роль в компенсации этих тенденций. В этом контексте, вопросы приобретения и прекращения гражданства становятся ключевыми для определения будущей демографической структуры страны, ее экономического потенциала и социальной стабильности, где изучение мотивов и последствий прекращения гражданства, являясь как добровольным, так и принудительным, позволяет в большей мере изучить миграционные настроения населения, выявить потенциальные риски, связанные с оттоком рабочей силы и развитием интеллектуального капитала в государстве.

Двойное гражданство как форма реализации института гражданства в России также приобретает особую значимость, а число россиян, имеющих двойное гражданство, постоянно растет, что вызвано не только глобализацией, но и развитием международного сотрудничества в различных отраслях.

Таким образом, институт прекращения гражданства становится актуальным в области определения прав и обязанностей таких лиц, повышая значимость исследования социальных и правовых последствий двойного гражданства, и в частности, в области реализации на практике института прекращения гражданства в отношении лиц, имеющих или желающих получить гражданство других государств, позволяя выработать эффективные механизмы защиты их прав и способы предотвращения возможных конфликтов интересов.

Прекращение гражданства является не только внутренним делом России, но затрагивает и международные нормы права, и принципы, предусмотренные в области признания, соблюдения и защиты прав человека и гражданина, на основании чего, актуальность проведения исследования может подтверждаться, в том числе необходимостью определения степени соответствия действующего российского законодательства о гражданстве международным стандартам.

Обсуждение.

В последние годы институт прекращения гражданства в Российской Федерации претерпевает значительные изменения, где особую актуальность снискала тема прекращения гражданства лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом. Внесение соответствующих изменений в действующее законодательство страны вызвало оживленные дискуссии в юридическом сообществе и в обществе в целом. С одной стороны, сторонники этой меры утверждают о необходимости усиления мер по противодействию террористической угрозе и защите национальной безопасности страны.

С другой стороны, как подчеркивает О.С. Чудиновских, критики указывают на риск нарушения принципов международного права, в частности, принципа недопустимости прекращения гражданства лиц, в том числе, с учетом обстоятельств, что такое прекращение ведет к «безгражданству» [1, с. 27].

Действительно, вопрос о лишении гражданства – один из самых сложных и чувствительных в контексте соблюдения и защиты прав человека. Статья 15 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства [2, ст. 15].

Соответственно, любое решение о прекращении гражданства должно быть обосновано, в полной степени соответствовать международным стандартам и обеспечивать защиту прав лица, в отношении которого оно принимается. В частности, необходимо исключить возможность возникновения «безгражданства», поскольку такое основание создаст серьезные проблемы для любого человека, лишенного защиты и непосредственно самих прав, предоставляемых государством.

Анализируя сущность института прекращения гражданства в Российской Федерации, необходимо учитывать несколько ключевых аспектов.

Во-первых, важно соблюдать баланс между суверенным правом государства определять условия приобретения и прекращения гражданства и необходимостью защиты прав человека.

Во-вторых, необходимо четко регламентировать основания и процедуры прекращения гражданства, чтобы исключить вероятность произвола и злоупотреблений.

В-третьих, следует стремиться к гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области гражданства, особенно в части, касающейся недопустимости безгражданства.

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Так, с целью реализации указанных положений, на территории РФ в 2023 году был введен в действие Федеральный закон от 28 апреля № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», устанавливающий ключевые аспекты действия института гражданства, в том числе и в области его прекращения [3].

Однако для проведения более детального исследования в области определения актуальности и значимости рассматриваемых правовых норм, необходимым считаем отметить и толкование указанного института с точки зрения различных правовых подходов. Основополагающим толкованием будет выступать определение института гражданства как сложной и многогранной правовой категории, выражающейся в виде связующего звена, позволяющего установить прочную связь между лицом и государством, формируемую путем наделения указанных субъектов рядом прав и обязанностей.

Гражданство, по своей природе, становится фундаментом правового статуса личности, закрепляя принадлежность лица к конкретному политическому сообществу и формируя тем самым государственный механизм защиты лица, как в рамках страны, так и за ее границами.

А.И. Сердюков, толкуя институт гражданства как двустороннюю связь конкретного лица и государства, считает верным установить специфику его непосредственной реализации, устанавливая, что институт гражданства есть многоаспектная конструкция, включающая в себя как организационные, так и правовые тонкости [4, с. 238]. Например, во внимание следует принимать не только теоретическую связь лица с государством, его интегрированность в общество или вклад в экономическое и социальное развитие страны, но и само фактическое основание в вопросах приобретения и прекращения гражданства.

Так, институт прекращения гражданства Российской Федерации является в настоящее время предметом постоянных дискуссий и споров. Различные авторы научных работ, опираясь на теоретические подходы и беря во внимание меняющуюся политическую реальность, предлагают разнообразные толкования этой правовой конструкции. Одно же из ключевых направлений дискуссий связано с определением сущностных черт действия данного института. Ряд авторов, придерживаясь позитивистского подхода, рассматривают его, прежде всего, как инструмент реализации суверенного права государства, позволяя стране самостоятельно определять круг своих граждан. В рамках данного подхода, институт прекращения гражданства видится как необходимый элемент обеспечения национальной безопасности страны и защиты государственных интересов. Например, М.В. Лелетова подчеркивает, что государство имеет неотъемлемое право устанавливать основания прекращения гражданства, исходя из своих собственных потребностей и приоритетов [5, с. 92].

Другими же авторами трактуется сущность либерального подхода, акцентируется внимание на правах человека и ограничениях государственного вмешательства. Они рассматривают институт прекращения гражданства как потенциальную угрозу правам и свободам личности, особенно в случаях, когда он применяется произвольно или приводит к безгражданству.

Важным направлением дискуссий выступает и определение оснований для прекращения гражданства, поскольку многие авторы считают, что перечень оснований должен быть максимально четким и конкретным, снижая риски по допущению произвольного толкования правовых норм, в то время как иными авторами подчеркивается, что основания для прекращения гражданства должны быть более гибкими и адаптированными к меняющимся обстоятельствам.

Различные подходы существуют и в области процедуры прекращения гражданства, где одни авторы настаивают на строгости соблюдения гарантий и судебного контроля в предотвращении злоупотреблений, а другие считают, что процедура прекращения гражданства должна быть упрощена и ускорена, в том числе, в случаях, когда речь идет о лицах, представляющих угрозу для национальной безопасности государства.

Так, Е.А. Дрогавцева предлагает ввести упрощенный порядок прекращения гражданства в отношении лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом [6, с. 27].

Таким образом, научные исследования предлагают множество различных позиций по вопросу толкования правовой категории «институт прекращения гражданства», где подобные позиции отражают различные ценностные ориентации, теоретические подходы и взгляды на роль государства и права. Анализ этих позиций позволяет лучше понять сложность и многогранность института прекращения гражданства и определить направления его дальнейшего развития, учитывая, как интересы государства, так и права, и свободы человека.

В силу же значимости реализации на территории Российской Федерации норм и положений института гражданства, он зачастую подвержен изменениям, отражающим эволюцию общественных отношений и вызовы, стоящие перед государством, в связи с чем, за последние годы, законодательство РФ и нормы о гражданстве, претерпели ряд существенных изменений. Подобные изменения вызвали неоднозначную реакцию в обществе, выступив ключевым основанием, породившим дискуссии о том, направлены ли такие нормы на усиление защиты национальных интересов и безопасности государства, или же представляют собой посягательство на права и свободы граждан.

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Наиболее значимые изменения в законодательстве РФ о прекращении гражданства связаны с введением возможности прекращения гражданства в отношении лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, связанных с терроризмом, экстремизмом и другими деяниями, представляющими угрозу безопасности государства [3, ст. 22]. До внесения такого рода изменений единственными основаниями для прекращения гражданства выступали добровольный выход из гражданства и отмена решения о приеме в гражданство в случае предоставления заведомо ложных сведений или использования подложных документов.

Аргументы общества, юристов и ученых в пользу расширения оснований прекращения гражданства сводились к необходимости усиления мер по противодействию терроризму и экстремизму, защите безопасности страны и предотвращению проникновения в страну лиц, представляющих угрозу для общества, в связи с чем, считалось, что прекращение гражданства является эффективным способом изоляции преступников и лишения их возможности пользоваться правами и свободами, гарантированными гражданам России. Однако введение новых оснований для прекращения гражданства вызвало серьезные опасения правозащитных организаций, устанавливающих, что факт прекращения гражданства у лиц, не обладающих иным гражданством, создает ситуацию безгражданства, противореча международным обязательствам России и нарушая принцип соразмерности. В таком случае предполагается, что мера в виде прекращения гражданства является крайним обстоятельством и должна применяться лишь в исключительных случаях, когда другие механизмы защиты общественных и государственных интересов не являются достаточными. Так, на практике создается опасность несоразмерного применения указанной меры, что создает вопрос о соответствии конституционных и иных законодательных норм Российской Федерации международным принципам.

Таким образом, институт прекращения гражданства, как отмечалось ранее, есть сложная и чувствительная сфера правового регулирования, затрагивающая фундаментальные права человека и суверенитет государства в целом, на основании чего, вопрос соотношения норм и положений национального законодательства, регулирующего основания и порядок прекращения гражданства в Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами международного права, становится особенно актуальным.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года закладывает фундамент для законодательного регулирования вопросов, связанных с утратой связи лица с государством, определяя, как права и свободы граждан, так и пределы полномочий государства в этой сфере, в связи с чем, принято выделять следующие положения:

– во-первых, статья 6 Конституции Российской Федерации устанавливает, что гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом [7, ст. 6]. Указанное положение означает, что вопросы прекращения гражданства не могут регулироваться подзаконными актами или решениями органов исполнительной власти, а должны быть урегулированы на уровне федерального закона, что является важной гарантией законности и предсказуемости в этой сфере;

– во-вторых, статья 6 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип недопустимости произвольного лишения гражданства [7, ст. 6]. Данное положение выступает одной из важнейших гарантий защиты прав человека и соответствует международным стандартам, поскольку произвольное лишение гражданства означает, что гражданство не может быть прекращено по дискриминационным основаниям, без соблюдения надлежащей правовой процедуры или по основаниям, не предусмотренным законом. Этот принцип направлен на предотвращение ситуаций, когда государство использует институт прекращения гражданства для политического преследования или ограничения прав и свобод граждан;

– в-третьих, статья 17 Конституции Российской Федерации гарантирует признание и защиту прав и свобод человека, и гражданина в Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права [7, ст. 17]. Подобное положение лишь в очередной раз подчеркивает, что при регулировании вопросов прекращения гражданства необходимо учитывать международные стандарты в области прав человека, в частности, положения Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о сокращении безгражданства. Эти международные акты устанавливают ограничения на право государства прекращать гражданство и требуют соблюдения принципов соразмерности, не дискриминации и уважения основных прав и свобод человека;

– в-четвертых, Конституция Российской Федерации устанавливает приоритет международного права над национальным законодательством [7, ст. 15]. Это означает, что в случае коллизии между нормами российского законодательства и нормами международного права в области гражданства, применяются нормы международного права. Это положение является важной гарантией защиты прав граждан от возможных нарушений со стороны государства;

– в-пятых, статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, что означает, что любое решение о прекращении гражданства может быть обжаловано в суде, и суд должен проверить законность и обоснованность этого решения [7, ст. 46].

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Вместе с тем, Конституция РФ не содержит исчерпывающего перечня оснований для прекращения гражданства, предоставляя федеральному законодателю право определять эти основания. В связи с этим, важно, чтобы законодательное регулирование вопросов института прекращения гражданства соответствовало конституционным принципам и международным стандартам в области прав человека.

В соответствии же с международным правом, государство имеет право устанавливать основания прекращения гражданства, однако это право должно осуществляться наряду с принципами соразмерности, не дискриминации и соблюдения основных прав и свобод человека, что подтверждает соответствие конституционных положений международным нормам и подчеркивает актуальность российских норм на современном этапе.

Результаты.

Институт прекращения гражданства в Российской Федерации является инструментом, требующим особой деликатности и взвешенности в его непосредственном применении, поскольку он затрагивает не только суверенитет государства и его право определять круг своих граждан, но и фундаментальные права и свободы человека. Именно поэтому, при реализации данного института, крайне важен сбалансированный подход, учитывающий как интересы национальной безопасности и поддержания правопорядка, так и необходимость защиты прав и достоинства личности.

Одностороннее акцентирование на каком-либо одном аспекте – например, исключительно на вопросах безопасности – может привести к серьезным нарушениям прав человека, созданию ситуаций без гражданства и подрыву доверия к государству. С другой стороны, абсолютизация принципа защиты прав человека без учета реальных угроз, стоящих перед обществом, может ослабить способность государства эффективно противостоять преступности и терроризму.

В рамках обеспечения эффективного действия всех аспектов института прекращения гражданства, на территории Российской Федерации создается сбалансированный подход, предполагающий как соразмерность тяжести совершенного конкретным лицом преступления и характер угрозы, которую данное лицо представляет для общества, так и прозрачность в вопросе порядка осуществления процедуры прекращения гражданства такого лица, что не только не нарушает международную политику, но и создает дополнительные гарантии защиты общественных и государственных интересов.

Заключение.

Исследование института прекращения гражданства в Российской Федерации, как показывает проведенный анализ, обладает высокой и сохраняющейся актуальностью, обусловленной сложным переплетением внутренних и внешних факторов, определяющих современное состояние российского общества и государства.

Актуальность исследуемой темы выходит далеко за рамки простого теоретического интереса и имеет вполне конкретное практическое значение, затрагивая вопросы национальной безопасности, демографической политики, прав человека, международного сотрудничества и совершенствования законодательства.

Во-первых, глобальные вызовы и угрозы, такие как международный терроризм и экстремизм, актуализируют вопросы противодействия этим явлениям, в том числе через инструменты прекращения гражданства лиц, причастных к ним. Поиск эффективных, но при этом правомерных способов защиты государства от такого рода угроз требует постоянного анализа и совершенствования положений законодательства, регулирующего прекращение гражданства, что в полной мере реализуется на территории РФ.

Во-вторых, соблюдение прав и свобод человека и гражданина является основополагающим принципом правового государства, в связи с чем, институт прекращения гражданства, затрагивая одно из важнейших прав человека – право на гражданство лица, требует особенно тщательного регулирования и контроля за его применением, чтобы исключить возможность произвола и злоупотреблений.

В-третьих, международно-правовые обязательства Российской Федерации требуют мониторинга и адаптации национального законодательства к общепризнанным принципам и нормам международного права, касающимся гражданства, прав человека и недопустимости безгражданства, в связи с чем, соблюдение указанных обязательств является важным условием укрепления международного авторитета России и ее соответствия своим международным обязательствам.

Таким образом, актуальность проведения исследования подтверждается значимой ролью дискуссий, споров и разнообразных теоретических подходов, собранных и изученных различными авторами научных работ, что не только подтверждает значимость теоретического понимания института прекращения гражданства, но и подчеркивает необходимость эффективного его применения и на территории государств.

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Чудиновских О.С. Основные изменения законодательства в области международной миграции и приобретения гражданства Российской Федерации, 2023–2024 гг.: новые правовые нормы, проекты законов и дискуссия // Демоскоп Weekly. 2024. № 1021–1022. С. 21–30.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Рос. газ. 1998. 10 декабря.
3. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
4. Сердюков А.И. Становление института гражданства в современной России // Межотраслевые проблемы финансирования правовой культуры в молодежной среде. 2024. № 1. С. 237–241.
5. Лелетова М.В. Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4(72). С. 87–100.
6. Дрогавцева Е.А. Вектор развития конституционно-правовой политики в области миграции как основа периодизации российского законодательства о гражданстве // Современное общество и право. 2022. № 1(56). С. 25–31.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : http://www.pravo.gov.ru

References:

1. Chudinovskikh O.S. Major legislative changes in the field of international migration and acquisition of citizenship of the Russian Federation, 2023–2024: new legal norms, draft laws and discussion // Demoscope Weekly. 2024. № 1021–1022. P. 21–30.
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) dated 10.12.1948) // Russian Gas. 1998. December 10.
3. On citizenship of the Russian Federation: Federal Law № 138-FZ dated 04/28/2023 // Federal Law of the Russian Federation. 2023. № 18. Art. 3215.
4. Serdyukov A.I. The formation of the institution of citizenship in modern Russia // Intersectoral problems of financing legal culture among young people. 2024. № 1. P. 237–241.
5. Leletova M.V. Some features of naturalization in Russia: current state, problems and solutions // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4(72). P. 87–100.
6. Dorogavtseva E.A. The vector of development of constitutional and legal policy in the field of migration as the basis for the periodization of Russian legislation on citizenship // Modern society and law. 2022. № 1(56). P. 25–31.
7. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru

Информация об авторах

Баршова Оксана Анатольевна
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саранске
ORCID 0000-0002-1356-7634
oxanabarshova@yandex.ru

Oksana A. Barshova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Sredne-Volzhsky Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk
ORCID 0000-0002-1356-7634
oxanabarshova@yandex.ru

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Гарькина Татьяна Александровна
преподаватель колледжа,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саранске
ORCID 0009-0001-0942-3742
tati-scorpion@yandex.ru

Сеськина Ольга Евгеньевна
студентка 4 курса
направления подготовки «Юриспруденция»,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саранске
seskina.o.200212@gmail.com

Tatiana A. Garkina
College Lecturer,
Sredne-Volzhsky Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk
ORCID 0009-0001-0942-3742
tati-scorpion@yandex.ru

Olga E. Seskina
4th year Student
of the training program «Jurisprudence»,
Middle Volga Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
in Saransk
seskina.o.200212@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Баршова О.А., Гарькина Т.А., Сескина О.Е.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-4
УДК 34.01

Attribution
cc by

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМУ САМООРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Беляева А.А.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. В статье исследуется трансформация форм взаимодействия гражданского общества и государства под влиянием современной геополитической и внутриполитической ситуации в России. Проанализированы принципы социальной самоорганизации и определены векторы правовой политики, способствующие консолидации институтов гражданского общества и государства, а также согласованию частных и публичных интересов. Цель – обоснование роли права в процессе самоорганизации и обеспечении эффективной коммуникации на новых принципах. Методы: социологический подход, элементы диалектики, факторный анализ, системный и структурно-функциональный методы, а также формально-юридический, конкретно-исторический и сравнительно-правовой. Результаты – классификация политико-правовой связи государства и гражданских институтов, включающая особую для России консенсусную форму самоорганизации, приобретшую особое значение под воздействием современных геополитических событий.

Ключевые слова: институты гражданского общества, коммуникация, политико-правовая связь, традиционные ценности, социальная система.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

INFLUENCE OF GEOPOLITICAL AND POLITICAL PROCESSES ON THE FORM OF SELF-ORGANIZATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Anna A. Belyaeva
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Abstract. The article examines the transformation of the forms of interaction between civil society and the state under the influence of the modern geopolitical and domestic political situation in Russia. The principles of social self-organization are analyzed and the vectors of legal policy that contribute to the consolidation of civil society and state institutions, as well as the harmonization of private and public interests are determined. The goal is to substantiate the role of law in the process of self-organization and ensure effective communication on new principles. Methods: sociological approach, elements of dialectics, factor analysis, systemic and structural-functional methods, as well as formal-legal, specific-historical and comparative-legal. Results – classification of the political and legal relationship between the state and civil institutions, including a consensual form of self-organization that is special for Russia, which has acquired particular importance under the influence of modern geopolitical events.

Keywords: civil society institutions, communication, political and legal relationship, traditional values, social system.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современная эпоха, связанная с изменением полярности мирового устройства, представляется сложным, многоуровневым и турбулентным процессом, оказывающим влияние не только на внешнюю и внутреннюю политику государства, но и на общественные отношения разных уровней. Так, актуализируются вопросы взаимодействия общества и государства. На фоне сегодняшней геополитической ситуации возрастает необходимость создания «рабочих» механизмов координации усилий, некогда противопоставляемых сил (государства и институтов гражданско-

© Беляева А.А.

го общества) и совместной защиты, как публичных, так и частных интересов.

Основным регулятором общественных отношений было и остается право, по средствам которого нивелировалась острота противоречий. Внутренняя политика государства, определяет принципы и условия взаимодействия государства и общества, используя правовые инструменты, в частности, законотворческий процесс. Формирование новых и изменение существующих форм взаимодействия общественных и государственных структур затрагивает все без исключения сферы социальной жизни.

Материалы и методы.

Гражданское общество и его соотношение с государством получали солидную научную разработку в философии, социологии, политологии и юриспруденции на протяжении различных эпох. Отдельные вопросы функционирования гражданского общества в политико-правовой организации общественных отношений в различных странах были затронуты такими исследователями, как Э. Арато, Дж.-Л. Коэн, Т. Парсонс, Г.-Л.-А. Харт, [6; 9–10], среди них отечественными представителями: К.С. Гаджиевым, Н.И. Матузовым, Ю.А. Тихомировым [4; 7–8] и др.

Обсуждение.

Согласно данным исследованиям, взаимодействие гражданского общества и государства, в общем смысле, сводится к объективному различию их интересов и в какой-то мере столкновению, а коммуникация основана на принципах ограничений со стороны государства и притязаний со стороны общества. Тем не менее, беспрецедентные геополитические события – пандемия COVID-19 (2020), Специальная военная операция (2022) и их последствия, можно сказать, коренным образом повлияли на вектор взаимодействия государства и гражданского общества, который еще не стал объектом самостоятельного исследования.

Одним из таких социальных процессов, имманентных современному демократическому обществу и претерпевающих политико-правовую трансформацию, выступает самоорганизация институтов гражданского общества. Этот непрерывный процесс предполагает инициативное проявление граждан в решении вопросов формирования внутреннего порядка общественного объединения и его внешней деятельности для представления и отстаивания своих интересов перед государством. Обратим внимание на то, что речь идет именно об институционализации, основанной на самоорганизации, конечным этапом которой является государственная регистрация, что вовлекает институты гражданского общества в коммуникацию с государством.

Под воздействием сложной внешнеполитической ситуации, назрела необходимость объединения общества и государства для решения совместных задач по сохранению государственности и гражданской идентичности. Вырабатываются новые каналы коммуникации, определяются векторы достижения консенсуса и поиск основ консолидации, что благоприятно сказывается на уравновешивании государственной власти и гражданских инициатив. Такими точками солидарности могут выступать российские традиционные духовно-нравственные ценности. Направление консервативной государственной политики во многом определяются законотворческим процессов в виде нормативных правовых актов [1; 2], закрепляющих задачи по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, относящиеся к мерам национальной безопасности. В выступлениях Президента Российской Федерации неоднократно подчеркивалась значимость культуры и укрепление традиционных ценностей российского общества [3].

В определении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как совокупности скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей [1, п. 9] особое место и роль отводится участию гражданского общества. Именно автономные от государства институты, созданные на основе свободной воли и гражданской инициативы, в условиях противостояния внешним вызовам, приобретают новое значение, становясь важным каналом утверждения и распространения традиционных ценностей общества. Собственно, процесс самоорганизации делает их таковыми, что вызывает большее доверие граждан (в сравнении с институтами, организованными государством) и наделяет их уникальными воспитательными, этическими и информационными функциями.

В условиях специальной военной операции, все описанные ранее процессы приобретают ускоренный, динамичный характер. Специалист в области военной организации общества Е.С. Гореликов, описывая социальные процессы, подчеркивает значимость взаимодействия государства и общества в военной обстановке, «социальные институты выступают как факторы окружающей среды, влиянием которых нельзя пренебрегать… для успешного решения задач военной безопасности необходимо функционирование системы, выходящей за рамки военной организации. Такой системой может выступать система взаимодействия «государство – военная организация государства – гражданское общество» [4, с. 58–59]. Усиление контроля со стороны государства над обществом, правовое регулирование всех без исключения институциональных процессов на протяжении длительного времени, только обострят внутреннюю обстановку, что в условиях сложных геополитических событиях не желательно и даже опасно.

© Беляева А.А.

Вопреки развязанной западом информационной войны в целях разобщения российского общества и грамотной внутренней политики, можно констатировать обратный процесс – усиление и стойкость российского гражданского общества, основанного на альтруизме и исторической памяти русского народа. Самоорганизация приобретает новые формы в виде добровольных гражданских гуманитарных формирований, участвующих в материально-техническом снабжении, логистике, тактической подготовке, техническом сопровождении, в том числе предоставлении экспертов разных областей, предоставляемых некоммерческими организациями на благо общества и в поддержку государства. Задается новый вектор реализации частного интереса в слиянии с публичными интересами государства.

Результаты.

Российское гражданское общество и ранее имело особенные черты в сравнении с любым демократическим государством, а за последние пять лет можно констатировать его уникальность, адаптированость и эффективность. Особенности российского гражданского общества можно продемонстрировать классификацией правовых форм социальной самоорганизации, которая отражает политико-правовую связь институтов гражданского общества и государства, принципы их взаимодействия и коммуникации. По этому основанию выделим три основных типа политико-правовой связи самоорганизованных институтов и государства: общественно-инициируемая; государственно-инициируемая (государственно-патрональная); консенсусная.

Общественно-инициируемая политико-правовая связь наиболее типична для взаимодействия государства с общественными институтами при демократическом политическом режиме. Сама коммуникация гражданского общества и государства строится по вертикали снизу-вверх, инициатива исходит от социально-активной части населения. При этом их самостоятельным решением являются вопросы о времени, месте, составе и своевременности самоорганизации социальных институтов, для защиты и отстаивания частных интересов или вызванные иной социальной необходимостью.

Государственно-инициируемая (государственно-патрональная) политико-правовая связь имеет иной характер взаимодействия, по вертикальному принципу сверху-вниз. Государство стимулирует, запускает процессы организации институтов гражданского общества, поскольку заинтересовано в них, как в дополнительном социальном ресурсе, где на основе частного интереса предполагается реализация публичных интересов. Указанная форма присуща государствам с переходным политическим режимом от тоталитарного или авторитарного к демократическому. Любые политические изменения, так или иначе сопровождаются кризисами и государственно-патрональная политико-правовая связь может стать импульсом в зарождении гражданского общества, однако в теории гражданского общества рассматривается скорее, как искусственный процесс самоорганизации, инвалидизирующий социальную активность, а все институты, организованные по такому принципу, становятся частью квазигражданского общества.

Консенсусная политико-правовая связь характерна для взаимодействия государства и институтов, имеющих двойственную социально-политическую природу, строятся по принципу вертикального взаимодействия, где импульс исходит и сверху (от государства), и снизу (от общества) и встречается в точке соприкосновения и согласованности частных и публичных интересов. Этот тип политико-правовой связи характерен так же для стран с переходным политическим режимом и в условиях военной организации общества. От предыдущей формы отличается, тем, что при участии государства в самоорганизации общественная инициатива зачастую наделена широкими автономными полномочиями, формируются из представителей институтов гражданского общества на основе их добровольного согласия, официально признаются представителями интересов частных субъектов и могут быть включены в механизм публичной власти.

Заключение.

Таким образом, консенсусная политико-правовая выступает самобытной формой взаимодействия государства и гражданского общества характерная для России в условиях внешнеполитического давления. Самобытность заключается в несвойственной демократическому государственному устройству форме, при которой инициативные граждане сами стремятся принять участие в реализации внутренней политики, тяга к распределению государственной нагрузки и желание взаимодействия с государством для реализации общей цели – обеспечение национальной безопасности, развитие и процветание государства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Беляева А.А.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
3. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 21.02.2023. URL : http://kremlin.ru/events/president/news/70565
4. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 104–116.
5. Гореликов Е.С. Социально-организационные направления реализации экспертного потенциала гражданского общества в функционировании военной организации государства // Власть. 2024. № 5. С. 57–64.
6. Коэн Дж.-Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж.-Л. Коэн, Э. Арато. М. : Весь мир, 2003. 784 с.
7. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.
8. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45.
9. Харт Г.-Л.-А. Понятие права / Г.-Л.-А. Харт; Под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
10. Parsons T. Power and the Social System / Ed. by Steven Lukes // Power. Oxford : Blackwell, 1986. 283 p.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values».
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
3. The President's Message to the Federal Assembly // The President of Russia. 21.02.2023. URL : http://kremlin.ru/events/president/news/70565
4. Gadzhiev K.S. The concept of civil society: ideological origins and main milestones of its formation // Questions of philosophy. 1991. № 3. P. 104–116.
5. Gorelikov E.S. Socio-organizational directions for the realization of the expert potential of civil society in the functioning of the military organization of the state. Vlast. 2024. № 5. P. 57–64.
6. Cohen J.L. Civil society and political theory / J.L. Cohen, E. Arato. M. : The Whole World, 2003. 784 p.
7. Matuzov N.I. Civil society: the essence and basic principles // Jurisprudence. 1995. № 3. P. 83–93.
8. Tikhomirov Yu.A. Civil society in the focus of law // Journal of Russian Law. 2013. № 10. P. 35–45.
9. Hart G.-L.-A. The concept of law / G.-L.-A. Hart; Under the general editorship of E.V. Afonasin, S.V. Moiseev. SPb. : St. Petersburg University Press, 2007. 302 p.
10. Parsons T. Power and the Social System / Ed. by Steven Lukes // Power. Oxford : Blackwell, 1986. 283 p.

Информация об авторе

Беляева Анна Андреевна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры философии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
milena.555@mail.ru

Anna A. Belyaeva
Candidate of Legal Sciences,
Lecturer at the Department of Philosophy,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Беляева А.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-6
УДК 342.92

Attribution
cc by

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО КОДИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2000–2025 ГОДАХ

Глазатов А.А., Игошин Н.А.
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В статье описаны результаты исследования, предметом которого стали предложения по кодификации административного законодательства Российской Федерации за последние 25 лет. Авторы исследования поставили перед собой цель провести анализ эволюции предложений по кодификации административного права и предприняли попытку оценить их эффективность и выявить перспективные направления дальнейшего развития отрасли. Методология. Использованы общенаучные методы (анализ, синтез) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод). Проанализированы нормативные правовые акты, проекты законов и научные публикации по теме. Результаты. Выявлены ключевые этапы и тенденции в кодификации административного законодательства, определены основные проблемы и предложены пути их решения. Выводы. Кодификация административного права является необходимым шагом для повышения эффективности правового регулирования, однако требует комплексного подхода и учёта специфики административных отношений.

Ключевые слова: кодификация, кодекс, административное законодательство, административное судопроизводство, служебный кодекс, административные процедуры, административная ответственность, контроль, надзор, реформа.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF PROPOSALS FOR THE CODIFICATION OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION 2000–2025

Aleksey A. Glazatov, Nikolai A. Igoshin
North-West Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article describes the results of a study, the subject of which was proposals for the codification of administrative legislation of the Russian Federation over the past 25 years. The authors of the study set themselves the goal of analyzing the evolution of proposals for the codification of administrative law and attempted to assess their effectiveness and identify promising areas for further development of the industry. Methodology. General scientific methods (analysis, synthesis) and special legal methods (comparative legal analysis, formal legal method) were used. Regulatory legal acts, draft laws and scientific publications on the topic were analyzed. Results. Key stages and trends in the codification of administrative legislation were identified, the main problems were determined and ways to solve them were proposed. Conclusions. Codification of administrative law is a necessary step to improve the effectiveness of legal regulation, but it requires an integrated approach and taking into account the specifics of administrative relations.

Keywords: codification, code, administrative legislation, administrative proceedings, service code, administrative procedures, administrative responsibility, control, supervision, reform.

Funding: Independent work.

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

Введение.

В последние десятилетия кодификация административного законодательства Российской Федерации стала предметом активных научных дискуссий и законодательных инициатив. Кодификация – деятельность правотворческих органов государства по созданию нового, систематизированного нормативно-правового акта [1]. Фрагментарность и несогласованность нормативных правовых актов в сфере административного права затрудняют правоприменение и снижают эффективность государственного управления. Цель данной статьи – провести историко-правовой анализ предложений по кодификации административного законодательства за последние 25 лет, оценить их результаты и определить перспективы дальнейшего развития.

В ходе исследования использованы работы ведущих учёных в области административного права, включая Д.Н. Бахраха, Ю.Н. Старилова, а также такие нормативные правовые акты, как Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Применены общенаучные методы (анализ, синтез) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод).

Кодификация административного права в России имеет длительную историю, отражающую эволюцию государственного управления и правовой системы. В советский период основным нормативным актом в данной сфере был Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, принятый в 1984 году [2]. С распадом СССР и переходом к рыночной экономике возникла необходимость реформирования административного законодательства.

В 2001 году был принят новый КоАП РФ, вступивший в силу 1 июля 2002 года [3]. Он стал результатом попытки систематизировать нормы, регулирующие административные правонарушения, и устранить пробелы предыдущего законодательства. Однако, несмотря на значительные изменения, КоАП РФ не охватил всех аспектов общественных отношений в административном праве, что породило дальнейшие дискуссии о необходимости комплексной кодификации.

В последние годы наблюдается активизация усилий по модернизации административного законодательства. Одной из инициатив стало обсуждение проектов «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 2020 года, подготовленные Министерством юстиции Российской Федерации [4, 5]. Однако реализация этой идеи сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, существует сложность в объединении разнообразных норм, регулирующих различные сферы общественных отношений, в единый кодекс. Административное право охватывает широкий спектр вопросов – от регулирования предпринимательской деятельности до обеспечения общественного порядка, что затрудняет создание универсального нормативного акта.

Во-вторых, постоянные изменения в законодательстве требуют гибкости, тогда как кодифицированные акты обладают определённой степенью стабильности. Это может привести к тому, что кодифицированные нормы быстро устаревают и не успевают отражать текущие потребности общества.

В-третьих, существует опасение, что чрезмерная детализация в кодексе может привести к его громоздкости и затруднить правоприменение. Некоторые учёные, такие как Д.Н. Бахрах, указывают на риск создания избыточно сложного нормативного акта, который будет труден для восприятия и использования на практике [6].

Обсуждение. Результаты.

Служебный кодекс.

Вопрос о кодификации норм, регулирующих государственную и муниципальную службу, активно обсуждается в научной среде. Идея принятия Служебного кодекса была предложена рядом исследователей, включая С.А. Баранову и Л.В. Акопова. В их работах подчёркивается, что служебное право может либо остаться подотраслью административного права, либо эволюционировать в самостоятельную отрасль права [7; 8].

В пользу Служебного кодекса выделяют следующие аргументы:

1. Упорядочивание законодательства – существующее регулирование государственной и муниципальной службы представлено множеством нормативных актов, что затрудняет правоприменение.

2. Обеспечение единообразия – введение единого кодифицированного акта позволит сформулировать универсальные принципы службы, исключив коллизии между различными законами.

3. Развитие правовых механизмов управления кадровым составом – систематизация норм о карьере государственных служащих, аттестации, дисциплинарной ответственности и мотивации.

Аргументы против кодификации Служебного кодекса заключаются в том, что кодифицированный акт может создать дополнительные административные барьеры и усложнить кадровую политику. Помимо этого, государственная служба динамична, нормы требуют регулярной адаптации, что в кодифицированной форме может затруднять оперативное обновление законодательства.

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

Также возможно введение морального к декса для госслужащих. Проблема морального и этического регулирования поведения государственных служащих также остаётся предметом дискуссий. Е.Д. Богатырёв подчёркивает важность внедрения морального кодекса, который должен ориентировать государственных служащих не на страх наказания, а на следование идеалам государственной службы [9].

Присутствует проблема формального подхода – моральные нормы не могут быть жёстко закреплены, иначе они утратят гибкость. Роль морального кодекса заключается в том, что он должен выполнять исключительно ориентирующую функцию, а не подменять собой нормы права.

Кодекс административных процедур.

Ещё одной дискуссионной темой в рамках кодификации является Кодекс административных процедур. Старилов Ю.Н. выступает за его принятие, поскольку считает, что это позволит:

1. Урегулировать административные процедуры в одном нормативном акте.

2. Подчеркнуть центральную роль административного акта и процедур в системе административного права.

3. Повысить предсказуемость административных решений и защиту прав граждан [10].

Однако некоторые учёные, например, А. Попова, указывают на сложности в принятии подобного кодекса. А именно, высокая вероятность инцидентов и сложность его адаптации в судебной практике и возможное дублирование норм, уже существующих в различных законах [11].

Перспективы развития КоАП РФ и исторический экскурс по КАС РФ.

Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) продолжает эволюционировать. М.С. Студеникина подчёркивает, что многочисленные изменения в КоАП РФ требуют всестороннего анализа и формирования единой концепции модернизации [12]. С.А. Старостин, считает, что необходимо привести в соответствие с аналогией к другим кодексам процессуальную часть [13].

Основные направления изменений, рассматриваемые в данном подходе:

1. Упрощение процессуальных норм для повышения эффективности рассмотрения дел об административных правонарушениях.

2. Адаптация кодекса с учётом цифровизации производства по делам об административных правонарушениях.

3. Устранение коллизий и пробелов в регулировании деликта (административных санкций).

При этом Л.Г. Коновалова отмечает, что важным аспектом является сохранение стабильности КоАП РФ и недопущение чрезмерной фрагментации административной ответственности [14].

В 2015 году впервые в правовом поле появился Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), который внёс в предмет регулирования: акцент на активную роль суда, наличие высшего юридического образования для представителей, подведомственность дел, освобождение от судебных издержек некоторых лиц [15]. КАС РФ также выступает предметом (объектом) активного обсуждения. Ю.Н. Старилов подчёркивает его значимость в модернизации административного судопроизводства [16], но А.Т. Боннер и Д.В. Осинцев высказывают критические замечания относительно его эффективности [17; 18].

Кодификация нормативных актов об органах исполнительной власти.

Вопрос кодификации нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность органов исполнительной власти, также вызывает споры.

Некоторые учёные, такие как Д.Н. Бахрах и М.С. Студеникина, считают, что полномасштабная кодификация законодательства о деятельности органов исполнительной власти невозможна из-за через чур обширного количества нормативных правовых актов в данном сегменте и динамичности административного регулирования [6, 19].

Другие учёные (например, М.Е. Труфанов) полагают, что создание единого акта, объединяющего базовые принципы деятельности исполнительных органов, необходимо [20]. Однако уже есть нормативные правовые акты, которые формируют фундамент данного вопроса, например, Указы Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 09 марта 2004 года и «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 11 мая 2024 года [21; 22].

Кодификация контроля и надзора.

Проблема кодификации государственного контроля и надзора начинается с того, что законодательство не разграничивает эти понятия.

Д.Н. Бахрах и М.С. Студеникина подчёркивают, что контроль и надзор – не тождественные категории, что контроль – более широкое и объёмное понятие, не ограниченное кругом вопросов, связанных с соблюдением обязательных предписаний – законов и других актов [6; 19].

Л.А. Галанина указывает на сложность разграничения контрольных и надзорных полномочий, что в ряде случаев трудно отличить контрольные полномочия от надзорных, поэтому в законодательстве и литературе не всегда чётко проводится разграничение между контрольными и

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

надзорными полномочиями, что создаёт правовую неопределённость [23].

В.П. Беляев же отмечает, что контрольная и надзорная деятельность – самостоятельные, автономные формы государственной деятельности, имеющие только им присущие признаки, содержание, функции, процессуальную форму [24].

В Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ разграничения контроля и надзора нет [25].

Основными предложениями в сфере государственного контроля и надзора выступают:

1. Чёткое определение предмета контроля и надзора на законодательном уровне.

2. Развитие независимых механизмов оценки (критериев оценки) эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Заключение.

Несмотря на указанные проблемы, кодификация административного законодательства остаётся актуальной задачей. Но, как отмечает Костенников М.В., «какой бы заманчивой ни была идея кодификации всех административно-правовых норм, осуществить её никогда не удастся» [26], так как количество норм права в сфере государственного управления очень объёмное и они регулируют различные виды общественных отношений. Для её успешной реализации необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Дифференцированный подход. Вместо создания единого объёмного кодекса целесообразно разработать несколько специализированных кодексов, охватывающих отдельные сферы административного права, такие как административные процедуры, административная ответственность, государственная служба и другие.

2. Гибкость нормативных актов. Включение в кодифицированные акты механизмов оперативного внесения изменений позволит поддерживать их актуальность и соответствие современным реалиям.

3. Учёт зарубежного опыта. Изучение и адаптация успешных моделей кодификации административного права из других стран могут способствовать созданию эффективной системы правового регулирования в России.

4. Широкое обсуждение проектов. Привлечение к обсуждению проектов кодифицированных актов широкого круга специалистов, включая учёных, практиков и представителей гражданского общества, позволит учесть различные точки зрения и повысить качество нормативных документов.

Кодификация административного законодательства в России является сложным, но необходимым процессом, направленным на повышение эффективности правового регулирования и упрощение правоприменительной практики. Успех этой инициативы зависит от комплексного подхода, учитывающего разнообразие регулируемых общественных отношений.

И уже сейчас рассматриваются новые предложения кодификации норм административного права в сфере IT-технологий в виде «Цифрового кодекса», которые активно набирают обороты и выносятся на обсуждение специалистов [27].

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2003. 703 с.
2. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102063869&backlink=1&&nd=102010182&ysclid=m7ouryy79z635087588 (дата обращения 15.01.2025).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277&ysclid=m7oqal6v8w385905728 (дата обращения 15.01.2025).
4. Проект Федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30.01.2020). URL : https://base.garant.ru/56821726/?ysclid=m7zag3h8e 9229139542 (дата обращения 15.01.2025).

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

5. Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 29.05.2020). URL : https://base.garant.ru/56833643/?ysclid=m7zahhjhvh463036493 (дата обращения 15.01.2025).
6. Бахрах Д.Н. Административное право : учебник для вузов. 3-е изд., пересмотр, и доп. / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. М. : Норма, 2008. 816 с.
7. Баранова С.А. Служебное право, как новая отрасль российского права: проблемы становления и развития // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 64–70.
8. Акопов Л.В. Проблемы становления российского служебного права (по поводу статьи А.А. Гришковца) // Государство и право. 2013. № 11. С. 5–9.
9. Богатырёв Е.Д. Нужен ли для государственной гражданской службы моральный кодекс? // Государственная служба. 2014. № 3(89). С. 31–34.
10. Старилов Ю.Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4(39). С. 8–27.
11. Попова А. Кодекс административного производства. Как беспроигрышно спорить с государством // Корпоративный юрист. 2016. № 10. С. 36–41.
12. Студеникина М.С. Кодификация законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: история, современность, перспективы развития // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 39–44.
13. Старостин С.А. Административный процесс в едином юридическом процессе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 114–121.
14. Коновалова Л.Г. Инициативы изменения законодательства об административных правонарушениях: достоинства и недостатки // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2020. № 18. С. 41–45.
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ. URL : http://pravo.gov.ru/ proxy/ips/?docbody=&nd=102380990&ysclid=m7olbpb3x9217024301 (дата обращения 15.01.2025).
16. Старилов Ю.Н. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации – важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2(21). С. 8–15.
17. Боннер А.Т. Предисловие к учебнику по административному судопроизводству, или Краткая история российской административной юстиции // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4. С. 49.
18. Осинцев В.Д. Административное судопроизводство как форма государственного управления // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 6. С. 45.
19. Студеникина М.С. Возможные пути кодификации административного законодательства // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития. Материалы научной конференции (Москва, 28 ноября 2001 г.). М. : ВНИИСЗ. 2002. С. 81–91.
20. Труфанов М.Е. Проблемы применения административного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 394–396.
21. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 09 марта 2004 г. № 314. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102085677 (дата обращения 15.01.2025).
22. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. № 326. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606911083 (дата обращения 15.01.2025).
23. Галанина Л.А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22.
24. Беляев В.П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4(77). С.199–207.
25. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102801479&ysclid=m7z7md1jsx164766636 (дата обращения 15.01.2025).
26. Костенников М.В. Теоретические проблемы кодификации административного права России : автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2003. 49 с.
27. Первая версия Цифрового кодекса появится в середине 2025 года // Пресс-центр. Социальный фонд России. URL : https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2024/05/28/263903?ysclid=m7ownjef1b856147852 (дата обращения 15.01.2025).

References:

1. Big legal dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2rd ed., revised and additional. M. : INFRA-M., 2003. 703 p.
2. The RSFSR Code of Administrative Offences of June 20, 1984. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips / ?docbody=&prevDoc=102063869&backlink=1&&nd=102010182&ysclid=m7ouryy79z635087588 (date of application 01/15/2025).
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation № 195-FZ of December 30, 2001. URL :

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277&ysclid=m7oqal6v8w385905728 (date of application 01/15/2025).
4. Draft Federal Law «Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» (prepared by the Ministry of Justice of Russia on 01/30/2020). URL : https://base.garant.ru/56821726/?ysclid=m7zag3h8e9229139542 (date of application 01/15/2025).
5. Draft Federal Law «Code of Administrative Offences of the Russian Federation» (prepared by the Ministry of Justice of Russia on 05/29/2020). URL : https://base.garant.ru/56833643/?ysclid=m7zahhjhvh463036493 (date of application 01/15/2025).
6. Bakhakh D.N. Administrative law : textbook for universities. 3rd ed., revision, and supplement / D.N. Bakhakh, B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. M. : Norm, 2008. 816 p.
7. Baranova S.A. Service law as a new branch of Russian law: problems of formation and development // Issues of Russian and international law. 2018. Vol. 8. № 3A. P. 64–70.
8. Akopov L.V. Problems of the formation of Russian service law (regarding the article by A.A. Grishkovets) // State and Law. 2013. № 11. P. 5–9.
9. Bogatyrev E.D. Is a moral code necessary for the state civil service? // Public service. 2014. № 3(89). P. 31–34.
10. Starilov Yu.N. Administrative procedures are an integral part of legislation on state and municipal administration: problems of theory, practice and lawmaking // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2019. № 4 (39). P. 8–27.
11. Popova A. Code of Administrative Procedure. How to argue with the state without a win // Corporate lawyer. 2016. № 10. P. 36–41.
12. Studenikina M.S. Codification of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: history, modernity, development prospects // Administrative law and process. 2014. № 9. P. 39–44.
13. Starostin S.A. Administrative process in a single legal process // Bulletin of the O.E. University Kutafina. 2015. № 8. P. 114–121.
14. Konovalova L.G. Initiatives to change legislation on administrative offenses: advantages and disadvantages // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2020. № 18. P. 41–45.
15. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation № 21-FZ dated March 08, 2015. URL : http://pravo.gov.ru / proxy/ips/?docbody=&nd=102380990&ysclid=m7olbpb3x9217024301 (date of application 01/15/2025).
16. Starilov Yu.N. The adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation is the most important stage of judicial reform and modernization of administrative procedure legislation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2015. № 2(21). P. 8–15.
17. Bonner A.T. Preface to the textbook on administrative proceedings, or A brief history of Russian administrative Justice // Bulletin of Civil Procedure. 2019. Vol. 9. № 4. 49 p.
18. Osintsev V.D. Administrative legal proceedings as a form of public administration // Bulletin of the Civil Procedure. 2018. Vol. 8. № 6. P. 45.
19. Studenikina M.S. Possible ways of codification of administrative legislation // Administrative law: theory and practice. Strengthening the state and the dynamics of socio-economic development. Proceedings of the scientific conference (Moscow, November 28, 2001). M. : VNIISZ. 2002. P. 81–91.
20. Trufanov M.E. Problems of application of administrative legislation // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2008. № 2. P. 394–396.
21. On the system and structure of federal executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation № 314 dated March 09, 2004. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102085677 (date of application 01/15/2025).
22. On the structure of federal executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2024 № 326. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606911083 (date of application 01/15/2025).
23. Galanina L.A. Organizational and legal support of control over the execution of normative legal acts in the subjects of the Russian Federation : dis. … candidate of legal sciences. M., 2001. P. 22–24.
24. Belyaev V.P. Control and supervision: problems of differentiation // Actual problems of Russian law. 2017. № 4(77). P. 199–207.
25. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020. URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102801479&ysclid=m7z7md1jsx164766636 (date of application 15.01.2025).
26. Kostennikov M.V. Theoretical problems of codification of administrative law in Russia : abstract of dis... doctor of law. M., 2003. 49 p.
27. The first version of the Digital Code will appear in mid-2025 // Press Center. The Social Fund of Russia. URL : https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2024/05/28/263903?ysclid=m7ownjef1b856147852 (date of application 01/15/2025).

Информация об авторах

Глазатов Алексей Алексеевич
магистрант юридического факультета
Северо-Западного института управления –

Alexey A. Glazatov
Master's Student at the Faculty of Law
of the Northwestern Institute of Management –

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург
ORCID 0009-0003-5535-5247
glazatov01@internet.ru

Игошин Николай Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
конституционного и административного права,
Северо-Западного института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург
ORCID 0000-0003-0478-5362
n_a_igoshin@mail.ru

branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg
ORCID 0009-0003-5535-5247
glazatov01@internet.ru

Nikolay A. Igoshin
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law
of the Northwestern Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg
ORCID 0000-0003-0478-5362
n_a_igoshin@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Глазатов А.А., Игошин Н.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-7
УДК 340

Attribution
cc by

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УБЫТКА ГОСУДАРСТВУ ОТ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ОТЛИЧИЕ ДАННОГО ПОНЯТИЯ ОТ УЩЕРБА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Глоба Э.Ю.
Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические особенности установления убытка, причиненного преступлением Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям (далее по тексту – государство, публично-правовые образования) от совершенного преступления и отличие данного понятия от ущерба, в контексте уголовно-правовой оценки.

Цель. По результату работы делается ряд выводов. Устанавливаются особенности определения и доказывания убытков при осуществлении производства по уголовным делам, связанным с причинением ущерба публично-правовые образованиям, с учетом криминалистических аспектов. Доказана взаимосвязь, существующая между уголовно-правовой квалификацией деяния, гражданско-правовым институтом возмещения вреда и криминалистическими методиками установления размера ущерба. Особое внимание уделяется специфике доказывания упущенной выгоды государства.

Ключевые слова: убытки, ущерб, государство, преступление, возмещение вреда, криминалистика, доказывание, упущенная выгода, реальный ущерб, методика расследования.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CRIMINALISTIC FEATURES IN DETERMINING THE LOSS TO THE STATE FROM A COMMITTED CRIME, THE DIFFERENCE BETWEEN THIS CONCEPT AND DAMAGE, IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Eduard Yu. Globa
Kuban State University

Abstract. The article examines the criminalistic features in determining the damage caused by a crime to the Russian Federation, its subjects and municipalities (hereinafter referred to as the state, public law entities) from the crime committed and the difference between this concept and damage in the context of criminal law assessment.

Purpose. A number of conclusions are drawn based on the results of the work. The article establishes the specifics of determining and proving damages in criminal proceedings related to damage to public legal entities, taking into account criminalistic aspects. The relationship between the criminal law qualification of an act, the civil law institution of compensation for harm and criminalistic methods of determining the amount of damage is proved. Special attention is paid to the specifics of proving the lost benefits of the state.

Keywords: losses, damage, state, crime, compensation for harm, criminology, evidence, lost profits, real damage, investigation methodology.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Проблема возмещения ущерба, причиненного преступлением, является одной из центральных в уголовном и гражданском праве. Когда речь идет о преступлениях, посягающих на интересы государства, вопрос о возмещении причиненного вреда приобретает особую актуальность.

Государство, выступая в качестве потерпевшего, несет не только материальные потери, но и утрачивает возможность реализации своих

© Глоба Э.Ю.

функций, что может иметь далеко идущие негативные последствия для общества в целом.

В связи с этим, точное определение понятия «убытки» и разработка эффективных криминалистических методик их установления и доказывания приобретают первостепенное значение.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу понятия «убыткок» в контексте возмещения ущерба, причиненного преступлением государству, с учетом криминалистических аспектов.

Обсуждение.

В гражданском праве под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права при утрате или повреждении его имущества (реальный ущерб) с учетом неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [1].

В уголовном праве понятие «убытки» напрямую не используется, однако, оно тесно связано с понятием «ущерб», которое является обязательным признаком многих составов преступлений, особенно в сфере экономической деятельности и против государственной власти.

Т.Ю. Феофилова исследовала важность определения ущерба и выделила его фазы, которые соотносятся с рисками экономической безопасности, так как такие риски представляют угрозу для экономической системы Российской Федерации [2, с. 37]. Ущерб, причиненный преступлением, может выражаться как в форме реального ущерба, так и в форме упущенной выгоды.

Важно отметить, что в уголовном праве ущерб рассматривается не только как материальный вред, но и как вред, причиненный охраняемым законом интересам государства, общества и личности. Об это писал Н.Э. Мартыненко, характеризуя ущерб с позиции уголовно-правовой оценки [3, с. 103–109]. Это обусловлено тем, что преступление, посягающее на интересы государства, нарушает не только имущественные права, но и подрывает основы государственного управления, экономической безопасности, правопорядка.

Криминалистика, как наука о закономерностях механизма преступления, способах его подготовки, совершения и сокрытия, а также о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений [4, с. 49–51], играет важную роль в установлении и доказывании убытков, причиненных преступлением государству.

Определение реального ущерба, причиненного государству, может быть связано с различными видами преступлений: хищениями государственного имущества, налоговыми преступлениями, коррупционными преступлениями, экологическими преступлениями и др.

В каждом конкретном случае криминалистическая методика определения реального ущерба будет иметь свои особенности. Например, при расследовании хищений государственного имущества необходимо установить:

Факт хищения: наличие недостачи, излишков, подмены имущества.

Размер похищенного: стоимость похищенного имущества, определяемая на основании бухгалтерских документов, заключений экспертов, рыночных цен.

Механизм хищения: способ совершения преступления, круг лиц, причастных к хищению.

При расследовании налоговых преступлений необходимо установить:

1. Факт неуплаты налогов: наличие задолженности по налогам и сборам.

2. Размер неуплаченных налогов: сумма налогов, подлежащих уплате, но не уплаченных в установленный срок.

3. Механизм уклонения от уплаты налогов: использование подложных документов, занижение налогооблагаемой базы, сокрытие доходов.

При расследовании коррупционных преступлений необходимо установить:

1. Факт получения взятки или иного незаконного вознаграждения: передача денег, имущества, оказание услуг имущественного характера.

2. Размер взятки или иного незаконного вознаграждения: стоимость полученных благ.

3. Связь между полученным вознаграждением и действиями (бездействием) должностного лица: выполнение (невыполнение) должностным лицом определенных действий в интересах взяткодателя.

При расследовании экологических преступлений необходимо установить:

1. Факт причинения вреда окружающей среде: загрязнение атмосферы, водных объектов, почвы, уничтожение или повреждение лесов, иных природных ресурсов.

2. Размер причиненного вреда: стоимость восстановления нарушенного состояния окружающей среды, затраты на ликвидацию последствий загрязнения.

3. Причинно-следственная связь между действиями (бездействием) виновного лица и наступившими последствиями: установление того, что именно действия (бездействие) виновного лица привели к причинению вреда окружающей среде.

© Глоба Э.Ю.

Доказывание упущенной выгоды государства является наиболее сложной задачей, поскольку требует установления не только факта неполучения доходов, но и причинно-следственной связи между преступлением и неполучением этих доходов, а также размера упущенной выгоды.

Упущенная выгода государства может выражаться в неполучении:

1. Налоговых поступлений: в результате уклонения от уплаты налогов, сокрытия доходов.

2. Доходов от использования государственного имущества: в результате хищения, неправомерного использования, повреждения государственного имущества.

3. Доходов от реализации государственных программ и проектов: в результате коррупционных преступлений, нецелевого использования бюджетных средств.

4. Иных доходов, которые государство могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Для доказывания упущенной выгоды государства могут использоваться следующие доказательства:

Бухгалтерские документы: отчеты о прибылях и убытках, налоговые декларации, сметы расходов и доходов.

Экономические расчеты: расчеты упущенной выгоды, выполненные специалистами в области экономики, финансов, бухгалтерского учета.

Заключения экспертов: заключения экспертов-экономистов, экспертов-бухгалтеров, экспертов-оценщиков.

Свидетельские показания: показания лиц, обладающих информацией о доходах, которые государство могло бы получить, если бы его право не было нарушено.

Иные доказательства, подтверждающие факт неполучения доходов и причинно-следственную связь между преступлением и неполучением этих доходов.

При доказывании упущенной выгоды государства необходимо учитывать, что размер упущенной выгоды должен быть обоснованным и реальным. Не допускается взыскание упущенной выгоды, основанной на предположениях и догадках [5].

Для этих целей необходима взаимосвязь уголовно-правовой квалификации, гражданско-правового института возмещения вреда и криминалистических методик.

Уголовно-правовая квалификация деяния, гражданско-правовой институт возмещения вреда и криминалистические методики установления размера ущерба тесно взаимосвязаны.

Правильная уголовно-правовая квалификация деяния является основой для определения размера ущерба, подлежащего возмещению. От того, по какой статье Уголовного кодекса РФ квалифицировано деяние, зависит, какие именно виды ущерба (реальный ущерб, упущенная выгода) подлежат возмещению.

Гражданско-правовой институт возмещения вреда определяет общие принципы и порядок возмещения ущерба, причиненного преступлением. В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [6].

Криминалистические методики, в свою очередь, обеспечивают сбор и исследование доказательств, необходимых для установления факта причинения ущерба, его размера и причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями.

Например, если деяние квалифицировано как мошенничество (ст. 159 УК РФ), то предметом доказывания будет являться хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В этом случае, криминалистические методики будут направлены на установление факта обмана или злоупотребления доверием, размера похищенного имущества или стоимости приобретенного права на имущество.

Если же деяние квалифицировано как уклонение от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ), то предметом доказывания будет являться факт неуплаты налогов в крупном или особо крупном размере. Криминалистические методики будут направлены на установление размера неуплаченных налогов, механизма уклонения от уплаты налогов, а также умысла виновного лица.

Таким образом, уголовно-правовая квалификация деяния определяет предмет доказывания, гражданско-правовой институт возмещения вреда устанавливает общие принципы и порядок восстановления нарушенного права, а криминалистические методики обеспечивают сбор и исследование доказательств, необходимых для установления размера ущерба и его доказывания в суде.

А.В.А. Абед полагает, что отсутствие единого понимания основных признаков уголовно-процессуальной деятельности, связанной с возмещением вреда, говорит не только о многогранности анализируемого правового института, но и о том, что нет единого подхода к пониманию этого правового института не только в специализированной литературе, но и практике правоприменения. В связи с этим, справедливо мнение о том, что такое многообразие не может не затруднять реализацию закона [7].

© Глоба Э.Ю.

Рассмотрим некоторые специфические аспекты доказывания упущенной выгоды государства, возникающие в различных сферах:

Упущенная выгода в сфере недропользования:

При незаконной добыче полезных ископаемых государство недополучает доходы в виде платы за пользование недрами, налогов и иных обязательных платежей. Доказывание упущенной выгоды в данном случае может включать:

Определение объема незаконно добытых полезных ископаемых: с помощью геолого-маркшейдерских измерений, анализа данных дистанционного зондирования Земли, свидетельских показаний.

Расчет стоимости незаконно добытых полезных ископаемых: на основании рыночных цен, данных биржевых торгов, заключений экспертов-оценщиков.

Расчет размера неполученных платежей за пользование недрами, налогов и иных обязательных платежей: на основании ставок платежей, установленных законодательством, и объема незаконно добытых полезных ископаемых.

При незаконной рубке лесных насаждений государство недополучает доходы в виде платы за пользование лесными ресурсами, а также несет убытки, связанные с восстановлением лесов. Доказывание упущенной выгоды может включать:

Определение объема незаконно заготовленной древесины: с помощью лесоустроительных материалов, данных дистанционного зондирования земли, свидетельских показаний.

Расчет стоимости незаконно заготовленной древесины: на основании рыночных цен, данных биржевых торгов, заключений экспертов-оценщиков.

Расчет размера неполученных платежей за пользование лесными ресурсами: на основании ставок платежей, установленных законодательством, и объема незаконно заготовленной древесины.

Расчет затрат на восстановление лесов: на основании нормативов затрат на лесовосстановительные работы, заключений экспертов-лесоводов.

При совершении преступлений в сфере государственных закупок (например, при хищении бюджетных средств, выделенных на закупку товаров, работ, услуг) государство недополучает товары, работы, услуги, на которые были выделены бюджетные средства, либо получает их по завышенным ценам. Доказывание упущенной выгоды может включать:

Анализ конкурсной документации и заключенных государственных контрактов: выявление нарушений законодательства о государственных закупках, завышения цен, некачественного выполнения работ (оказания услуг).

Проведение экспертиз: строительно-технических, товароведческих, экономических, бухгалтерских

Расчет разницы между стоимостью товаров, работ, услуг, указанной в государственном контракте, и их рыночной стоимостью: на основании данных о рыночных ценах, заключений экспертов-оценщиков.

Если государственный контракт не исполнен или исполнен ненадлежащим образом, государство может понести убытки в виде упущенной выгоды. Например, непоставка оборудования для больницы может привести к невозможности оказания медицинской услуги и, как следствие, к неполучению доходов от платных услуг. Доказывание в этом случае будет строиться на:

– анализе условий контракта: определение обязательств сторон, сроков исполнения, ответственности за неисполнение;

– документальном подтверждении факта неисполнения: акты, претензии, переписка сторон;

– расчете упущенной выгоды: на основе плановых показателей деятельности государственного учреждения, которое должно было получить товары, работы или услуги по контракту.

Результаты.

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением государству, в правоприменительной практике возникают определенные проблемы:

Во-первых, сложность доказывания упущенной выгоды, а именно, отсутствие четких критериев определения размера упущенной выгоды, необходимость проведения сложных экономических расчетов, привлечения экспертов.

Во-вторых, недостаточная разработанность криминалистических методик: отсутствие единых подходов к сбору и исследованию доказательств, подтверждающих факт причинения ущерба и его размер;

В-третьих, проблемы межведомственного взаимодействия: недостаточная координация действий правоохранительных органов, органов государственного контроля и надзора, органов, осуществляющих управление государственным имуществом.

В-четвертых, несовершенство законодательства: наличие пробелов и коллизий в законодательстве, регулирующем вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением государству; невозможность взыскания всех понесенных государством убытков в результате преступления в

© Глоба Э.Ю.

уголовно-судебном порядке при рассмотрении уголовного дела судом.

В-пятых, необходимость совершенствования законодательства: внесение изменений в Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, иные нормативные правовые акты, направленные на уточнение понятия «убытки», установление четких критериев определения размера упущенной выгоды, расширение понятия ущерба в уголовном праве и упрощение процедуры его доказывания.

В-шестых, необходимость разработки методических рекомендаций по расследованию преступлений, причинивших ущерб государству, с учетом специфики различных видов преступлений и особенностей доказывания упущенной выгоды.

В-седьмых, необходимость повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей: проведение обучающих семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации по вопросам расследования преступлений, причинивших ущерб государству, и доказывания убытков.

В-восьмых, необходимость усиления межведомственного взаимодействия: создание межведомственных рабочих групп, проведение совместных совещаний, обмен информацией между правоохранительными органами, органами государственного контроля и надзора, органами, осуществляющими управление государственным имуществом;

В-девятых, необходимость развития института судебной экспертизы: совершенствование методик проведения экономических, бухгалтерских, оценочных и иных экспертиз, необходимых для установления размера ущерба, причиненного преступлением государству.

В-десятых, необходимость внедрения современных информационных технологий: использование специализированных программных продуктов для сбора, анализа и обработки информации, необходимой для установления размера ущерба, причиненного преступлением государству.

Заключение.

Вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением государству, является сложным и многоаспектным. Эффективное решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, разработку криминалистических методик, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей, усиление межведомственного взаимодействия.

Точное определение понятия «убытки», понесенные публично-правовыми образованиями в результате преступления, и разработка эффективных механизмов их доказывания имеют важное значение не только для восстановления нарушенных прав государства, но и для обеспечения экономической безопасности страны, укрепления правопорядка и защиты интересов общества в целом.

Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на выявление и анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике, и разработку предложений по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). Ст. 15.
2. Феофилова Татьяна Юрьевна Понятие «Ущерб» в теории экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 2(12). С. 37.
3. Мартыненко Н.Э. Понятия «Вред» и «Ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 103–109.
4. Уч-к «Криминалистика» / Т.В. Аверьянова [и др.]. М. : Изд-во Норма-инфра, 2000. С. 49–51.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. Ст. 1064.
7. Абед А.В.А. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением // Право и управление. 2023. № 2. С. 259.

© Глоба Э.Ю.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 № 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024). Art. 15.
2. Feofilova Tatiana Yurievna The concept of «Damage» in the theory of economic security // Theory and practice of the service: economics, social sphere, technology. 2012. № 2(12). P. 37.
3. Martynenko N.E. The concepts of «Harm» and «Damage» and their criminal legal assessment // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № (54). P. 103–109.
4. Uch-k «Criminalistika». M. : Publishing house Norm-infra, 2000. P. 49–51.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 03/24/2016 № 7 (as amended on 06/22/2021) «On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations».
6. The Civil Code of the Russian Federation. Part 2. Art. 1064.
7. Abed A.V.A. Institute of compensation for harm caused by a crime // Law and Management. 2023. № 2. P. 259.

Информация об авторе

Глоба Эдуард Юрьевич
аспирант кафедры
криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
global@internet.ru

Eduard Yu. Globa
Postgraduate Student of the Department
of Criminology and Legal Informatics,
Kuban State University
global@internet.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Глоба Э.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-12
УДК 343.98

Attribution
cc by

ПОНЯТИЯ «НЕДОСТОВЕРНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» И «ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Зехов Б.З.
Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ недостоверности доказательств с таким правовым понятием как их фальсификация. Рассмотрены лингвистический, доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты данной проблематики.

Цель – выявить сходные и отличительные черты недостоверности и фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве.

Методы: диалектический, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, функциональный метод) и частно-научные (формально-юридический, эмпирический).

Результаты: недостоверность и фальсификацию доказательств объединяет то, что соответствующие доказательства как порочные, не вызывающие у суда доверия не учитываются в процессе принятия решения по существу рассмотрения уголовного дела. В то же время, между данными понятиями прослеживается ряд разграничительных черт. Недостоверность отражает свойство доказательств, а фальсификация – действие субъекта и его результат. Отличаются механизм формирования соответствующих доказательств (фальсификация предполагает создание либо изменение предмета (документа)), правовые последствия их представления и как следствие – круг субъектов уголовной ответственности.

Ключевые слова: недостоверность доказательств, фальсификация, недопустимость, материальный подлог, интеллектуальный подлог, уголовная ответственность, субъект преступления, введение суда в заблуждение.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THE CONCEPTS OF «UNRELIABILITY OF EVIDENCE» AND «FALSIFICATION OF EVIDENCE»: A COMPARATIVE ANALYSIS

Batyr Z. Zekhov
Kuban State University

Abstract. The article presents a comparative analysis of the unreliability of evidence with such a legal concept as falsification. The linguistic, doctrinal, legislative and law enforcement aspects of this issue are considered.

Purpose: to identify similar and distinctive features of unreliability and falsification of evidence in criminal proceedings.

Methods: dialectical, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, functional method) and special scientific (formal legal and empirical).

Results: unreliability and falsification of evidence are united by the fact that the relevant evidence, as flawed and not credible to the court, is not taken into account in the process of making a decision on the merits of the criminal case. At the same time, a number of distinguishing features can be traced between these concepts. Unreliability reflects the property of evidence, and falsification – the action of the subject and its result. The mechanism for the formation of relevant evidence (falsification involves the creation or modification of the subject (document)), the legal consequences of their presentation and, as a consequence, the circle of subjects of criminal liability differ.

Keywords: unreliability of evidence, falsification, inadmissibility, material forgery, intellectual forgery, criminal liability, subject of the crime, misleading the court.

***Funding**:* Independent work.

© Зехов Б.З.

Введение.

В юридической литературе значительное внимание уделено сравнительному анализу фальсификации и недостоверности доказательств в гражданском [1; 2] и арбитражном [3; 4] процессах.

В частности, А.С. Стражева [1, с. 108–109] рассматривает фальсификацию судебных доказательств как самое опасное проявление недостоверности, ее незаконную разновидность.

Схожего подхода придерживается А.В. Захаров, соотносящий данные понятия как часть и целое, фокусируя внимание на их разных возможных правовых последствиях, ведь фальсификация может привести к исключению доказательства [5, с. 633].

Примечательно, что хотя в цивилистической доктрине и анализируются вопросы фальсификации, ГПК РФ в ст. 186 иначе называет соответствующее доказательство – подложное – и не детализирует механизм противодействия выявленному дефекту. Ст. 161 АПК РФ, напротив, конкретизирует действия суда в случае заявления о фальсификации.

В науках криминального цикла достоверность единичного доказательства, как правило, сопоставляется с такими смежными правовыми понятиями как допустимость и относимость [6], а также рассматривается в парадигме ее системных свойств, позволяющих перейти к выводу о достаточности [7]. Что же касается соотношения недостоверности и фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве, надо признать, что данный вопрос требует дальнейшей разработки, что представляется возможным осуществить путем обращения к трудам в области лингвистики, наук криминального цикла и судебной практике.

Обсуждение.

В наиболее общем виде, значение слова «недостоверность» в толковых словарях раскрывается как синонимичное неопределенности, ненадежности, сомнительности. Безусловно, такая трактовка может носить исходный характер, однако недостаточна для анализа юридической сущности рассматриваемого понятия и выявления его смысловых оттенков.

Весьма удачным, в контексте цели настоящего исследования, нам видится следующее утверждение Р.В. Доронькина: «Недостоверность сведений – это объективно установленная невозможность проверить (подтвердить) представленную (конечную) информацию из первичных источников (или документации) ввиду её отсутствия, искажения или признания ложной» [8, с. 10].

В свою очередь, как раз ложность – намеренное искажение истины – характеристика фальсификации.

В доктрине недостоверность и фальсификация рассматриваются не только как целое и часть, но и как части обобщающего понятия более высокого порядка. В частности, Н.А. Бортникова отмечает, что умышленное введение суда в заблуждение (обман), влекущее уголовную ответственность, возможно в форме предоставления недостоверной информации лицами, содействующими осуществлению правосудия (эксперт, специалист, свидетель, переводчик), а также путем фальсификации доказательств лицами, участвующими в деле, и их представителями [9].

Такая дифференциация имеет вполне законное основание: названные категории лиц подлежат уголовной ответственности за предоставление суду недостоверной информации соответственно по ст. 307 и 303 УК РФ. Примечательно, что в ст. 307 УК РФ слово «недостоверный» не звучит: вместо него – «ложный», «неправильный». Понятие «фальсификация» и вовсе не имеет легального закрепления и потому получает разнообразную трактовку в правовой доктрине и правоприменительной практике.

Следует обратить внимание на лингвистический аспект рассматриваемых понятий. Недостоверность – отвлеченное существительное, образованное от прилагательного и отражающее непроцессуальный признак, на что указывает суффикс -ость [10]. Фальсификация же – отглагольное существительное, то есть, напротив, процессуальное; таковым присуще отвлеченное от своего носителя действие и его результат [11].

Результаты.

Тем самым, недостоверность – свойство доказательства, которым его наделяет суд, поскольку оно не заслуживает доверия. В то же время, для признания доказательства недостоверным необязательно устанавливать виновность конкретного лица в его искусственном формировании. В свою очередь, признание доказательства сфальсифицированным предполагает категорический вывод о его подделке, искажении, то есть действии конкретного субъекта.

О повышенной значимости утверждения о фальсификации доказательств свидетельствует Уголовный кодекс РФ: в ч. 2 и ч. 3 ст. 303 установлена ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу (результатов оперативно-розыскной деятельности – в ч. 4), а с другой стороны, заведомо ложное обвинение лица в фальсификации тоже признается преступлением (ст. 306).

Переходя в уголовно-правовую плоскость исследуемой проблематики, отметим, что фальсификация отнесена к преступлениям против правосудия.

В отличие от значения, придаваемого ей в лингвистике, в правовом измерении она имеет вполне конкретную связь с определенным субъектом. Уголовный закон наделяет таким стату-

© Зехов Б.З.

сом лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, защитника. В 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ [12] дифференцировал объективную сторону как раз по субъекту. Но во всех случаях деяние характеризуется исключительно умышленной формой вины.

Итак, для лица, производящего дознание, или следователя объективная сторона состоит:

– в приобщении ими к уголовному делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов;

– во внесении ими в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам (в частности, протоколы следственных действий), заведомо ложных сведений;

– в подделке ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов (п. 12 постановления).

Что же касается прокурора либо защитника по уголовному делу, их действия могут быть выражены в представлении ими должностному лицу, органу, осуществляющему производство по уголовному делу, либо суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов.

Интересен вопрос о привлечении к ответственности участника производства по делу, осуществившего фальсификацию и передавшего соответствующие «доказательства» через защитника. По правилам ч. 2 ст. 33 УК РФ защитник не подлежит уголовной ответственности в силу невиновного причинения вреда; исполнитель – тот, кто передал документ или предмет защитнику для приобщения. Об этом как раз и сказано в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя в ч. 2 ст. 303 УК РФ в качестве субъекта преступления поименованы не все участники уголовного судопроизводства, предусмотренные УПК РФ.

Как видим, объективная сторона раскрывается в ракурсе включения разнообразных форм предметов и документов под видом характеризующих фактические обстоятельства преступления доказательств в уголовное дело, что и является моментом окончания преступления. Однако механизм фальсификации все еще не раскрывается.

Обратимся к комментариям к ст. 303 УК РФ. Учеными выделяется материальный и интеллектуальный подлог как суть фальсификации. В первом случае он может быть выражен во внесении ложных сведений в документы, их подмене, подчистке, указании другого числа. Интеллектуальный же подлог имеет место при создании содержательно ложного письменного доказательства [13]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2022 г. отражены как раз оба вида подлога [14].

Примеры фальсификации:

– составление протокола реально не проводимого допроса;

– внесение в него сведений, о которых не сообщал допрашиваемый;

– корректировка текста заключения эксперта [13].

Таким образом, важнейшей составляющей фальсификации выступает именно факт подмены подлинной информации [15].

Фальсификацию характеризуют еще и как подделку и искажение доказательств [16].

В дополнение заметим, что если ранее в отдельных доктринальных источниках указывалось на уничтожение доказательств как вариант фальсификации [15], то п. 12 постановления Пленума в контексте ч. 2 ст. 303 УК РФ уточнил: действия лица, производящего дознание, или следователя по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к уголовному делу предметов и документов, содержащих имеющие доказательственное значение сведения, состава фальсификации доказательств не образуют.

Итак, фальсификация в актуальном толковании закона может быть выражена только в создании либо изменении предмета (документа), представленного как доказательство.

Сомнения относительно подлинности того или иного доказательства автоматически не означают его подложности. В каждом конкретном случае, вывод о фальсификации делается индивидуально на основе системы всех выявленных обстоятельств.

Как было отмечено ранее, на фальсификацию документа может указывать, в частности, его дата. Однако составление отдельных документов, выступающих доказательством по делу, значительно позднее события преступления, далеко не всегда признается судами фальсификацией. Так, в кассационной жалобе осужденная по ч. 1 ст. 264 УК РФ Ч. оспаривает то, что почти через два года после ДТП следователь самостоятельно составил новую его схему, существенно продлив следы юза автомобиля. Кассационный суд отметил, что необходимость повторного составления схемы была продиктована как раз недостоверностью схемы, подготовленной непосредственно после произошедшего, что было обусловлено ложностью сведений, сообщенных Ч., и не свидетельствует о фальсификации каких-либо доказательств по уголовному делу [17].

Еще раз обратимся к специфике фальсификации доказательств как состава преступления. А.А. Радченко на основе изучения судебной практики утверждает: это либо неправомерное воздействие на имеющиеся носители доказательствен-

© Зехов Б.З.

ной информации, либо искусственное создание и приобщение к материалам дела недопустимых и недостоверных доказательств [18]. Из этой мысли следует, что в последнем случае доказательство является предметом преступления, недостоверность – свойством предмета; воздействие, создание и приобщение отражают действие, а фальсификация в целом характеризует преступное деяние.

Интересно соотношение формы и содержания доказательств. В одном из примеров следователем осуществлена подделка протоколов следственных действий, а именно – были составлены протоколы допросов и очных ставок, которые реально не проводились, указаны недостоверные дата и время их «проведения». Защита настаивала на том, что внесение недостающих реквизитов (даты) в протоколы следственных действий не влечет искажение содержащейся в них информации и, следовательно, не может рассматриваться как фальсификация доказательств. Однако Верховный Суд РФ парировал: то, что фактические данные, изложенные в показаниях свидетелей, не были искажены, не влияет на вывод о признании всего протокола фальсифицированным источником доказательств [19].

Итак, доказательство признается либо сфальсифицированным, либо нет; частичной фальсификации юридически быть не может. Сфальсифицированное доказательство не заслуживает доверия суда, даже если часть информации в искаженном документе соответствует действительности: mendax in uno, mendax in omnibus.

В данном случае, хотя и имело место корректное отражение фактических обстоятельств содеянного, проявилось иное свойство доказательства: оно недопустимо; порочность формы привела к выводу о фальсификации.

В целом в судебной практике подтверждается вышеприведенное доктринальное положение о возможном интеллектуальном и материальном подлоге в рамках фальсификации [20]. Тем самым, Верховный Суд РФ выделяет два ее вида: фальсификация фактических данных и источников доказательств [21].

Заключение.

По итогу проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Общие черты недостоверных и сфальсифицированных доказательств – они вводят суд в заблуждение относительно фактов, имеющих материально-правовое и процессуальное значение, а наделение их судом соответствующим статусом приводит к тому, что такое доказательство не будет приниматься судом во внимание при вынесении итогового акта по делу.

Утверждение о том, что фальсификация доказательства – частный (крайний) случай его недостоверности, не в полной мере отражает содержание рассматриваемых понятий. Логически, лингвистически и юридически такой вывод неверен.

Недостоверность – свойство доказательства, которое ему придается судом в результате анализа всех обстоятельств. Недостоверность – всегда содержательная несостоятельность.

Фальсификация же – термин, отражающий процесс и результат формирования доказательства, указанным в ст. 303 УК РФ субъектом сообразно своему процессуальному интересу.

Сфальсифицированным признается доказательство, умышленно созданное либо искаженное, которое может быть недостоверным либо недопустимым.

Во втором случае в силу подделки, порочности формы имеет место фальсификация доказательств, даже если их содержание в части описания отдельных фактических обстоятельств содеянного корректно.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Стражева А.С. Фальсификация судебных доказательств как особое проявление недостоверности доказательств в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141). С. 104–111.
2. Твердохлебова А.С. Фальсификация доказательств как проявление недостоверности доказательств в гражданском процессе // Приднепровский научный вестник. 2023. –Т. 5. № 4. С. 241–244.
3. Першутов А.Г. Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе и его отличие от заявления о недостоверности доказательства // Арбитражные споры. 2014. № 1(65). С. 97–101.

© Зехов Б.З.

4. Шевченко И.М. Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе: некоторые концептуальные соображения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 13–18.
5. Захаров А.В. Проблемные подходы к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 629–636.
6. Корнакова С.В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 9(178). С. 67–76.
7. Амирбекова Г.Г. К вопросу о допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве / Г.Г. Амирбекова, М.Г. Асельдеров // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. С. 168–170.
8. Доронькин Р.В. Понятие неполноты и недостоверности сведений в составе объективной стороны правонарушений // International journal of professional science. 2022. № 9. С. 5–14.
9. Бортникова Н.А. Ответственность за введение суда в заблуждение // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2025).
10. Существительные, мотивированные прилагательными // Langust: сайт. URL : https://www.langust.ru/index.shtml (дата обращения 03.04.2025).
11. Жесткова О.С. К вопросу о проблеме лексикографического описания отглагольных существительных // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 259–261.
12. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.
13. Комментарий к Уголовному кодекса Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М. : Проспект, 2019. С. 1349–1350.
14. Скрипченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1. С. 41–51.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. Г.А. Есакова // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2025). М. : Проспект, 2021.
16. Курсаев А.В. Квалификация отдельных преступлений против правосудия в новом постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2022. № 11. С. 19–33.
17. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-5260/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2025).
18. Радченко А.А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2023. № 5. С. 42–51.
19. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 8-О11-7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2025).
20. Курочкина Л. Доказательства: недопустимые или фальсифицированные? // Уголовное право. 2012. № 1. С. 121–124.
21. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 8-О11-7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2025).

References:

1. Strazheva A.S. Falsification of judicial evidence as a special manifestation of the unreliability of evidence in civil proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. № 4(141). P. 104–111.
2. Tverdokhlebova A.S. Falsification of evidence as a manifestation of the unreliability of evidence in civil proceedings // Dnieper Scientific Bulletin. 2023. Vol. 5. № 4. P. 241–244.
3. Pershutov A.G. Statement of falsification of evidence in arbitration proceedings and its difference from a statement of unreliability of evidence // Arbitration disputes. 2014. № 1(65). P. 97–101.
4. Shevchenko I.M. Statement of Falsification of Evidence in Arbitration Proceedings: Some Conceptual Considerations // Arbitration and Civil Procedure. 2023. № 3. P. 13–18.
5. Zakharov AV Problematic approaches to the concept and essence of falsification of evidence in arbitration proceedings // Actual problems of state and law. 2022. Vol. 6. № 4. P. 629–636.
6. Kornakova SV On the discussion of the properties of relevance, admissibility and reliability of criminal procedural evidence // Lex Russica. 2021. Vol. 74. № 9(178). P. 67–76.
7. Amirbekova GG, Asel'derov MG On the issue of admissibility, relevance, reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings // Civil Service and Personnel. 2020. № 5. P. 168–170.
8. Doron'kin R.V. The concept of incompleteness and unreliability of information as part of the objective side of offenses // International journal of professional science. 2022. № 9. P. 5–14.
9. Bortnikova N.A. Responsibility for misleading the court // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of application 04/03/2025).
10. Nouns motivated by adjectives // Langust: website. URL : https://www.langust.ru/index.shtml (date of application 04/03/2025).
11. Zhestkova O.S. On the issue of the lexicographic description of verbal nouns // Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. 2012. № 27. P. 259–261.

© Зехов Б.З.

12. On certain issues of judicial practice in criminal cases concerning crimes against justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 № 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. № 9.
13. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / Ed. by A.I. Chuchaev. M. : Prospect, 2019. P. 1349–1350.
14. Skripchenko N.Yu. Qualification of crimes against justice in light of new explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal law. 2023. № 1. P. 41–51.
15. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) (9th edition, revised and supplemented) / edited by G.A. Esakov. M. : Prospect, 2021 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of application 04/03/2025).
16. Kursaev A.V. Qualification of certain crimes against justice in the new resolution of the Plenum of the Supreme Court // Criminal law. 2022. № 11. P. 19–33.
17. Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated November 29, 2022 № 77-5260/2022 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of application 03.04.2025).
18. Radchenko A.A. Method as a mandatory feature of the composition of falsification of evidence in a criminal case // Criminal law. 2023. № 5. P. 42–51.
19. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 26, 2011 № 8-O11-7 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of application 03.04.2025).
20. Kurochkina L. Evidence: Inadmissible or Falsified? // Criminal Law. 2012. № 1. P. 121–124.
21. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 26, 2011 № 8-O11-7 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of application 03.04.2025).

Информация об авторе

Зехов Батыр Зурабович
аспирант кафедры
криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета
ORCID 0000-0002-8487-1713
zehov_batyr_01 @mail.ru

Batyr Z. Zekhov
Postgraduate Student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics
Kuban State University
ORCID 0000-0002-8487-1713
zehov_batyr_01 @mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Зехов Б.З.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-9
УДК 340

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Катомина В.А., Пархоменко А.Г.
Пензенский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется феномен «взаимодействие» и описываются его характерные признаки. Подчеркивается, что в условиях недостаточности проведения мер по координации деятельности правоохранительных органов наблюдается тенденция по увеличению масштаба и интенсивности взаимодействия органов прокуратуры с различными институтами гражданского общества. Приводятся доводы в пользу нормативного закрепления взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества как одного из направлений деятельности органов прокуратуры. Отмечается, что при взаимодействии институтов гражданского общества и прокуратуры возникает ряд проблем: низкий уровень правосознания у российских граждан и как следствие высокий уровень правового нигилизма, неготовность прокуроров идти на сотрудничество с институтами гражданского общества, субъективность руководителей общественных структур в оценке деятельности органов прокуратуры, излишнее вмешательство общественных организаций во все сферы общественной жизни и др. Обращается внимание на то, что институт независимой антикоррупционной экспертизы, в которой могут принимать участие институты гражданского общества, имеет ряд сложностей в его реализации. Предлагаются пути для снижения проблемных аспектов при установлении взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества. Делается вывод о понимании взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества как самостоятельной не поднадзорной прокурорской деятельности и приводится его определение.

Ключевые слова: прокуратура, институты гражданского общества, взаимодействие, совместность действий, нормативный правовой акт, общие цели, взаимная помощь.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF ESTABLISHING COOPERATION BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Victoria A. Katomina, Alexander G. Parkhomenko
Penza State University

Abstract. The article analyzes the phenomenon of «interaction» and describes its characteristic features. It is emphasized that in conditions of insufficient measures to coordinate the activities of law enforcement agencies, there is a tendency to increase the scale and intensity of interaction between the prosecutor's office and various institutions of civil society. Arguments are given in favor of the normative consolidation of the interaction of the prosecutor's office with civil society institutions as one of the areas of activity of the prosecutor's office. It is noted that when civil society institutions and the prosecutor's office interact, a number of problems arise: the low level of legal awareness among Russian citizens and, as a result, a high level of legal nihilism, the unwillingness of prosecutors to cooperate with civil society institutions, the subjectivity of the heads of public structures in assessing the activities of the prosecutor's office, excessive interference of public organizations in all spheres of public life, etc. Attention is drawn to the fact that the institute of independent anti-corruption expertise, in which civil society institutions can participate, has a number of difficulties in its implementation. Ways are proposed to reduce problematic aspects in establishing cooperation between the prosecutor's office and civil society institutions. A conclusion is drawn about the understanding of the interaction of the prosecutor's office with civil society institutions as an independent, unsupervised prosecutorial activity and its definition is given.

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

Keywords: prosecutor's office, civil society institutions, interaction, teamwork, regulatory legal act, common goals, mutual assistance.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В современных условиях важным направлением организации деятельности прокуратуры является обеспечение взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества. По верному замечанию К.А. Улизко, «без взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества… ее эффективная деятельность фактически будет минимизирована» [12, с. 231].

Несмотря на всю важность и значимость категории «взаимодействие», она не получила должного нормативного закрепления в нормативных правовых актах, хотя и фигурирует во многих ведомственных документах, преимущественно в Приказах Генерального прокурора Российской Федерации [5]. В юридической литературе также отсутствует единый подход к пониманию данного феномена и его отграничению от смежных понятий.

Обсуждение.

Термин «взаимодействие» в различных отраслях научного знания имеет неоднозначное восприятие. С точки зрения философии под таковым понимается всеобщая форма связей объектов и явлений, воздействующих друг на друга в целях непрерывного взаимного изменения для достижения определенных результатов и решения конкретных задач [7, с. 216]. В социологии взаимодействие рассматривается в качестве формы социальной коммуникации или общения не менее двух субъектов, при которых систематически происходит воздействие одного партнера на другого в целях достижения общности в понимании ситуации, смысла действий и определенного согласия между ними [3, с. 23]. В теории управления взаимодействие выступает основным компонентом организации, представляющим собой согласованную деятельность субъектов, направленную на достижение общих целей [10, с. 98]. В юриспруденции достаточно развернутое определение дал В. Т. Томин, который сформулировал его как состояние связей между субъектами, характеризующееся их взаимовлиянием, воздействием друг на друга [9, с. 171].

Таким образом, понятие «взаимодействия» можно трактовать как свойство, присущее объектам и явлениям, основанное на взаимосвязи, взаимной поддержке, сотрудничестве, общей работе и совместном осуществлении действий [4, с. 1311].

В науке на сегодняшний день отсутствует единое представление о признаках взаимодействия. На наш взгляд, наиболее существенными чертами взаимодействия являются следующие качества.

Во-первых, наличие единой цели. Именно единство цели взаимодействующих сторон способствует объединению их усилий в совместной деятельности для достижения конкретных результатов [11, с. 34].

Во-вторых, решение общих задач, которые выполняются последовательно и планомерно всеми партнерами по взаимодействию.

В-третьих, согласованность субъектами своих действий в определенных сферах и областях общественной жизни. При этом согласованность следует рассматривать как заранее спланированную деятельность, которая осуществляется участниками при определенных условиях в обусловленном месте в конкретное время и направлена на решение общих задач.

В-четвертых, оказание взаимной помощи друг другу в интересах решения общих задач. Под взаимной помощью понимается совокупность общественных отношений, возникающих в процессе деятельности одной стороны взаимодействия при непосредственном привлечении сил, средств, способов и методов воздействия другого субъекта для достижения единой цели. Это может выражаться в получении необходимых сведений, документов, обмене информации и т.д.

В-пятых, совместность действий и решений. Между тем взаимодействие возможно не только в результате выполнения одновременных совместных действий всеми участниками, но и при осуществлении ряда действий участниками процесса отдельно друг от друга.

В-шестых, взаимообусловленность действий. Именно данное качество оказывает влияние на результативность выполнения каждым субъектом конкретных действий и на эффективность будущих действий участников взаимодействия.

Таким образом, под взаимодействием следует понимать интерактивную сторону общения партнеров, характеризующуюся обменом информацией между ними, познанием и восприятием друг друга в качестве участников совместной деятельности, планированием общей стратегии, выработкой совместных действий в целях решения общих задач [1, с. 101].

Взаимодействие имеет весьма важное значение. В условиях недостаточности проведения мер по координации деятельности правоохранительных органов органы прокуратуры обращаются за помощью и содействием к структурам гражданского общества в рамках взаимодействия. Такая необходимость обусловлена главной единой целью, стоящей перед органами прокуратуры и

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

институтами гражданского общества – защитой прав, свобод и законных интересов различных субъектов социальных связей, обеспечением законности в стране. Но взаимодействие может быть направлено одновременно и на реализацию вспомогательных целей, заключающихся в своевременности и оперативности получения информации, формировании необходимых условий для последующего решения задач.

При этом взаимодействие органов прокуратуры и институтов гражданского общества должно быть организовано таким образом, чтобы обе стороны находили компромисс в сложных и спорных ситуациях, в разрешении которых заинтересованы участники взаимодействия. Имея свою компетенцию, реализуемую различными методами и способами, стороны не должны вмешиваться в непосредственную деятельность друг друга.

В последние годы наблюдается тенденция по увеличению масштаба и интенсивности взаимодействия органов прокуратуры с различными институтами гражданского общества. Этому способствуют сложившаяся позиция многих правозащитных организаций содействовать органам прокуратуры в укреплении законности и правопорядка, а также организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации. На важность установления и осуществления взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества обращают внимание и практические работники органов прокуратуры.

Однако Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [13] (далее – Закон о прокуратуре) не закрепляет взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества как одно из направлений деятельности органов прокуратуры, что, безусловно, затрудняет осуществление сотрудничества. Ведь по точному замечанию Я.А. Смирновой «для налаживания эффективного взаимодействия необходимо, прежде всего, совершенствование законодательства, регулирующего механизмы такого взаимодействия» [6, с. 155]. В этой связи, предлагается устранить пробел в законодательстве, в частности, закрепить принцип взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества в Законе о прокуратуре, а цели, задачи, формы и методы взаимодействия раскрыть в приказе Генерального прокурора Российской Федерации.

В современных условиях установление взаимодействия между органами прокуратуры и институтами гражданского общества является весьма важным и необходимым. Такое взаимодействие способствует повышению уровню правовой культуры и правосознания членов гражданского общества, повышению уровня законности и правопорядка в стране, повышению авторитета органов прокуратуры, а также своевременному выявлению проблем, связанных с соблюдением прав, свобод и законных интересов членов гражданского общества [2, с. 77].

Вместе с тем, при взаимодействии институтов гражданского общества и государственных органов в лице прокуратуры возникает ряд проблем. Среди них, в первую очередь, следует назвать довольно низкий уровень правосознания у российских граждан и как следствие высокий уровень правового нигилизма. С подобными проблемами в своей практической деятельности сталкиваются и прокурорские работники. Причем, правовой нигилизм стал нормой не только для рядовых россиян, но и для самой «российской элиты». Государственные институты часто сами себя дискредитируют, о чем свидетельствуют оскорбительные заявления чиновников, постоянные коррупционные «разоблачения» в государственных структурах, основной задачей которых является охрана и защита прав, свобод и законных интересов членов гражданского общества. Поэтому органы прокуратуры должны инициировать установление диалога с общественностью в целях укрепления доверия населения к власти и обеспечения законности.

Именно прокуратура должна, с одной стороны, проводить работу по повышению уровня правовой грамотности среди населения, повышению квалификации представителей отдельных институтов гражданского общества, а, с другой, – жестко, но в правовых рамках, реагировать на нарушения закона со стороны органов публичной власти.

Следующая проблема установления взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества заключается в том, что далеко не все прокуроры готовы идти на сотрудничество с институтами гражданского общества. Причем, такая тенденция преобладает на региональном и местном уровнях.

Несмотря на то, что в соответствии с п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре, органы прокуратуры должны предоставлять сведения о состоянии законности, в т.ч. защищенности прав, свобод и законных интересов членов гражданского общества, ряд региональных прокуратур не предпринимает достаточных мер по информированию гражданского общества о результатах своей деятельности. Подобное положение дел не может не отразиться на имидже и авторитете органов прокуратуры в глазах общественности. Кроме того, нередко в органах прокуратуры регионального и местного уровня отсутствует система повышения квалификации сотрудников прокуратуры по взаимодействию с институтами гражданского общества.

При взаимодействии с отдельными институтами гражданского общества прокурорские работники могут столкнуться с ситуацией, когда руководители тех или иных общественных структур субъективно оценивают деятельность органов прокуратуры. Иногда в структуре института граждан-

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

ского общества могут быть задействованы личности, придерживающиеся радикальных мер решения вопросов защиты прав, свобод и законных интересов членов гражданского общества, либо использующие решение социальных проблем исключительно в частных целях. Перечисленные обстоятельства, безусловно, мешают установлению деловых контактов между прокуратурой и гражданским обществом.

Иногда сотрудники прокуратуры не стремятся устанавливать взаимодействие с институтами гражданского общества по ряду иных причин, среди которых указываются:

– отсутствие достаточных правовых познаний у представителей институтов гражданского общества;

– излишнее вмешательство общественных организаций во все сферы общественной жизни;

– отсутствие здравого смысла в продвижении ряда идей, исходящих от институтов гражданского общества;

– использование социальных проблем для пиара институтов гражданского общества.

В Российской Федерации принято огромное количество нормативных правовых актов. Однако такая тенденция не свидетельствует о качестве законов. Важным показателем качества нормативного правового акта выступает тщательно проработанный текст документа, благодаря которому обеспечивается правильность понимания содержания нормативных предписаний. Но сегодня можно встретить достаточно много нормативных текстов, где правила общежития сформулированы неюридическим языком либо содержат противоречивые предписания в реализации определенных юридических действий [8, с. 3].

Особое значение имеет и содержание нормативных правовых актов, которые должны быть направлены на реальное формирование устойчивых социально-правовых связей, решение различных проблем. В противном случае, когда закон с содержательной стороны не проработан, он может не только разрешить проблемные вопросы, но и привести к ухудшению ситуации, а как следствие к неудовлетворенности интересов членов гражданского общества. Примером тому может служить институт антикоррупционной экспертизы, в которой могут принимать участие не только органы прокуратуры, но и институты гражданского общества. Однако последние сталкиваются с рядом трудностей при проведении независимой антикоррупционной экспертизы.

Во-первых, проводить данную процедуру могут не любые институты гражданского общества, а только получившие аккредитацию в Министерстве юстиции РФ в качестве независимого эксперта граждане и юридические лица.

Во-вторых, в процессе реализации данного института имеются существенные пробелы и недостатки.

В частности, несмотря на размещение проектов нормативных правовых актов на официальных сайтах государственных органов власти в сети Интернет, несоблюдение этой процедуры не влечет никаких юридических последствий и не является основанием для признания нормативного правового акта недействительным. Кроме того, несмотря на установленную законом обязанность государственных структур отвечать на заключение независимого эксперта, ответ как таковой может и не поступить и причина тому – отсутствие юридической ответственности за игнорирование заключения независимого эксперта.

На возникновение проблем при сотрудничестве органов прокуратуры с институтами гражданского общества оказывают влияние существующие в нормативных правовых актах пробелы и коллизии, а иногда и избыточная регламентация общественных отношений, нестабильность и постоянная изменчивость законодательства, а также отсутствие эффективного механизма реализации отдельных нормативных правовых актов, их декларативный характер.

Для снижения обозначенных проблемных аспектов при установлении взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества необходимо учитывать рекомендации следующего характера:

– в нормативных правовых актах, посвященных функционированию отдельных институтов гражданского общества, закрепить в качестве основополагающего начала принцип взаимодействия соответствующего института гражданского общества с органами прокуратуры на всех уровнях публичной власти;

– повышать уровень правовой культуры, правосознания граждан и общества;

– развивать практику всенародного обсуждения законопроектов в сети Интернет;

– проводить регулярные форумы по различным вопросам при непосредственном участии институтов гражданского общества и органов прокуратуры;

– поощрять правотворческую инициативу со стороны граждан, общественных объединений, предпринимателей и т.д.;

– осуществлять иные мероприятия, направленные на установление деловых контактов государства с гражданским обществом.

Заключение.

Таким образом, осознавая важность развития современного гражданского общества и необхо-

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

димость установления конструктивного диалога с институтами гражданского общества, органы прокуратуры должны стремиться к налаживанию взаимодействия с различными институтами гражданского общества.

При этом взаимодействие органов прокуратуры и институтов гражданского общества должно быть основано на следующих положениях:

– перед прокуратурой и гражданским обществом стоит единая цель – обеспечение законности, восстановление социальной справедливости в обществе, совершенствование правового регулирования, повышение уровня общественного доверия к органам публичной власти;

– прокуратура и гражданское общество совместно решают общие задачи, связанные с защитой прав, свобод и законных интересов субъектов и институтов гражданского общества, правовым информированием граждан и юридических лиц и т.д.;

– совместные действия должны быть организованы таким образом, чтобы обе стороны находили компромисс в сложных и спорных ситуациях, в разрешении которых заинтересованы участники взаимодействия;

– имея свою компетенцию, реализуемую различными методами и способами, стороны не вмешиваются в непосредственную деятельность друг друга.

Высказанные положения позволяют сделать вывод о понимании взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества как самостоятельной не поднадзорной прокурорской деятельности.

Под взаимодействием органов прокуратуры и институтов гражданского общества следует понимать процесс воздействия субъектов друг на друга, направленный на планирование, организацию и осуществление совместных действий по достижению единых целей и решению общих задач.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2003. 364 с.
2. Каинов А.С. Стадии механизма взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 77–83.
3. Краткий словарь по социологии / Сост. С.Н. Айрапетова [и др.]. Екатеринбург, 1999. 42 с.
4. Морозова В.А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // Креативная экономика. 2015. Т. 9 № 10. С. 1309–1318.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» // официально текст опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL : http:// www.consultant.ru/ (дата обращения 22.03.2025).
6. Смирнова Я.А. Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества в сфере укрепления законности и правопорядка // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 154–159.
7. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М. : Советская энциклопедия, 1989. 1633 с.
8. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 3–9.
9. Томин В.Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью : учеб. пособие. Омск : Ом. высш. школа милиции, 1975. 177 с.
10. Туманов Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М. : Юрид. лит., 1972. 232 с.
11. Турыгин Ю.Н. Организационно-правовые основы взаимодействия прокуратуры и неправительственных правозащитных организаций в области защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 2(28). С. 34–41.
12. Улизко К.А. Взаимодействие институтов гражданского общества и органов прокуратуры как фактор обеспечения законности в системе государственного управления // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2011. № 1(20). С. 231–236.

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

13. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

References:

1. Andreeva G.M. Social psychology: A textbook for higher educational institutions. 5th ed., ispr. and add. M. : Aspect Press, 2003. 364 p.
2. Kainov A.S. Stages of the mechanism of interaction between the prosecutor's office and civil society institutions // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2019. №. 3. P. 77–83.
3. A short dictionary of sociology / Comp. S.N. Hayrapetova [et al.]. Yekaterinburg, 1999. 42 p.
4. Morozova V.A. Interaction: the concept, types and properties // Creative economy. 2015. Vol. 9. № 10. P. 1309–1318.
5. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated May 17, 2018 № 296 «On the interaction of the Prosecutor's Office with the media and the public» // the text has not been officially published. Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL : http:// www.consultant.ru / (date of application: 03/22/2025).
6. Smirnova Ya.A. Interaction of prosecutor's offices with civil society institutions in the field of strengthening law and order // Legality and law and order in modern society. 2013. № 15. P. 154–159.
7. The Soviet Encyclopedic Dictionary / Chief editor A.M. Prokhorov. 4th ed., ispr. and add. M. : Soviet Encyclopedia, 1989. 1633 p.
8. Tikhomirov Yu.A. Legal design: criteria and errors // Journal of Russian Law. 2008. № 2. P. 3–9.
9. Tomin V.T. Interaction of law enforcement agencies with the population in the fight against crime: Study guide. Omsk : Omsk Higher. School of Militia, 1975. 177 p.
10. Tumanov G.A. Organization of management in the field of public order protection. M. : Jurid. lit., 1972. 232 p.
11. Turygin Yu.N. Organizational and legal bases of cooperation between the prosecutor's office and non-governmental human rights organizations in the field of protection of human and civil rights and freedoms // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2012. № 2(28). P. 34–41.
12. Ulizko K.A. Interaction of civil society institutions and prosecutor's offices as a factor of ensuring legality in the public administration system // Bulletin of the Pacific State University. 2011. № 1(20). P. 231–236.
13. Federal Law № 2202-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Vedomosti of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. № 8. Art. 366.

Информация об авторах

Катомина Виктория Александровна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
kvatvzcz@mail.ru

Пархоменко Александр Григорьевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор-консультант кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
pgu-gpd@yandex.ru

Victoria A. Katomina
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Penza State University
kvatvzcz@mail.ru

Alexander G. Parkhomenko
Doctor of Law,
Professor,
Consulting Professor at the Department
of State Law Sciences, Penza State University
pgu-gpd@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Катомина В.А., Пархоменко А.Г.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-31
УДК 343.3/.7

Attribution
cc by

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СЕГМЕНТ

Коняхин В.П., Огородникова Н.В.
Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья имеет своей основной целью установление международно-правовых оснований криминализации деяний, направленных против отношений собственности.

Методология. Для реализации указанной цели использовались системно-структурный, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты. По итогам проведенного уголовно-правового анализа были зафиксированы 3 вида преступлений против собственности, которые нашли отражение в ратифицированных РФ международно-правовых актах: 1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 2, 17 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.); 2) хищение культурных ценностей (ст. 1, 4 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1, 3, 4 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г.); 3) разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного высоковольтного кабеля или трубопровода (ст. 2 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

Ключевые слова: международное уголовное право, конвенции, преступления против собственности, хищение, неправомерное присвоение, иное нецелевое использование, имущество, культурные ценности, публичное должностное лицо, разрыв или повреждение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMES AGAINST PROPERTY: AN INTERNATIONAL LEGAL SEGMENT

Vladimir P. Konyakhin, Nina V. Ogorodnikova
Kuban State University

Abstract. The main purpose of the article is to establish international legal grounds for criminalizing acts against property relations.

Methodology. To achieve this goal, systemic-structural, formal-legal, historical-legal and comparative-legal research methods were used.

Results. Based on the results of the criminal law analysis, 3 types of crimes against property were recorded, which were reflected in international legal acts ratified by the Russian Federation: 1) theft, misappropriation or other misuse of property by a public official (Articles 2, 17 of the UN Convention against Corruption of October 31, 2003); 2) theft of cultural property (Articles 1, 4 of the UN Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of March 14, 1954, art. 1, 3, 4 of the UN Convention on Measures aimed at Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property of November 14, 1970, art. 1 of the UN Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage of November 16, 1972); 3) rupture or damage to underwater telegraphic, telephone high-voltage cable or pipeline (Article 2 of the International Convention for the Protection of Underwater Telegraphic Cables of March 14, 1884, Article 113 of the United Nations Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982).

Keywords: international criminal law, conventions, crimes against property, embezzlement, misappropriation, other misuse, property, cultural property, public official, rupture or damage.

Funding: Independent work.

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

Введение.

Существующая на политико-правовой карте мира реакция всех субъектов мирового сообщества на преступления против собственности практически однозначна: во всех государствах предусматриваются соответствующие уголовно-правовые запреты с высоким уровнем наказуемости за их нарушение. И такой подход наблюдается, что называется, «с незапамятных времен». В этом контексте история международного уголовного права исчисляется лишь двумя с половиной столетиями: первые упоминания по данному поводу связывают с концом XIX века – с принятием Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г. [1], которая является действующей для России по настоящее время. Тем не менее, статичной она остается именно как первый международный акт в названной сфере общественных отношений. Позднее появилась потребность в определенной детализации предмета указанного преступления, в расширении его круга, что вошло составляющей частью в принятую 10 декабря 1982 г. Конвенцию ООН по морскому праву [2] (см. ст. 113, в частности).

В последующем становление института уголовной ответственности за преступления против собственности происходило за счет дополнения последнего нормативными предписаниями, устанавливающими запрет на хищение культурных ценностей. Речь идет, прежде всего, о Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г. [3] (далее – Конвенция ООН от 14 марта 1954 г.), а также о Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. [4] (далее – Конвенция ООН от 14 ноября 1970 г.) и Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. [5] (далее – Конвенция ООН от 16 ноября 1972 г.).

Наконец, новый «импульс» в развитии рассматриваемого института был связан с принятием Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [6] (далее – Конвенция ООН от 31 октября 2003 г.), который ознаменовал собой криминализацию хищения, неправомерного завладения или иного нецелевого использования имущества публичным должностным лицом. Разумеется, в период с конца XX в. до начала XXI в. развитие анализируемого института параллельно происходило и по линии модельного законодательства СНГ, имеющего рекомендательный характер: Модельный УК от 17 февраля 1996 г. [7], Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата от 05 октября 2007 г. [8], Модельный закон об охране материального и культурного наследия от 29 ноября 2013 г. [9] и др. В частности, в Модельном УК впервые на международном уровне данный институт получил свое полное и развернутое закрепление за счет включения в него 14 преступлений против собственности (гл. 28, ст. 240–253).

Обсуждение.

Аккумулируя изложенное, можно заключить, что в международном уголовном праве к преступлениям против собственности традиционно относятся предусмотренные международными правовыми актами общественно опасные посягательства на общественные отношения, непосредственно связанные с правом владения, пользования и распоряжения имуществом и причиняющие его собственнику либо законному владельцу материальный ущерб, либо создающие угрозу причинения такого ущерба.

В рамках приведенной дефиниции можно выделить три вида преступлений:

1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом;

2) хищение культурных ценностей;

3) разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода.

При этом важно подчеркнуть, что в международном уголовном праве с посягательствами на собственность сопряжен целый ряд преступлений: военные, против мира, против человечности, общественной безопасности и др. Однако в указанных случаях отношения собственности выступают в роли дополнительного непосредственного объекта названных преступлений. Статус основного объекта собственность приобретает применительно к трем названным выше видам преступлений.

Ранее отдельные аспекты характеристики отдельных видов указанных преступлений уже рассматривались в доктрине уголовного права [10, 11, 12, 13].

В свете изложенного нельзя также не обратить внимание и на те виды преступлений против собственности, которые предусмотрены в конвенциях, но не являются действующими для РФ. К их числу относятся: мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8 Конвенции СЕ о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. [14]); хищение культурных ценностей в форме кражи, мошенничества, присвоения, грабежа, разбоя, а также незаконное приобретение культурных ценностей путем злоупотребления доверием и иным образом, их уничтожение или повреждение (ст. 3 Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 19 мая 2017 г. [15], п. 1–2 Приложения III к Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г. [16]).

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

Переходя к характеристике каждого из представленных трех видов преступных деяний, следует еще раз подчеркнуть, что объединяющим их элементом выступают отношения собственности: и как видовой, и как основной непосредственный объект. Именно последний придает преступлениям против собственности интегративный и системообразующий характер. Кроме того, посягательства на собственность в международном уголовном праве характеризует такой обязательный конструктивный признак как предмет – имущество. В одних составах преступлений он обозначен синтезированным термином «чужое имущество», в других – носит развернутое описание – («имущество, публичные или частные средства»), в-третьих – индивидуализирован либо характером и функциональным назначением имущества («телефонные кабели»), либо раритетностью и значимостью для науки, культуры, истории («культурные ценности»).

Давая оценку описания объективной стороны представленных в конвенциях преступных деяний, следует заметить, что законодатель в данном вопросе весьма лаконичен и ограничивается указанием на деяние и его последствия, достаточно редко используя другие дополнительные показатели, индивидуализирующие этот вид преступного посягательства. Варианты конкретизации поведения лица и установление ограничений в сфере уголовного преследования он делегирует национальному законодателю. Поэтому в Модельном УК (как рекомендательном законодательном акте) в качестве криминообразующих, а тем более квалифицирующих признаков в формулировке объективной стороны чаще всего называется способ совершения этих преступлений (например, групповой, насильственный, общеопасный).

С субъективной стороны вполне ожидаемо наличествуют, как правило, прямой умысел, а также корыстные мотивация и целеполагание. Характеристика субъекта преступления в необходимых случаях содержит описание его дополнительных свойств, при отсутствии таковых – это физическое вменяемое лицо, достигшее определенного национальным законодательством возраста в момент совершения преступного деяния.

В то же время наряду с общими чертами каждое из упомянутых преступлений против собственности обладает своими специфическими признаками. Так, для *хищения, неправомерного присвоения или иного нецелевого использования* имущества публичным должностным лицом характерны посягательства на отношения в сфере реализации установленного порядка осуществления публичными должностными лицами своих полномочий, что следует признать дополнительным непосредственным объектом.

Другим отличительным признаком рассматриваемых видов хищений является описание их предмета. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. в ст. 17 к ним относит: имущество, публичные или частные средства, ценные бумаги или любой другой ценный предмет, находящийся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения. Таким образом, для рассматриваемого предмета сущностным является признак вверенности имущества.

Альтернативный характер носит и объективная сторона, включающая ряд действий, совокупность которых, однако, не равна совокупности преступлений, поскольку каждое из действий должно считаться самодостаточным для возбуждения уголовного преследования в порядке, предусмотренным национальным законодательством.

Такими альтернативными действиями являются: хищение перечисленных предметов, их неправомерное присвоение, иное нецелевое использование. Данные понятия по своей сути и по смыслу близки тому, когда публичное должностное лицо обращает в свою пользу находящиеся в его ведении имущество, публичные или частные средства, ценные бумаги или любые другие ценные предметы.

Если проводить параллели такого действия как иное нецелевое использование названных предметов с российским аналогом, то оно сходно с понятием «растрата», когда вверенное имущество не обращается в пользу виновного, а растрачивается, т.е. неправомерно отчуждается лицом, которому оно было вверено. В Модельном УК также проводится разграничение между присвоением, растратой (ст. 241) и хищением, совершенным путем злоупотребления служебным положением (ст. 242)[1].

По законодательной конструкции состав анализируемого преступления следует отнести к материальным и, соответственно, признавать его оконченным с момента завладения соответствующим имуществом и причинения тем самым ущерба собственнику или иному законному владельцу данного имущества.

Субъективную сторону данного преступления представляют три признака: вина в форме умысла, исключительно прямого, о чем свидетельствуют корыстные мотив и цель – извлечения выгоды для себя самого либо другого физического или юридического лица.

Из всех элементов этого состава преступления наиболее детально в международном уголовном праве представлен его субъект. Как следует из содержания ст. 2 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., – это публичное должностное лицо, которым признается:

[1] Попутно отметим, что в российском законодательстве названное хищение является лишь квалифицирующим признаком трех его форм: мошенничества, присвоения и растраты.

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

1) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую- либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной, или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

2) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника;

3) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника. Кроме того, в гл. II Конвенции предусмотрено, что для целей принятия некоторых конкретных мер «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это признается во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника.

При анализе следующего вида преступлений против собственности в международном уголовном праве – *хищения культурных ценностей* – также следует обратить внимание на наличие дополнительного непосредственного объекта, коим признаются общественные отношения в сфере сохранности культурного наследия, а также в определенной степени – и общественная нравственность, что вытекает из специфики предмета преступного деяния – движимых культурных ценностей.

Бланкетность названной нормы в части определения данного понятия требует обращения к ряду конвенций, наполняющих этот термин конкретным содержанием. Обобщённое представление о культурных ценностях можно составить, ознакомившись со ст. 1 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г., ст. 1 Соглашения о вывозе и ввозе культурных ценностей от 28 сентября 2001 г. и др.

Так, в частности, в соответствии со ст. 1 Конвенции ООН от 14 ноября 1970 г. к предмету следует относить культурные ценности религиозного или светского характера, рассматриваемые каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

Не ограничиваясь таким не персонифицированным перечнем, указанная Конвенция конкретизирует их следующим образом:

– редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии;

– ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями;

– археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия;

– составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест;

– старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати;

– этнологические материалы;

В свою очередь, такие предметы как художественные ценности подразделяются на следующие подвиды:

– полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки);

– оригинальные произведения скульптурного искусства из любых материалов;

– оригинальные гравюры, эстампы и литографии;

– оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов;

– редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т.д.), отдельно или в коллекциях;

– почтовые марки, налоговые и аналогичные марки, отдельно или в коллекциях;

– архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы;

– мебель более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты.

Другая Конвенция ООН – от 14 ноября 1970 г. в ст. 4 детализирует происхождение, обнаружение, приобретение перечисленных предметов, признаваемых культурными ценностями, отмечая, что они могут быть:

– созданы отдельными лицами или коллективами лиц, являющимися гражданами данного государства, имеют важное значение для данно-

го государства и созданы на территории этого государства иностранными гражданами или лицами без гражданства, проживающими на территории данного государства;

– обнаружены на национальной территории;

– приобретены археологическими, этнологическими и естественно-научными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности;

– приобретены в результате добровольных обменов;

– получены в качестве дара или законно куплены с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности.

Причем даже такой обширный список не является исчерпывающим, если принять во внимание те международные правовые акты, которые не являются действующими для РФ и которые содержат не только идентичный, но и сходный перечень таких ценностей. В число таких недействующих актов входят: Рекомендации ЮНЕСКО «Об охране движимых культурных ценностей» от 28 ноября 1978 г. (разд. I) [17]; Европейская Конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г. (ст. 2); Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. (ст. 2); Европейская Конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 19 мая 2017 г. (ст. 2).

Что касается объективной стороны рассматриваемого преступления, то на фоне такого объемного описания его предмета, она представлена гораздо скромнее и состоит в совершении противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения предмета преступления в пользу виновного или других лиц, что причинно-следственно связано с ущербом их собственнику или иному законному владельцу. Причем хищение может быть совершено различными способами: тайным, открытым, незаконным присвоением культурных ценностей в какой бы то ни было форме (ст. 4 Конвенции ООН от 14 мая 1954 г.), незаконной передачей права собственности на культурные ценности (ст. 3 Конвенции ООН от 14 ноября 1970 г.).

Опять же более богатая палитра деяний, образующих объективную сторону анализируемого преступления, представлена в не ратифицированных РФ международных правовых актах. В частности, согласно Приложению III к Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г., к ним относятся кражи культурных ценностей, присвоение их путем физического или психического насилия, принятие на месте, где было зарегистрировано первоначальное правонарушение и др.

Поливариантность деяний, форм совершения, образующих объективную сторону, позволяет говорить о двойственной конструкции состава преступления как материально-формального: например, при краже культурных ценностей он будет признаваться материальным, а при вымогательстве — формальным.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления отличается конкретизацией прямого умысла, который в интеллектуальном элементе обязательно должен включать осознание виновным особой исторической, научной, художественной или культурной ценности похищаемых предметов. В противном случае невозможно инкриминировать виновному совершение преступления в отношении культурных ценностей и должно быть квалифицировано как «обычное» хищение с учетом способа изъятия имущества. Помимо прямого умысла данное преступление характеризуют корыстные мотив и цель.

Субъект этого преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее установленного национальным законодательством возраста

Завершает «триаду» преступлений собственности в международном уголовном праве такое деяние *как разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного, высоковольтного кабеля или трубопровода*.

В данном преступлении также наблюдается выделение дополнительного непосредственного объекта. Это нормальное функционирование телеграфной и телефонной связи, электросвязи, а также трубопроводного транспорта. Указанное преступление, как и все посягательства на собственность, в число своих признаков включает предмет, который постепенно расширялся: от подводных телеграфных кабелей (ст. 2 Конвенции от 14 марта 1884 г.) до телефонных кабелей, высоковольтных кабелей и подводных трубопроводов (ст. 27 Конвенции ООН от 29 апреля 1958 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

Объективная сторона данного преступления характеризуется, как следует из его названия, разрывом или повреждением подводного кабеля в открытом море каким-либо судном или каким-либо лицом, совершаемыми таким образом, что это может прервать или затруднить телеграфную или телефонную связь, а равно разрывом или повреждением при таких же обстоятельствах подводного высоковольтного кабеля или трубопровода.

Под разрывом следует понимать приведение названных предметов в полную негодность, т.е. потерю ими своих целевых свойств (назначения), не подлежащих восстановлению. Под повреждением понимается приведение этих предметов в состояние, существенно или временно затрудняющее использование последних, снижающее их функциональные свойства, но не исключающее возможности восстановления при соответствующих затратах труда и материалов [18, с. 292].

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

Вместе с тем следует иметь в виду, что преступными признаются только незаконные деяния, поскольку Конвенциями ООН от 29 апреля 1958 г. и от 10 декабря 1982 г. предусмотрены случаи, когда разрыв или повреждение признаются правомерными. Это возможно, в частности, в ситуациях, когда лица действуют исключительно с правомерной целью спасения своей жизни или своих судов, после принятия всех мер предосторожности во избежание таких разрывов или повреждений.

Поскольку термины «разрыв» и «повреждение» одновременно обозначают как деяние, так и его последствие, можно было бы отнести этот состав преступления по законодательной конструкции к материальным, однако, в тексте момент окончания не однороден. Вариант описания объективной стороны, когда названные действия могут прервать или затруднить телеграфную или телефонную связь либо подачу электроэнергии или функционирование магистрального трубопровода, следует отнести к составу опасности, тогда как вариант, связывающий момент окончания с разрывом либо повреждением подводного трубопровода или высоковольтного кабеля, свидетельствует о материальной конструкции состава преступления.

Неординарна на фоне других преступлений против собственности и субъективная сторона данного преступления, представленная обеими формами вины (умышленной и неосторожной). При этом неосторожность, как указано в Конвенциях, проявляется в виде преступной небрежности. Отсутствие упоминания о мотивах и цели переводит эти признаки в статус факультативных, то есть не влияющих на квалификацию содеянного.

Равным образом отсутствие указания на признаки субъекта преступления говорит о том, что это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного национальным законодательством возраста, то есть субъект общий.

Заключение.

Подводя итог проведенному анализу преступлений против собственности, можно констатировать, что в настоящее время они представляют собой достаточно разработанную систему, обладающую статусом относительно самостоятельного института Особенной части международного уголовного права. Данным институтом охватываются 3 вида таких преступлений:

1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 2, 17 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.);

2) хищение культурных ценностей (ст. 1, 4 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1, 3, 4 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г.);

3) разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного высоковольтного кабеля или трубопровода (ст. 2 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

В УК РФ названным преступлениям коррелируют общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 160 «Присвоение или растрата», 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность», 252 «Загрязнение морской среды», 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», 2851 «Нецелевое расходование бюджетных средств», 2852 «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов» и 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» УК РФ.

В этой связи представляется весьма актуальным проведение компаративистского анализа в целях использования международного опыта криминализации в данной сфере для дальнейшей оптимизации отечественного уголовного законодательства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей (подписана в Париже 14 марта 1884 г.; вступила в силу для России 1 мая 1888 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IV. 2-е изд. 1936. С. 74–80.

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

2. Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. (подписана в Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.; ратифицирована РФ 26 февраля 1997 г.; вступила в силу для РФ 11 апреля 1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–168.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (подписана в Гааге 14 мая 1954 г.; ратифицирована СССР 12 декабря 1956 г.; вступила в силу для СССР 4 апреля 1957 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (подписана в Париже 14 ноября 1970 г.; ратифицирована СССР 2 февраля 1988 г.; вступила в силу для СССР 28 июля 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506–513.
5. Конвенция ООН об охране всемирного культурного и природного наследия (подписана в Париже 16 ноября 1972 г.; ратифицирована СССР 9 марта 1988 г.; вступила в силу для СССР 12 января 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 482–492.
6. Конвенция ООН против коррупции (подписана в Нью-Йорке 31 октября 2003 г.; ратифицирована РФ 08 марта 2006 г.; вступила в силу для РФ 08 июня 2006 г.) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
7. Модельный Уголовный кодекс государств-участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г. (с изменениями и дополнениями на 01 февраля 2025 г.). URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
8. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата от 5 октября 2007 г. (подписано в Душанбе 5 октября 2007 г.; вступило в силу, в том числе и для РФ 22 апреля 2009 г.) // Бюллетень между народных договоров. 2009. № 11. С. 3–10.
9. Модельный закон для государств-участников СНГ об охране нематериального культурного наследия от 29 ноября 2013 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 2).
10. Клак Е.Г. Международно-правовая борьба с хищением и незаконным вывозом культурных ценностей: российский аспект // Актуальные проблемы государства и права: сб. науч. статей студентов, аспирантов и молодых ученых юридических вузов. М., 2008. С. 155–157.
11. Лебедева А.А. Мошенничество в сфере высоких технологий по национальному и международному уголовному законодательству // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 5. С. 15–17.
12. Хромушина Д.С. Современные правовые механизмы борьбы с мошенничеством в соответствии с российским правом и международными стандартами // Актуальные проблемы международного права: Материалы Международного науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Владимир, 06 декабря 2013 г.). Владимир, 2014. С. 236–241.
13. Щерба С. Проблемы уголовно-правовой охраны исторических, научных, художественных и культурных ценностей государств СНГ от преступных посягательств // Уголовное право. 1999. № 1. С. 109–114.
14. Конвенция СЕ о преступности в сфере компьютерной информации (подписана в Будапеште 23 ноября 2001 г.; не подписана и не ратифицирована РФ). URL : https://rm.coe.int/1680081580
15. Конвенция СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей (подписана в Никосии 19 мая 2017 г.; подписана, но не ратифицирована РФ). URL : www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/ conventions/rms/0900001680710435
16. Конвенция СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей (подписана в Дельфах 23 июня 1985 г.; не подписана и не ратифицирована РФ). URL : https://rm.coe.int/168007a0fc
17. Рекомендации ЮНЕСКО «Об охране движимых культурных ценностей» от 28 ноября 1978 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 368–376.
18. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. 928 с.

References:

1. Convention on the Protection of Submarine Telegraphic Cables (signed in Paris on March 14, 1884; entered into force for Russia on May 1, 1888) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Iss. IV. 2nd ed. 1936. P. 74–80.
2. The UN Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982 (signed in Montego Bay on December 10, 1982; ratified by the Russian Federation on February 26, 1997; entered into force for the Russian Federation on April 11, 1997) // Bulletin of International Treaties. 1998. № 1. P. 3–168.
3. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (signed in The Hague on May 14, 1954; ratified by the USSR on December 12, 1956; entered into force for the USSR on April 4, 1957) // PCA «ConsultantPlus».
4. UN Convention on Measures Aimed at Prohibiting and Preventing the Illegal Import, Export and transfer of ownership of cultural property (signed in Paris on November 14, 1970; ratified by the USSR on February 2, 1988; entered into force for the USSR on July 28, 1988) // Collection of International Treaties of the USSR. Vol. XLIV. M., 1990. P. 506–513.
5. The UN Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (signed in Paris on November 16, 1972; ratified by the USSR on March 9, 1988; entered into force for the USSR on January 12, 1989) // Collection of International Treaties of the USSR. M., 1991. Vol. XLV. P. 482–492.

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

6. The UN Convention against corruption (signed in New York on October 31, 2003; ratified by the Russian Federation on March 08, 2006; entered into force for the Russian Federation on June 08, 2006) // Law of the Russian Federation. 2006. № 26. Art. 2780.
7. Model Criminal Code of the Member States of the Commonwealth of Independent States: adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on February 17, 1996 (with amendments and additions as of February 01, 2025). URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
8. Agreement on cooperation between the CIS member states in combating theft of cultural Property and ensuring their Return dated October 5, 2007 (signed in Dushanbe on October 05, 2007; entered into force, including for the Russian Federation on April 22, 2009) // Bulletin of International Treaties. 2009. № 11. P. 3–10.
9. Model Law for the CIS member States on the protection of intangible cultural Heritage dated November 29, 2013 // Information Bulletin. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2014. № 60 (Part 2).
10. Klak E.G. International legal fight against theft and illegal export of cultural property: The Russian aspect // Actual problems of the state and law: Collection of scientific articles. articles by students, postgraduates and young scientists of law schools. M., 2008. P. 155–157.
11. Lebedeva A.A. Fraud in the field of high technologies under national and international criminal law // International criminal law and international justice. 2014. № 5. P. 15–17.
12. Khromushina D.S. Modern legal mechanisms for combating fraud in accordance with Russian law and international standards // Actual problems of international law: Materials of the International scientific and practical conference of teachers and students (Vladimir, December 06, 2013). Vladimir, 2014. P. 236–241.
13. Shcherba S. Problems of criminal law-legal protection of historical, scientific, artistic and cultural values of the CIS countries from criminal encroachments // Criminal Law. 1999. № 1. P. 109–114.
14. The CE Convention on Computer Information Crime (signed in Budapest on November 23, 2001; not signed or ratified by the Russian Federation). URL : https://rm.coe.int/1680081580
15. The CE Convention on Offences against Cultural Property (signed in Nicosia on May 19, 2017; signed but not ratified by the Russian Federation). URL : www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680710435
16. The CE Convention on Offences against Cultural Property (signed in Delphi on June 23, 1985; not signed and not ratified by the Russian Federation). URL : https://rm.coe.int/168007a0fc
17. UNESCO Recommendations «On the protection of movable cultural property» dated November 28, 1978 // International normative acts of UNESCO. M., 1993. P. 368–376.
18. Russian criminal law. Special part : textbook for universities / Edited by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, M., 2015. 928 p.

Информация об авторах

Коняхин Владимир Павлович
доктор юридических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
ORCID 0000-0002-6062-77591
vladkon54@mail.ru

Огородникова Нина Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет
onv23@mail.ru

Vladimir P. Konyakhin
Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
ORCID 0000-0002-6062-77591
vladkon54@mail.ru

Nina V. Ogorodnikova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
onv23@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Коняхин В.П., Огородникова Н.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-14
УДК 343.98.068

Attribution
cc by

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ В СФЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: МИКРОБИОМ ЧЕЛОВЕКА – ЖИВОЙ СЛЕД

Лозинский О.И.
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются современные криминалистические методики в сфере биологической идентификации человека, криминалистической диагностики, наиболее перспективной из которых, по мнению автора, является изучение микробиома (микробиоты) человека, его микробиомной сигнатуры. В статье предлагается авторское определение микробиомного профиля человека, имеющего ряд признаков, позволяющих использовать его для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности. Кроме того, для решения задач уголовного судопроизводства в сфере раскрытия и расследования преступлений, автором обосновывается возможность реализации программы микробиомной регистрации различных категорий лиц (по аналогии с геномной регистрацией).

Цель: определить эмпирическую ценность для уголовного судопроизводства и криминалистическую значимость для решения задач идентификации (отождествления) личности потенциала микробиома человека.

Методы: диалектический; деятельностный, системный и ситуационный подходы; методика научно-тематического анализа Дж. Холтона.

Результаты: обоснована актуальность поднятой темы и сделаны выводы о необходимости методической и эмпирической разработки нового криминалистического знания о потенциале микробиома человека в сфере криминалистической идентификации (отождествления) личности и криминалистической диагностики.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, криминалистическая диагностика, микробиом, микробиота, микробиомная сигнатура, микробиомный профиль, раскрытие и расследование преступлений.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROMISING FORENSIC TECHNIQUES IN THE FIELD OF HUMAN BIOLOGICAL IDENTIFICATION: THE HUMAN MICROBIOME IS A LIVING TRACE

Oleg I. Lozinsky
South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article examines and analyzes modern forensic techniques in the field of biological identification of humans, forensic diagnostics, the most promising of which, according to the author, is the study of the human microbiome (microbiota), its microbiome signature. The article proposes the author's definition of the microbial profile of a person, which has a number of features that allow it to be used to solve forensic problems of identification (identification) of a person. In addition, in order to solve the problems of criminal proceedings in the field of crime detection and investigation, the author substantiates the possibility of implementing a program for microbiomic registration of various categories of persons (by analogy with genomic registration).

Objective: to determine the empirical value for criminal proceedings and the criminalistic significance for solving the tasks of identifying the potential of the human microbiome.

Methods: dialectical; activity-based, systemic and situational approaches; methodology of scientific and thematic analysis of J. Holton.

Results: the relevance of the raised topic is substantiated and conclusions are drawn about the need for methodological and empirical development of new forensic knowledge about the potential of

© Лозинский О.И.

the human microbiome in the field of forensic identification (identification) of personality and forensic diagnostics.

Keywords: forensic identification, forensic diagnostics, microbiome, microbiota, microbiome signature, microbiome profile, crime detection and investigation.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Научно-технический прогресс и социальные процессы, происходящие в обществе, всегда оказывали действенное влияние на состояние и развитие криминалистической науки. Указанное очень во многом было обусловлено как расширением технических и методологических возможностей, так и востребованностью различного рода специальных знаний и их эмпирической интерпретации (преимущественно за счет расширения спектра производства различного рода судебных экспертиз, с повышением и усложнением уровня их научности (с задействованием знаний из отраслей, ранее не охваченных сферой интересов криминалистической науки) и техногенности, заключения по которым давали бы объективные доказательства, принимаемые судом).

С учетом изложенного необходимость принятия для нужд криминалистической идентификации человека тех или иных биометрических технологий очень во многом определялась их востребованностью для эффективного решения задач уголовного судопроизводства. При этом большинство методов криминалистической идентификации личности на первоначальном этапе возникали как «коммерческие» проекты, связанные с необходимостью биометрической идентификации человека для других нужд, преимущественно, для обеспечения всех форм безопасности.

Имеющиеся в наличии профильные биометрические технологии, по направленности на объекты анализа, можно образно разделить на три вида:

– акцентирующие внимание на врожденных (неизменных, статических) характеристиках личности, доступных внешнему наблюдению, либо непосредственно, либо с помощью технических средств, например: по папиллярным узорам пальцев (ладоней) рук; по индивидуальным особенностям геометрии лица (габитоскопия, геометрия черепа, костно-мышечный скелет и т.п.); по форме ушей (конфигурации и особенностям ушных раковин); по рисунку сетчатки и радужной оболочки глаза; по силуэту (профилю) кисти руки; по термограмме лица, кисти руки (схема кровеносных сосудов) и др.

– основывающиеся на врожденных (неизменных) характеристиках личности, не поддающихся визуальному обнаружению, но определяемых другими органами чувств человека, либо по средствам возможностей биохимии и ДНК-анализа (связаны, преимущественно, с физиологией), например, ДНК-анализ тканей и жидкостей человека (молекулярно-генетическая экспертиза); одорология (ольфакторная экспертиза; исследование запахов человека) и др.

– базирующиеся на анализе динамических характеристик личности (характерных для нее быстрых подсознательных движений (рефлекторных, обусловленных особенностями воспитания, стиля жизни, работы, привычками и т.п.), например, голосу (модуляция, интонации, тембр и т.п.; вокалография); рукописному почерку (почерковедческая экспертиза); по динамическим проявлениям внешнего облика: походка, мимика, жестикуляция и т.п.) и др.

Для реализации возможностей криминалистической идентификации, используемые для нее биометрические параметры должны обладать определенными свойствами: всеобщность; уникальность; постоянство; измеряемость; приемлемость и др.

Обсуждение.

Результаты анализа профильных научных исследований и разработок, обоснованно свидетельствуют о том, что на текущий момент значительные перспективы в исследуемой сфере имеют научные изыскания, связанные с изучением микробиома (человека и окружающей среды).

Еще более трехсот лет назад Антони ван Левенгуком предпринимались попытки исследования микроорганизмов, населяющих человеческое тело, что нашло свое отражение в его научных работах, посвященных исследованию бактерий кишечника человека. Данному направлению научной деятельности также большое внимание уделяли такие знаменитые ученые, как Л. Пастер, Р. Кох, И.И. Мечников и др. За столь длительный период научных изысканий, носивших во многом фрагментарный характер, представления о роли микроорганизмов, населяющих человеческий организм, претерпели фундаментальные изменения.

При этом научный прорыв в осознании понимания места и важности сообщества микроорганизмов, обитающих в (на) теле человека, произошел в связи с результатами, полученными в ходе исследования состава генома (как биологических организмов, так и окружающей среды). Интересным фактом является то, что как таковой отправной точкой указанного послужили работы Нормана Пэйса, еще в 1991 году выдвинувшего идею выделения ДНК из океанической среды. По результатам проведенных исследований научной группой под его руководством была опубликована работа о выделении и идентификации

© Лозинский О.И.

последовательностей гена 16S рРНК из образца воды Тихого океана. Еще одним значимым этапом становления и развития метагеномики стали результаты Глобальной океанической экспедиции по сбору метагеномных образцов (GOS) (в период 2001-2003 годов) проведенной командой Крэйга Вентера. По результатам секвенирования генов 16S рРНК собранных образцов, только в Саргассовом море было выявлено более 2 тыс. новых видов бактерий [2].

В ходе профильных исследований, в результате накопления научных знаний и экспертно-лабораторного опыта, с учетом расширения возможностей, обусловленных результатами научно-технического прогресса, в научной сообществе сформировалось обоснованное понимание об изменчивости биологической среды человека, а также о том, что все «экологические ниши» человеческого организма заселены различными видами микроорганизмов, образующих сложную систему межвидового обобщенного метаболизма (микробиом (микробиота) человеческого организма содержит более 5000 видов различного рода микроорганизмов (из них только бактерий – более 40 тыс. штаммов из 1,8 тыс. родов), которые имеют порядка 10 млн генов, отличных от генов биологического тела человека; масса микробиома организма взрослого, относительно здорового, человека составляет от 1,3 до 3,5 кг) [3].

Наиболее научно обоснованное определение микробиоты человека сформулировал в 2001 году нобелевский лауреат Joshua Lederberg. Микробиота определена как сообщество микроорганизмов тела человека, находящихся с ним в симбиотических отношениях (бактерий, археев, эукариот, простейших микроорганизмов, нематод, вирусов, коллективно называемых virome), объединенное в единый организм с индивидуальными генетическими признаками [1].

Акцентируя, в соответствии с темой исследования, внимание на идентификационных свойствах микробиома, необходимо отметить, что, например, в микробиоте кишечника, являющейся основным местом сосредоточения микробиома человека, только одна треть является типичной (общей по своему составу и объему) для большинства человеческих организмом. При этом две трети микробиома кишечника субъективно индивидуальны и фактически являются своеобразной визитной карточкой конкретного человека, что потенциально позволяет ставить и решать идентификационные задачи в рамках криминалистической сферы.

На протяжении первой четверти текущего века микробиота признана научным сообществом фундаментальным фактором, определяющим физиологию и патологию человека (является уникальной по своему составу, сугубо индивидуальной вариабельной системой, которая не только адаптируется к сигналам и информации, поступающей от человека, но и влияет на своего хозяина). Ее взаимодействие с организмом человека реализуется на принципах мутуализма (взаимозависимости, взаимной выгоды и т.п.).

Видовой, количественный и качественный состав микробиоты зависит от ряда факторов (модифицирующего характера), которые схематично можно разделить на следующие категории:

– внутренние факторы (генотип хозяина, наследственность, гендерная принадлежность, принадлежность к определенному этносу, возраст и др.);

– внешние факторы (профессиональная деятельность, физические активность и нагрузки, пристрастия в сфере питания и диета, привычки, культура быта, санитарно-эпидемиологическая обстановка, наличие приобретенных заболеваний их характер, локализация и степень выраженности, прием антибиотиков и другая лекарственная терапия и т.п.);

– факторы окружающей среды (проживание в конкретном географическом регионе; экология; природный ландшафт и экосистема; температурный баланс, влажность; характерный микробиом окружающей среды обитания и т.п.).

Индивидуальные трансформации микробиома в ответ на модифицирующие факторы обусловлены уникальностью ее видового состава и функционального потенциала у каждого конкретного человека.

Указанное позволяет прийти к обоснованным научным выводам о возможности использования микробиома (микробиоты) в качестве комплекса идентификационных признаков для идентификации человека. При этом, по мнению автора, наиболее значимыми для решения задач криминалистической идентификации, являются следующие свойства микробиома:

– всеобщность (микробиом является симбиотической биологическому телу человека субстанцией, присущей абсолютно всем людям);

– уникальность (у потенциально здорового человека, две трети от объема, видового разнообразия и процентного соотношения тех или иных микроорганизмов к их общему числу, сугубо индивидуальны; совокупный геном микробиома человеческого организма превышает геном самого биологического тела человека, а их общий симбиотический геном позволяет решать идентификационные задачи с большей эффективностью).

– (свойство «постоянство», в контексте свойств микробиома, следует интерпретировать как свойство – «относительная устойчивость», т.к. микробиом, наряду с ним, обладает свойством «хронологическая изменчивость» (микробиом человека определенной этнической группы, достаточно долго проживающего на одной и той же территории, довольно устойчив (месяцы, ино-

© Лозинский О.И.

гда годы; имеющие место изменения, находятся в пределах обычной погрешности; он модифицируется под воздействием возрастных изменений, последствий заболеваний, приема лекарственных препаратов и др., однако эти изменения не являются радикальными и лишь добавляют новые идентификационные признаки для конкретной личности)).

– измеряемость (уже на настоящее время имеются апробированные методики, в соответствии с которыми микробиом можно оценивать и классифицировать на определенные энтеротипы – композиции микробиоты с устойчивым таксономическим составом; также имеются оценочные методики с помощью которых можно определить: пол и относительный возраст лица, принадлежность его к этнической группе, вероятность проживания его в определенном географическом регионе, наличие у него конкретных заболеваний и многое другое).

– взаимная отражаемость микробиомов человека и окружающей среды (указанное свойство заключается в том, что в процессе жизнедеятельности, физиологии, да и просто в ходе взаимодействия с объектами окружающей среды, человеческий организм естественным путем, самопроизвольно, реализует обмен между составляющими персонального микробиома и составляющими экологического микробиома; данный обмен происходит на микроуровне, причем живые следы этого обмена остаются и на человеке и на объектах окружающей среды длительное время и могут быть объектом идентификационного криминалистического исследования).

– детерминируемость (частичная) преступной и посткриминальной деятельности лиц (в профильном научном сообществе имеется мнение о том, что микробиом, в его совокупности, с учетом его симбиотического существования с биологическим организмом человека, фактически является его органом (не составной генетической частью «от рождения», а приобретенным с момента рождения и далее, по вышеуказанным объективным причинам); этот орган оказывает действенное влияние на многие жизненно важные процессы человеческого организма, что, в свою очередь, может способствовать возникновению у человека таких психологических состояний, как апатия, депрессия, или, наоборот, – агрессия и т.п.).

Особый интерес криминалистов вызывает и тот факт, что уникальные микробиомные сигнатуры человека относительно стабильны в каждом конкретном географическом регионе (микробиом кишечника подразделяется на энтеротипы – композиции микробиоты с устойчивым таксономическим составом; соотношение и комбинация определенных энтеротипов для каждого региона специфично). Указанное подтверждается результатами профильных исследований, имеющими идентификационный характер. Так, (для примера): южнокорейскими учеными установлено, что в микробиоте относительно здоровых граждан выявлены два характерных энтеротипа (ЭТ): № 1, с преобладанием Bacteroides (42 %) и № 2, с преобладанием Prevotella (58 %); при этом имеющийся в других популяциях ЭТ № 3 (Ruminococcus), не выявлен; результаты аналогичного исследования, проведенного российскими учеными продемонстрировали разделение образцов на две группы: первая, с преобладанием рода Prevotella (аналог ЭТ № 2), вторая, с преобладанием рода Firmicutes (аналог ЭТ № 3); ЭТ, с преобладанием рода Bacteroides (аналог ЭТ № 1), не выявлен [2].

Также показательным примером являются жители Индийских провинций Канпури и Варанаси, которые без вреда для их здоровья, купаются в реке Ганг и пьют из нее воду, наличие в которой опасных бактерий и вирусов, в т.ч. дифтерии и холеры, многократно превышает все допустимые нормы. При этом сообщество микроорганизмов всего из одной капли этой воды, может представлять смертельную опасность для любого другого человека [1].

Изложенное объективно свидетельствует о том, что имеется возможность идентификации конкретных личностей по особому биологическому следу, в зависимости от принадлежности к определенной этнической группе и от региона проживания.

Результаты.

По результатам проведенного исследования, по мнению автора, имеются основания для обособления и включения в раздел криминалистической техники отдельного вида следов человека - микробиомного профиля.

Названная категория следов не может быть в полной мере отнесена к следам биологического происхождения, производным непосредственно от человеческого организма. Представляется, что микробиомный профиль – это след не непосредственно от собственно (генетически обусловленного) биологического организма человека, а от характерного и индивидуального для конкретного человеческого организма субстанта, не являющегося его неотъемлемой, неизменной генетической («от рождения») составляющей, а отдельного (приобретенного) и находящегося с ним в симбиозе (при этом относительно устойчивого, но динамически изменчивого по объему и составу).

Микробиомный профиль человека – это живой след, который может выступать в качестве индивидуализирующего, криминалистически идентификациирующего признака (совокупности признаков) человека.

Микробиомная субстанция человека, это его биологическая симбиотическая составляющая (приобретенная, проживающая в нем и на нем, сопутствующая ему совокупность отдельных от человека форм жизни, как полезных и жизненно

© Лозинский О.И.

важных, например, для иммунитета, так и вредных и опасных, например, болезнетворных).

С учетом изложенного предлагается авторское определение микробиомного профиля человека, под которым предлагается понимать микробиоту (сообщество самостоятельных биологических объектов – бактерий, вирусов, грибов и других микроорганизмов во всем их разнообразии, как полезных, так и вредоносных), населяющую организм (биологическое тело) человека, находящуюся в неразрывном симбиозе с ним (но не являющуюся его генетической составляющей), имеющую ряд индивидуализирующих ее признаков, позволяющих использовать ее для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности.

Микробиом, по-прежнему, остается новым для исследования в криминалистической науке объектом, который позволит, наряду с изложенным, осуществлять в рамках уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности, микробиомную регистрацию лиц (по аналогии с геномной регистрацией) для чего целесообразно будет создавать соответствующие электронные базы и банки данных (по микробиомному профилю лиц).

Также, с учетом изложенного, представляется перспективным методическая разработка (доработка с соответствующими акцентами имеющейся базы биологических исследований) основ и эмпирической составляющей микробиомной экспертизы, как отдельного вида судебной экспертизы, прошедшего соответствующую апробацию и регистрацию, заключение по которой будет расцениваться в процессе уголовного судопроизводства как объективное доказательство по уголовным делам.

Заключение.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо констатировать, что криминалистика попрежнему остается динамично развивающейся наукой, адаптирующей для нужд уголовного судопроизводства перспективные научные знания и достижения. По мнению автора, в сфере биологической идентификации человека, криминалистической диагностики, одним из таких перспективных знаний является изучение микробиома (микробиоты) человека, его микробиомной сигнатуры. Знания в исследуемой области помогут реализовать такие эмпирически значимые проекты как программа микробиомной регистрации различных категорий лиц, судебная микробиомная экспертиза и в целом оказать положительное влияние на повышение эффективности и результативности решения задач уголовного судопроизводства в сфере раскрытия и расследования преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Adak A. An insight into gut microbiota and its functionalities / A. Adak, M.R. Khan // Cell Mol Life Sci. 2019. Vol. 76(3). P. 473–493.
2. Microbiome Tools for Forensic Science / Metcalf [et al.] // Trends in Biotechnology. 2017. № 35(9). С. 814–823.
3. Integrating the microbiome as a resource in the forensics toolkit / Thomas H. Clarke [et al.] // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 30. P. 141–147.
4. Коростелева Т.И. Значение микробиома для расследования преступлений / Т.И. Коростелева, Д.А. Курмаева // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2023. № 11. С. 79–84.

References:

1. Adac A. An insight into gut microbiota and its functionalities / A. Adam, M.R. Khan // Cell Mol Life Sci. 2019. Vol. 76(3). P. 473–493.
2. Microbiome Tools for Forensic Science / Metcalf [et al.] // Trends in Biotechnology. 2017. № 35(9). С. 814–823.
3. Integrating the microbiome as a resource in the forensics toolkit / Thomas H. Clarke [et al.] // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 30. P. 141–147.
4. Korosteleva T.I. The importance of the microbiome for crime investigation T.I./ Korosteleva, D.A. Kurmaeva // Electronic scientific journal «Diary of Science». 2023. № 11. P. 79–84.

© Лозинский О.И.

Информация об авторе

Лозинский Олег Иванович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
oleg.lozz@yandex.ru

Oleg I. Lozinsky
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Procedural Law,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
oleg.lozz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лозинский О.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-16
УДК 343.2

Attribution
cc by

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ, ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ, ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Лысенко В.С.
Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье проводится исследование института конфискации имущества в целях изучения его правовой природы, формы и содержания. Для достижения поставленных целей автором используются методы системного анализа нормативного правового материала, теоретической литературы, разъяснений Верховного Суда РФ, а также судебной практики. В ходе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что мера, закрепленная в главе 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объединяет в себе 2 формы уголовно-правового воздействия. Первая – реституционное изъятие имущества, предусмотренное п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 и ч. 1 ст. 104 УК РФ, представляющее собой иную меру уголовно-правового характера, направленную на восстановление первоначального, существовавшего до момента совершения преступления имущественного состояния потерпевшего. Вторая – превентивная конфискация, закрепленная в п. «в» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ, являющаяся аналогом наказания, нацеленного на уголовно-правовое воздействие посредством изъятия имущества, находящегося в собственности лица, совершившего преступление. Результатом исследования также является вывод о корректности употребления термина «изъятие» в отношении меры, предусмотренной п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ.

Ключевые слова: конфискация имущества, реституционное изъятие, превентивная конфискация, право собственности, наказание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONFISCATION OF PROPERTY: CURRENT PROBLEMS OF ETYMOLOGY, LEGAL NATURE, FORM AND CONTENT

Vadim S. Lysenko
Kuban State University

Abstract. The article studies the institute of confiscation of property in order to study its legal nature, form and content. In order to achieve the set goals, the author uses methods of systematic analysis of normative legal material, theoretical literature, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that the measure enshrined in Chapter 15 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF) combines 2 forms of criminal-legal impact. The first is the restorative seizure of property, provided for in par. «a» – «b» of part 1 of article 104 and part 1 of article 104 of the CC RF, which is another measure of a criminal-legal nature aimed at restoring the original property status of the victim that existed prior to the commission of the crime. The second is preventive confiscation, enshrined in paragraphs «c» – «e» of part 1 of article 104 of the CC RF, which is an analog of punishment aimed at criminal-legal impact through the property of the person who committed the crime. The result of the study is also a conclusion about the correctness of the use of the term «seizure» in relation to the measure provided for in par. «a» – «b» of part 1 of article 104 of the CC RF.

Keywords: confiscation of property, restorative seizure, preventive confiscation, property right, punishment.

Funding: Independent work.

Введение.

Ретроспективное исследование конфискации имущества свидетельствует о том, что вплоть до 2003 года она представляла собой вид наказания. Произошедшее в 2006 году видоизменение ее сущности, роли и значения породило множество доктринальных проблем. Особый интерес

© Лысенко В.С.

представляют вопросы ее правовой природы, формы, содержания и этимологии.

Результаты.

Результатом исследования являются выводы, в соответствии с которыми, институт конфискации имущества, предусмотренный главой 15 УК РФ, объединяет в себе 2 формы уголовно-правового воздействия: реституционное изъятие имущества, являющееся иной мерой уголовно-правового характера (п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 и ч. 1 ст. 104 УК РФ), направленной на восстановление первоначального, существовавшего до момента совершения преступления имущественного состояния потерпевшего, и превентивную конфискацию имущества (п. «в» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ), являющуюся аналогом наказания, нацеленного на уголовно-правовое воздействие посредством изъятия имущества, находящегося в собственности лица, совершившего преступление.

Употребление термина «конфискация» в отношении мер, предусмотренных п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ, является этимологически некорректным, наиболее целесообразным представляется термин «изъятие».

Обсуждение.

Анализ УК РФ позволяет заключить, что современная конфискация имущества представляет собой симбиоз двух различных по характеру и содержанию мер:

1. Реституционной, или правовосстановительной, меры. Термин «реституция» имеет латинское происхождение («restitutio», «restitution in integrum»), означающее восстановление в прежнем состоянии [2, с. 11; 6, с. 52]. Будучи цивилистическим институтом, он представляет собой возврат сторонами всего полученного по сделке в случае ее недействительности. Толкование п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 и ч. 1 ст. 104 УК РФ позволяет заключить, что одной из целей конфискации является реституция или восстановление ущерба, причиненного преступлением, т.е. состояния общественных отношений, существовавшего до совершения общественного опасного посягательства.

Аналогичной позиции придерживаются Д.Б. Лаптев [5, с. 240] и Р.А. Хачак [13, с. 11], ее восстановительный характер отмечает О.В. Тюшнякова. [12, с. 90]. Конфискация имущества, предусмотренная п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ, не содержит в себе карательного элемента, так как не возлагает на лицо никаких правоограничений, а сводится лишь к восстановлению положения, существовавшего до момента совершения преступления. На это указывает Верховный Суд РФ, устанавливая, что безвозмездное изъятие или конфискация объектов животного мира не освобождает от обязанности возместить нанесенный ущерб (п. 45) [8]. Аналогичные мнения высказываются в доктрине [1, с. 124; 4, с. 93; 7, с. 153].

Не представляется возможным согласиться с мнением о неспособности реституционной конфискации изменить уголовно-правовой статус лица в силу того, что она не ограничивает его права и не порождает дополнительные обязанности [3], так как не затрагивает имущество, находящееся в собственности у виновного. Однако она предоставляет индивидуальные правомочия, связанные с доказыванием легальности происхождения имущества, планируемого к конфискации, которые и являются изменениями в уголовно-правовом статусе.

2. Превентивной меры, предусмотренной п. «в» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ, содержащей в себе как ретроспективную, так и перспективную направленность. Ретроспективная направленность выражается в изъятии материальных ценностей, использованных лицом в прошлом в целях совершения преступления, перспективная – в воздействии на имущество, предназначенное для совершения общественно опасного деяния в будущем.

Превентивной конфискации присущи такие отличительные признаки наказания, как:

1. Карательный характер содержания, который подтверждается направленностью ее воздействия на имущество, принадлежащее виновному на праве собственности. Карательный элемент превентивной конфискации историчен [11, с. 9]. По характеру ограничений, возлагаемых на осужденного, она превышает лишения, свойственные некоторым наказаниям, например штрафу и обязательным работам. Отдельные авторы указывают на идентичность целей наказания и конфискации [9, с. 8].

2. Неразрывная связь с уголовной ответственностью. Смоделировать ситуацию, при которой имущество, указанное в п. «в» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ, подлежало бы конфискации в отрыве от привлечения лица к уголовной ответственности не представляется возможным. Необходимо отметить, что данный признак не является обязательным применительно к институту иных мер уголовно-правового характера, а наоборот, выступает в качестве основания для перевода конфискации имущества в категорию «исключений из правила».

Таким образом, правовая природа конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера неоднозначна. В настоящее время она аккумулирует в себе черты различных по своему предназначению, а также целевой и функциональной направленности мер уголовно-правового воздействия: реституционной, представляющей собой иную меру уголовно-правового характера, и превентивной, являющейся полным аналогом конфискации имущества как вида уголовного наказания, существовавшей в УК РФ до 2003 года. Применительно к последней нам представляется справедливым утверждение о возрождении известной уголовному праву с давних времен санкции, однако, в

© Лысенко В.С.

роли абсолютно новой и самостоятельной структурной единицы уголовного закона.

Особый интерес представляют этимологические аспекты института конфискации имущества.

Принимая во внимание тот факт, что институт конфискации имущества известен многим отраслям российского права, учитывая наличие межотраслевых связей в теории и практике применения уголовного закона, нам видится необходимым проанализировать его современное состояние в гражданском законодательстве.

Нормы о конфискации имущества закреплены в ст. 243 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Она определяется как безвозмездное изъятие имущества у *собственника (курсив автора)* по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения.

На утрату имущества именно его собственником, как на одно из юридически значимых последствий конфискации имущества, указывают и материалы судебной практики [10]. Гражданское законодательство упоминает конфискацию при перечислении оснований прекращения права собственности (п. 6 п. 2 ст. 235 ГК РФ)).

Таким образом, исходя из положений гражданского законодательства, конфискация имущества опосредует общественные отношения, связанные с правом собственности, выступая в качестве основания как для их возникновения, так и для прекращения.

Исследование положений ст. 104 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что использование термина «конфискация» является этимологически неверным применительно к отдельным мерам. Так, п. «г» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ установлено, что изъятию подлежит собственность виновного.

Данное умозаключение следует из буквального смысла правовых норм, в которых используется словосочетание «принадлежащих или принадлежащего обвиняемому». Их системное толкование в прямой взаимосвязи с нормами гражданского законодательства не позволяет смоделировать ситуацию, при которой у виновного лица подлежало бы конфискации имущество, принадлежащее ему на ином, чем право собственности, вещном праве.

Данный вывод справедлив и для меры, предусмотренной п. «в» ч. 1 ст. 104 УК РФ. Несмотря на то, что применительно к данной разновидности конфискации не используется термин «принадлежащего обвиняемому», не представляется возможным смоделировать ситуацию, при которой изъятию подлежало бы имущество, принадлежащее виновному на ином вещном праве, нежели право собственности. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что имущество, принадлежащее иным лицам, не может подлежать конфискации ввиду того, что они не попадают в сферу действия уголовного закона.

Особый интерес, в аспекте этимологии института конфискации имущества, представляют меры, предусмотренные п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ.

Пунктом «а» ч. 1 ст. 104 УК РФ установлено безвозмездное изъятие денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления. Как было указано ранее, конфискация имущества опосредует общественные отношения, связанные с переходом права собственности от одного правообладателя к другому. Применительно к нормам п. «а» ч. 1 ст. 104 УК РФ не представляется возможным усмотреть подобную трансформацию титула собственника.

Г.Ф. Шершеневич, раскрывая признаки конфискации имущества, указывал на изъятие у лица вещи, принадлежащей ему на праве собственности [14, с. 303], о чем свидетельствует содержание иных вещных прав (ст. 265, 268, 274, 277 ГК РФ). Совершение преступления не является основанием возникновения права собственности.

Следовательно, употребление термина «конфискация» применительно к мере, предусмотренной п. «а» ч. 1 ст. 104 УК РФ, не является этимологически корректным.

Представляется справедливым распространить данный вывод и применительно к мере, предусмотренной в п. «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ, так как, исходя из положений цивилистики невозможно приобрести право собственности на вещь путем превращения или преобразования ценностей, не принадлежащих лицу на праве собственности. Возникновение каких-либо прав осужденного лица на имущество, добытое преступным путем, не представляется возможным, даже несмотря на действия по его легализации, в силу порочности подобных сделок.

Справедливо мнение П.С. Яни, отмечающего, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера заключается в изъятии у лица имущества и доходов от него, которые принадлежат ему не по праву [15, с. 133].

Несмотря на установление уголовного закона, на имущество, указанное в п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ, невозможно возникновение права собственности у Российской Федерации ввиду того, что никто не может перенести больше прав на другого, чем он имел бы сам – Nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse haberet (D. 50. 17. 54. Ulpianus libro 46 ad edictum) [16, с. 346].

Ввиду изложенного, применительно к мерам, предусмотренным п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ, более логичным и верным с точки зрения этимологии является использование термина «изъятие».

Принимая во внимание проведенную демаркацию между реституционной и предупредитель-

© Лысенко В.С.

ной конфискацией имущества, представляется необходимым сформулировать следующий вывод: уголовно-правовой институт, предусмотренный главой 15 УК РФ, состоит из двух различных по своей правовой природе, форме и содержанию мер: реституционного изъятия имущества и предупредительной конфискации.

Заключение.

В результате проведенного исследования можно заключить, что институт конфискации имущества, предусмотренный главой 15 УК РФ, объединяет в себе 2 формы уголовно-правового воздействия: реституционное изъятие имущества, являющееся иной мерой уголовно-правового характера (п. «а» – «б» ч. 1 ст. 1041 и ч. 1 ст. 104 УК РФ), направленной на восстановление первоначального, существовавшего до момента совершения преступления, имущественного состояния потерпевшего, и превентивную конфискацию имущества (п. «в» – «д» ч. 1 ст. 104 УК РФ), являющуюся аналогом наказания, нацеленного на уголовно-правовое воздействие посредством изъятия имущества, находящегося в собственности лица, совершившего преступление.

Употребление термина «конфискация» в отношении мер, предусмотренных п. «а» – «б» ч. 1 ст. 104 УК РФ является этимологически некорректным, наиболее целесообразным представляется термин «изъятие».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Брагин В.М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф / В.М. Брагин, В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 3.
2. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.
3. Звечаровский И.Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Коробеев А.И. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование / А.И. Коробеев, Ю.В. Аверьянова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4.
5. Лаптев Д.Б. Акцессорные уголовно-правовые меры : дис. … докт. юрид. наук. М., 2023.
6. Максимов В.А. Римское право : учеб. пособие / В.А. Максимов, С.С. Желонкин. М., 2019.
7. Мартыненко Н.Э. Конфискация имущества как средство защиты интересов потерпевшего от преступления / Н.Э. Мартыненко, Э.В. Мартыненко // Вестник КГТУ: Государство и право: вопросы теории и практики. 2014. № 1(4).
8. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Посохова В.А. Уголовно-правовоая характеристика конфискации имущества и ее социально-правовая сущность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 8 с.
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.03.2016 по делу № Ф03-397/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Толков Д.В. Конфискация имущества как институт уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2010.
12. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72.
13. Хачак Р.А. Конфискация имущества: исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 11 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Учебник русского гражданского права. М., 2017. Т. 5.
15. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6.
16. Римское частное право : учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Петерского. М., 2014.

References:

1. Bragin V.M. Other Criminal Law Measures and Court Fines / V.M. Bragin, V.M. Stepashin // Herald of Omsk University. Series «Law». 2019. Vol. 16. № 3.
2. Dzhanaeva A.M. The concept of restitution: a comparative legal analysis of the institution in the Russian and Anglo-American systems of law : dis. … candidate juridical sciences. M., 2015.

© Лысенко В.С.

3. Zvecharovsky I.E. Some issues of intrasectoral inconsistency of norms of criminal legislation (in the aspect of the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal reference system «ConsultantPlus».
4. Korobeev A.I. Special confiscation of property in criminal law of Russia and China: comparative research / A.I. Korobeev, Y.V. Averyanova // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4.
5. Laptev D.B. Accessory criminal-legal measures : dis. ... doctor of juridical sciences. M., 2023.
6. Maksimov V.A. Roman law : textbook / V.A. Maksimov, S.S. Zhelonkin. M., 2019.
7. Martyunenko N.E. Property confiscation as means of interest protection of crime victim / N.E. Martyunenko, E.V. Martyunenko // Herald of KSTU: State and Law: Issues of Theory and Practice. 2014. № 1(4).
8. On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 18.10.2012 № 21 (ed. from 15.12.2022) // Legal reference system «ConsultantPlus».
9. Posokhova V.A. Criminal-legal characteristic of confiscation of property and its socio-legal essence : abstract dis. ... candidate juridical sciences. Chelyabinsk, 2007. 8 p.
10. Ruling of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 22.03.2016 in case № F03-397/2016 // Legal reference system «ConsultantPlus».
11. Tolkov D.V. Confiscation of property as an institute of criminal law : abstract dis. ... candidate juridical sciences. Ryazan, 2010.
12. Tyushnyakova O.V. Analysis of property confiscation: history and modernity // Vestnik of Volga Region University named after V.N. Tatishchev. 2010. № 72.
13. Khachak R.A. Confiscation of property: historical, comparative-legal and criminal-legal aspects: abstract diss. ... candidate juridical sciences. N. Novgorod, 2011. 11 p.
14. Shershenevich G.F. Favorites. Textbook of Russian civil law. M., 2017. Vol. 5.
15. Yani P.S. Confiscation of property and criminal liability // Criminal Law. 2006. № 6.
16. Roman private law : textbook / Ed. by I.B. Novitsky, I.S. Petersky. M., 2014.

Информация об авторе

Лысенко Вадим Сергеевич
соискатель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета им. А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
ORCID 0000-0002-2659-6581
lv1898@mail.ru

Vadim S. Lysenko
Candidate of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the A.A. Khmyrov Faculty of Law,
Kuban State University
ORCID 0000-0002-2659-6581
lv1898@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лысенко В.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-17
УДК 343.9

Attribution
cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Марухно В.М.
Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты неоказания медицинской помощи больному, включая вопросы квалификации данного преступления, проблемы правоприменительной практики и особенности привлечения медицинских работников к уголовной ответственности. Проанализированы нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующие ответственность за неоказание помощи (статья 124 УК РФ), а также судебная практика и статистические данные по применению этих норм. Особое внимание уделено вопросам квалификации преступления, сложностям в установлении причинно-следственной связи между бездействием медицинского работника и последствиями, а также наличию уважительных причин, исключающих уголовную ответственность. Автор предлагает варианты улучшения правоприменительной практики, в том числе через уточнение границ ответственности, детализированное определение уважительных причин неоказания помощи, а также разграничение ответственности за ненадлежащее оказание помощи и полный отказ от неё. В статье приводится анализ субъектов преступления, рассматриваемых в сфере профессиональной компетенции медицинских работников, и поднимается вопрос о необходимости совершенствования законодательства в данной области. Предложены изменения в Уголовный кодекс РФ и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» для повышения эффективности правоприменения и обеспечения защиты прав граждан на получение своевременной медицинской помощи.

Ключевые слова: уголовная ответственность, неоказание помощи, медицинская помощь, квалификация преступления.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND QUALIFICATION ISSUES OF NON-PROVISION OF ASSISTANCE TO THE PATIENT

Vasilisa M. Marukhno
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. The article examines the criminal law aspects of failure to provide medical care to a patient, including the issues of qualification of this crime, problems of law enforcement practice and the specifics of bringing medical workers to criminal responsibility. The article analyzes the norms of the Criminal Code of the Russian Federation governing liability for failure to provide assistance (Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as judicial practice and statistical data on the application of these norms. Special attention is paid to the issues of crime qualification, difficulties in establishing a causal relationship between the inaction of a medical professional and the consequences, as well as the presence of valid reasons excluding criminal liability. The author suggests ways to improve law enforcement practice, including through clarifying the boundaries of responsibility, a detailed definition of valid reasons for not providing assistance, as well as delineating responsibility for improper provision of assistance and complete refusal of it. The article provides an analysis of the subjects of crime considered in the context of the professional competence of medical professionals, and raises the issue of the need to improve legislation in this area. Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law «On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation» have been proposed to improve the effectiveness of law enforcement and ensure the protection of citizens' rights to receive timely medical care.

Keywords: criminal liability, failure to provide assistance, medical care, qualification of a crime.

Funding: Independent work.

© Марухно В.М.

Введение.

Уголовно-правовая ответственность за неоказание помощи больному является актуальной темой научного и правоприменительного анализа. В условиях роста требований к качеству медицинского обслуживания и усиления контроля за деятельностью медицинских работников возрастает необходимость детального рассмотрения оснований уголовной ответственности за отказ в оказании медицинской помощи. Несмотря на наличие соответствующих норм в Уголовном кодексе Российской Федерации, судебная практика показывает сложности в их применении, включая вопросы квалификации, установления субъективной стороны преступления и определение границ ответственности медицинских работников.

Аспекты уголовной ответственности за неоказание медицинской помощи приобретают особую актуальность в контексте правоприменительной практики, касающейся привлечения медицинских специалистов к ответственности за профессиональные упущения. Сложности, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 124 УК РФ, обусловлены необходимостью точного установления причинно-следственной зависимости между бездействием медицинского работника и наступившими последствиями. Дополнительно, важным фактором является учет объективных обстоятельств, которые могут исключать уголовную ответственность, что требует детального анализа каждого конкретного случая

Кроме того, современная судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к определению субъектов данного преступления, что требует дополнительного теоретического анализа.

Предметом исследования являются уголовно-правовые аспекты неоказания помощи больному, вопросы квалификации данного преступления, а также проблемы правоприменительной практики в отношении привлечения медицинских работников к уголовной ответственности.

Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания, включая системный анализ, сравнительно-правовой метод, а также метод анализа судебной практики.

Системный подход позволяет рассмотреть уголовно-правовую ответственность за неоказание медицинской помощи в контексте общей системы норм, регулирующих медицинскую деятельность.

Сравнительно-правовой метод применяется для анализа законодательства других стран в сфере ответственности медицинских работников.

Анализ судебной практики помогает выявить тенденции и проблемы правоприменения.

Обсуждение.

Вопросы уголовной ответственности за неоказание помощи больному находят отражение в трудах ряда исследователей.

Так, А.М. Плешаков и А.В. Дружинин рассматривают проблемы уклонения от административного надзора, что затрагивает смежные аспекты правоприменения [1].

А.С. Амелина анализирует уважительные причины неоказания медицинской помощи и основания для исключения уголовной ответственности, что важно для разграничения состава преступления [2].

Вопросы неосторожности медицинского работника при причинении вреда здоровью подробно исследованы И.И. Нагорной [3].

Фундаментальный анализ уголовной ответственности медицинского персонала представлен в труде Ф.Ю. Бердичевского [4], который рассматривает вопросы нарушений профессиональных обязанностей.

Д.Ю. Мамонтов [5] уделяет внимание определению субъекта преступления, анализируя возможные категории лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по статье 124 УК РФ.

О.А. Цыганова и И.В. Ившин [6] рассматривают правоприменительную практику и теоретические аспекты квалификации преступления.

Вопросы квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи остаются предметом дискуссий в юридической науке.

Так, например, М.В. Бавсун [7] исследует спорные аспекты данной проблемы, тогда как Н.И. Пикуров [8] акцентирует внимание на правовых рисках, связанных с медицинским вмешательством, в контексте уголовного законодательства.

В свою очередь, И.С. Иванов и В.В. Аванесян [9] предлагают рассматривать медицинского работника одновременно в двух ролях – как потерпевшего и как субъекта преступления, что расширяет возможности комплексного анализа уголовной ответственности.

С.Н. Шишков и С.В. Полубинская [10] фокусируются на проблематике идентификации признаков состава преступления, привлекая для этого специализированные экспертные знания.

Преступления, связанные с неоказанием помощи больному и нарушением требований к медицинской помощи, встречаются крайне редко. В 2023 году по ч. 1 ст. 124 УК РФ не зафиксировано ни одного осуждения или оправдания. По части 2 этой же статьи был осужден один человек; при этом двое были оправданы. Единственному осужденному назначено условное лишение свободы, что свидетельствует о мягкости наказания.

© Марухно В.М.

Ст. 124.1, касающаяся нарушения требований к медицинской помощи, в 2023 году не фигурировала в судебной практике [11].

Количество дел по этим статьям остается минимальным, что может объясняться сложностями в выявлении и доказательстве подобных преступлений.

Высокая доля оправдательных приговоров по статье 124 УК РФ (двое оправданных на одного осужденного) свидетельствует о трудностях в доказывании вины.

Мягкость наказания указывает на то, что суды не рассматривают такие преступления как особо опасные для общества.

В перспективе, количество подобных дел может увеличиться за счет усиления контроля за медицинскими учреждениями. Возможны изменения в правоприменительной практике, если будет ужесточен надзор за соблюдением медицинских стандартов. Однако пока судебная практика демонстрирует низкую строгость наказания, что может снижать превентивный эффект данных статей.

Конституция Российской Федерации в ст. 41 закрепляет право каждого человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи. В соответствии с данным положением, медицинское обслуживание в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения осуществляется на безвозмездной основе за счет бюджетных средств, страховых взносов и иных поступлений. В то же время, уголовное законодательство предусматривает ответственность за неоказание медицинской помощи, однако, наказуемость данного деяния возникает лишь при наличии последствий в виде причинения вреда здоровью средней тяжести, тяжелого вреда или наступления летального. В связи с этим, непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие возможность реализации права человека на жизнь и здоровье.

Лицо, пострадавшее от бездействия медицинского работника, рассматривается как потерпевший в рамках данного состава преступления. Им признается больной, которому требуется медицинское вмешательство, поскольку отказ в предоставлении помощи может привести к серьезному ухудшению состояния здоровья или даже к смерти. Заболевание, влекущее необходимость оказания помощи, может быть, как соматическим, так и психическим.

Объективная сторона преступления заключается в бездействии, выраженном в отказе от оказания медицинской помощи, что влечет негативные последствия в виде причинения вреда здоровью средней тяжести или более тяжких последствий.

Обязательным элементом состава является установление причинно-следственной связи между неоказанием помощи и наступившими последствиями.

Ключевым условием привлечения к ответственности является отсутствие уважительных причин, оправдывающих невозможность оказания медицинской помощи.

Оценка наличия таких причин осуществляется правоохранительными органами в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Несмотря на то, что в законе говорится об уважительных причинах во множественном числе, на практике достаточно признания хотя бы одной причины, исключающей уголовную ответственность. Под таковыми понимаются как объективные обстоятельства, затрудняющие оказание помощи, так и субъективные факторы, не позволяющие врачу выполнить свои профессиональные обязанности [1].

Результаты.

В юридической науке уважительные причины, препятствующие оказанию медицинской помощи, подразделяются на несколько категорий, в зависимости от их происхождения и природы. Среди них выделяются:

1. Факторы природного и техногенного характера. К данной группе относятся стихийные бедствия и катастрофы, возникающие вследствие природных явлений (землетрясения, наводнения, ураганы, цунами, снежные заносы аномальной интенсивности и т.д.), а также аварии, пожары и техногенные катастрофы, влекущие угрозу жизни и здоровью людей (утечки токсичных веществ, радиоактивное загрязнение и др.).

2. Общественно опасные действия граждан. К данной категории относят массовые беспорядки, преступные действия организованных групп, несанкционированные протестные акции, создающие угрозу безопасности медицинского персонала, а также ситуации, при которых сотрудники медицинских учреждений подвергаются насильственным действиям или физическим препятствиям, мешающим выполнению их обязанностей (например, блокирование автомобиля скорой помощи или нападение на врача при исполнении служебных обязанностей).

3. Конкуренция медицинских обязанностей. В условиях одновременного поступления вызовов к нескольким пациентам с тяжелыми состояниями медицинский работник вынужден принимать решение о приоритетности оказания помощи. В таких ситуациях уголовно-правовая оценка действий медперсонала зависит от совокупности обстоятельств, включая время поступления вызова, реальную возможность оперативного прибытия к пациенту, а также степень выраженности симптомов и потенциальную угрозу жизни.

4. Личные обстоятельства субъективного и объективного характера. В данную группу входят

© Марухно В.М.

случаи, когда врач не в состоянии выполнить свои обязанности по состоянию здоровья (например, при внезапном ухудшении самочувствия, травме или обострении хронического заболевания, требующего срочного медицинского вмешательства), а также ситуации, связанные с узкой специализацией врача, из-за которой он не обладает необходимыми компетенциями для оказания требуемой помощи [2].

Субъективная сторона преступления, квалифицируемого по статье 124 УК РФ, проявляется в форме неосторожности, которая может выражаться в легкомыслии либо небрежности.

При легкомысленном отношении к последствиям виновный осознает вероятность причинения вреда здоровью пострадавшего, но самонадеянно рассчитывает его избежать.

В случае преступной небрежности субъект не предвидит опасных последствий своего бездействия, хотя при должной внимательности и предусмотрительности мог и должен был это сделать.

В отношении медицинских работников квалификация вины определяется их профессиональной компетентностью. Обладание специальными знаниями обязывает субъекта предвидеть возможные негативные последствия своих действий или бездействия. Если установлено, что виновное лицо сознательно допускало либо намеренно стремилось к причинению вреда здоровью или смерти пациента, его действия подлежат квалификации по статьям 105, 111, 112 УК РФ, а не по статье 124 УК РФ.

Согласно части 1 статьи 124 УК РФ, к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие 16-летнего возраста, обладающие дееспособностью и обязанностью оказывать медицинскую помощь в силу закона или служебного предписания. Однако в юридической науке существуют разногласия относительно круга возможных субъектов преступления.

Так, А.С. Горелик относил к ним исключительно медицинских работников, в то время как Ф.Ю. Бердичевский включал также фармацевтов, водителей «скорой помощи» и других лиц, препятствующих оказанию медицинской помощи.

Д.Ю. Мамонтов подчеркивал, что круг субъектов определяется наличием у них юридической обязанности оказывать медицинскую помощь, вне зависимости от их медицинской квалификации.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что медицинские работники составляют основную категорию лиц, привлекаемых к ответственности по статье 124 УК РФ. В соответствии с положениями Федерального закона № 323-ФЗ, к данной группе относятся специалисты, имеющие медицинское образование, осуществляющие профессиональную деятельность в медицинских учреждениях и выполняющие лечебно-диагностические функции в рамках своих должностных обязанностей.

Внутри профессионального медицинского сообщества выделяют несколько уровней персонала: врачей, средний медицинский персонал (включая фельдшеров и медицинских сестер) и младший медицинский персонал (например, санитаров и сиделок). Однако субъектами преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, могут являться исключительно представители первых двух категорий, обладающие необходимыми профессиональными компетенциями и обязанностями по оказанию медицинской помощи.

Юридическая обязанность оказания медицинской помощи может проистекать из трудовых отношений с медицинской организацией либо из факта ведения частной медицинской практики. Следовательно, лица с медицинским образованием, но не работающие по специальности, а также медицинские работники, находящиеся в отпуске или на пенсии, не могут быть субъектами рассматриваемого преступления. В более широком контексте, обязанность оказания помощи может возлагаться на сотрудников правоохранительных органов, спасателей и иных лиц, функции которых предусматривают оказание первой помощи в соответствии с законодательством РФ.

Практика демонстрирует случаи, когда деяния виновных следует квалифицировать не по статье 124 УК РФ, а по иным нормам уголовного законодательства. Например, если медицинский работник оказал помощь ненадлежащим образом, что привело к летальному исходу пациента, его действия могут подпадать под статьи 109 или 118 УК РФ (причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей).

Судебные решения подтверждают необходимость разграничения между неоказанием помощи и ненадлежащим медицинским обслуживанием. Если медицинский работник умышленно уклоняется от выполнения своей профессиональной обязанности, его действия квалифицируются по статье 124 УК РФ. Однако, если врач допустил ошибки при оказании медицинской помощи, приведшие к тяжким последствиям, его действия следует рассматривать в контексте статьи 109 УК РФ.

Особого внимания заслуживают случаи квалификации преступления по статье 293 УК РФ (халатность). Эта статья применяется, когда должностное лицо не исполнило свои организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, что повлекло тяжкие последствия. Однако, если халатность была допущена непосредственно в процессе оказания медицинской помощи, деяние должно квалифицироваться по статьям 109, 118 или 124 УК РФ в зависимости от характера допущенных нарушений.

© Марухно В.М.

Таким образом, анализ субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 124 УК РФ, требует учета множества факторов: формы вины, профессионального статуса виновного лица и конкретных обстоятельств дела. Корректное разграничение данного преступления от смежных составов играет ключевую роль в правоприменительной практике и определении справедливой меры ответственности.

Анализ уголовно-правовой характеристики неоказания помощи больному свидетельствует о том, что нормы, регулирующие ответственность за это деяние, применяются крайне редко. Статистические данные за 2023 год демонстрируют лишь единичные случаи осуждения по статье 124 УК РФ, а также высокий процент оправдательных приговоров, что свидетельствует о трудностях в доказывании вины.

Основными причинами низкой правоприменительной активности являются проблемы в установлении причинно-следственной связи между бездействием медицинского работника и последствиями, наличие «уважительных причин» неоказания помощи, которые не имеют четкого законодательного определения, а также сложности в разграничении состава преступления по данной статье с иными нормами, такими как халатность или причинение вреда здоровью по неосторожности. Мягкость наказаний, как правило, снижает превентивную функцию статьи.

Ответственность, чаще всего, несут медицинские работники, однако, отсутствие четкой формулировки субъекта преступления порождает правовую неопределенность. Также, выявлены пробелы в законодательстве, связанные с неясностью границы между ненадлежащим оказанием помощи и полным отказом от нее.

Заключение.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за неоказание помощи больному.

Для повышения эффективности применения ст. 124 УК РФ предлагается внести изменения в УК РФ и Федеральный закон № 323-ФЗ. В частности, требуется четко определить уважительные причины неоказания помощи, установив исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут освободить от ответственности, таких как отсутствие необходимых условий для оказания помощи, угроза жизни медицинского работника или недостаточная профессиональная компетенция.

Также необходимо уточнить, что субъектом преступления могут быть только лица, обладающие специальной медицинской подготовкой и обязанные оказывать помощь в силу своих служебных обязанностей. Исключение должно касаться лиц, не имеющих профессиональной подготовки, если они не препятствовали оказанию помощи.

Кроме того, требуется разграничение ответственности за ненадлежащее оказание помощи и полный отказ от нее, что позволит установить отдельные составы преступлений для этих случаев, что уточнит правовую квалификацию действий и обеспечит более точное применение закона. Важно также повысить ответственность за неоказание помощи при отягчающих обстоятельствах, например, когда это приводит к смерти пациента. В таких случаях санкции должны предусматривать не только лишение свободы, но и запрет на профессиональную деятельность в медицинской сфере.

Для улучшения правоприменительной практики предлагается разработать методические рекомендации, которые помогут правоприменителям устанавливать стандарты оценки действий медицинского персонала в условиях вынужденного отказа от оказания помощи, например, при массовых поступлениях пациентов. Эти изменения направлены на устранение правовых пробелов, повышение эффективности расследования таких преступлений и установление четких критериев правоприменения, что позволит сбалансировать интересы пациентов и медицинских работников, минимизировать риск необоснованного привлечения к ответственности и одновременно усилить защиту прав граждан на своевременную медицинскую помощь.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Плешаков А.М. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора в виде неприбытия лица к избранному месту жительства / А.М. Плешаков, А.В. Дружинин // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. 2014. № 6. С. 127–131.

© Марухно В.М.

2. Амелина А.С. Уважительные причины неоказания помощи больному как основания для исключения уголовной ответственности // Медицинское право. 2018. № 1. С. 27–29.
3. Нагорная И.И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту // Российский юридический журнал. СПС «КонсультантПлюс». 2017. № 4. URL : http://www.consultant.ru (дата обращения 25.12.218).
4. Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М. : Юридическая литература, 1970. 128 с.
5. Мамонтов Д.Ю. Субъект неоказания помощи больному // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. 2008. Вып. 18. С. 58–63.
6. Цыганова О.А. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика / О.А. Цыганова, И.В. Ившин // Медицинское право. 2014. № 6. С. 26–32.
7. Бавсун М.В. Спорные вопросы квалификации ненадлежащего оказания помощи больному // Российский следователь. 2017. № 16. С. 24–27.
8. Пикуров Н.И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2018. № 3. С. 86–92.
9. Иванов И.С. Медицинский работник как потерпевший и как субъект преступления / И.С. Иванов, В.В. Аванесян // Российский следователь. 2017. № 23. С. 26–29.
10. Шишков С.Н. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний / С.Н. Шишков, С.В. Полубинская // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123.
11. Главное управление правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические сведения о состоянии преступности: преступления против жизни и здоровья. 2024. URL : https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения 22.03.2025).

References:

1. Pleshakov A.M. Criminal liability for evading administrative supervision in the form of a person's failure to arrive at his chosen place of residence / A.M. Pleshakov, A.V. Druzhinin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 2014. № 6. P. 127–131.
2. Amelina A.S. Valid reasons for not providing assistance to a patient as grounds for excluding criminal liability // Medical Law. 2018. № 1. P. 27–29.
3. Nagornaya I.I. Carelessness of a medical worker in causing harm to the health or death of a patient // Russian Law Journal. SPS «ConsultantPlus». 2017. № 4. URL : http://www.consultant.ru (date of application 12/25/218).
4. Berdichevsky F.Y. Criminal liability of medical personnel for violating professional duties. M. : Legal Literature, 1970. 128 p.
5. Mamontov D.Y. The subject of non-provision of assistance to the patient // Proceedings of the Faculty of Law of Stavropol State University. 2008. Iss. 18. P. 58–63.
6. Tsyganova O.A. Non-provision of assistance to the patient: theoretical aspects and law enforcement practice / O.A. Tsyganova, I.V. Ivshin // Medical law. 2014. № 6. P. 26–32.
7. Bavsun M.V. Controversial issues of qualification of improper care for a patient // A Russian investigator. 2017. № 16. P. 24–27.
8. Pikurov N.I. Risks of medical intervention: criminal law aspects // Criminal law. 2018. № 3. P. 86–92.
9. Ivanov I.S. Medical worker as a victim and as a subject of crime / I.S. Ivanov, V.V. Avanesyan // A Russian investigator. 2017. № 23. P. 26–29.
10. Shishkov S.N. Problems of establishing the signs of a crime using special knowledge / S.N. Shishkov, S.V. Polubinskaya // Criminal law. 2018. № 5. P. 114–123.
11. Main Directorate of Legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Statistical information on the state of crime: crimes against life and health. 2024. URL : https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (date of application 03/22/2025).

Информация об авторе

Марухно Василиса Михайловна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный
медицинский университет Минздрава России
vasilisa_amg@mail.ru

Vasilisa M. Marukhno
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Kuban State Medical University
of the Russian Ministry of Health
vasilisa_amg@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Марухно В.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-22
УДК 340

Attribution
cc by

ОРГАНИЗОВАННАЯ ОБЩНОСТЬ РАБОТНИКОВ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Пархоменко А.Г.[1], Дружинин Г.В.[2]
[1]Пензенский государственный университет,
[2]Иркутский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется феномен «организованная общность работников». Отмечается, что действующее трудовое законодательство не оперирует таким термином, как «трудовой коллектив». Перечисляются коллективные права, закрепленные в Трудовом кодексе РФ за работниками, в том числе: право на объединение для защиты трудовых права, забастовка как право на самозащиту, право на ведение коллективных переговоров и другие. Констатируется, что реализация коллективных прав, закрепленных за работниками, требует слаженных и согласованных действий, которые влекут за собой появление организованной общности работников. Предлагается классификация организованной общности работников на простую и сложную. Выделяются и описываются признаки организованной общности работников. Делается вывод о том, что организованной общностью работники становятся коллективным субъектом правоотношений в тех случаях, когда, в рамках коллективной реализации трудовых прав предпринимают действия к избранию представительных органов и формально закрепляют их компетенцию (документально оформляют свое волеизъявление).

Ключевые слова: субъект права, субъект правоотношения, коллективный субъект права, трудовые правоотношения, работник, работодатель, трудовой коллектив, общность работников, правосубъектность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

AN ORGANIZED COMMUNITY OF EMPLOYEES AS A COLLECTIVE SUBJECT OF LABOR RELATIONS

Alexander G. Parkhomenko[1], Gleb V. Druzhinin[2]
[1]Penza State University,
[2]Irkutsk State University

Abstract. The article analyzes the phenomenon of "organized community of workers". It is noted that the current labor legislation does not use such a term as "labor collective". The collective rights enshrined in the Labor Code of the Russian Federation for employees are listed, including: the right to unite for the protection of labor rights, strike as the right to self-defense, the right to collective bargaining, and others. It is stated that the realization of collective rights assigned to employees requires coordinated and coordinated actions, which entail the emergence of an organized community of employees. The classification of the organized community of workers into simple and complex is proposed. The signs of an organized community of employees are highlighted and described. It is concluded that employees become a collective subject of legal relations as an organized community when, within the framework of the collective exercise of labor rights, they take actions to elect representative bodies and formally consolidate their competence (document their will).

Keywords: legal entity, legal entity, collective legal entity, labor relations, employee, employer, labor collective, community of employees, legal personality.

Funding: Independent work.

Введение.

Изменение, происходившие в социально-экономической формации на постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого столетия, повлекли за собой появление новой нормативно-правовой базы регулирования общественных отношений, в том числе в сфере труда. Закреп-

© Пархоменко А.Г., Дружинин Г.В.

ление иных принципов правового регулирования предопределили контуры будущего правового регулирования. Одной из особенностей трудового законодательства на современном этапе является отсутствие легальной дефиниции «трудовой коллектив» в законе.

Как пишет С.Ю. Фильчакова, многие страны СНГ, в числе которых и Российская Федерация, к сожалению, вообще отказались от использования такого термина, как «трудовой коллектив», и настоящая тенденция, по её мнению, связана с переходом к рыночной экономике и усилением правового положения работодателей и предпринимателей на рынке труда и в социально-трудовой сфере [14, с. 108].

Обсуждение.

Одной из актуальных проблем правового регулирования трудовых отношений является определение правового положения и установление правового статуса общности работников. Без общности работников не мыслится наёмный труд на предприятии, потому что именно работники, их труд и результаты труда занимает центральное место в процессе производства.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих сферу трудовых отношений, позволяет установить, что общность работников в определенных законом случаях относятся к числу коллективных субъектов трудовых правоотношений. Так, за работниками закреплены ряд трудовых прав, предполагающих коллективную форму их реализации, к которым, в частности, относятся:

– право на объединение в союзы для защиты трудовых прав и свобод, законных интересов;

– право на участие в управлении организацией;

– право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективного договора;

– право на разрешение коллективных трудовых споров;

– право на коллективную форму самозащиты работников (забастовка) [13].

Коллективная форма реализации таких прав, в свою очередь, требует от работников определенной степени организации и формализации деятельности. К примеру, право на забастовку в международных отношениях интерпретируется как неотъемлемая часть свободы объединения и реализация права организовывать свою деятельность [11, с. 139–142].

Следовательно, по одиночке или раздельно забастовка не может быть организована, поскольку требует слаженных действий от всех работников, а решение об объявлении забастовки принимается собранием (конференцией) работников и формально выражено, т.е. обладает текстуальной формой.

Для коллективной реализации перечисленных трудовых прав будет характерна стадийность. Прежде чем коллективное право будет реализовано, требуется, чтобы общность работников объединилась и выразила свою волю на реализацию соответствующего права, что будет свидетельствовать уже об организованном характере настоящей общности.

Воля работников может быть выражена путем прямого голосования или избрание постоянно действующего представительного органа работников, который в дальнейшем будет представлять и защищать интересы работников.

Думается, что не всякая общность работников может выступать в качестве коллективного субъекта права, а только та, которая определенным образом организована и имеет степень формальной выраженности.

Иными словами, общность работников будет являться коллективным субъектом права в том случае, если работники предпринимает к этом конкретные действия. Как пишет В.В. Лазор: «…В результате совместной, целенаправленной, организованной деятельности определенного числа работников, возникает качественно иной субъект права трудового права, который по своей структуре является сложным коллективным субъектом…» [6, с. 31].

Организованную общность работников, на наш взгляд, можно классифицировать на простую и сложную.

К простой организованной общности работников относится такое объединение работников, которое не имеет представителя или постоянно действующего органа самоуправления, и вопросы защиты своих интересов решает через референдум (прямое голосование) путем созыва общего собрания (конференции) работников.

Сложная организованная общность работников, как нам видится, характеризуется наличием постоянно действующего представителя или органа самоуправления, которым, например, выступает первичная профсоюзная организация [1, с. 14], или иные альтернативные формы представительства (совет трудового коллектива, совет молодежи, совет или клуб женщин, производственный совет и др.).

Для организованной общности работников как коллективного субъекта трудовых правоотношений будут характерны следующие признаки.

Во-первых, организованная общность работников является объединением людей. К примеру, ещё Аристотель в своих трудах указывал на то, что человек есть «существо общественное» [2, с. 379], проживающее не разрознено, а вместе, и выполняющее определенную функцию. Общность работников, таким образом, представляет собой объединение, где каждый участник выполняет трудовую функцию, согласовывая свою деятельность с другими.

© Пархоменко А.Г., Дружинин Г.В.

Во-вторых, организованная общность работников – это объединение работников. Без соответствующего статуса физическое лицо не может быть отнесено к данному коллективному субъекту.

Физическое лицо приобретает статус работника в том случае, когда осуществляет трудовую деятельность, имеющую правовое оформление у конкретного работодателя. Наличие оформленных отношений между работником и работодателем в виде трудового договора свидетельствует об устойчивой правовой связи. Кроме этого, работник, который трудится у конкретного работодателя, со временем начинает осознавать свои интересы, лежащие в сфере труда и потребность в их представлении и защите, например гарантии достойных условий труда.

В-третьих, организованная общность работников предполагает добровольность участия в ней. Физические лица, работающие по трудовому договору у работодателя, могут представлять некую неорганизованную общность работников, которая в литературе именуется аморфной массой работников [8, с. 162]. В том случае, когда работники организуются для реализации своих коллективных прав, такая аморфная масса работников преобразуется в организованную общность. При этом участие в последней является сугубо добровольным.

Объединяясь с другими работниками, лицо осознает свой выбор, идентифицируя себя с последней. В таком случае, можно вести речь о правовой идентификации или идентичности лица с организованной общностью работников.

Ю.А. Дроздова и Ж.С. Мартинсон указывают на то, что для любой социальной общности важно чувство идентичности и, самое главное, интенсивные взаимодействия между субъектами [3, с. 88]. Важно отметить, что деятельность (вид совершаемой деятельности), сама по себе, уже является фактором идентификации. Схожесть деятельности объединяет людей и выступает мощным фактором интеграции. Интенсивное взаимодействие между работниками наблюдается, например, при ведении коллективных переговоров, когда протекает процедура избрания представителя работников. Благодаря идентичности организованная общность работников обладает признаками коллективности и действует как единое целое.

Правовая идентичность, как считает Е.В. Резников, представляет собой состояние человека, при котором последний не только включен в роль члена какой-либо социальной группы, но и придает этому факту высокую значимость и осознает данный факт, как важное качество собственной личности [12, с. 12]. Поэтому специфика правовой идентичности заключается в её проявлении через правоотношения, в том числе путем участия в организованной общности работников.

Организованная общность работников как коллективный субъект права обладает целями, достижение которых осуществляется совместными действиям, требующими единства деятельности и воли, что влечет за собой, как указывает Н.И. Исаева, осознание себя частью некого целого, способного к юридическому самоопределению посредством освоения предлагаемых действующим законодательством оснований [5, с. 176]. Ключевым моментов в правовой идентичности работников является осознание человеком себя частью объединения работников и придание этому факту определенной значимости.

В-четвертых, организованная общность работников как коллективный субъект права является не случайным или временным объединением граждан, а устойчивым и постоянным, которое формируется не стихийно под воздействием случайных факторов, а благодаря постоянству интереса (осуществление трудовой деятельности) и общей (единой)[1] цели у работников [7, с. 57].

Как отмечает Н.И. Матузов, коллективными субъектами могут признаваться «… лишь более или менее значительные, устойчивые постоянные образования, которые характеризуются единством воли и цели, а также определенной внутренней организацией» [10, с. 519].

Интересом работников является соблюдение их права и свобод, создание благоприятных условий трудовой деятельности, достойная оплата труда, соблюдение трудовых гарантий. Интерес предопределяет цели, которые преследуют работники, и объединяются последние для достижения общих (единых) целей, которыми являются реализация коллективных трудовых прав работников, направленная на повышение качества производительности наемного труда.

Именно общая цель влияет на структуру организации объединения работников, поскольку реализация коллективных прав, как было отмечено ранее, требует более сложной системы организации деятельности трудового коллектива. Цель для участников организованной общности работников является осознаваемой потребность, которую участники удовлетворяют с помощью совместных действий. Признак наличие общей цели позволяет отличить её от иных социальных общностей и объединений, образуемых исключительно для достижения индивидуальных целей объединившихся (очереди в магазинах, совокупность пассажиров в городском транспорте, совокупность зрителей в театре и т.п.) [9, с. 22–23].

Соответственно, интерес работников как разновидность законного интереса, благодаря своему постоянству, выступает одним из центральных

[1] Участники корпоративных отношений совместно моделируют будущий образ действий иди, другими словами, формируют в своем сознании цель-модель – «идеальный образ предполагаемого результата, на достижение которого направлена деятельность».

© Пархоменко А.Г., Дружинин Г.В.

элементом в вопросах организации труда и движущей силой, определяющей направления развития организованной общности работников.

В-пятых, организованная общность работников обладает определенной степенью организации, которая проявляется в наличии представителей.

Институт представительства относится к межотраслевым правовым институтам, в силу чего общественные отношения, возникающие между работниками и их представителями, подлежат регулированию как несколькими отраслями: трудовым, гражданским и гражданским процессуальным правом.

Следует отметить, что цели института представительства работников гармоничны с целями трудового законодательства, поэтому представители работников преследуют цель обеспечения установленных трудовым законодательством государственных гарантий в сфере труда, а именно: защиту прав и интересов работников. Можно утверждать о социально-ориентированном характере представительства в трудовом праве, что выступает его отличительной чертой [4, с. 8]. Защита при этом подразумевает не только участие представителей работников в коллективном трудовом споре, но и представление интересов в социальном партнерстве в ходе ведения коллективных переговоров.

Жизнь трудового коллектива не ограничивается только лишь процессом производства, возникают иные социальные вопросы, решение которых повышает производительность труда: оплаты труда, установления повышенных льгот и расширенных гарантий, организации досуга работников, компенсация расходов на отдых со стороны работодателя и пр. Поэтому важно участие коллектива через своих представителей в решении обозначенных социальных вопросов.

Заключение.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

В трудовом законодательстве закреплены ряд права, принадлежащие работникам, предусматривающие исключительно коллективную форму их реализации (право на объединение в союзы для защиты трудовых прав и свобод, законных интересов; право на участие в управлении организацией:

– право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективного договора;

– право на разрешение коллективных трудовых споров;

– право на коллективную форму самозащиты), что требует от настоящих субъектов проявление инициативы и организованности в их деятельности.

Организованной общностью работники становятся коллективным субъектом права в тех случаях, когда, в рамках коллективной реализации трудовых прав, они предпринимают действия к избранию представительных органов и формально закрепляют их компетенцию (документально оформляют свое волеизъявление).

Организованную общность работников, на наш взгляд, можно классифицировать на простую и сложную.

К простой организованной общности работников относится такое объединение работников, которое не имеет постоянного представителя и вопросы защиты своих интересов решает путем прямого голосования через созыв общего собрания (конференции) работников.

Сложная организованная общность работников характеризуется наличием постоянно действующего представителя или органа самоуправления, которым, может быть, например, первичная профсоюзная организация или иные альтернативные формы представительства (совет трудового коллектива, совет молодежи, совет или клуб женщин, производственный совет и др.).

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аббасова Е.В. Некоторые вопросы представительства в трудовых правоотношениях / Е.В. Аббасова, В.А. Васильев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 2. С. 13–16.
2. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. Дроздова Ю.А. «Разобщенность близких душ»: социальная аномия территориальной общности в период социальных трансформаций / Ю.А. Дроздова, Ж.С. Мартинсон // Logos et Praxis. 2020. Т. 19. № 1. С. 87–96.
4. Избиенова Т.А. Представительство в трудовом праве: вопросы теории, законодательства и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.

© Пархоменко А.Г., Дружинин Г.В.

5. Исаева Н.И. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2014. 454 с.
6. Лазор В.В. Место трудового коллектива в системе // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 60. С. 27–35.
7. Кокотов А.Н. О статусе общественных организаций // Правоведение. 1993. № 3. С. 19–28.
8. Маврин С.П. Новации Трудового кодекса и социальное партнерство в Российской Федерации / С.П. Маврин, А.К. Свиридов // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 2. С. 158–164.
9. Малько А.В. Цели и средства в праве и правовой политике / А.В. Малько, К.В. Шундиков. Саратов, 2003. 296 с.
10. Матузов Н.И. Правовые отношения // Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов; Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2002. 671 с.
11. Петрилайте Д. Право на забастовку: международно-правовые аспекты // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2009. Вып. 4. С. 136–145.
12. Резников Е.В. Теоретические основы формирования и развития правовой идентичности личности : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2014. 52 с.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № (в ред. от 29 дек. 2012 г. № 280-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
14. Фильчакова С.Ю. Трудовой коллектив как субъект коллективно-договорных отношений в законодательстве Содружества Независимых Государств // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2(61). С. 108–114.

References:

1. Abbasova E.V. Some issues of representation in labor relations / E.V. Abbasova, V.A. Vasiliev // Bulletin of SUSU. The Pravo series. 2019. Vol. 19. № 2. P. 13–16.
2. Aristotle. Politics // Essays : in 4 vol. M., 1983. Vol. 4. 830 p.
3. Drozdova Yu.A. «The separation of close souls»: the social anomie of a territorial community in the period of social transformations / Yu.A. Drozdova, J.S. Martinson // Logos et Praxis. 2020. Vol. 19. № 1. P. 87–96.
4. Izbienova T.A. Representation in labor law: issues of theory, legislation and practice : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 2013. 28 p.
5. Isaeva N.I. Legal identity (theoretical and legal research) : dis. ... dr. jurid. nauk. M., 2014. 454 p.
6. Lazor V.V. The place of the labor collective in the system // Problems of law: theory and practice. 2022. № 60. P. 27–35.
7. Kokotov A.N. On the status of public organizations // Jurisprudence. 1993. № 3. P. 19–28.
8. Mavrin S.P. Innovations in the Labor Code and social partnership in the Russian Federation / S.P. Mavrin, A.K. Sviridov // The Russian Yearbook of Labor Law. 2006. № 2. P. 158–164.
9. Malko A.V. Goals and means in law and legal policy / A.V. Malko, K.V. Shundikov. Saratov, 2003. 296 p.
10. Matuzov N.I. Legal relations // Theory of State and law: a course of lectures / N.I. Matuzov; Ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko, M., 2002. 671 p.
11. Petrilite D. The right to strike: international legal aspects // Bulletin of Labor Law and Social Security Law. 2009. Iss. 4. P. 136–145.
12. Reznikov E.V. Theoretical foundations of the formation and development of legal identity of a person : abstract. dis. ... doctor of law. M., 2014. 52 p.
13. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law. the law of 30 Dec. 2001 no. (as amended from 29 Dec. 2012, № 280-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (Part 1). Article 3.
14. Filchakova S.Y. Labor collective as a subject of collective contractual relations in the legislation of the Commonwealth of Independent States // Siberian Law Bulletin. 2013. № 2(61). P. 108–114.

Информация об авторе

Пархоменко Александр Григорьевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор-консультант
кафедры государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
pgu-gpd@yandex.ru

Дружинин Глеб Викторович
старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального управления
Института социальных наук,
Иркутский государственный университет
druzhinin93@mail.ru

Alexander G. Parkhomenko
Doctor of Law,
Professor,
Consulting Professor at the Department
of State Law Sciences,
Penza State University
pgu-gpd@yandex.ru

Gleb V. Druzhinin
Senior Lecturer at the Department
of Public and Municipal Administration
of the Institute of Social Sciences,
Irkutsk State University
druzhinin93@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Пархоменко А.Г., Дружинин Г.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-21
УДК 340

Attribution
cc by

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ (В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ)

Попов М.Ю.[1], Клименко Т.М.[2], Чапурко Т.М.[3], Хорольский Г.В.[4], Попова Е.А.[5]
[1]Российская академия гуманитарных наук,
[2]Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии,
[3]Краснодарский университет МВД РФ,
[4]Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
[5]Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что оно посвящено теме коррупции, масштабы которой достигли транснациональных масштабов, поэтому международным сообществом на протяжении достаточно продолжительного времени предпринимаются коллективные усилия, направленные на снижение остроты этой проблемы. С учетом же того обстоятельства, что в современной России коррупционные практики на протяжении всей постсоветской истории нашей страны стали обыденным явлением, авторами предпринята попытка систематизации опыта антикоррупционной политики в ряде государств, которым эту проблему удается достаточно успешно решать. В данной публикации авторами сделан акцент на использовании в ней экспертных оценок ученых из числа действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, для которых тема коррупции в разных сферах государственных и общественных отношений хорошо известна, в том числе и «изнутри», в результате чего они выявили те зарубежные практики, использование которых может принести положительный эффект в нашей стране, а также сделана попытка найти объяснение тому, почему этот опыт пока не дает у нас должных результатов, и какие факторы могут способствовать повышению эффективности государственной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, зарубежный опыт борьбы с коррупцией, коррупционная преступность, корыстные мотивы коррупции, криминальная коррупция.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION (IN EXPERT ASSESSMENTS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS)

Mikhail Yu. Popov[1], Tauzhan M. Klimenko[2], Tatyana M. Chapurko[3], Gennadiy V. Khorolsky[4], Elena A. Popova[5]
[1]Russian Academy of Humanities,
[2]Law Institute of the North Caucasian State Academy,
[3]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
[4]Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
[5]Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that it is devoted to the topic of corruption, the scale of which has reached transnational proportions, therefore, the international community has been making collective efforts aimed at reducing the acuteness of this problem for quite a long time. Taking into account the fact that corruption practices have become commonplace in modern Russia throughout the post-Soviet history of our country, the authors have made an attempt to systematize the experience of anti-corruption policy in a number of states that manage to solve this problem quite successfully. In this publication, the authors focus on the use of expert assessments of scientists from among current and former law enforcement officers, for whom the topic of corruption in various spheres of state and public relations is well known, including «from the inside», as a result of which they have identified those foreign practices, the use of which can bring a positive effect in our country.

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

and also an attempt was made to find an explanation for why this experience has not yet yielded proper results in our country, and what factors can contribute to improving the effectiveness of the state anti-corruption policy.

Keywords: corruption, foreign experience in combating corruption, corruption crime, mercenary motives of corruption, criminal corruption.

Funding: Independent work.

Введение. Нами продолжается серия публикаций, посвященных экспертным оценкам учеными – сотрудниками правоохранительных органов проблем коррупции в современном российском обществе. Предыдущие наши публикации были посвящены теоретико-правовому анализу коррупции [1], причинам и условиям, провоцирующим её в правоохранительных органах [2], некоторым направлениям антикоррупционной государственной политики в современной России [3]. И как мы полагаем, актуальность и научная новизна этих исследований заключается в том, что их авторы имели возможность проанализировать эти проблемы с позиций их восприятия как действующих сотрудников правоохранительных органов, так и ветеранов этих структур, знакомых с ними не из сторонних источников, а из опыта своей профессиональной деятельности.

Настоящее исследование мы посвящаем анализу международного опыта борьбы с коррупцией в контексте его востребованности в нашей стране.

Обсуждение. Результаты.

И.В. Печкуров в своем исследовании, посвященном информационно-правовым методам противодействия коррупции в контексте обеспечения национальной безопасности России, отмечает, что масштабы коррупции возрастают не только в России, но и на международном уровне, так как коррупционная практика деформирует международную экономическую и политическую конкуренцию и достигнутые в современном мире консенсуальные договоренности [10, с. 18]. И тот факт, что транснациональная коррупция, как и международная организованная преступность, является одним из продуктов глобализации, признается международным сообществом в качестве одного из следствий этого процесса, на борьбу с которым направлены его усилия, потому что масштабы этого явления оказались настолько велики, что, как утверждает ряд исследователей этой проблемы, в настоящее время речь идет о формировании глобальной сетевой коррупции, субъектами которой выступают не отдельные физические или юридические лица, а система государственных властно-управленческих структур, специальных служб и олигархических кланов. Её предназначение – не борьба с коррупционным злом как таковым, а, напротив, раскручивание темы коррупции в контексте «перформансов с коррупционными смыслами» в качестве эффективного инструмента решения политических, экономических и иных задач глобального масштаба [4], которые в данном случае используются коллективным Западом в интересах борьбы с теми политическими режимами, которые отстаивают свои национальные интересы и ориентируются на уход от политической и экономической зависимости от идеологов однополярного мироустройства, которые под прикрытием лозунгов борьбы за демократию, толерантность за так называемые общечеловеческие ценности против «тоталитарных режимов», превратили коррупцию в экспортный «товар» с целью обеспечения политического доминирования и внешнего управляющего воздействия, дестабилизации политической, экономической и социально-политической ситуации в стране-конкуренте или же в стране-диссиденте с последующей организацией в них смут, оранжевых революций, государственных переворотов и формированием «выгодных» коррумпированных режимов [4].

Среди наиболее эффективных средств использования экспортного потенциала коррупции используются инвестиции в «демократическое обновление», кредитование на определенных политических условиях, подкуп правительственных чиновников, парламентариев, судей, шантаж влиятельных политиков и представителей финансово-промышленного олигархата, выделение специальных грантов под просветительско-идеологические проекты, материально-финансовая поддержка оппозиционных партий, неправительственных организаций и средств массовой информации под определенные политические цели, мешки наличных долларов в дипломатической почте «для решения социальных проблем». Да и санкционные (индивидуальные, секторальные) ограничения в значительной степени носят международно-коррупционный смысл с соответствующей политической нагрузкой [4].

Последствиями подобных «практик» для нашей страны, сделавшей попытку избавиться от наследия прошлого в стремлении новых элит влиться в глобализирующееся мировое сообщество как условия её будущего процветания с использованием западных моделей развития, привели к тому, что многие формы преступных и противоправных действий пришли в нашу страну в результате процесса глобализации, привнесенных ею ценностных неопределенностей, чему во многом способствовала неолиберальная политика [5] новых российских элит. В итоге, как отмечают исследователи проблемы коррупции в современном российском обществе, жизнедеятельность в мире и России становится более опасной, доверие к властям падает, а чем ниже рейтинг доверия, тем больше рисков противоправной и коррупционной деятельности [5].

Именно наша страна, начиная со второй половины 1980-х гг., стала объектом целенаправленно-

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

го идеологического, морально-психологического и, конечно же, коррупционного воздействия со стороны политиков и спецслужб ведущих западных держав на лидеров так называемой перестройки и их преемников в 1990-е гг. по установлению в нашей стране под прикрытием демократических лозунгов такого политического порядка, который позволял им взять под тотальный контроль все сферы функционирования российского государства, которому ими отводилась роль сырьевого придатка коллективного Запада. И следует признать, что в течение почти двадцати лет, в том числе и в результате предательства отечественных элит, коллективному Западу удалось добиться немалых успехов по реализации своей стратегии в отношении нашей страны, последствия которых российскому обществу приходится устранять по настоящее время; и одним из них является коррупция, преодолеть системный характер которой не удается в полной мере и по настоящее время, о чем и свидетельствуют результаты многочисленных исследований действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, которые, в частности, проводят анализ мировых практик борьбы с коррупцией. Так, в исследовании, посвященном правовым основам конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений в Европейском союзе (далее, ЕС), Ю.Л. Беляева в результате анализа ряда Директив и Регламентов ЕС определила, что они направлены:

– на облегчение розыска и индентификации доходов и имущества, связанных с коррупционными преступлениями;

– на предоставление Офисам по возврату активов прямого доступа к информации о банковских счетах в целях борьбы с серьезными преступлениями, что позволяет более эффективно отслеживать активы, полученные в результате коррупции;

– на принятие документов ЕС, призванных сделать конфискацию преступных активов на всей его территории быстрее и проще, что позволяет обеспечить эффективный режим трансграничного возврата доходов, полученных в результате коррупции;

– на конфискацию без вынесения обвинительного приговора, но только в случае болезни или побега, подозреваемого/обвиняемого в коррупционном преступлении или же в том случае, когда предполагается, что имеет место коррупционное поведение, если ответчик не докажет обратное [6].

Исследование М.А. Умаровой посвящено анализу опыта правовых средств противодействия коррупции, в первую очередь, в тех странах, в которых структурные реформы привели к наилучшим результатам и послужили толчком к их экономическому развитию, в частности, в США, Великобритании, Канаде, Германии, Франции. Среди них автор выделяет институт ежегодной аттестации госслужащих, а также экзамены и конкурсы как обязательной составляющей их карьеры. Анализируя российский опыт аттестации госслужащих, автор обращает внимание на его отличительные особенности от зарубежных практик. Так, она отмечает, что в российской стратегии отбора кадров на должности госслужбы присутствует такая особенность, как стремление лица, занявшего руководящую должность в госорганах, протолкнуть в управление людей малоопытных в этой сфере деятельности, хотя они представляются этими руководителями как специалисты разных сфер управления [7]. За рубежом же, по наблюдениям автора, делается акцент на создании высшей касты госслужащих и не по принципу «выживания сильнейших» из их числа, а через ориентированное воспитание, подготовку молодого персонала, сознательно назначенного во вхождение в правящую элиту. Отправной точкой восхождения по карьерной лестнице является сдача непростых экзаменов, допуск к которым имеют люди с высшим образованием и не старше 30 лет [7]. Помимо этого, М.А. Умарова отмечает следующие правила госслужбы в выше указанных странах:

– материальное стимулирование госслужащих, благодаря чему их уровень жизни довольно высокий, что позволяет поддерживать на постоянной основе необходимый уровень всего государственного персонала[7];

– государственный контроль как важный инструмент предотвращения и купирования коррупционной преступности в структуре госслужбы, который, как отмечает автор, следует расценивать не как карательную меру, а профилактическую деятельность, несмотря на то, что в ней предусмотрены криминально-правовые и административно-правовые элементы, применяемые тогда, когда предупредительные меры не приносят необходимого результата [7].

Обращаясь к российской действительности, М.А. Умарова отмечает, что в нашей стране наблюдается иная обстановка, несмотря на то, что ученые и практики сгенерировали множество источников информации по теме контроля, являющегося методом обеспечения законности в структуре госслужбы. Однако, как она отмечает, каких-то объективных проектов по улучшению ситуации в нынешний временной промежуток не создано, несмотря на то, что в России имеется почти весь инструментарий для реализации результативного государственного контроля над работой чиновников, потому что, одной стороны, по её мнению, отсутствует стремление или политическая воля для использования существующих юридических и организационных средств, а с другой – на самом деле, нет нужных правовых механизмов, должных быть созданными как можно скорее [7].

С.В. Паншина и С.Ю. Чимаров посвятили свое исследование зарубежному опыту борьбы за чистоту рядов в полиции, в которой они отмеча-

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

ют, что коррупция, в том числе в полиции, подрывает основы любого демократического государства, а её преодоление корреспондирует поддержанию в нём высокого уровня социального порядка и неуклонному следованию каждого гражданина требованиям общественного запроса, выражающемуся в ожидании от органов государственной власти и рядовых членов общества эффективной борьбы с любыми явлениями коррупционной направленности. Указанное обстоятельство, во-первых, выступает в пользу актуальности нового осмысления антикоррупционной политики в отдельных странах, результирующий вектор которой нацелен на обеспечение чистоты рядов полиции, в ее нравственном и правовом выражении, а во-вторых, свидетельствует о востребованности некоторых аспектов зарубежного опыта для соответствующего предметного поля борьбы с коррупцией среди личного состава полиции Российской Федерации [8].

Исходя из выше сказанного, авторы указывают на то, что применительно к сфере полицейского дела и с точки зрения социальной опасности коррупции среди полицейских, подобные действия подрывают доверие к полиции со стороны общественности, разрушают доверие к закону, разлагают ведомственную дисциплину и моральный дух полицейских рядов. И этот, тезис, хотя имеет прямое отношение к работе полиции в нашей стране, но, по их мнению, носит универсальный характер для полиции других государств [8].

Проведя анализ опыта борьбы с коррупцией среди полицейских США и Индии, С.В. Паншина и С.Ю. Чимаров привели пример определения степени коррупции среди полицейских в США:

– во-первых, по размеру получаемых ими доходов и усилиям, прилагаемым некоторыми представителями правоохранительного ведомства для своего обогащения;

– во-вторых, по поддержанию в отдельных подразделениях полиции атмосферы, допускающей существование различных видов коррупции [8].

Помимо этого, авторы обращают внимание на факторы, способствующие коррупции в американской полиции:

1) действующие в обществе стандарты (в отечественной традиции, закрепленные в формуле: «не подмажешь – не поедешь»);

2) нравственная позиция руководителя отдела полиции;

3) отношение к коррупции рядовых сотрудников полиции;

4) действия прокуратуры и суда [8].

Признавая особую роль руководителя служебного коллектива полиции по борьбе с коррупцией в США, отмечается важность наделения руководителей полиции полномочиями для проведения масштабных антикоррупционных реформ и наличия у них необходимых административных навыков. В данном случае указывается на такие элементы реформ, как публичное выступление, повышение эффективности поддержания общественного порядка, совершенствование проводимых инспекций, обеспечение подотчетности всех должностных лиц, улучшение использования дискреционных полномочий полицейских, организация специальных форм обучения, поддержка местных должностных лиц, средств массовой информации и служащих прокуратуры [8].

Заслуживает внимания, представленный авторами опыт работы офицеров полиции в некоторых штатах Индии, у каждого из которых имеется «Памятка для бдительных офицеров». Как следует из текста данного документа, офицеры, занимающиеся вопросами бдительности в отношении коррупционных проявлений различного рода, должны принимать непосредственное участие в реализации двух основных функций бдительности: карательной (направленной на выявление случаев коррупции и вынесение соответствующего наказания) и превентивной (направленной на сокращение или устранение возможностей для коррупции) [8]. Так, в неё, в частности, включены коррупционные случаи, требующие бдительного подхода, среди которых наше внимание привлекли некоторые из них:

– требование и/или принятие незаконного вознаграждения;

– незаконное присвоение государственных денег и имущества;

– подделка или фальсификация документа с целью получения неправомерной выгоды для себя или кого-либо другого;

– владение активами, несоразмерными известным источникам дохода;

– частная торговля, бизнес или трудоустройство по найму, спекуляция и инвестиции, продвижение по службе и управление компаниями;

– не предоставление компетентному органу отчета о приобретении имущества;

– финансовые нарушения, отсутствие надзора, халатное отношение к своим обязанностям, произвол и т.д., приводящие к потере государственных средств или способствующие коррупции;

– злоупотребление властью или служебным положением с целью извлечения неправомерной выгоды для себя, родственников, друзей и т.д. [8].

Подводя итог проведенному исследованию, С.В. Паншина и С.Ю. Чимаров пришли к следующим выводам:

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

1. Фактор утверждения в демократическом правовом государстве социального порядка в значительной степени достигается посредством обеспечения чистоты рядов служащих полиции.

2. Ключевым условием доверия общества к полиции является демонстрация каждым ее служащим добросовестного отношения не только к требованиям закона, но и к действующим в обществе моральным предписаниям, задающим каждому полицейскому нравственные ориентиры его служебного поведения и бескомпромиссной борьбы с различными проявлениями коррупционного толка.

3. Подотчетность полиции обществу, и вся ее деятельность, в соответствии с запросом общества, коррелируют необходимость поддержания в каждом служебном коллективе атмосферы нетерпимости к коррупции, что достигается системным подходом к задействованию обширного арсенала мер профилактического характера, дополняемых в необходимых случаях мерами дисциплинарного или уголовного воздействия на лиц, допустивших нарушение антикоррупционного законодательства [8].

Продолжая анализ зарубежного опыта борьбы с коррупцией в другой публикации, С.В. Паншина и С.Ю. Чимаров провели анализ действенности этого опыта на примере КНР, отмечая, что последствиями действий коррупционной направленности являются, по утверждению китайских экспертов:

– во-первых, упадок в обществе моральных ценностей;

– во-вторых, деформация в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина;

– в-третьих, утрата доверия населения к институтам государства и его руководителям;

– в-четвертых, угроза функционированию национальной экономики;

– в-пятых, рост социального неравенства, способствующего нарушению конституционного принципа равных возможностей для каждого гражданина [9].

Проведя анализ многочисленных законодательных актов КНР, авторы отмечают, что они позволили обеспечить реализацию следующих направлений национального плана борьбы с коррупцией:

1) обеспечение дисциплины при проверке и надзоре;

2) эффективную координацию работы функциональных антикоррупционных подразделений;

3) участие и поддержку антикоррупционных мер со стороны персонала;

4) начало лечения симптомов коррупции и выявление первопричин их возникновения;

5) всегда и во всем следование строгому и непоколебимому основному тону в части абсолютной нетерпимости к коррупционерам и неотвратимости их наказания;

6) эффективное расследование и решение проблем коррупции, препятствующих реализации теорий, направлений, директив и политики КПК (Коммунистической партии Китая, замеч. авт.), и наносящих ущерб ее основам;

7) решительное удаление из состава руководства партии двуличных людей, внешне хорошо ей служивших, но коррумпированных на деле, а также всех тех элементов, которые остановились в решимости и необходимом размахе по проведению антикоррупционной работы в ключевых областях государства;

8) укрепление институциональной базы для предупреждения коррупции и борьбы с ней с одновременным формированием необходимого набора внутрипартийной системы регулирования и антикоррупционной правовой системы с повышенным уровнем жестокости этих систем к коррупционерам;

9) построение идеологической плотины, противостоящей коррупции;

10) усиление ограничений для власти и надзора за ее деятельностью по линиям дисциплинарного контроля партии, национальной системы надзора, самоконтроля партии и массового надзора;

11) обучение и направление деятельности партийных кадров на беспристрастное использование своих полномочий в соответствии с законом, честно и во имя гражданских целей [9].

Подводя итог проведенному исследованию, авторы пришли к следующим выводам:

Фактор интегрирования в «ткань» направлений антикоррупционной борьбы китайского общества конкретных и качественно структурированных положений, свидетельствует:

Во-первых, о несомненной востребованности в любом государстве эффективных действий по противодействию коррупции;

Во-вторых, о целесообразности комплексного подхода для достижения заявленных целей антикоррупционной направленности;

В-третьих, о необходимости постоянного обновления характера антикоррупционных мер под перманентно изменяющиеся виды и формы проявления коррупции.

2. Существенное значение для более качественного решения запланированных направлений и соответствующих им мер по борьбе с коррупцией в каждой стране имеет переход от декларативно провозглашаемых идей в национальных планах и стратегиях борьбы к действи-

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

тельной работе по переформатированию сознания общества и каждого человека отдельно на неприятие коррупции, которая должна, в итоге, восприниматься не просто как очевидное зло социального порядка, но и как угроза самому обществу, а также правам и свободам человека и гражданина.

3. Зарубежный опыт организации на государственном уровне необходимой нормативной правовой базы по противодействию коррупции, планирования и реализации соответствующих мер по практическому воплощению антикоррупционных шагов свидетельствует о необходимости обеспечения чистоты рядов представителей властных структур, верховенства права и создания условий для усиления контроля со стороны общества за всеми ветвями государственной власти в части обеспечения проходящими в них службу сотрудниками личного примера бескорыстного служения своей стране и проявления подлинной заботы о ее благе.

4. Коррупция и обусловленное фактом ее существования многообразие социальных конфликтов, порождающих, в свою очередь, явления социальной нестабильности и утраты доверия населения к власти, создают угрозу национальному суверенитету государства, стабильности общественного порядка в нем и, как следствие, обеспечивают возможность появления новых деструктивных аспектов, результирующий вектор которых направлен на обострение социальных противоречий. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости соответствующего анализа социальной действительности, целью которого выступает выявление новых тенденций по исследуемому вопросу и выработка необходимых рекомендаций по его последующему решению [9].

Заслуживает внимания опыт антикоррупционной политики, накопленный в современной Канаде, добившейся больших успехов в этом направлении деятельности, лучшие практики которой прокомментированы А.Л. Демчук.

Автором в результате анализа канадского законодательства отмечается, что в этой стране:

– министры канадского правительства не могут участвовать в голосовании по вопросам, входящим в сферу их ответственности; в стране существует должность комиссара по конфликтам интересов и этике и комиссара по лоббизму;

– подбор кандидатов и назначение на государственные должности предполагает такие меры контроля, как проведение обязательного конкурсного отбора кандидатов, включая возможность проведения тайного голосования парламентариев по кандидатурам на ряд высших государственных постов. Для надзора за назначениями на должности высокого уровня в государственном секторе создана специальная парламентская комиссия;

– законодательство Канады предусматривает меры защиты лиц, предоставивших неопровержимую информацию о фактах коррупции государственных служащих любого уровня, при этом сама информация о фактах коррупции должна быть обнародована;

– граждане Канады имеют право беспрепятственного доступа к не содержащей государственную тайну информации о деятельности основных парламентских и правительственных органов, а также ряда государственных корпораций и фондов;

– поскольку государственные закупки традиционно считаются подверженными коррупции сферой деятельности правительственных чиновников, предотвращению коррупции при заключении государственных контрактов в Канаде уделяется особое внимание.

Помимо формальных юридических механизмов, как отмечает автор исследования, большое значение в Канаде придается морально-этическим практикам и нормам, призванным мотивировать государственных служащих неукоснительно выполнять свои обязанности и не поддаваться соблазну отступать от буквы закона в корыстных целях. Принятый в этой стране в 2003 году Этический кодекс государственной службы содержит предписания, ценности и правила поведения, которыми следует руководствоваться государственным чиновникам, чтобы сохранять уважение и доверие общества к государству. В частности, любого рода «особое внимание» и «помощь» со стороны государственного служащего друзьям или родственникам считаются абсолютно неприемлемыми, а ушедшие с государственной службы Канады лица не должны в течение года принимать предложения о поступлении на работу в руководящие органы частных компаний, с которыми они взаимодействовали в последний год нахождения на госслужбе, использовать старые служебные связи и известную ранее служебную (конфиденциальную) информацию в интересах частных фирм [12].

Как нам представляется, одной из форм эффективной борьбы с коррупцией в российском обществе является участие нашей страны в деятельности международных организаций, направленное на разработку международных правовых актов с последующим их применением и в отечественном антикоррупционным законодательстве.

В этом контексте, заслуживает внимания исследование, проведенное С.А. Воронцовым и А.В. Понеделковым, и сделанные ими выводы, а именно:

– международное законодательство в сфере противодействия коррупции находится в стадии становления;

– принятые к настоящему времени международные антикоррупционные документы позво-

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

ляют говорить о создании необходимой нормативной базы для сотрудничества государств в данной сфере и унификации национального законодательства;

– важной вехой на пути формирования международного антикоррупционного законодательства следует считать принятие в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции;

– дальнейшее развитие международного антикоррупционного законодательства обозначает четкую тенденцию к расширению круга деяний, относимых к числу коррупционных;

– международные документы однозначно включают корыстные служебные злоупотребления в частном секторе в число коррупционных преступлений, требуя их криминализации и установления за их совершение эффективных и суровых санкций;

– в международных антикоррупционных документах четко выражен акцент на мерах предупреждения коррупции [11, с. 69–71].

Также авторы отмечают, что:

– в соответствии со ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров, Российская Федерация добросовестно выполняет свои международные договоры;

– в Российской Федерации международные стандарты в сфере противодействия коррупции реализуются последовательно с учетом особенностей правовой системы и Конституции РФ [11, с. 71].

Продолжая тему использования в нашей стране зарубежного опыта борьбы с коррупцией, С.А. Воронцов и А.В. Понеделков, отмечают, что зарубежный опыт уникален и заслуживает пристального изучения с целью его заимствования и перенесения на российскую почву антикоррупционных стратегий, показавших высокую эффективность. В то же время, обращая внимание на проблемы внедрения в нашей стране зарубежных принципов противодействия коррупции, показавших высокую эффективность, они полагают, что антикоррупционные нововведения, осуществляемые в РФ на основе зарубежного опыта, не особенно изменили криминальную ситуацию, и поэтому проблема противодействия коррупции, по определению Президента России, остается «вечнозеленой» [11, с. 71].

В поиске способов решения этой проблемы авторы выделяют основные принципы построения системы противодействия коррупции, сформулированные за рубежом, и пытаются выяснить, почему они оказываются малоэффективными в российских условиях?

Обращаем внимание читателей на наши комментарии к некоторым принципам и предложениям авторов данного исследования, которые мы выделили жирным шрифтом.

Принцип № 1. За рубежом противодействие коррупции возведено в ранг государственной стратегии. В России же частично учтен зарубежный опыт в законодательстве, однако, механизм привлечения к уголовной ответственности нарушителей закона находится в стадии становления.

Принцип № 2. Деятельность по противодействию коррупции институализирована. В нашей же стране данное направление не получило должного развития, в связи с чем, авторам представляется необходимым на базе зарубежного опыта переосмыслить институциональные основы противодействия коррупции в РФ либо выделить специальный компетентный орган, занятый решением исключительно данной задачи, либо обеспечить конкуренцию и контроль правоохранительных органов друг за другом, вместо существующей в данный момент круговой поруки.

Принцип № 3. Полная гласность антикоррупционной деятельности. Как отмечают авторы, в отличие о западных стран, в РФ эта проблема решается крайне медленно, по-видимому, из-за отчаянного сопротивления коррупционеров, т.к. переход госуправления на систему электронного принятия решений и технологию «одного окна» фактически устраняют условия для формирования коррупционных преступлений.

Принцип № 4. Выявление и предупреждение коррупционных рисков при подборе, расстановке и ротации кадров, антикоррупционная подготовка служащих. В отличие от западных стран, по мнению авторов, эта работа находится в зачаточном состоянии, поэтому они предлагают качественно перестроить систему подготовки и переподготовки государственных и муниципальных служащих, сделав упор на вопросах правовой подготовки, морально-этического воспитания и формирования антикоррупционной культуры, в частности, внедрив элементы антикоррупционной подготовки в учебные планы вузов, дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих, направленных на усвоение основных положений международного, федерального и регионального законодательства по противодействию коррупции, юридической ответственности за коррупцию, разъяснение ситуаций конфликта интересов и механизмов их преодоления.

Принцип № 5. В борьбе с коррупционерами не существует «неприкасаемых» фигур. Как отмечают авторы, в РФ подавляющему большинству высокопоставленных коррупционеров удается уходить от уголовной ответственности за счет правового иммунитета, «гуманного» отношения прокуратуры и суда, учета бывших заслуг, в связи с чем, они выражают поддержку предложению председателя СК РФ об исключении части лиц, обладающих особым правовым статусом из гл. 52 УПК РФ. **По этому поводу у нас невольно возникает вполне логичный вопрос: А нужен**

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

ли вообще этот особый правовой статус, если его обладатель, в контексте принципа № 5, может позволять себе нарушение Закона?

Принцип № 6. Активы коррупционеров и членов их семей подлежат конфискации. В контексте данного принципа, авторы данного исследования предлагают проработать (!?) вопрос о внесении изменений в главу 15.1.УК РФ в части расширения перечня имущества лиц, обвиняемых в совершении преступлений коррупционной направленности, подлежащего конфискации. **И в данном случае мы задаемся вопросом: А почему не включить этот принцип № 6 в российское уголовное законодательства без каких-либо его толкований?**

Принцип № 7. Служащие обязаны докладывать работодателю и в правоохранительные органы обо всех замеченных случаях коррупционных проявлений. Несмотря на то, что подобные нормы имеются в законодательстве многих зарубежных стран, авторы данного исследования справедливо замечают, что подобная практика не получает распространения в нашей стране, более того, из года в год снижается доля тех, кто согласился бы сообщить об этом в правоохранительные органы [11, с. 79]. **И это обстоятельство мы склонны признать не как часть российского менталитета, а, во-первых, как демонстрацию недоверия части населения к правоохранительным органам; и во-вторых, как свидетельство того, что они сами, в разной степени активности, являются участниками коррупционных схем.**

Принцип № 8. Лица, сообщившие о проявлениях коррупции, находятся под защитой государства. Казалось бы, весьма значимая норма, но как отмечают авторы, для того, чтобы реализовать данный принцип необходимо рассмотреть в приоритетном порядке механизм реализации защиты интересов лиц, заявивших о поступивших к ним предложениях коррупционного характера [11, с. 80]. **Но ведь, если существует программа государственной защиты свидетелей, почему бы не распространить её и на эту категорию наших граждан?**

Принцип № 9. К противодействию коррупции реально привлечены не только правоохранительные органы, но и институты гражданского общества. Авторы данной инициативы убеждены в контрпродуктивности возложения основной тяжести борьбы с коррупцией на самих чиновников, поэтому данная работа должна быть распределена между государством и обществом. В условиях нашей страны авторы данной публикации предполагают необходимость формирования системы мер, направленных на разрушение утвердившейся в последнее двадцатилетие в информационном пространстве идеологии, располагающей к коррупции, аморальности и культу обогащения.

Подводя итог своему исследованию, С.А. Воронцов и А.В. Понеделков, исходя из анализа зарубежного опыта борьбы с коррупцией, пришли к выводу о том, что только мерами уголовно-правового пресечения проблему не решить. Реальное противодействие коррупции возможно только в случае, если она будет рассматриваться государством и обществом как системное явление, затрагивающее широкий комплекс социальных, экономических, организационных и иных проблем. Важную роль в борьбе с коррупцией должны сыграть меры профилактического характера, направленные на разрушение коррупционной системы и факторов, её обуславливающих [11, с. 11].

Заключение.

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к пониманию правильности сделанного нами выбора при работе над публикациями, посвященными анализу проблем коррупции в современном российском обществе в экспертных оценках действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, потому что в их исследованиях содержится, как нам представляется, более глубокое и компетентное представление об источниках этого явления, причинах и условиях его широкого распространения как на различных уровнях деятельности органов государственной и муниципальной власти, так и в самих правоохранительных органах под влиянием внутренних и внешних факторов, провоцирующих и стимулирующих это явление в различных сферах российского государства и общества. Именно поэтому в данной публикации, в продолжение наших прежних исследований, мы обратились к зарубежному опыту борьбы с коррупцией, что позволило и им, и нам как аналитикам и читателям данного материала, не только познакомиться с результатами успешного зарубежного опыта борьбы и профилактики коррупционного поведения на разных уровнях государственной власти, но и определить наиболее приемлемый опыт этих стран для российской действительности, а также понять, почему и в силу каких объективных и субъективных причин этот опыт не находит достойного применения в нашей стране?

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Литература:

1. Некоторые аспекты теоретико-правовых подходов к проблеме коррупции в современной России в научных исследованиях сотрудников правоохранительных органов / М.Ю. Попов [и др.] // Наука. Образование. Современность. 2024. № 3. С. 72–79.
2. Попов М.Ю. О причинах и условиях, провоцирующих коррупцию в правоохранительных органах в научных исследованиях представителей этих структур // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 188–196.
3. О некоторых направлениях антикоррупционной государственной политики в современной России (в экспертных оценках сотрудников правоохранительных органов) / М.Ю. Попов [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 1. С. 113–120.
4. Россия в системе глобального противодействия коррупции / Е.В. Охотский [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 79–84.
5. Глобальная коррупция: контуры концепции, международное сотрудничество в сфере противодействия / Е.В. Охотский [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 85–89.
6. Беляева Ю.Л. Правовые основы конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений в Европейском союзе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 102–105.
7. Умарова М.А. Правовые средства противодействия коррупции: анализ зарубежного опыта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 197–200.
8. Паншина С.В. Зарубежный опыт борьбы за чистоту рядов полиции в контексте социального заказа на противодействие коррупции / С.В. Паншина, С.Ю. Чимаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 132–138.
9. Паншина С.В. Социальный характер основных направлений национального плана противодействия коррупции: на примере Китайской народной республики / С.В. Паншина, С.Ю. Чимаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7. С. 445–449.
10. Печкуров И.В. Информационно-правовые методы противодействия коррупции в контексте обеспечения национальной безопасности России. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования. 2016. 132 с.
11. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе : монография / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2015. 272 с.
12. Демчук А.Л. Антикоррупционная политика в современной Канаде: лучшие практики // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: Материалы Всероссийского круглого стола 09 декабря 2020 г. С. 63–66.

References:

1. Some aspects of theoretical and legal approaches to the problem of corruption in modern Russia in scientific studies of law enforcement officers / M.Yu. Popov [et al.] // Science. Education. Modernity. 2024. № 3. P. 72–79.
2. Popov M.Y. On the Causes and Conditions Provoking Corruption in Law Enforcement Agencies in Scientific Studies of Representatives of These Structures // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024. № 11. P. 188–196.
3. On some directions of anti-corruption state policy in modern Russia (in expert assessments of law enforcement officers) / M.Yu. Popov [et al.]. 2025. № 1. P. 113–120.
4. Russia in the System of Global Counteraction to Corruption / E.V. Okhotsky [et al.]. 2020. № 2. P. 79–84.
5. Global corruption: contours of the concept, international cooperation in the field of counteraction / E.V. Okhotsky [et al.]. 2020. № 2. P. 85–89.
6. Belyaeva Y.L. Legal Foundations of Confiscation of Income Received as a Result of Corruption Crimes in the European Union. 2020. № 10. P. 102–105.
7. Umarova M.A. Pravovye sredstva protivotivoi korruptsii: analiz zarubezhnogo opyta [Legal means of combating corruption: analysis of foreign experience]. 2020. № 10. P. 197–200.
8. Panshina S.V. Foreign experience of the struggle for the purity of the police in the context of the social order for combating corruption / S.V. Panshina, S.Y. Chimarov. 2024. № 3. P. 132–138.
9. Panshina S.V. Social Character of the Main Directions of the National Plan for Combating Corruption: on the Example of the People's Republic of China / S.V. Panshina, S.Y. Chimarov // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024. № 7. P. 445–449.
10. Pechkurov I.V. Information and legal methods of combating corruption in the context of ensuring the national security of Russia. Rostov-on/D. : Science and Education Foundation. 2016. 132 p.
11. Vorontsov S.A. Counteraction to corruption in the state and municipal service : monograph / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2015. 272 p.
12. Demchuk A.L. Anti-corruption policy in modern Canada: best practices // Actual problems of combating corruption in modern Russia: Materials of the All-Russian Round Table of December 09, 2020. P. 63–66.

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор,
член-корреспондент
Российской академии гуманитарных наук
ORCID 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Клименко Таужан Микаиловна
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказской государственной академии
tauzhank@List.ru

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД РФ
chapurko@mail.ru

Хорольский Геннадий Валентинович
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
milena.555@mail.ru

Попова Елена Альбертовна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина
epopova@mail.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Humanities
ORCID 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Tauzhan M. Klimenko
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Law Institute
North Caucasian State Academy
tauzhank@List.ru

Tatyana M. Chapurko
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
chapurko@mail.ru

Gennady V. Khorolsky
Candidate of Law Sciences,
Head of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
milena.555@mail.ru

Elena A. Popova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
epopova@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В., Попова Е.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-26
УДК 340

Attribution
cc by

ФУНКЦИИ ОТСЫЛОЧНЫХ НОРМ ПРАВА

Хованцев А.С.
Саратовская государственная юридическая академия;
Межрегиональная коллегия адвокатов г. Москвы (филиал «Статус» г. Пенза)

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ общесоциальных, собственно юридических и специфических функций отсылочных норм. Отмечается, что в функциональной характеристике находят свое отражение особенные свойства отсылочных предписаний. Нормы права, будучи отдельным элементом права, выполняют ряд функций, свойственных праву в целом. В этой связи, анализируется специфика общесоциальных функций в обеспечении конкретности отсылочных норм, имеющих экономические, политические, социальные, культурные, воспитательные, информационные и др. начала. Обращается внимание на наличие двух основных направлений воздействия отсылочных норм: регулятивного и охранительного. Регулятивная функция отсылочных норм обладает своеобразием, предопределенным их целевым предназначением, поэтому выделяются три подфункции – конкретизирующая, дополняющая и ограничивающая. При этом отсылочные нормы, регулируя общественные отношения, одновременно их охраняют. Констатируется наличие специфических функций отсылочных норм, которые позволяют раскрыть их особый функционал. Функционирование отсылочных норм направлено на достижение отраслевого и межотраслевого взаимодействия между элементами отсылочной нормы, содержащихся в различных структурных единицах нормативного правового акта или нормативного договора. Такая системная взаимосвязь структурных элементов отсылочных норм способствует обмену правовой информацией, закрепленной в юридических текстах. Посредством функции законодательной экономии, обеспечивается компактность изложения нормативного материала, исключение дублирования в текстах.

Ключевые слова: отсылочные нормы, общесоциальные функции, собственно юридические функции, функция поддержания внутриотраслевых и межотраслевых связей, функция законодательной экономии.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FUNCTIONS OF THE REFERENCE NORMS OF LAW

Alexey S. Khovantsev
Saratov State Law Academy;
Interregional Bar Association of Moscow (Penza branch of Status)

Abstract. The article provides a theoretical analysis of the general social, legal and specific functions of reference norms. It is noted that the functional characteristics reflect the special properties of the reference prescriptions. The norms of law, being a separate element of law, perform a number of functions peculiar to the law as a whole. In this regard, the article analyzes the specifics of general social functions in ensuring the concreteness of reference norms having economic, political, social, cultural, educational, informational, etc. the beginning. Attention is drawn to the presence of two main areas of influence of reference norms: regulatory and protective. The regulatory function of reference norms has a peculiarity predetermined by their intended purpose, therefore, three subfunctions are distinguished – concretizing, complementing and limiting. At the same time, reference norms, while regulating social relations, protect them at the same time. It is stated that there are specific functions of reference norms, which make it possible to reveal their special functionality. The functioning of reference norms is aimed at achieving sectoral and intersectoral interaction between the elements of the reference norm contained in various structural units of a regulatory legal act or a regulatory agreement. Such a systemic interrelation of the structural elements of the reference norms facilitates the exchange of legal information fixed in legal texts. Through the function of legislative economy, the compactness of the presentation of normative material is ensured, and duplication in texts is avoided.

© Хованцев А.С.

Keywords: reference norms, general social functions, legal functions proper, the function of maintaining intra- and inter-industry relations, the function of legislative economy.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Любая юридическая норма находит свою непосредственную реализацию через функции. Одной из разновидностей правовых норм выступают отсылочные нормы, под которыми следует понимать самостоятельное, общеобязательное, формально-определенное, установленное государством и обеспечиваемое силой государственного принуждения правило поведения, обладающее конкретизирующим и коммуникативным характером, направленное на формирование внутриотраслевых и межотраслевых связей юридических предписаний, организацию взаимодействия между источниками права, правоприменительными и правоинтерпретационными актами, принятыми на основании нормативных правовых актов и нормативных договоров [16, с. 143].

Именно в функциях раскрываются специфические черты отсылочных норм. Поэтому исследование функций отсылочных предписаний позволит глубже понять их роль, предназначение и взаимосвязь с иными правовыми феноменами.

Обсуждение.

Существуют различные взгляды в трактовке функций норм права. Традиционно, под таковыми понимаются обособленные направления воздействия определенной разновидности правовых установлений на общественные отношения, способствующие выявлению их смысла и предназначения в дифференцированных формах правового регулирования.

Нормы права, будучи отдельным элементом права, выполняют ряд функций, свойственных праву в целом. Функции норм права не могут быть изолированы от функций права, поскольку последнее генерирует и предопределяет направления воздействия на общественные отношения для достижения целей, поставленных перед нормами права.

При этом существуют различные подходы к классификации основных направлений воздействия права [1, с. 167–173; 9, с. 44–58].

Однако по утверждению К.Е. Торчилина, «при наличии множества мнений правоведов о подходах к классификации функций норм права следует согласиться с рациональностью подразделения последних на общие, присущие всем видам правовых норм, и специальные, выполнение которых свойственно только отдельным видам норм права» [12, с. 33].

Обобщив и проанализировав имеющиеся в теории права подходы к классификации функций права, можно прийти к выводу о том, что функции права подразделяются на общесоциальные и собственно юридические функции.

Особенность общесоциальных функций проявляется в обеспечении конкретности отсылочных норм, имеющих экономические, политические, социальные, культурные, воспитательные, информационные и др. начала.

Особое место в правовом регулировании социальных связей принадлежит экономической функции права, посредством которой устанавливаются «правила игры» в экономической сфере, упорядочиваются производственные отношения, определяется механизм распределения общественного богатства и т.д. [18, с. 13]. Соответственно, и экономическая функция отсылочных норм отражает роль последних в регулировании экономических отношений. В частности, посредством данных правовых установлений, закрепляются лица, уполномоченные от имени Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований осуществлять права собственника (п. 3 ст. 214 ГК РФ, п. 2 ст. 215 ГК РФ), раскрываются основания приобретения права собственности на плоды, продукцию, доходы, полученные в результате использования имущества (абз. 2 п. 1 ст. 218 ГК РФ) и т.д.

Политическая функция права, по мнению А.А. Гамалея, заключается «в регулировании отношений власти, отношений между социальными группами и, особенно, в регулировании национальных отношений» [4, с. 53]. Поэтому роль отсылочных норм права в регуляции данных связей весьма значительна. Законодатель закрепляет в отсылочных предписаниях требования к политическим партиям [13], порядок назначения и проведения выборов, референдума [14] и т.д.

Социальная функция права, воздействуя на общественные отношения и обеспечение социальных прав субъектов, охватывает такие сферы, как здравоохранение, наука, образование и т.д. Соответственно, отсылочные нормы отражают порядок оказания медицинской помощи [15], получения социальной поддержки отдельных групп граждан [6] и т.д.

Среди общесоциальных функций можно выделить также культурное, воспитательное, информационное и иное направление воздействия, которые способствуют формированию духовных ценностей и аккумулированию достижений народа, влияют «на сознание и волю граждан для создания пространства законопослушания, психологических установок и ценностных ориентаций, находящихся в этом пространстве» [2, с. 16], на правовое информирование субъектов права, развитие социально-полезной направ-

© Хованцев А.С.

ленности поведения граждан [3, с. 7-8], на «регламентацию общественных отношений, связанных с реализацией разнообразных способов использования информации» [11, с. 131]. Перечисленные функциональные начала свойственны и отсылочным нормам. Так, согласно абз. 4 ч. 3 ст. 40 Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», к полномочиям органов местного самоуправления муниципального района в области культуры относится осуществление полномочий, установленных абз. 2, 4 и 5 ч. 2 данной статьи, на территориях сельских поселениях, в которых закрепляются необходимость организации библиотечного обслуживания населения, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, создания условий для развития местного традиционного народного художественного творчества и т.д. В приведенном примере отсылочные положения направлены на конкретизацию полномочий органов публичной власти в области культуры. Другие отсылочные нормы обеспечивают конкретизацию воспитательных положений. В частности, ч. 3 ст. 4 Закона Карачаево-Черкесской Республики от 7 ноября 2016 г. № 66-РЗ «О патриотическом воспитании граждан в Карачаево-Черкесской Республике», отсылающая к ч. 2 указанной статьи, содержит перечень основных направлений патриотического воспитания, которые реализуются органами публичной власти на территории республики.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения наличие у права двух основных направлений воздействия (регулятивного и охранительного). Поэтому и отсылочные нормы не лишены регулятивных и охранительных начал.

Регулятивная (правоустановительная) функция вполне справедливо считается основной функцией, направленной на координирование поведение людей [10, с. 43]. Без ее осуществления, по мнению О.В. Пискуновой, нормы права «теряют свой смысл и назначение, становятся бесполезным инструментом, не способным решать стоящие перед ним задачи и достигать поставленные цели» [8, с. 62]. Как любой правовой феномен, отсылочные нормы – это такое правило поведения, посредством которого устанавливаются юридические границы свободы человека, предоставляются юридические возможности участникам общественных отношений, признавая или отрицая за ними способность обладать соответствующими правами и обязанностями. В то же время, регулятивная функция отсылочных норм обладает своеобразием, предопределенным их целевым предназначением. Поэтому можно выделить три подфункции – конкретизирующую, дополняющую и ограничивающую.

Конкретизирующая подфункция проявляется в детализации определенной модели поведения субъектов, уточнении их правого статуса. К примеру, абз. 3 ст. 214.1 ТК РФ закреплено, что работникам на время приостановки работ на рабочих местах, отнесенных к опасному классу условий труда, предоставляются гарантии, установленные ч. 3 ст. 216.1 этого же кодекса.

Дополняющая подфункция отсылочных норм выражается в регулировании тех или иных отношений при одновременном расширении их содержания. Так, п. 2 и 2.1 ст. 9 БК РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ дополняют бюджетные полномочия муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением помимо тех полномочий, которые указаны в п. 1 ст. 9 данного нормативного акта. Наконец, регулятивный потенциал отсылочных норм может быть использован и для ограничения действия общего правила поведения.

Ограничивающая подфункция направлена на сужение правовых возможностей субъектов. Однако данное воздействие, несмотря на внешне кажущийся негативный аспект, приводит исключительно к положительным последствиям. В частности, в ч. 2 ст. 94 ТК РФ устанавливается максимально допустимая продолжительность ежедневной работы (смены) для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, где установлена сокращенная продолжительность рабочего времени. Вместе с тем, ч. 3 этой же статьи допускает изъятие из данного правила в виде увеличения максимально допустимой продолжительности ежедневной работы (смены) для указанной категории работников при условии соблюдения предельной еженедельной продолжительности рабочего времени¸ установленной в соответствии с частями 1–3 ст. 92 названного нормативного правового акта.

Функциональное влияние отсылочных норм нацелено на охрану и защиту в различных сферах общественной жизни. Как и регулятивная, охранительная функция осуществляется при помощи всех норм права, включая отсылочные, поскольку «установление любого правила поведения, в том числе и позитивного, одновременно означает требование к участникам общественных отношений действовать в соответствии с этим правилом» [5, с. 8].

Охранительная функция неразрывно связана с процессом правового регулирования, ибо любое установление запретов, санкций и иных ограничений направлено, прежде всего, на охрану «наиболее важных экономических, политических, культурных, духовных, личных и других отношений, а также вытеснение явлений, чуждых данному обществу» [7, с. 7–8]. Из этого следует вывод о том, что отсылочные нормы, регулируя те или иные общественные отношения, одновременно их охраняют, и наоборот, охраняя тот или иной сегмент правовых связей, отсылочные предписания регламентируют ту или иную модель поведения. Поэтому охрана общественных отношений – это одна из общих функций, осуществляемых в непосредственном единстве с регулятивным направлением воздействия.

© Хованцев А.С.

Наглядно, охранительная функция отсылочных норм прослеживается в п. 2 ч. 9 ст. 15 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», предоставляющей уполномоченному органу исполнительной власти осуществлять контроль за эффективностью и качеством выполнения региональными публичными органами субъектов РФ полномочий, указанных в ч. 1 данной статьи.

Наряду с общесоциальными и собственно-юридическими функциями, можно выделить и специфические, особые функции, выполняемые отдельными видами норм права, которые позволяют раскрыть особый функционал определенной разновидности правовых правил [17, с. 702]. Представляется, что функционирование отсылочных норм направлено как на обеспечение экономии нормативного правового регулирования, так и на достижение отраслевого и межотраслевого взаимодействия между элементами отсылочной нормы, содержащихся в различных структурных единицах нормативного правового акта или нормативного договора.

Как уже отмечалось выше, право в целом и отсылочные предписания в частности, не могут существовать без взаимодействия друг с другом. Отсылочная норма права, объективируясь в нормативных текстах, транслирует информацию о содержании и условиях реализации структурного элемента отсылочного предписания, находящегося в ином конкретном пункте (статье, части и т.д.) нормативного правового акта или нормативного договора.

Посредством функции поддержания внутриотраслевых и межотраслевых связей, отсылочные нормы обеспечивают правовое взаимодействие между гипотезой, диспозицией или санкцией, закрепленными в этом же или ином нормативном правовом акте либо нормативном договоре. Именно системная взаимосвязь структурных элементов отсылочных норм способствует обмену правовой информацией, закрепленной в юридических текстах, и тем самым обеспечивает внутриотраслевое и межотраслевое взаимодействие. Так, согласно п. 1 ст. 100 СК РФ, несоблюдение установленной законом формы соглашения об уплате алиментов влечет за собой последствия, предусмотренные п. 3 ст. 163 ГК РФ. Для определения их перечня следует обратиться непосредственно к конкретным положениям гражданского законодательства. Именно в последних устанавливается обязательность нотариальной формы сделки, несоблюдение которой влечет ничтожность заключения соглашения об уплате алиментов.

Приведенный пример раскрывает не только функцию поддержания внутриотраслевых и межотраслевых связей отсылочных норм, но и отражает специфику их закрепления в юридическом тексте. Именно эта особенность позволяет выделить еще одну функцию отсылочных предписаний – функцию законодательной экономии, посредством которой обеспечивается компактность изложения нормативного материала, исключение дублирования в текстах.

При создании отсылочных норм в условиях правовой экономии юридические положения формулируются так, что в них входит точное обозначение «адреса», без которого реализация правового предписания была бы невозможной либо затруднительной.

Заключение.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что отсылочное предписание выполняет определенные функции.

Функции отсылочных норм права непосредственно связаны с функциями права и не могут быть изолированы от последних.

Функции отсылочных норм права подразделяются на общесоциальные и собственно юридические функции.

Наряду с вышеназванными, можно выделить и особые функции отсылочных норм, к числу которых относятся функция поддержания внутриотраслевых и межотраслевых связей, а также функция законодательной экономии.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Вопросы общей теории государства и права. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. 400 с.
2. Безукладова А.А. Воспитательная функция права и правовые средства ей сопутствующие // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. № 11(44). С. 16–21.

© Хованцев А.С.

3. Бутузов С.В. Информационная функция права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.
4. Гамалей А.А. Система функций права: проблемы познания и науки // Образование и право. 2016. № 12. С. 51–58.
5. Глебченко О.А. Охранительная функция в системе функций права // Сибирский юридический вестник. 2008. № 4(43). С. 8–12.
6. Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ст. 4) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 21. Ст. 699.
7. Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2011. 25 с.
8. Пискунова О.В. Регулятивная функция права как системообразующая функция правовых норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2. С. 61–66.
9. Радько Т.Н. Функции права / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. Н. Новгород : Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел РФ, 1995. 106 с.
10. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. 142 с.
11. Сурин В.В. О понимании информационной функции права // Вестник Удмурдского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 17. Вып 6. С. 128–133.
12. Торчилин К.Е. Общие функции императивных норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2(115). С. 32–38.
13. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (подп. «б» п. 2 ст. 3) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
14. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 9 и 10) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 13) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
16. Хованцев А.С. Отсылочные нормы права: основания классификации // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 1. С. 142–149.
17. Хованцев А.С. Функциональное предназначение отсылочных норм в контексте аналитического подхода // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 700–703.
18. Чернявский А.Г. Экономическая функция права // Вестник Академии права и управления. 2015. № 3 (40). С. 11–16.

References:

1. Baitin M.I. On the principles and functions of law: new aspects // Issues of the general theory of State and law. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2006. 400 p.
2. Bezukladova A.A. The educational function of law and the legal means accompanying it // Universum: economics and Jurisprudence. 2017. № 11(44). P. 16–21.
3. Butuzov S.V. Informational function of law : abstract of the dis. ... candidate of law sciences. SPb., 2004. 24 p.
4. Gamalei A.A. The system of functions of law: problems of cognition and science // Education and law. 2016. № 12. P. 51–58.
5. Glebchenko O.A. Protective function in the system of functions of law // Siberian Law Bulletin. 2008. № 4(43). P. 8–12.
6. Law of the Russian Federation of May 15, 1991 № 1244-I «On Social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster» (Art. 4) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1991. № 21. Art. 699.
7. Lapshina O.S. The protective function of law in the system of functions of law and the state : abstract of dis. ... candidate of law sciences. Kazan, 2011. 25 p.
8. Piskunova O.V. The regulatory function of law as a system-forming function of legal norms // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 2. P. 61–66.
9. Radko T.N. Functions of law / T.N. Radko, V.A. Tolstik. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. 106 p.
10. Radko T.N. The main functions of socialist law. Volgograd, 1970. 142 p.
11. Surin V.V. On understanding the information function of law // Bulletin of the Udmurt University. The series «Economics and Law». 2017. Vol. 17. Iss. 6. P. 128–133.
12. Torchilin K.E. General functions of imperative norms of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 2(115). P. 32–38.
13. Federal Law № 95-FZ of July 11, 2001 «On Political Parties» (sub-item «b» of paragraph 2 of Article 3) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 29. Art. 2950.
14. Federal Law № 67-FZ of June 12, 2002 «On Basic Guarantees of Electoral rights and the right of Citizens of the Russian Federation to participate in a referendum» (Art. 9 and 10) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2002. № 24. Art. 2253.16.
15. Federal Law № 323-FZ of November 21, 2011 «On the basics of public Health protection in the Russian Federation» (Part 4, Article 13) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. №. 48, article 6724.
16. Khovantsev A.S. Referential norms of law: grounds for classification // Academic Law Journal. 2024. Vol. 25. № 1. P. 142–149.

© Хованцев А.С.

17. Khovantsev A.S. The functional purpose of reference norms in the context of an analytical approach // Legal technique. 2024. № 18. P. 700–703.
18. Chernyavsky A.G. The economic function of law // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. № 3(40). P. 11–16.

Информация об авторе

Хованцев Алексей Сергеевич
соискатель кафедры
теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия;
адвокат Межрегиональной коллегии адвокатов
г. Москвы (филиал «Статус» г. Пенза)
aleksej.x.79@bk.ru

Alexey S. Khovantsev
Candidate of the Department
of Theory of State and Law,
Saratov State Law Academy,
Lawyer of the Interregional
Bar Association of Moscow
(Penza branch of Status)
aleksej.x.79@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.07.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Хованцев А.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-28
УДК 340

Attribution
cc by

ФОРМЫ УЯСНЕНИЯ ПРАВА

Хут Д.Ш.
Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей двух форм уяснения права: индивидуальной и коллективной. Автором выделяются три уровня индивидуального уяснения права: обыденный, профессиональный и доктринальный. В статье уделяется внимание особенностям правотворческого и правоприменительного уяснения, осуществляемого коллективными субъектами права. Актуальность исследования обусловлена высокой практической значимостью уяснения права, ведь данный процесс является основой любого вида юридической деятельности и осуществляется всеми заинтересованными субъектами при необходимости разрешения жизненных ситуаций, требующих правового регулирования. В результате исследования автор приходит к выводу, что качественное уяснение права вне зависимости от формы его осуществления способствует обеспечению стабильности, соблюдению законности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: уяснение права; индивидуальное и коллективное уяснение права; обыденное, профессиональное и доктринальное уяснение права; правотворческое и правоприменительное уяснение права.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FORMS OF CLARIFICATION OF LAW

Diana Sh. Khut
Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the study of two forms of clarification of law: individual and collective. The author identifies three levels of individual clarification of law: ordinary, professional and doctrinal. The article focuses on the peculiarities of law-making and law enforcement clarification carried out by collective subjects of law. The relevance of the research is due to the high practical importance of clarification of law, because this process is the basis of any type of legal activity and is carried out by all interested subjects when it is necessary to resolve emerging life situations requiring legal regulation. As a result of the research, the author comes to the conclusion that a qualitative clarification of law, regardless of the form of its implementation, contributes to ensuring stability, compliance with the law and order in society.

Keywords: clarification of law, individual and collective clarification of law, the ordinary, professional and doctrinal clarification of law, law-making and law enforcement clarification of law.

***Funding**:* independent work.

Введение. Уяснение права, на наш взгляд, представляет собой интеллектуально-волевую деятельность субъектов права, направленную на познание социально значимых жизненных ситуаций, а также содержания применимых к ним правовых предписаний, отражающих системные свойства права в целом, и выраженного в них баланса индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов.

В юридической науке уяснение права рассматривается всего лишь как первый этап толкования права, при этом недостаточное внимание уделяется теоретическим основам и особенностям осуществления уяснения права на практике. А.С. Пиголкин отмечал, что без процесса уяснения невозможно правильное применение правовых норм, поэтому разработка теоретических вопросов правильного уяснения содержания норм права имеет большое значение с точки зрения укрепления законности и является одной из важных задач правовой науки [1, с. 10]. Считаем, что от качества уяснения права зависит результат любого вида юридической деятельности. Более того, от результата уяснения права зависит достижение важнейших задач права, в

© Хут Д.Ш.

частности, обеспечение законности, правопорядка и стабильности в обществе.

Для повышения эффективности уяснения права в процессе осуществления ключевых видов юридической деятельности (правотворческой, правореализационной, интерпретационной, систематизационной) требуется разграничение форм, уровней, видов уяснения права и исследование их особенностей.

Обсуждение.

Категория «форма» в философии определяется как «граница целого (материального или духовного предмета), удерживающая его части и организующая их связь» [2, с. 244].

Полагаем, что уяснение права осуществляется в двух формах:

1) индивидуальной, осуществляемой субъектами права на обыденном, профессиональном и доктринальном (научном) уровнях;

2) коллективной, осуществляемой коллективными субъектами права.

Д.Н. Бахрах, рассматривая вопрос о разграничении индивидуальных и коллективных субъектов права, отмечал, что такое разграничение подвергалось в науке критике, в связи с тем, что индивидом признается как гражданин, так и должностное лицо, но ученый справедливо писал, что «должностное лицо и вообще любой государственный и муниципальный служащий, осуществляя свои полномочия, действует не как индивид, а как полномочный представитель организации, и его действия влекут юридические последствия для нее – они признаются действиями организации. Субъектом правоотношений в подобных случаях является организация, а не лицо, выступающее от ее имени» [3, с. 121]. Исходя из этого следует, что уяснение права осуществляется уполномоченными представителями организаций, но результат уяснения ими права, получивший внешнее выражение (например, в правоприменительном акте), будет результатом деятельности организации (коллективного субъекта) в целом.

Рассмотрим особенности уяснения права при осуществлении индивидуального и коллективного уяснения права.

Индивидуальная форма уяснения права осуществляется субъектами права единолично. В зависимости от наличия или отсутствия у субъектов специальных знаний в области юриспруденции, а также глубины знания и понимания правовых явлений, предлагаем выделять уровни индивидуального уяснения права.

Первый уровень индивидуальной формы уяснения права – обыденное уяснение, осуществляемое в повседневной жизни субъектами, не обладающими специальными знаниями в области права. Ежедневно субъекты права вступают в многочисленные правоотношения, но, чаще всего, даже не задумываются о том, что являются участниками правоотношений (покупка товара в магазине, приобретение проездного билета, бронирование номера в отеле и многое другое), то есть большинство действий, имеющих правовой характер, совершаются на интуитивном уровне. Но возникновение проблемной жизненной ситуации, требующей разрешения с помощью права, вызывает необходимость осуществления субъектом деятельности по уяснению права.

Особенностью обыденного уяснения права также является то, что субъекты в основном руководствуются чувственным подходом к праву, а не рациональным, что нередко приводит к неверному или искаженному результату уяснения права (например, к совершению правонарушения). Стоит отметить, что чем выше уровень правовых знаний у субъекта, тем больше возможностей для реализации личных интересов с помощью права у него появляется.

Для осуществления обыденного уяснения права, направленного на воплощение права в жизнь, следует, во-первых, определить субъекту права собственные цели, выявить приоритетные интересы и потребности; во-вторых, уяснить проблемную жизненную ситуацию во взаимосвязи с личными интересами и потребностями; в-третьих, отграничить право от иных социальных регуляторов общественных отношений и убедиться в том, что сложившаяся жизненная ситуация подлежит разрешению с помощью права, в-четвертых, уяснить содержание правовых предписаний, посредством которых возможно разрешение сложившейся жизненной ситуации, с применением определенных способов и средств.

Второй уровень индивидуальной формы уяснения права представлен профессиональным уяснением, осуществляющимся субъектами, обладающими квалифицированными знаниями о праве, то есть юристами. К отличительным особенностям юриста можно отнести способность рассматривать любое правовое предписание во взаимосвязи с системой права, определять влияние объективных и субъективных факторов на развитие права и складывающиеся общественные отношения, применять юридическую технику в процессе осуществления профессиональной деятельности, руководствоваться в большей степени рациональным подходом к праву, а не чувственным. Е.В. Васьковский писал, что первое, что должен усвоить каждый, кто хочет быть юристом – умение обращаться с законами и вообще с источниками права, так как юрист, не знающий, как находить, толковать и применять законы, столь же беспомощен, как врач, не приобретший навыка в исследовании больных и назначении лекарств [4].

Каждый вид юридической деятельности характеризуется определенными особенностями, которые отражаются на специфике уяснения права

© Хут Д.Ш.

(отличаются цели, способы и средства, применяемые субъектами в процессе осуществления профессиональной деятельности, а также результаты). Поэтому особенности профессионального уяснения права, по нашему мнению, должны рассматриваться, исходя из осуществляемого юристом вида деятельности (правотворческого, правореализационного, интерпретационного, систематизационного или доктринального).

В зависимости от осуществляемого юристом вида юридической деятельности, уяснение права направлено на достижение разных задач. Так, например, основная задача юриста в области правотворчества состоит в ясном и недвусмысленном формулировании норм права для возможности их единообразного понимания и применения в процессе правореализационной, в том числе правоприменительной деятельности. Интерпретационная деятельность направлена на уяснение и разъяснение содержания правовых предписаний, а систематизационная – на упорядочивание правовых актов в целях удобства их применения, в частности, в процессе уяснения права.

Третий уровень индивидуальной формы уяснения права – доктринальное (научное) уяснение, осуществляемое научными деятелями в области права, обладающими учеными степенями кандидата или доктора наук. Доктринальное уяснение – наиболее высокий уровень правового познания, сводящийся не просто к уяснению догмы права, а к познанию права как явления, изучению и предложению новых юридических конструкций, механизмов, процессов и иных правовых явлений. Доктринальное уяснение позволяет установить связь между правовой доктриной и догмой права, исследовать особенности внешнего проявления права, выявить проблемы правового регулирования на определенном этапе общественного развития, а также проанализировать тенденции развития права. Доктринальное уяснение имеет высокое практическое значение, так как оказывает существенное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность высших органов государственной власти. При органах государственной власти часто создаются научные советы для научного, консультационного, методологического, экспертного, аналитического обеспечения их деятельности (например, научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ, научно-экспертный совет при Совете Безопасности РФ и так далее).

Коллективная форма уяснения права осуществляется коллективными субъектами права. В юридической науке не сложилось единого подхода к классификации коллективных субъектов права.

Так, В.Н. Карташов к коллективным субъектам относит:

«а) государство в целом (в международных правовых отношениях, конституционных правоотношениях – с субъектами Федерации, в гражданско-правовых отношениях – по поводу федеральной государственной собственности);

б) субъекты РФ (см., например, ст. 124–127 ГК РФ);

в) муниципальные образования;

г) государственные органы и учреждения;

д) негосударственные хозяйствующие субъекты;
е) общественные объединения;

ж) религиозные организации;

з) иностранные организации (государственные, общественные и т.п.);

и) международные организации (общие и региональные)» [5, с. 206].

К.И. Кистенев выделяет следующие виды коллективных субъектов: государство, государственные органы и учреждения, общественные объединения, административно-территориальные единицы, субъекты РФ, избирательные округа, религиозные организации, юридические лица [6, с. 102].

Независимо от рассматриваемой классификации все выделяемые коллективные субъекты, бесспорно, осуществляют уяснение права, но с учетом специфики их деятельности и преследуемых интересов. Соответственно, в зависимости от вида юридической деятельности, осуществляемого коллективным субъектом права, цель, содержание, применяемые способы и приемы, результаты уяснения, будут отличаться.

В данной статье обратим внимание на правотворческое и правоприменительное уяснение, осуществляемое коллективными субъектами права.

Правотворческое уяснение осуществляется правотворческими субъектами права на основании специальных знаний в области юриспруденции в целях создания, изменения или отмены нормативных предписаний. В актах высших органов судебной власти неоднократно отмечалось, что процесс правотворчества должен быть направлен на ясное, недвусмысленное изложение норм для возможности единообразного их понимания и правильного правоприменения.

Уяснение права при осуществлении правотворческой деятельности, на наш взгляд, заключается в:

– выявлении закономерностей развития определенных сфер общественной жизни и доминирующих принципов взаимодействия, участвующих в них субъектов;

– выявлении социально значимых и систематически повторяющихся проблемных жизненных ситуаций, нуждающихся в правовом регулировании;

© Хут Д.Ш.

– определении соотношения индивидуальных, общественных и государственных интересов, отражающих сущность права, в процессе создания, изменения или отмены нормативных предписаний;

изучении и анализе действующих нормативных предписаний по конкретной проблемной ситуации, а также объективных и субъективных факторов на нее влияющих, в целях качественного и эффективного правового регулирования;

– изучении российского и при необходимости зарубежного опытов правового регулирования общественных отношений, аналогичных тем, которые подлежат урегулированию с помощью права;

– определении тенденций, а также последствий осуществления правового регулирования тех или иных общественных отношений;

– изучении и соблюдении установленного процессуального порядка правотворческой деятельности.

Для правотворческого уяснения характерно наличие следующих этапов: изучение закономерностей развития политико-правовой системы; определение политики, тактики, стратегии правотворческого органа, на основании которых определяются цели и задачи правового регулирования по определенному социальному вопросу; исследование баланса интересов индивида, различных социальных групп, общества, государства; создание, изменение или отмена нормативных предписаний с использованием юридической техники.

Качественное уяснение права правотворческими органами имеет безусловное практическое значение: без понимания правотворческими органами сущности и социального назначения права, причин правового регулирования определенных общественных отношений, последствий такого регулирования, невозможно обеспечить законность, высокую эффективность правового регулирования.

Правоприменение – наиболее сложная форма реализации права, осуществляемая компетентными субъектами, наделенными властными полномочиями, направленная на установление баланса интересов между участниками правоотношений.

Несмотря на наличие общих черт субъектов правоприменения, любой правоприменительный орган характеризуется следующими отличительными особенностями:

– во-первых, своими закономерностями развития (причинами возникновения, особенностями развития, местом в системе государства и общества и т.д.),

– во-вторых, особенностями стратегии и тактики развития, на основании которых определяются цели и задачи правоприменительного органа,

– в-третьих, отличающимися участниками правоотношений, а также особенностями соотношения баланса их интересов,

– в-четвертых, наделенными полномочиями и процессуальным порядком осуществления правоприменительной деятельности.

С учетом выявленных особенностей правоприменительных органов, следует отметить, что правоприменительное уяснение, на наш взгляд, представляет собой сложный процесс, заключающийся в познании следующих составляющих:

– исследования закономерностей развития права, а также складывающихся правоотношений;

– определения стратегии и тактики развития правоотношений;

– определения баланса интересов участников правоотношений;

уяснения содержания правовых предписаний, на основании которых становится возможным разрешение жизненных ситуаций, требующих правового регулирования. Результатом уяснения права, чаще всего, является вынесение правоприменительного акта с использованием определенных средств и приемов в рамках предоставленных полномочий.

Уяснение права любым субъектом правоприменения, в частности, судом, не сводится всего лишь к выбору нормативного предписания, подлежащего применению в той или иной ситуации. Уяснение права имеет комплексный характер, подразумевающий всестороннее исследование правоприменителем обстоятельств дела и выявление особенностей, присущих сложившейся социально значимой жизненной ситуации, требующей правового регулирования; анализ и применение правовых предписаний и принципов, заложенных в их основу (с учетом системных свойств права), на основании которых правовая ситуация подлежит разрешению; установление баланса интересов участников правоотношения; выбор и применение необходимых способов, средств и приемов правоприменительной деятельности для разрешения возникшей правовой ситуации.

Правоприменительное уяснение права имеет высокую значимость: во-первых, без уяснения права вовсе невозможна правоприменительная деятельность, так как основная цель правоприменения, заключающаяся в разрешении возникающих жизненных ситуаций, требующих правового регулирования, достигается с помощью поиска и применения к ним необходимых правовых предписаний, во-вторых, от качества уяснения зависит результат правоприменительной деятельности.

© Хут Д.Ш.

Результаты.

Данная статья направлена на обращение внимания исследователей на высокую практическую значимость процесса уяснения права и необходимость исследования его теоретических основ во взаимосвязи с практикой. Например, научный интерес может вызвать анализ форм уяснения права с учетом факторов, оказывающих влияние на процесс уяснения права. К таким факторам можно отнести своеобразие проблемных жизненных ситуаций; закономерности развития права, позволяющие стабилизировать и направлять отношения между людьми; принципы права и принятые в обществе социальные нормы; особенности политико-правовой системы общества, в том числе международной; политическая ориентация законотворческого органа и профессионализм его представителей; особенности правоприменения и складывающейся юридической практики; особенности индивида; цифровизация права и применение цифровых технологий субъектами права.

Заключение.

На наш взгляд, уяснение права – основа любого вида юридической деятельности, ведь перенос действующих юридических моделей в практическую плоскость возможен лишь при неискаженном понимании субъектом права содержания правовых предписаний и выраженного в них баланса интересов, отражающих системные свойства права в целом. Поэтому стоит отметить, что обеспечение в обществе стабильности, социальной действительности, соблюдение законности и правопорядка зависит от качества уяснения права.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1962. 166 с.
2. Пивоваров Д.В. Категории онтологии : в 2 ч. Ч. 1 : учебное пособие для вузов. М. : Изд-во Юрайт, 2022. 279 с.
3. Бахрах Д.Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. № 2. С. 121–132.
4. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М. : Братья Башмаковы, 1913. 152 с.
5. Карташов В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие для бакалавров. Ярославль : ЯрГУ, 2012. 274 с.
6. Кистенев К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 252 с.

References:

1. Pigolkin A.S. Interpretation of normative acts in the USSR. M. : State publishing house of legal literature, 1962. 166 p.
2. Pivovarov D.V. Ontology categories : in 2 parts. Part 1 : textbook for universities. M. : Yurait, 2022. 279 p.
3. Bakhrakh D.N. Subjects of Russian law // Economy of the region. 2006. № 2. P. 121–132.
4. Vas'kovsky E.V. Guide to the interpretation and application of laws: for beginning lawyers. M. : Bashmakov Brothers, 1913. 152 p.
5. Kartashov V.N. Theory of state and law: a textbook for bachelors. Yaroslavl : YarSU, 2012. 274 p.
6. Kistenev K.I. The system of subjects of Russian law in the conditions of market relations : dis. … candidate of legal sciences. Saratov, 2010. 252 p.

Информация об авторе

Хут Диана Шамсудиновна
аспирантка кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
adsh95@mail.ru

Diana Sh. Khut
Postgraduate Student of the Department
of Theory of State and Law,
Saratov State Law Academy
adsh95@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Хут Д.Ш.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-29
УДК 340

Attribution
cc by

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЩЕГО И СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ

Шмидт А.В.
Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ специфических признаков специального правового статуса, позволяющих отграничить его от общего правового статуса. Отмечается, что в некоторых случаях, взаимодействие общего и специального статусов не очевидно, между ними могут возникать противоречия, которые требуют отдать чему-либо приоритет. Автор уточняет понятие «общий правовой статус», показателем которого, с точки зрения юридической техники, служит квантор всеобщности на уровне определенных лексических оборотов. Специальным правовым статусом обозначают особое правовое состояние личности или группы субъектов, обусловленное выполняемой социальной ролью, получившей юридическое закрепление в нормативных правовых актах. Подчеркивается отсутствие однозначного подхода к определению и наименованию специального правового статуса. Проводится анализ признаков специального правового статуса. В частности, специальный правовой статус основан на системе правовых исключений, которые представляют собой отступления от исходной нормативной модели за счет расширения или сокращения круга универсальных прав и обязанностей. Специальный правовой статус предполагает формально-юридическое (легальность) и социальное признание (легитимность). Специальный правовой статус включает в себя особые юридические гарантии и меры защиты. В заключении предлагается авторская формулировка специального правового статуса.

Ключевые слова: общий правовой статус, специальный правовой статус, типичные права и свободы, специальные права и свободы, специальная правосубъектность, легитимность, особые юридические гарантии, меры защиты.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN GENERAL AND SPECIAL LEGAL STATUSES

Anna V. Schmidt
Saratov State Law Academy

Abstract. The article provides a theoretical analysis of the specific features of a special legal status, which make it possible to distinguish it from the general legal status. It is noted that in some cases, the interaction of general and special statuses is not obvious, there may be contradictions between them that require giving priority to something. The author clarifies the concept of general legal status, an indicator of which, from the point of view of legal technology, is the quantifier of universality at the level of certain lexical phrases. A special legal status refers to a special legal status of an individual or group of subjects, due to the social role performed, which has been legally consolidated in regulatory legal acts. The lack of an unambiguous approach to the definition and naming of a special legal status is emphasized. The analysis of the signs of a special legal status is carried out. In particular, the special legal status is based on a system of legal exceptions, which represent deviations from the original normative model by expanding or reducing the range of universal rights and obligations. Special legal status presupposes formal legal (legality) and social recognition (legitimacy). The special legal status includes special legal guarantees and protective measures. In conclusion, the author's formulation of a special legal status is proposed.

Keywords: general legal status, special legal status, typical rights and freedoms, special rights and freedoms, special legal personality, legitimacy, special legal guarantees, protective measures.

***Funding**:* Independent work.

© Шмидт А.В.

Введение.

Вопрос о статусе постоянно возникает в повседневной жизни человека, причем не только в отношении других людей, но и в связи со значением каких-либо вещей или действий. К примеру, получение образования рассматривается как способ повышения социального статуса.

С точки зрения этимологии, понятие «статус» означает «состояние, положение» (от лат. «status»), основное предназначение которого заключается в том, чтобы сделать меняющуюся реальность более устойчивой.

Цель правового статуса состоит в том, чтобы определить для субъектов нормативные условия и границы, при соблюдении которых они могут свободно осуществлять свою деятельность, вступать в отношения с другими членами общества и в принципе ориентироваться в социальном пространстве.

Обсуждение.

Правовой статус можно дифференцировать по различным критериям. Наиболее распространенным видом классификации служит градация правового статуса на общий и специальный, отображающие диалектику универсального и частного.

Однако, несмотря на то, что в юридической науке данные термины уже обрели общепризнанный характер, природа как общего, так и специального правового статусов, а также их взаимодействие не могут считаться до конца изученными.

Различение используемых понятий является важной составной частью любого научного исследования. Поэтому основная задача данной статьи состоит в том, чтобы обнаружить критерии разграничения общего и специального правового статуса.

Несомненно, в юридической практике любой субъект обладает одновременно и общим, и специальным статусами, которые сочетаются в различных комбинациях. В некоторых случаях, взаимодействие общего и специального статусов не составляет никакой проблемы, однако в других – способ их согласования неочевиден, более того, между ними могут возникать противоречия, которые потребуют отдать чему-либо приоритет. Вот именно тогда и возникает основная трудность, поскольку общий правовой статус, как правило, определяется нормами с более высокой юридической силой, а в пользу специального статуса говорит другой существующий принцип, в соответствии с которым при противоречии между общей и специальной правовой нормами следует применять специальную.

Для начала целесообразно уточнить сущность понятия «общий правовой статус». Он включает в себя набор прав и обязанностей наиболее универсального действия, охватывающих всех или абсолютное большинство субъектов правоотношений. С содержательной точки зрения, к ним относятся, в частности, положения главы 2 Конституции РФ, где в п. 1 ст. 17 говорится о том, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Именно ключевые словосочетания такие как «общепризнанные принципы» и «нормы международного права» указывают на универсальность тех прав и свобод, о которых говорится в нормативном предписании.

С позиции юридической техники внешним показателем общего правового статуса может выступать квантор всеобщности на уровне таких лексических оборотов, как «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (п. 2 ст. 17); «все равны перед законом и судом» (п. 1 ст.19); «каждый имеет право на жизнь» (п.1 ст. 20) и т.п.

Выражения «каждый имеет...», «каждый вправе…», «никто не должен/ не вправе…», «все» и т.п. указывают на базовый характер прав и обязанностей, что позволяет сделать вывод: общий статус – это универсальный и типичный (одинаковый) набор прав и обязанностей человека, который гарантируется ему государством. Социальным источником такого регулирования является значимость человека как такого, исключая различные биологические и социальные факторы, что отдельно подчеркивается законодателем. В частности, в п. 2 ст. 19 Конституции РФ подчеркивается равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

«Человек» и «гражданин» являются обозначениями общего правового статуса, ориентированного на самые типичные свойства, которые имеются у всех. В данном случае, понятие «гражданин», хотя и отражает особую правовую связь лица с государством, но его все-таки следует относить к общему, а к не к специальному статусу, поскольку гражданство не основано на каких-либо специфических чертах человека, которые выделяли бы его среди других людей.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что специальный правовой статус необходим там, где предполагается учесть для целей правового регулирования какие-либо отличительные черты индивидов или социальных групп. При этом специальный правовой статус изначально формируется на нормативном уровне и лишь затем в порядке правореализации переходит на уровень индивидуального правового регулирования, где

© Шмидт А.В.

его детермирующими факторами являются не личные, а именно групповые характеристики.

По мнению Р.П. Мананковой обычно им обозначают особое правовое состояние личности, обусловленное в самом общем виде выполняемой его социальной ролью [6, с. 18]. При этом в специальном правовом статусе должна закрепляться не просто социальная, а именно правовая роль личности.

При анализе понятия «специальный» следует выявить два смысловых нюанса:

1. «Специальный» как антоним «всеобщего». Выше уже говорилось о том, что для обозначения общего правового статуса в текстах нормативных актов используется квантор всеобщности, в то время как для характеристики специального статуса, как противоположности общего, наоборот, выделяется какая-либо группа лиц и делается указание на то, что для этой группы лиц существует иной правовой режим.

2. «Специальный» (особый) как антоним «типичного». Типичность в контексте правового регулирования представляет собой такой базовый правовой режим, который охватывает наиболее распространенные ситуации и включает в себя нормативный минимум, без каких-либо дополнений. Как только минимальный набор прав и обязанностей по каким-либо причинам оказывается недостаточным, т.е. возникают различные дополнительные условия, то становится необходимо рассмотреть случай как особенный, требующий специального подхода к правовому регулированию.

В качестве примера того, как особые свойства субъектов определяют их специальные права и обязанности, можно привести правовой статус такой категории граждан, как инвалиды, которые нельзя отнести к типичным случаям, потому что по отношению к данной группе действуют дополнительные особые права и обязанности. В частности, фактические условия жизни инвалидов и остальных граждан изначально не равны, что и делает необходимым создание для инвалидов специализированных государственных учреждений, применение к ним реабилитационных мер, специальных программ по адаптации и т.д. В этой связи, у лиц, обладающих инвалидностью, появляются специализированные права и обязанности, которые отсутствуют у остальных граждан, не являющихся инвалидами. Например, специализированные льготы, позволяющие бесплатно или со скидкой посещать культурные мероприятия, проходить медицинское обслуживание, получать лекарства, дополнительные пособия и т.д.

Что же касается понятия «специальный правовой статус», то в юридической литературе нет однозначного подхода ни к его определению, ни к его наименованию.

Так, первоначально Н.В. Витрук рассматривает специальный правовой статус как «совокупность специальных прав и обязанностей той или иной группы лиц, объединенных какими-то специфическими чертами» [2, с. 347]. В последующем, он предлагает заменить данный термин на понятие «правовой модус» [3, с. 234].

Наряду с указанными лексемами в юридической литературе встречается и иная терминология для обозначения специального правового статуса. К примеру, А.А. Стремоухов считает возможным использование лексического выражения «юридический статус специального субъекта права» [8]. Тем не менее, несмотря на имеющиеся различия в наименованиях и формулировках, в целом речь идет об одном и том же явлении – специальном правовом статусе, который отличается от общего правового статуса рядом признаков.

Во-первых, *специальный правовой статус основан на системе правовых исключений*, которые представляют собой отступления от исходной нормативной модели за счет расширения или сокращения круга универсальных прав и обязанностей.

Данный концепт соответствует восприятию правового исключения, под которым понимается «предписание, … подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей» [9, с. 85]. Выделение подобных отступлений является результатом процесса специализации, которая направлена на учет конкретных обстоятельств, их специфики, детализации, объема действия, а также формирование более конкретных правил поведения субъектов [7, с. 12].

С появлением специальных правоотношений, отличающихся от иных существующих в обществе, возникает необходимость принятия специальных правовых норм, посредством которых закрепляется специальный правовой статус.

Специальный правовой статус находит свое проявление в специальной правоспособности и специальных правах, свободах и обязанностях. Поэтому специальные права, свободы и обязанности необходимо рассматривать только как один из элементов содержания специального правового статуса. Наряду с ними, обязательным компонентом специального правового статуса выступает специальная правоспособность, которая дает возможность субъектам выступать с определенными целями в различных специальных правоотношениях, регламентированных разнообразными специальными нормами. Специальные права, свободы и обязанности возникают на основе специальной правоспособности и отражают принадлежность субъекта к той или иной социальной группе, получившей юридическое закрепление в нормативных правовых ак-

© Шмидт А.В.

тах. Специальный правовой статус, как уже было отмечено, может дополнять либо ограничивать универсальные для всех субъектов права, свободы и обязанности. Таким образом, специальный правовой статус, дополняя или ограничивая правовое положение субъектов, конкретизирует правовое состояние участников специальных правоотношений.

Во-вторых, *специальный правовой статус предполагает формально-юридическое (легальность) и социальное признание (легитимность).*

Наделение лица специальным правовым статусом происходит по волевому решению какого-то субъекта, который, с одной стороны, легализует специальный правовой статус, закрепляя его в нормах права, а с другой, – легитимирует конкретного специального субъекта права. При этом субъект, наделяя то или иное лицо специальным правовым статусом, должен проверить легимность его положения с точки зрения субъектного состава, условий, необходимых для признания статуса специальным, механизма наделения или утраты специальной правосубъектности, контроля за реализацией специальных прав, свобод и выполнением специальных обязанностей и т.п. Несоблюдение этих требований при легализации специального правового статуса в нормативных предписаниях неминуемо может привести к проблеме непризнанности специального правового статуса по той причине, что границы и формы этого положения остаются неопределенными. При этом признание (легитимность) специального правового статуса должна быть как на нормативном, так и на правоприменительном уровне.

В-третьих, *специальный правовой статус включает в себя особые юридические гарантии и меры защиты.*

Под юридическими гарантиями понимается признание и закрепление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в нормативных правовых актах, а также обеспечение их реализации в объективной действительности [10, с. 120]. В отличие от юридических гарантий общего правового статуса, юридические гарантии специального правового статуса направлены на осуществление специальных прав, свобод и обязанностей и их охрану от противоправных посягательств. Соответственно, под особыми юридическими гарантиями специального правового статуса понимаются «система социально-экономических, политических и юридических факторов, способствующих охране и защите определенной категории … субъектов правовых отношений» [1, с. 43], к числу которых относятся депутаты, военнослужащие и др.

Ценность специального правового статуса заключается в его практической реализации. Специальные права, свободы и обязанности, не обеспеченные специальными средствами правовой защиты носят декларативный, формальный характер и сказываются на легитимности (признании) специального правового статуса как такового. Тем самым, особые юридические гарантии выступают связующим звеном по отношению к специальному правовому статусу, соединяя специальные права, свободы и обязанности с их фактическим воплощением.

В данном контексте, примечательно мнение Б.С. Эбзеева, отмечающего, что основным предназначением гарантий является обеспечение фактического функционирования прав, свобод и обязанностей личности [11, с. 76].

Важнейшим компонентом специального правового статуса являются меры юридической защиты, поскольку процесс реализации специального правового статуса всегда сталкивается с определенными рисками и угрозами ущемления специальных прав и свобод.

В юридической науке по замечанию Н.В. Макарейко, категория «меры защиты» разработана достаточно слабо [5, с. 456]. Тем не менее, имеющиеся точки зрения на данное понятие позволяет сформулировать его как совокупность правовых норм, определяющих нарушения субъективных прав и формы (способы) их принудительного восстановления уполномоченными субъектами. При этом в отличие от мер юридической ответственности, меры юридической защиты не создают для нарушителей дополнительных негативных обязанностей [4, с. 21]. Они всегда направлены на восстановление правового положения. Соответственно, меры защиты как элемент специального правового статуса представляют собой совокупность юридических норм, обеспечивающих реализацию специальных прав, свобод и обязанностей.

Отдельно стоит обратить внимание на процесс восстановления специальных прав, поскольку восстановление хоть и предполагает некоторое возобновление, однако, часто не предполагается, что субъект права будет восстановлен в точно таком же качестве, в котором он изначально был. Так, при отчислении из ВУЗа по уважительной причине студент-инвалид, обучавшийся на бесплатной основе, может восстановиться для продолжения освоения образовательной программы с сохранением прежних условий (т.е. продолжить обучение на бюджете). Однако при их отсутствии ему придется восстанавливаться только на договорной основе.

Заключение.

С учетом всего сказанного, можно сформулировать определение *специального правового статуса как, основанную на правовых исключениях, систему дополнительных прав и обязанностей субъекта, а также мер его правовой защиты, получающую* социальное и юридическое признание в силу объективной необходимости.

© Шмидт А.В.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белянская О.В. Гарантии прав личности: понятие и классификация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3-1(23). С. 42–44.
2. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе // Избранное. Монографии. Комментарии. 1963–1990. М. : Российский государственный университет правосудия, 2012. Т. 2. 735 с.
3. Витрук Н.В. Правовой модус личности: содержание и виды // Избранное. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. М. : Российский государственный университет правосудия, 2012. Т. 1. 644 с.
4. Кузьмин И.А. Институт юридической ответственности и институт мер защиты: проблемы соотношения и взаимодействия // Право и практика. 2019. № 2. С. 16–25.
5. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: Теоретические и прикладные проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 758 с.
6. Мананкова Р.П. Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1(7). С. 17–21.
7. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. 96 с.
8. Стремоухов А.А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. 28 с.
9. Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 475 с.
10. Хазов Е.Н. Юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина и механизм их реализации / Е.Н. Хазов, В.Е. Хазова // Вестник Московского университета Министерства внутренних дел России. 2017. № 5. С. 120–123.
11. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 383 с.

References:

1. Belyanskaya O.V. Guarantees of individual rights: concept and classification // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2001. № 3-1(23). P. 42–44.
2. Vitruk N.V. Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society // Selected works. Monographs. Comments. 1963–1990. M. : Russian State University of Justice, 2012. Vol. 2. 735 p.
3. Vitruk N.V. The legal mode of personality: content and types // Selected works. Articles. Reports. Reviews. 1963–1990. M. : Russian State University of Justice, 2012. Vol. 1. 644 p.
4. Kuzmin I.A. Institute of legal responsibility and Institute of protection measures: problems of correlation and interaction // Law and practice. 2019. № 2. P. 16–25.
5. Makareiko N.V. State coercion in the mechanism of ensuring economic security: Theoretical and applied problems : dis. ... Dr. of Law Sciences. N. Novgorod, 2016. 758 p.
6. Manankova R.P. Special legal status as a criterion for classifying subjects of legal relations // Legal science and law enforcement practice. 2009. № 1(7). P. 17–21.
7. Senyakin I.N. Special norms of Soviet law. Saratov : Publishing House of Saratov University, 1987. 96 p.
8. Stremoukhov A.A. The legal status of a special subject of law (theoretical and legal aspect) : abstract of the dis. ... candidate of law sciences. SPb., 2003. 28 p.
9. Sumenkov S.Y. Exceptions in law: a general theoretical analysis : dis. ... Dr. of Law Sciences. Saratov, 2016. 475 p.
10. Khazov E.N. Legal guarantees of human and civil rights and freedoms and the mechanism of their implementation / E.N. Khazov, V.E. Khazova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 5. P. 120–123.
11. Ebzeev B.S. Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties. M. : Norm, 2007. 383 p.

© Шмидт А.В.

Информация об авторе

Шмидт Анна Валерьевна
преподаватель кафедры
теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
yurist.sar@yandex.ru

Anna V. Schmidt
Lecturer at the Department
of Theory of State and Law,
Saratov State Law Academy
yurist.sar@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Шмидт А.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-36
УДК 342; 614

Attribution
cc by

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Штанько М.А.[1], Забиров А.Б.[2]
[1]Таганрогский институт управления и экономики,
[2]Томский университет систем управления и радиоэлектроники

Аннотация. Актуальность обозначенной темы определяется новыми требования, которые формируются под влиянием цифровой трансформации государственного управления. Данная трансформация предполагает переход на электронный документооборот, который требует нормативно-правового регулирования. Целью исследования по заявленной теме является определение направлений и требований в сфере цифровой трансформации государственного управления в области здравоохранения через анализ нормативно-правовых актов. В процессе достижения данной цели были решены такие задачи, как: анализ административных регламентов, принимаемых (корректируемых) в процессе цифровизации здравоохранения, влияние процесса цифровизации на качество государственного управления в сфере здравоохранения, изучение воздействия процесса цифровой трансформации на права человека и гражданина в сфере здравоохранения. В процессе исследования по заявленной теме использовались такие методы, как структурно-функциональный анализ, системный анализ, мониторинг нормативно-правовых актов, метод общеправовой экспертизы, институциональный анализ. К основным результатам проведенного исследования относятся: перечень нормативно-правовых актов, регламентирующих здравоохранение в условиях цифровизации, характеристики государственного управления в сфере здравоохранения в условиях цифровизации, особенности прав человека и гражданина в сфере здравоохранения в условиях цифровизации. На основании проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что цифровая трансформация государственного управления в сфере здравоохранения оказывает существенное влияние на нормативно-правовую базу, регламентирующую данную сферу, что приводит к разработке и принятию законов и административных регламентов, отражающих специфику организации и управления учреждений здравоохранения в условиях цифровизации.

Ключевые слова: право, государственное управление, цифровизация, здравоохранение, нормативно-правовой акт, административный регламент, национальный проект, указ Президента, постановление Правительства, федеральный проект.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN HEALTHCARE: A LEGAL ASPECT

Marina A. Shtanko[1], Alexey B. Zabirov[2]
[1]Taganrog Institute of Management and Economics,
[2]Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics

Abstract. The relevance of this topic is determined by new requirements that are being formed under the influence of the digital transformation of public administration. This transformation involves the transition to electronic document management, which requires regulatory regulation. The purpose of the research on the stated topic is to determine the directions and requirements in the field of digital transformation of public administration in the field of healthcare through the analysis of regulatory legal acts. In the process of achieving this goal, such tasks were solved as: analysis of administrative regulations adopted (adjusted) in the process of digitalization of healthcare, the impact of the digitalization process on the quality of public administration in the field of healthcare, study of the impact of the digital transformation process on human and civil rights in the field of healthcare. In the process of research on the stated topic, methods such as structural and functional analysis, system analysis, monitoring of regulatory legal acts, and the method of general legal expertise were used, institutional analysis. The main results of the research include: a list of regulatory legal acts regulating healthcare in

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

the context of digitalization, characteristics of public administration in the field of healthcare in the context of digitalization, and features of human and civil rights in the field of healthcare in the context of digitalization. Based on the conducted research, it can be concluded that the digital transformation of public administration in the field of healthcare has a significant impact on the regulatory framework governing this area, which leads to the development and adoption of laws and administrative regulations reflecting the specifics of the organization and management of healthcare institutions in the context of digitalization.

Keywords: law, public administration, digitalization, healthcare, regulatory legal act, administrative regulations, national project, presidential decree, Government decree, federal project.

***Funding**:* Independent work.

Введение

Цифровизация – один из глобальных трендов современного экономического развития. От скорости и интенсивности цифровых преобразований экономических систем во многом зависит их технологический уровень и перспективный уровень конкурентоспособности. При этом темпы и направленность цифровизации, в свою очередь, определяются отраслевой принадлежностью цифровизуемых экономических систем, поскольку внедрение цифровых инструментов, хотя и преобразует существующие бизнес-процессы, но не изменяет их кардинально, как, например, при реинжиниринге [1, 133].

Цифровая трансформация государственного управления – совокупность действий, направленных на изменение государственного управления и деятельности государственных органов за счёт использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий. Цифровизация медицины – внедрение современных ИТ в различные процессы медицинской отрасли, как бюджетной, так и частной коммерческой медицины.

Процесс цифровой трансформации государственного управления применительно к отрасли здравоохранения включает следующие мероприятия: переход на электронный документооборот, расширение спектра госуслуг, доступных для населения и бизнеса в отдалённых районах, создание государственных образовательных, медицинских, фискальных и иных отраслевых информационных систем, создание тематических локальных и онлайн-платформ, позволяющих повышать качество оказания социальных услуг населению.

Процесс цифровой трансформации государственного управления применительно к здравоохранению предполагает перевод основных процессов в цифровой формат, внедрение большого количества онлайн-услуг и общее повышение эффективности отрасли. Цель цифровой трансформации здравоохранения - достижение высокой степени «цифровой зрелости» и оптимизация рабочего времени медицинских работников посредством автоматизации процессов управления и внедрения передовых технологий. Достижение данной цели возможно при реализации ряда задач, среди которых особое значение имеет предоставление возможности организациям проводить дистанционный контроль объёмов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи, и организация информационного сопровождения и поддержки застрахованных лиц при получении медицинской помощи в системе ОМС.

Результаты

На решение вышеуказанных задач оказывают влияние нормативно-правовые акты, определяющие направления и требования в сфере цифровой трансформации государственного управления в области здравоохранения. К таким актам относятся следующие документы: ФЗ «О стратегическом планировании в РФ», Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», Указ Президента РФ от 06 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 года» [4], Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [3], Указ Президента РФ от 08 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ», Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры РФ», постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие здравоохранения» [11], Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, Концепция технологического развития на период до 2030 года, перечень поручений Президента РФ от 29 января 2023 г. № Пр-172 по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 23–24 ноября 2022 г., «Дорожная карта» по актуализации действующих и утверждению новых стратегических направлений в области цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы, ГОСТ Р 59921.0-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения» [12], ГОСТ Р 59921.1-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Клиническая оценка», ГОСТ Р 59921.2-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Про-

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

грамма и методика технических испытаний», ГОСТ Р 59921.32021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением», ГОСТ Р 59921.4-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Оценка и контроль эксплуатационных параметров», ГОСТ Р 59921.5-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Требования к структуре и порядку применения набора данных для обучения и тестирования алгоритмов», ГОСТ Р 59921.62021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Общие требования к эксплуатации».

Административные регламенты, принимаемые в процессе цифровизации, оказывают существенное влияние на цифровизацию медицины. К такого рода документам относятся документы, регламентирующие предоставление государственными органами услуг гражданам и организациям. Примерами таких документов являются: годовая форма федерального статистического наблюдения № 62 «Сведения о ресурсном обеспечении и об оказании медицинской помощи населению», Приказ Минздрава РФ от 01.09.2020 № 925н «Об утверждении порядка выдачи и оформления листков нетрудоспособности, включая порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа» (устанавливает новые требования к больничным с целью упрощения их выдачи в период пандемии COVID-19, а также возможность оформить электронный больничный лист при телемедицинской консультации у врача), приказ от 27.01.2021 № 28 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Министерства здравоохранения РФ на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (повышает удовлетворенность граждан государственными услугами, повышает уровень надежности и безопасности информационных систем, обеспечивает уровень надежности и безопасности информационных систем, повышает уровень безопасности и устраняет избыточную административную нагрузку). На основании таких документов внедрена и функционирует единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСвСЗ), а также федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

Влияние процесса цифровизации медицины на качество государственного управления проявляется в том, что составлен перечень нормативных правовых актов, регулирующих осуществление государственного контроля и успешно применяются цифровизованные системы управления, зарекомендовавшие себя в других отраслях, в частности, – ERP-системы. Также, повышение качества государственного управления осуществляется через реализацию национальных проектов, среди которых особое значение имеют проекты «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» (ЕГИСЗ) и «Медицинские платформенные решения федерального уровня» (ВИМИС).

Прямым следствием цифровизации здравоохранения стало развитие телемедицины. Основные требования к оказанию медпомощи с применением технологий телемедицины содержатся в следующих нормативных актах: ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (ст. 36.2) [8], Приказ Минздрава РФ от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» [7], Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной ГИС «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» [5], Приказ Минздрава от 07.09.2020 № 947н «Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов» [6], Постановление Правительства РФ от 01.02.21 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности»

Обсуждение

В современных условиях существуют противоречивые мнения относительно целесообразности цифровизации в сфере здравоохранения. Главным образом, в противостояние вступают мнения относительности эффективности функционирования органов здравоохранения в условиях цифровизации, целесообразности обновления нормативно-правовой базы здравоохранения и возможностей реализации вновь вводимых правовых норм в сферу здравоохранения.

Так, нормативно-правовые акты, определяющие направления и требования в сфере цифровой трансформации государственного управления в области здравоохранения требуют осмысления в своей содержательной части, что предполагает проведение профессиональной переподготовки для юристов, регламентирующих деятельность органов здравоохранения в условиях цифровизации. Однако, данные мероприятия не запланированы в качестве обязательных, что, соответственно, не предполагает их реализацию.

Еще один момент, относительно которого научных кругах возникает множество дискуссий, касается технических возможностей реализации единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСвСЗ), а также федеральной государственной информа-

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

ционной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». В связи с тем, что при обновлении инструментов функционирования органов здравоохранения не была учтена и запланирована установка более современных технических средств, то введение в использование соответствующего программного обеспечения часто приводит к сбоям в работе системы, утере данных и невозможности оказать полноценные и качественные медицинские услуги населению.

Телемедицина, как новая отрасль здравоохранения, также вызывает неоднозначные оценки в профессиональных кругах. Несмотря на активное развитие форматов данного направления (например, онлайн сервиса «На поправку») среди пользователей и организаторов нет единой позиции относительно качества оказываемых услуг. Вместе с тем, возникают проблемы, связанные с формальным документированным аспектом данного направления: можно ли ссылаться на рекомендации, полученные в условиях телемедицины, в случае принятия решения о проведении операции или ухода на больничный [10]. Подобные моменты к настоящему времени не имеют правового регулирования что затрудняет использование рекомендаций телемедицины в полном объеме для пользователей.

И, конечно же, нельзя не упомянуть об усложнении процесса обращения граждан в медицинские учреждения. Это проявляется в удлинении сроков записи на прием к врачу, невозможности записать граждан на прием из-за отсутствия должным образом оформленной медицинской карты. Огромное количество граждан не получили уведомление о необходимости написать соответствующее заявление для перевода медицинских документов в цифровой формат, а органы медицинского страхования отказываются брать на себя обязанность о данном информировании, вследствие прямого указания закона.

В целом, можно говорить о том, что обсуждение перспектив и возможностей цифровой медицины основано на том, что лучшие региональные практики не тиражируются по всей стране, система записи к врачу через интернет слабо помогает, если не хватает врачей, накопленные в ЕГИСЗ данные – не анализируются, к качеству справочников имеется масса справедливых нареканий. Телемедицинские консультативные центры федерального уровня не загружены на 100 %. Проекты живут на энтузиазме отдельных лиц и компаний, которого хватает только для «быстрых побед» [2, 15]. Многие специалисты полагают, что переход к информационным медицинским услугам существенно затруднен, потому что отсутствует полноценный и эффективный правовой механизм для реализации новых возможностей в области медицины.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровое здравоохранение охватывает электронное здравоохранение, мобильное здравоохранение, телездравоохранение и данные здравоохранения. В этой связи, можно сделать вывод о том, что процесс цифровой трансформации оказывает, скорее, положительное воздействие на права человека и гражданина в здравоохранении, так как позволяет максимально полно реализовывать личные права, связанные сохранением и защитой здоровья. В то же самое время, нельзя забывать о том, что полноценная защита жизни и здоровья невозможна без сдачи соответствующих анализов, которые могут взяты только непосредственно у гражданина, а исследования проведены только в лабораторных условиях. В этой связи, особое значение приобретают технологии носимых устройств мобильного здравоохранения (mHealth), которые позволяют ускорить сбор и производить оценку цифровых биомаркеров, измеряющих показатели биологического состояния человека и медицинская робототехника с использованием ИИ с виртуальной/дополненной реальностью [1, 134].

Внедрение цифровых технологий приводит к выстраиванию новых моделей функционирования медицинских организаций, органов управления здравоохранением и механизмов взаимодействия с пациентами, то есть трансформирует систему здравоохранения в целом. Примерами, подтверждающими вышеуказанные выводы о цифровой трансформации в здравоохранении, являются следующие факты: растёт объём медицинских данных в электронном виде: более 65000 подразделений медицинских организаций внедрили медицинские информационные системы и передают сведения в ЕГИСЗ; налаживается межведомственное взаимодействие: в электронный формат полностью переведено взаимодействие с Минтрудом по оформлению инвалидности (более 1,7 млн направлений в год) и с Росгвардией по получению справок на оружие (более 1,3 млн обращений в год); развиваются сервисы на базе технологий искусственного интеллекта, что позволяет кратно повышать качество медицинской помощи; постоянно растет количество успешных электронных записей на приём к врачу выросло: в среднем по РФ доля успешных дистанционных записей на приём достигла 82 %; с 01 января 2025 года будет запрещено использовать иностранное программное обеспечение на значимых объектах критической информационной инфраструктуры.

В целом, можно говорить о том, что цифровизация в сфере здравоохранения в современных условиях, безусловно, повышает качество медицинских услуг, так как дает возможность гражданам мобильно принимать решения, связанные с управлением собственным здоровьем. В свою очередь, это способствует персонализации цифрового здравоохранения, что повышает качество

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

жизни, делает современные государства более соответствующими принципам социального государства и способствует реализации миссии цифрового здравоохранения [9; 13].

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Доан Т.М. Цифровизация здравоохранения: перспективные инструменты / Т.М. Доан, О.Г. Крестьянинова, В.А. Плотников // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 2. С. 132–140.
2. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки / О.Э. Карпов [и др.] // Цифровое здравоохранение. 2017. № 3. С. 6–22.
3. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из СПС «Гарант».
4. О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 06 июня 2019 г. № 254. Доступ из СПС «Гарант».
5. О федеральной ГИС «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977. Доступ из СПС «Гарант».
6. Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов. Приказ Минздрава от 07.09.2020 № 947н. Доступ из СПС «Гарант».
7. Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Приказ Минздрава РФ от 30.11.2017 № 965н. Доступ из СПС «Гарант».
8. Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
9. Об утверждении административного регламента федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 10 июля 2020 года № 5974. Доступ из СПС «Гарант».
10. Об утверждении порядка выдачи и оформления листков нетрудоспособности, включая порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа. Приказ Минздрава РФ от 01.09.2020 № 925н. Доступ из СПС «Гарант».
11. Об утверждении государственной программы РФ «Развитие здравоохранения. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640. Доступ из СПС «Гарант».
12. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения. ГОСТ Р 59921.0-2022. Доступ из СПС «Гарант».
13. Стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р. Доступ из СПС «Гарант».

References:

1. Doan T.M. Digitalization of healthcare: promising tools / T.M. Doan, O.G. Krestyaninova, V.A. Plotnikov // Economics and management. 2023. Vol. 29. № 2. P. 132–140.
2. Digital healthcare. Necessity and prerequisites / O.E. Karpov [et al.] // Digital healthcare. 2017. № 3. P. 6–22.
3. On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation № 474 dated July 21, 2020. Access from the SPS «Garant».
4. On the Strategy of healthcare development in the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the President of the Russian Federation № 254 dated June 06, 2019. Access from the SPS «Garant».
5. About the federal GIS «Unified Identification and Authentication System in the infrastructure that provides information technology interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form. Decree of the Government of the Russian Federation dated 28.11.2011 № 977. Access from the SPS «Garant».
6. On approval of the Procedure for organizing a document management system in the field of health protection in terms of maintaining medical records in the form of electronic documents. Order of the Ministry of Health of 07.09.2020 № 947n. Access from the SPS «Garant».

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

7. Approval of the procedure for the organization and provision of medical care using telemedicine technologies. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated November 30, 2017 № 965n. Access from the SPS «Garant».
8. On the basics of public health protection in the Russian Federation. Federal Law № 323-FZ dated November 21, 2011. Access from the SPS «Garant».
9. On approval of the administrative regulations of the Federal Service for Supervision in the field of Healthcare for the implementation of state quality control and safety of medical activities. Order of the Federal Service for Healthcare Supervision № 5974 dated July 10, 2020. Access from the SPS «Garant».
10. Approval of the procedure for the issuance and registration of disability certificates, including the procedure for the formation of disability certificates in the form of an electronic document. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 09/01/2020 № 925n. Access from the SPS «Garant».
11. On the approval of the state program of the Russian Federation «Development of healthcare. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 26, 2017 № 1640. Access from the SPS «Garant».
12. Artificial intelligence systems in clinical medicine. The main provisions. GOST R 59921.0-2022. Access from the SPS «Garant».
13. Strategic direction in the field of digital transformation of healthcare. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/17/2024 № 959-r. Access from the SPS «Garant».

Информация об авторах

Штанько Марина Александровна
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогский институт управления и экономики
ORCID 0000-0003-2665-2552
nikam13@rambler.ru

Забиров Алексей Бариевич
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
и правоохранительной деятельности,
Томский университет систем управления
и радиоэлектроники
aleks197208@mail.ru

Marina A. Shtanko
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics
ORCID 0000-0003-2665-2552
nikam13@rambler.ru

Alexey B. Zabirov
Senior Lecturer of the Department
of Public Law and Law Enforcement,
Tomsk University of Control Systems
and Radio Electronics
aleks197208@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Штанько М.А., Забиров А.Б.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-32
УДК 342.9

Attribution
cc by

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ СЕГМЕНТОВ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Щеглов Е.Н.
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Аннотация. В статье производится исследование отдельных категорий сведений конфиденциального характера, подлежащих обороту в оперативных подразделениях органов внутренних дел. Исследуются практикоориентированные подсистемы ИСОД МВД Росси необходимые при выполнении задач оперативных подразделений органов внутренних дел, а именно – банк данных о регистрационном учете иностранных граждан и лиц без гражданства, а также – система регистрации граждан Российской Федерации по месту жительства и месту пребывания. Отмечены отдельные правовые пробелы, коллизии в действующих нормативных правовых актах, регулирующих процедуры защиты конфиденциальных данных, а также пути их возможного разрешения. Обозначено практическое предложение автора относительно необходимости достижения сбалансированности механизма применения правовых, организационных, технических мер защиты конфиденциальных сведений в органах внутренних дел и практической потребностью в доступе к данным ограниченного распространения у оперативных подразделений.

Ключевые слова: оперативное подразделение полиции, оборот конфиденциальной информации, информационных банки данных, информационная безопасность, конфиденциальные сведения, правонарушение.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PROTECTION OF CERTAIN SEGMENTS OF CONFIDENTIAL INFORMATION IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Evgeny N. Shcheglov
Voronezh State University named after Emperor Peter I

Abstract. The article studies individual categories of confidential information subject to circulation in operational units of internal affairs bodies. It studies practice-oriented subsystems of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia required for the performance of tasks of operational units of internal affairs bodies, namely, the database on registration of foreign citizens and stateless persons, as well as the system of registration of citizens of the Russian Federation at the place of residence and place of stay. Individual legal gaps, conflicts in the current regulatory legal acts governing the procedures for protecting confidential data, as well as ways of their possible resolution are noted. The author's practical proposal regarding the need to achieve a balance in the mechanism for applying legal, organizational, technical measures to protect confidential information in internal affairs bodies and the practical need for access to restricted data in operational units is outlined.

Keywords: police operational unit, confidential information circulation, information data banks, information security, confidential information, offense.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Информация в деятельности различных полицейский подразделений имеет крайне важное практическое значение, поскольку достаточная часть деликтов, находящихся в компетенции данного государственного органа, предупреждается и пресекается, благодаря использованию конфиденциальных сведений о физических лицах. Необходимо отметить, что большой массив подобных данных на постоянной основе подлежит обороту в информационно-телекоммуникационных ресурсах (базах данных) МВД России.

© Щеглов Е.Н.

Оборот информации ограниченного распространения, реализуемый благодаря различным полицейским подразделениям, а также накопление (хранение) отдельных конфиденциальных сведений, ежедневно увеличивает ценность определенных сегментов системы.

Следовательно, с увеличением ресурсного объема данных МВД России, подлежащих государственной охране, возникает необходимость модернизации, дополнения правовых и организационно-технических механизмов, ориентированных на поддержание состояния «ограниченного распространения», пресечения попыток реализации неправомерного доступа заинтересованных лиц, а также утраты (утечки, либо разглашения) подобных сведений [1].

Обсуждение.

По нашему мнению, правовые режимы охраны конфиденциальной информации могут претерпевать определенные изменения в момент передачи отдельных категорий сведений между субъектами ее оборота, на которые возложена обязанность по поддержанию надлежащего уровня конфиденциальности.

Следовательно, без изменения содержательной составляющей информационного массива, он может единовременно охраняться в режиме служебной, коммерческой, медицинской, личной, семейной и иной тайны либо персональных данных [2].

Представляется актуальным, отметить, что разновидность конфиденциальных сведений «в определенном контексте» устанавливается согласно административно-правового статуса физического, должностного, юридического лица которому передается информация в установленном действующими нормативными правовыми актами порядке. Считаем, что применительно к деятельности сотрудников полиции, преимущественный режим конфиденциального охранения будет установлен как служебная тайна, т.е. сведения которые сотрудник получил в рамках реализации своей служебной деятельности [3]. В данной ситуации необходимо оговорить, что мы не рассматриваем ситуацию, в которой сотрудник использует государственную тайну, поскольку режим административно-правовой охраны, указанной категории сведений имеет существенные отличия от конфиденциальной информации.

Представляется актуальным рассмотреть отдельные примеры возможного использования отдельных автоматизированных баз данных МВД России в деятельности оперативных подразделений, отметить их практическую значимость для сотрудников полиции, при этом не нарушая режима ограниченного распространения сведений конфиденциального характера, содержащихся в них (нами будут проанализированы отдельные открытые нормативные правовые предписания регламентирующие режим организационно-правовой охраны подобных информационно-телекоммуникационных ресурсов).

Информационным ресурсом МВД России, к которому у оперативных подразделений полиции имеется постоянный интерес, является система регистрации граждан Российской Федерации по месту жительства и месту пребывания. Правовую основу данной информационной системы составляют положения ст. 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [4] (далее – Закон о свободе передвижения).

Часть первая данной статьи устанавливает, что «в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином Российской Федерации его прав и свобод, а также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом вводится регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации».

Отметим, что федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, ведет базовый государственный информационный ресурс регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, содержащий в себе информацию, полученную от граждан, федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных полномочных органов, органов местного самоуправления, а также учреждений, осуществляющих регистрацию и снятие граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания.

Для ведения указанного банка данных предусмотрены подразделения адресно-справочной работы, деятельность которых по выдаче адресных справок внешним пользователям в настоящий период времени определена Административным регламентом предоставления Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной услуги по предоставлению адресно-справочной информации, утвержденным приказом МВД России [5].

Из анализа положений данного акта следует, что данный информационный ресурс образуется в пределах субъекта Российской Федерации. Закон о свободе передвижения непосредственно своими нормами устанавливает объем сведений, которые должны храниться в этом банке данных применительно к каждому гражданину:

– фамилия, имя, отчество;

– дата и место рождения;

– пол;

© Щеглов Е.Н.

– адрес и дата регистрации (снятия с регистрационного учета) по месту жительства (месту пребывания);

– данные основного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации (в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, реквизиты свидетельства о рождении);

– реквизиты свидетельства о смерти (при снятии с регистрационного учета, умершего);

– наименование и дата решения суда, вступившего в законную силу, при снятии с регистрационного учета по месту жительства гражданина Российской Федерации, признанного безвестно отсутствующим, либо выселенного из занимаемого жилого помещения или признанного утратившим право пользования жилым помещением.

Представляется, что сведения, подлежащие обороту в рамках данного информационного ресурса, формируют достаточно «чувствительную» группу для физического лица (человека, гражданина) в случае их противоправного распространения, либо утраты (утечки) по причине нарушения установленных правил защиты [6]. Более того, использование информации злоумышленниками может способствовать совершению отдельных «условно новых» видов дистанционного мошенничества, махинаций в кредитно-банковской сфере либо продажи персональных данным достаточно уязвимого социального сегмента (несовершеннолетние, лица пенсионного возраста и др.).

Бесспорно, что данный информационный ресурс относится к категории защищаемых. Причем сведения, его образующие, как это предусмотрено абзацем 10 статьи 3 Закона о свободе передвижения, могут защищаться в режиме государственной тайны, коммерческой или иной охраняемой законом тайны, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации в области персональных данных.

По поводу правомерности данного положения у автора имеются определенные сомнения. Согласимся с тем, что все без исключения сведения из данного банка данных относятся к категории персональной информации. Также согласимся с тем, что сведения о некоторых физических лицах могут охраняться в режиме государственной тайны или служебной тайны. Но их защита в иных режимах и, прежде всего, в режиме коммерческой тайны, является невозможной, в силу чего данное положение закона подлежит корректировке, поскольку подобная формулировка положений действующего законодательства создает ситуации коллизионного толкования легитимных правовых норм и может привести к формированию достаточно спорной правоприменительной практике.

Автором предлагается следующая редакция абзаца 10 статьи 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»: *«…Информация, содержащаяся в базе данных, подлежит защите в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, законодательством Российской Федерации о государственной, служебной и иной охраняемой законом тайне (за исключением коммерческой), а также законодательством Российской Федерации в области персональных данных».*

В настоящий период времени, в связи с нахождением миграционной службы в ведении органов внутренних дел в качестве системы подразделений, имеются все основания полагать, что данный информационный ресурс получит дальнейшее развитие в рамках системы «Следопыт-М» ИСОД МВД России, и оперативные подразделения полиции будут осуществлять к нему доступ за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

Следующим информационным ресурсом, который будет подлежать анализу в рамках проводимого научного исследования и представляющий системный интерес для оперативных подразделений полиции, является банк данных о регистрационном учете иностранных граждан и лиц без гражданства. Правовую основу для ведения этого информационного ресурса составляют положения Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [7].

Данный нормативный правовой акт, как и Закон о свободе передвижения, оперирует понятиями «место жительства» и «место пребывания», под которыми понимает относительно стабильное и временное пребывание лица на определенной территории.

Для целей миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – иностранных граждан), во исполнение положений статьи 10 указанного выше закона, создана государственная информационная система миграционного учета – «Положение о государственной информационной системе миграционного учета» – утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 14.02.2007 № 94 [8].

В настоящий период времени оператором указанной информационной системы является МВД России, а основными поставщиками сведений – МИД России, ФСБ России и ФНС России. Круг пользователей данной системы в Положении персонально не определен. Примечательной является норма Положения о том, что обладателем сведений, включенных в рассматриваемую информационную систему, одновременно явля-

© Щеглов Е.Н.

ются МВД России и поставщик сведений, что подразумевает возможность равного распоряжения такой информацией, в том числе ее передачи и распространения.

Проведенный автором анализ нормативной базы функционирования данного информационного ресурса показал, что подключение к нему осуществляется, как правило, на постоянной основе пользователями, с которыми заключено Соглашение об информационном обмене, предусмотренное совместным приказом МВД России, МИД России, Минкомсвязи России, ФСБ России и ФНС России [9].

Подключение пользователя к автоматизированной информационной системе происходит при выполнении следующих условий:

– регистрации, уполномоченных лиц пользователя в информационной системе;

– изготовлении и выдачи уполномоченным лицам пользователя, а также уничтожение ключей электронной цифровой подписи.

Следовательно, можно заключить, что идентификация и аутентификация пользователя реализуется на основе частных данных должностного лица (личного логина и пароля, электронной-цифровой подписи и др.), получающего доступ, а не конкретного рабочего места, аккредитованного на доступ к системе и работе с которым допущен определенный перечень сотрудников полиции.

Из указанного, с учетом высокой динамики движения личного состава в оперативных подразделениях полиции, следует, что непосредственное подключение рабочих мест оперативных работников к ресурсам данной информационной системы практически затруднено.

В отдельных оперативных подразделениях может сложиться ситуация, когда из-за организационно-штатных изменений сотрудники полиции не смогут получить доступ к системе конфиденциальной информации, даже в случае «острой» оперативной необходимости; особенно эта ситуация может быть свойственна для регионов с большой удаленностью от федерального центра.

Исходя из анализа порядка доступа к сведениям, содержащимся в информационных системах регистрационного учета граждан Российской Федерации и иностранных граждан по месту пребывания и жительства, возникает один общий, одновременно теоретический и прикладной вопрос, четкая регламентация которого в действующей нормативной базе отсутствует. Это вопрос о фиксации в реестрах указанных информационных систем каждого факта обращения кого-либо за информацией.

Учитывая тот факт, что эксплуатация банков, данных осуществляется МВД России и, следовательно, информация о зафиксированных фактах обращения защищена от противоправного распространения, в данном случае должен реализовываться порядок фиксации сведений о пользователе по его действительной должности, либо по наименованию подразделения, органа, организации, которые обратились за такой информацией. Данный ресурс должен сохраняться по времени ровно столько, сколько обеспечивается сохранность сведений о конкретном физическом лице.

Автором предлагается следующая редакция пункта 18 постановления Правительства Российской Федерации от 14.02.2007 № 94 «О государственной информационной системе миграционного учета»: *«…18. Доступ участников информационного обмена к сведениям фиксируется, храниться в реестре информационной системы и осуществляется с учетом требований настоящего Положения, а также…».*

При возникновении различных ситуаций, в том числе при совершении преступлений в отношении физического лица, данная информация может оказаться полезной при их расследовании. А хранение ее, в силу того, что в отношении подавляющего большинства физических лиц таких обращений вообще не формируется, не займет большого объема цифровой памяти на материальном носителе.

По мнению автора, целесообразно предложить внести изменения в соответствующие нормативные акты для легитимации этого научного вывода.

Заключение.

В качестве выводов, нам представляется актуальным заключить, что действующая система правовых, организационных и технических мер, ориентированных на поддержание надлежащего уровня конфиденциальности информации в электронных банках данных МВД России, продолжает нуждаться в модернизации, научном осмыслении и формировании действенных практических предложений, направленных на повешение качественного уровня ее работы, защиты и обслуживания.

Именно комплексный подход в вопросах информационной безопасности, а также – исчерпывающий анализ фактических противоречий нормативного правового, организационно регулирования рассматриваемой системы, позволит создать сбалансированный механизм охраны сведений конфиденциального характера, не ограничивающий потребности оперативных подразделений полиции в доступе к конфиденциальной информации по основанию невозможности (либо не проработанности) отдельных вопросов ее правовой, организационной или технической защиты.

© Щеглов Е.Н.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ковалев А.Д. Моделирование возможного возникновения технических каналов утечки информации в помещениях для конфиденциальных переговоров на основе сетей Петри / А.Д. Ковалев, Д.В. Кондратов // Научно-технический вестник Поволжья. 2025. № 1. С. 23–27.
2. Балычев А.П. Коммерческая тайна как вид конфиденциальной информации: правовое регулирование в Российской Федерации / А.П. Балычев // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 4(73). С. 208–218.
3. Анализ перечня нормативно-правовых актов в области защиты конфиденциальной информации / А.Н. Баранов [и др.] // Вестник МПА ВПА. 2024. № 1(5). С. 88–96.
4. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по предоставлению адресно-справочной информации: приказ МВД России от 23.12.2022 № 984 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Фомичева И.В. Разработка мер защиты конфиденциальной управленческой информации в организации / И.В. Фомичева, О.В. Юдина, Д.В. Поляков // Научные исследования и разработки. Экономика. 2024. Т. 12. № 2. С. 56–60.
7. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. О государственной информационной системе миграционного учета: постановление Правительства РФ от 14.02.2007 № 94 // СПС «КонсультантПлюс».
9. О типовом соглашении об информационном обмене сведениями в государственной информационной системе миграционного учета: приказ ФМС РФ № 39, МВД РФ № 179, МИД РФ № 2619, Минкомсвязи РФ № 30, ФСБ РФ № 69, ФНС РФ № ММ-7-6/100 от 02.03.2009 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Мумаидов А.А. Государственная, коммерческая тайна и конфиденциальная информация: понятия и проблемы правового регулирования в Российской Федерации // Интернаука. 2023. № 23-4(293). С. 4–6.
11. Субботин Е.А. Защита конфиденциальной информации в организации // Интернаука. 2023. № 3-2(273). С. 7–8.
12. Дашковец Д.А. Институт защиты конфиденциальной информации: отраслевые особенности правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 194–196.

References:

1. Kovalev A.D. Modeling the possible emergence of technical channels of information leakage in rooms for confidential negotiations based on Petri nets / A.D. Kovalev, D.V. Kondratov // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2025. № 1. P. 23–27.
2. Balychev A.P. Commercial secret as a type of confidential information: legal regulation in the Russian Federation // Bulletin of science. 2024. Vol. 2. № 4(73). P. 208–218.
3. Analysis of the list of regulatory legal acts in the field of protection of confidential information / A.N. Baranov [et al.] // Bulletin of the IPA VPA. 2024. № 1(5). P. 88–96.
4. On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 25.06.1993 № 5242-1 // SPS «ConsultantPlus».
5. On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of public services for the provision of address and reference information: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 23.12.2022 № 984 // SPS «ConsultantPlus».
6. Fomicheva I.V. Development of measures to protect confidential management information in an organization / I.V. Fomicheva, O.V. Yudina, D.V. Polyakov // Scientific research and development. Economy. 2024. Vol. 12. № 2. P. 56–60.
7. On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: Federal Law of 18.07.2006 № 109-FZ // SPS «ConsultantPlus».
8. On the state information system of migration registration: Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.02.2007 № 94 // SPS «ConsultantPlus».

© Щеглов Е.Н.

9. On the standard agreement on information exchange in the state information system of migration registration: order of the FMS of the Russian Federation № 39, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 179, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation № 2619, the Ministry of Communications of the Russian Federation № 30, the FSB of the Russian Federation № 69, the Federal Tax Service of the Russian Federation № ММ-7-6/100 dated 02.03.2009 // SPS «ConsultantPlus».
10. Mumaidov A.A. State, commercial secret and confidential information: concepts and problems of legal regulation in the Russian Federation // Internauka. 2023. № 23-4(293). P. 4–6.
11. Subbotin E.A. Protection of confidential information in an organization // Internauka. 2023. № 3-2(273). P. 7–8.
12. Dashkovets D.A. Institute for the Protection of Confidential Information: Sectoral Features of Legal Regulation // Eurasian Law Journal. 2022. № 1(164). P. 194–196.

Информация об авторе

Щеглов Евгений Николаевич
старший преподаватель
кафедры юридических дисциплин,
Воронежский государственный
аграрный университет имени императора Петра I
03031983sergo@gmail.com

Evgeny N. Shcheglov
Senior Lecturer
of the Department of Legal Disciplines,
Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I
03031983sergo@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Щеглов Е.Н.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-34
УДК 65.012.6

Attribution
cc by

КВАЛИФИКАЦИЯ ЭКСПЕРТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКУПОЧНОЙ И ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Гаджиев Х.М.[1], Юсуфов Ш.А.[2], Хасанов И.И.[3]
[1, 2]Дагестанский государственный технический университет,
[3]Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. Статья посвящена актуальности профессиональной экспертизы в сфере государственных закупок, с фокусом на сфере образования. Целью исследования является выявление ключевых требований к экспертам, включая как формальные критерии (ученая степень, опыт), так и «мягкие» навыки, такие как критическое мышление и способность к анализу информации. Задачи исследования заключаются в анализе нормативных актов и типовых требований к экспертам, а также в оценке значимости постоянного профессионального развития специалистов в условиях изменений законодательства. Методология исследования включает анализ нормативных документов и практических примеров. Результаты исследования подтверждают, что квалификация эксперта в сочетании с его компетенциями и личностными качествами определяет качество экспертной деятельности и эффективность выполнения контрактных обязательств. Сделан вывод о необходимости регулярного обновления знаний и повышения квалификации специалистов для обеспечения объективных и обоснованных решений.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, экспертная деятельность, закупочная документация, исполнение контрактов, нормативно-правовое регулирование, квалификация эксперта.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

QUALIFICATION OF AN EXPERT IN THE EXAMINATION OF PROCUREMENT AND REPORTING DOCUMENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION

Khadzhimurat M. Gadzhiev[1], Shirali A. Yusupov[2], Ilnur I. Khasanov[3]
[1, 2]Dagestan State Technical University,
[3]Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article addresses the relevance of professional expertise in the field of public procurement, with a focus on the education sector. The aim of the study is to identify the key requirements for experts, including both formal criteria (academic degree, experience) and «soft» skills such as critical thinking and the ability to analyze information. The tasks of the research are to analyze regulatory documents and typical requirements for experts, as well as to assess the importance of continuous professional development in light of changes in legislation. The methodology of the study includes the analysis of normative documents and practical examples. The results of the study confirm that the expert's qualifications, combined with their competencies and personal qualities, determine the quality of expert activity and the effectiveness of contract fulfillment. The conclusion is made about the necessity of regularly updating knowledge and improving qualifications to ensure objective and substantiated decisions.

Keywords: public procurement, contract system, expert activities, procurement documentation, contract execution, regulatory framework, expert qualification.

Funding: Independent work.

Введение. Современная система государственных закупок в условиях существующего геополитического положения Российской Федерации является одним из ключевых факторов экономического роста Российской Федерации, во многом обеспечивая ключевые составляющие национальной безопасности государства (увеличение объемов финансирования реального сектора экономики, тренд на повышение эффективности инвестиционных процессов, дальнейшее повышение конкурентоспособности отечественной продукции, устойчивое развитие инноваций и

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

технологий и пр.). Значительная часть внутреннего валового продукта Российской Федерации формируется за счет системы государственных закупок. Эффективное ее функционирование содействует развитию всех секторов экономики. Ежегодно отмечается рост объемов закупок, чему способствует системное внедрение интегрированного подхода, сочетающего принципы прозрачности, открытости и профессионализма. Одновременно усиливается ответственность за эффективность закупочных процедур, а также совершенствуются антикоррупционные механизмы в сфере государственных закупок, что способствует развитию добросовестной конкуренции.

С каждым годом объем закупок по государственным контрактам растет, отмечается положительная динамика в количественных показателях объемов поставок товаров и услуг в рамках заключенных контрактов. Так, общий объем госзакупок и закупок госкомпаний по итогам 2023 года составил 32 трлн рублей (закупки и по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ), Федеральному закону от 18.06.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее 223-ФЗ). При этом в 2023 году объем именно госзакупок составил 12,6 трлн рублей против 12,4 трлн рублей в 2022 году [3, 4]. По данным из Единой информационной системы в сфере закупок (далее – ЕИС), госзаказчики на конец декабря 2024 года разместили извещения о проведении закупок на 11,8 трлн рублей и заключили контракты на 10,4 трлн рублей, а госкомпании разместили в ЕИС извещения о проведении закупок на 7,4 трлн рублей и подписали договоры на 8,7 трлн рублей [4].

Вместе с тем, заключение государственных контактов – это только начальный этап процессов закупки. В дальнейшем в полной мере должны быть выполнены обязательства по данным контрактам с безусловным соблюдением участниками закупочной деятельности правил и требований, предусмотренных действующими нормативными актами: предоставление исчерпывающих и достоверных сведений о ходе и результатах выполнения работ (оказания услуг, поставки товара) в рамках заключенных контрактов/договоров, подтверждение результативности обязательств исполнителя отчетной документацией по реализованным контрактам/договорам/соглашениям.

В данном контексте чрезвычайную значимость приобретает вопрос качества экспертной оценки закупочной документации, результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений. Качество данных материалов определяется посредством экспертизы закупочной документации, а также отчетной документации по результатам исполнения контрактов, договоров и соглашений.

Все вышесказанное актуализирует вопрос обеспечения необходимого уровня квалификации специалистов, которые проводят экспертную оценку экспертов в вопросах оценки закупочной и отчетной документации в сфере образования.

Обсуждение. В современном российском обществе уделяется значительное внимание особенностям и технологическим инструментам оценочных алгоритмов, операций и механизмов, направленных на качественные изменения в различных сферах. Эксперты играют ключевую роль в обеспечении объективности и эффективности этих процессов. При этом понятие «эксперт» не предполагает строго фиксированного перечня требований к уровню образования, компетенциям или критериям, необходимым для квалифицированного выполнения аналитической и оценочной работы. Это связано с тем, что экспертиза проводится в различных сферах, а объекты анализа могут значительно отличаться. Вопрос о совокупности качеств и компетенций, необходимых эксперту для обеспечения высокого качества экспертных выводов, остается предметом дискуссий.

Экспертная деятельность охватывает широкий спектр направлений, включая правовую, экономическую и финансовую экспертизу, анализ закупочной документации и результатов исполнения контрактов, независимую оценку качества предоставляемых услуг, экспертизу объектов интеллектуальной собственности, научную и научно-техническую экспертизу, а также аудиторскую, экологическую, социальную и технологическую экспертизу.

Анализ множества источников публицистического, юридического и научного характера, нормативно-правых актов позволяет выделить несколько определений понятия «экспертиза» [1, 5–9]:

– исследование и установление таких фактов и обстоятельств, для выяснения которых необходимы специальные познания в какой-либо науке, искусстве, ремесле или промысле;

– специализированное изучение объектов, подлежащих экспертной оценке, со стороны уполномоченных лиц, обладающих высоким уровнем компетенций для проведения заявленного специализированного изучения;

– исследование, которое проводится специалистом или группой специалистов по заказу заинтересованных лиц для получения профессионального заключения, оформленного соответствующим актом;

– рассмотрение, исследование чего-либо специалистами для правильной оценки, заключения и т.п.;

– процесс, заключающийся в исследовании какой-либо проблемы сведущими в данной области лицами - экспертами/специалистами;

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

– исследование, которое проводится специалистом или группой специалистов по заказу заинтересованных лиц для получения профессионального заключения, оформленного соответствующим актом.

В п. 5 ст. 3 44-ФЗ представлено общее понятие «эксперт, экспертная организация», а в ст. 41 сформулированы основные особенности работы экспертов и экспертных организаций [2], однако в реальности заказчики сталкиваются с трудностями при определении круга лиц, привлекаемых в качестве экспертов. При этом наибольшей проблемой является именно квалификация эксперта. Данный факт предопределяет проведение детального анализа понятия «эксперт», а также требований к нему.

В данной статье рассмотрим подробнее требования к экспертам, осуществляющим экспертизу закупочной документации, а также экспертизу результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений в сфере образования.

В целом, процесс управления закупками должен быть основан на объективности оценки всех этапов закупочных процедур: на этапе подготовки закупочной документации, на этапе реализации контракта/договора/соглашения, на этапе приемки результатов реализации контракта/договора/соглашения. Именно проведением экспертных работ на всех этих этапах и занимается эксперт. Результаты данной экспертизы, которая является обязательной процедурой для заказчиков, будут основополагающими для оценки исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Вместе с тем, независимо от того, будет ли в качестве эксперта выступать назначенное заказчиком ответственное лицо, члены приемочной комиссии, или это будет привлеченный внешний эксперт (экспертная организация), экспертное заключение должно быть таковым, то позволит заказчику принять обоснованное решение.

Понятие «эксперт» («экспертная организация») трактуется следующим образом:

1. В нормативно-правовых актах [1, 2]:

– граждане, имеющие специальные знания, опыт в соответствующей сфере науки, техники, хозяйственной деятельности, и организации, аккредитованные в установленном Правительством Российской Федерации порядке в соответствующей сфере науки, техники, хозяйственной деятельности, которые привлекаются органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля к проведению мероприятий по контролю;

– обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, либо юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по поставленным заказчиком, участником закупки вопросам в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

2. В источниках публицистической, научной-исследовательской и информационной направленности [10–14]:

– лицо, имеющее необходимые и достаточные для предоставления заключения знания, являющееся высококомпетентным в области (сфере) проведения экспертизы, позиция которого призвана отвечать требованиям в высшей степени беспристрастности и объективности, так как результатом работы эксперта является составление заключения (мнения), которое может быть оспорено экспертируемым;

– лицо, обладающее специальным набором знаний, навыков и опытом в определенной отрасли, которые позволяют ему давать квалифицированные оценки относительно процессов, протекающих внутри и вокруг этой отрасли;

– лицо, имеющее необходимые и достаточные для предоставления заключения знания, являющееся высококомпетентным в области (сфере) проведения экспертизы, позиция которого призвана отвечать требованиям в высшей степени беспристрастности и объективности;

– физическое лицо, которое обладает специальными познаниями в определенной сфере, опытом и квалификацией, достаточной для проведения экспертизы;

– физическое лицо, обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель.

Таким образом, квалифицированное уполномоченное лицо – эксперт – при проведении оценки закупочной документации и результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений должен максимально профессионально выполнить свою работу, итоги которой позволят обеспечить обоснованность решения относительно приемки результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений. Залогом этого, бесспорно, является квалификация эксперта, основу которой составляет множество факторов.

Ряд требований к эксперту, которые носят ограничительный характер, обозначен в ст. 41 44-ФЗ. В частности, к экспертной деятельности не могут быть допущены [9]:

1. Физические лица:

а) являющиеся либо в течение менее чем двух лет, предшествующих дате проведения экспер-

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

тизы, являвшиеся должностными лицами или работниками заказчика, осуществляющего проведение экспертизы, либо поставщика (подрядчика, исполнителя);

б) имеющие имущественные интересы в заключении контракта, в отношении которого проводится экспертиза;

в) являющиеся близкими родственниками [родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами], усыновителями или усыновленными с руководителем заказчика, членами комиссии по осуществлению закупок, руководителем контрактной службы, контрактным управляющим, должностными лицами или работниками поставщика (подрядчика, исполнителя) либо состоящие с ними в браке;

2. Юридические лица, в которых заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) имеет право распоряжаться более чем 20% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции, либо более чем 20 % вкладов, долей, составляющих уставный или складочный капитал юридических лиц.

3. Физические лица или юридические лица в случае, если заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) прямо и/или косвенно (через третье лицо) может оказывать влияние на результат проводимой такими лицом или лицами экспертизы.

В общем случае для проведения экспертизы специалист должен отвечать ряду следующих требований [1, 14]:

– наличие необходимых и достаточных для предоставления заключения знаний;

– высокий уровень компетенции в области (сфере) проведения экспертизы;

– беспристрастность и объективность.

Непосредственно для проведения экспертизы документации о закупочной деятельности, экспертизы результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений в сфере образования специалист должен:

знать:

– основные положения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок;

– способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в рамках 44-ФЗ и 223-ФЗ;

– особенности и порядок осуществления закупки товаров, работ, услуг в соответствии с основными положениями 44-ФЗ и 223-ФЗ;

общие требования к контракту/договору/соглашению, порядок их заключения и сущность претензионной работы в соответствии с основными положениями 44-ФЗ и 223-ФЗ;

– процедуры различных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), их содержание, особенности осуществления отдельных видов закупок 44-ФЗ и 223-ФЗ.

уметь:

– применять в экспертной деятельности основные положения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок;

– осуществлять экспертизу закупочной документации, предоставляемой по итогам исполнения контрактов, договоров и соглашений в рамках 44-ФЗ и 223-ФЗ;

– осуществлять экспертизу отчетной документации, предоставляемой по итогам исполнения контрактов, договоров и соглашений в рамках 44-ФЗ и 223-ФЗ;

– осуществлять экспертизу хода реализации договоров /контрактов/соглашений в рамках исполнения контрактов, договоров и соглашений в рамках 44-ФЗ и 223-ФЗ;

– обеспечивать организацию и осуществление экспертных выездов для оценки хода исполнения государственных контрактов/договоров/соглашений.

Авторами проведен анализ закупочной документации на электронных ресурсах (https://rostender.info/resources) по проектам в области обеспечения экспертного сопровождения закупок и выделены типовые требования к эксперту, осуществляющему экспертизу закупочной документации, экспертизу результатов исполнения контрактов, договоров и соглашений в сфере образования:

1. Высшее образование в одной из следующих областей: технические, экономические, математические, естественные науки, общественные науки, образование и педагогика.

2. Учёная степень в юридических, педагогических, экономических, технических или социологических науках.

3. Опыт публикаций в рецензируемых научных изданиях по актуальным вопросам экспертной деятельности, связанным с анализом результатов выполненных работ (оказанных услуг) или обеспечением закупочной деятельности.

4. Авторство или участие в издании монографий, учебников, патентов, авторских свидетельств, посвящённых актуальным аспектам экспертной деятельности при исследовании результатов выполненных работ (оказанных услуг).

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

5. Опыт работы в области анализа выполнения государственных и муниципальных контрактов, договоров, грантовых соглашений, а также реализации мероприятий в рамках муниципальных, региональных, государственных и федеральных программ и проектов в сфере образования и науки.

6. Опыт работы на должностях, связанных с закупочной деятельностью: контрактный управляющий, руководитель контрактной службы, специалист по закупкам.

7. Стаж работы в научной или образовательной организации не менее 5 лет.

Наличие ученой степени в таких сферах, как юридические, педагогические, экономические, технические или социологические науки, а также ученого звания, безусловно, может рассматриваться как значимое преимущество для специалиста. Оно свидетельствует о глубоком владении предметной областью, способности к системному анализу, критическому мышлению и самоорганизации. В то же время ученая степень не является единственным и решающим критерием уровня экспертности. Практический опыт, сформированные профессиональные компетенции и умение применять знания в реальных условиях также играют важную роль в оценке квалификации специалиста. Стаж работы подтверждает уровень практической подготовки, знакомство с профессиональными стандартами, должностными обязанностями и нормативно-документальной базой, что в совокупности формирует всестороннюю экспертность.

Компетентность эксперта не ограничивается только представленными выше требованиями. Для экспертной деятельности чрезвычайно важны «мягкие» навыки, отражающие совокупность личностных качеств и мотивов человека, проявляющихся в виде его рабочего поведения и помогающих эффективно взаимодействовать с окружающими, решать задачи и добиваться намеченных целей. К ним можно отнести, среди прочих, следующие:

– способность работать с большим объемом документации, включающей разные формы отчетности, в том числе и финансовую, что подразумевает умение глубоко вникать в структуру комплекта документов, разбираться в их составе, ориентироваться в источниках информации для ее оперативного поиска, уточнения фактов или показателей с их одновременной верификации;

– способность системной и осмысленной работы с нормативно-правовыми документами, предполагающая понимание специфики документации данного типа, умение ориентироваться в ней для поиска необходимых данных и сведений, позволяющих формулировать соответствующие выводы и умозаключения, а также использования их для разработки документации подобного типа;

– навыки анализа больших объемов информации, в том числе с применением информационно-коммуникационных технологий на уровне уверенного пользователя (офисные приложения, сервис электронной почты, средства навигации и поисковые системы в сети Интернет).

Также к значимым «гибким» навыкам можно отнести следующие качества личности эксперта:

– креативность и аналитически способности;

– критическое мышление и адаптивность;

– внимательность к деталям;

– творческий подход к решению задач;

– настойчивость и скрупулёзность;

– вдумчивость, способность в сжатые сроки перехода в состояние полной погруженности в задачу;

– способность вникать в суть проблемной ситуации и находить оптимальный путь разрешения противоречий;

– широта и конструктивность мышления;

– обучаемость и прогностичность;

– ответственность и сознательность;

– независимость и принципиальность в вопросах проведения оценочных процедур.

Квалификация и компетенции эксперта выступают ключевыми факторами, определяющими качество экспертной деятельности.

Эксперт должен осознавать, что результаты его работы не сводятся к стандартизированным рекомендациям, исполнение которых остается на усмотрение заказчика экспертизы, или к формальному отчету, соответствующему типовым требованиям. Экспертное заключение представляет собой не только аналитический документ, но и эталонный ориентир, влияющий на исходный результат приемки, рейтинговую оценку деятельности организации, а также на уровень кадрового обеспечения предприятия. В связи с этим эксперт несет значительную ответственность за последствия своих выводов и должен подходить к процессу экспертизы с высокой степенью профессиональной добросовестности и обоснованности.

Недостаточная квалификация эксперта и, как следствие, принятие необоснованного решения о приемке результатов исполнения обязательств по контракту, договору или соглашению, может привести к серьезным негативным последствиям, включая финансовые и репутационные потери всех участников процесса. В то же время корректно проведенная экспертиза, сопровождаемая объективным экспертным заключением, содержащим выявленные недостатки, их обосно-

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

ванный анализ и рекомендации по устранению, позволяет своевременно выявить проблемы, принять соответствующие меры (при наличии такой возможности) и предотвратить дальнейшие ошибки. Это, в свою очередь, снижает материальные риски, способствует соблюдению контрактных обязательств и повышает эффективность реализации процессов.

Весомым фактором, влияющим на квалификацию эксперта, является его готовность и возможность регулярно участвовать в мероприятиях, направленных на повышение профессионального уровня. В условиях стремительного развития науки, технологий и нормативно-правовой базы постоянное обновление знаний становится неотъемлемой частью экспертной деятельности. Программы повышения квалификации охватывают широкий спектр вопросов, включая изменения в закупочном законодательстве, особенности реализации федеральных и региональных проектов, совершенствование методик оценочных процедур, актуализацию стандартов и требований к экспертным заключениям.

Кроме того, участие в профильных семинарах, конференциях и специализированных курсах способствует не только обновлению знаний, но и расширению профессиональных контактов, обмену опытом с коллегами и адаптации к новым требованиям рынка. Взаимодействие с ведущими специалистами в смежных областях, изучение передового отечественного и зарубежного опыта позволяют эксперту вырабатывать более взвешенные и аргументированные решения, что повышает уровень его компетентности и востребованности.

Таким образом, непрерывное профессиональное развитие, основанное на систематическом обучении и совершенствовании практических навыков, в совокупности с накопленным опытом, является важным условием для формирования высококвалифицированного специалиста в сфере экспертной деятельности, способного обеспечить качественную экспертизу и объективную оценку результатов деятельности исполнителей контрактов/договоров/соглашений. В конечном итоге качественная экспертиза играет важную роль в совершенствовании управленческих решений и стратегическом развитии организаций-исполнителей.

Результаты. Проведенный анализ различных нормативно-правовых актов, научных и публицистических источников позволил уточнить определение понятия «эксперт» и требования, предъявляемые к нему в контексте экспертной деятельности в сфере закупок. Было выявлено, что квалификация эксперта определяется не только формальными требованиями к образованию и опыту работы, но и рядом профессиональных и личностных компетенций, необходимых для объективного анализа закупочной документации и результатов исполнения контрактов/договоров/соглашений.

Одним из ключевых результатов исследования является выделение типовых требований к экспертам, проводящим экспертизу закупочной документации и результатов исполнения контрактов в сфере образования. В частности, было установлено, что для выполнения экспертных функций специалист должен обладать высшим образованием в соответствующей области, ученой степенью или значительным практическим опытом в сфере закупочной деятельности, а также навыками работы с нормативно-правовыми актами и аналитическими инструментами. Кроме того, эксперт должен демонстрировать способность к системному анализу, критическому мышлению и объективности при формулировании заключений.

Особое внимание в исследовании было уделено ограничениям, налагаемым на экспертную деятельность законодательством, в частности 44-ФЗ. Было выявлено, что в целях обеспечения независимости и беспристрастности экспертизы устанавливаются строгие запреты на участие в экспертизе лиц, имеющих конфликты интересов. Эти ограничения включают запрет на привлечение экспертов, ранее работавших в организациях-заказчиках или исполнителях, а также лиц, имеющих имущественные интересы в заключаемых контрактах.

Дополнительно проведенный анализ выявил значимость «мягких» навыков эксперта, таких как внимательность, ответственность, аналитическое мышление и способность к работе с большими объемами информации. Установлено, что эксперты, обладающие не только теоретическими знаниями, но и навыками работы с различными формами отчетности, финансовыми и юридическими документами, оказываются более эффективными при выполнении экспертных задач.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что квалификация эксперта является решающим фактором в процессе оценки закупочной документации и результатов исполнения контрактов. Высокий уровень компетенций и профессионализм экспертов обеспечивают обоснованность принимаемых решений, минимизируя риски необоснованного принятия результатов реализации контрактов и повышая прозрачность закупочных процедур. В этой связи необходимо дальнейшее развитие механизмов аккредитации и сертификации экспертов, направленных на повышение их профессионального уровня и соблюдение принципов независимости и объективности.

Заключение. Современная система государственных закупок играет важную роль в социально-экономическом развитии Российской Федерации, обеспечивая прозрачность, эффективность и конкурентоспособность закупочной деятельности. В связи с этим значимость эксперт-

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

ной оценки закупочной документации и результатов исполнения контрактов возрастает. Оптимизация работы экспертов, задействованных в экспертизе закупочной и отчетной документации в сфере образования, повышение их квалификации и совершенствование нормативно-правовой базы позволят обеспечить высокий уровень контроля и результативность закупочных процессов. Развитие института экспертизы способствует повышению качества государственных закупок и достижению стратегических целей экономической политики Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ (последняя редакция) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079 (дата обращения 25.01.2025).
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (дата обращения 21.01.2025).
3. Объем госзаказа в России в 2023 году составил 32 трлн рублей. URL : https://www.interfax.ru/business/960655/ (дата обращения 25.01.2025).
4. Итоги года: Закупки вышли на плато. URL : https://gkgz.ru/itogi-goda-zakupki-vyshli-na-plato (дата обращения 25.01.2025).
5. Васильева О. Что такое экспертиза? URL : http://elhow.ru/ucheba/opredelenija/e/chto-takoe-ekspertiza (дата обращения 25.01.2025).
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3-х т. М. : АСТ; Астрель, 2007. Т. 3. С. 973 с.
7. Волынкина С.В. Расцвет экспертизы как отражение изменений в жизни современного российского общества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №10-1(88).
8. Боровых Ю. «Внешняя» экспертиза в контрактной системе в сфере закупок: требования к экспертам. URL : https://zakupki44fz.ru/blog/vneshniaia-ekspertiza-v-kontraktnoi-sisteme-v-sfere-zakupok (дата обращения 28.01.25).
9. Сергеева С.А. Н.А. Экспертиза в сфере закупок: сущность понятия и основной инструментарий / С.А. Сергеева, Н.А. Билашенко // Финансовые рынки и банки. 2022. № 5.
10. Павлова А.А. Пределы компетентности эксперта как участника судопроизводства образования // Молодой ученый. 2019. № 15(149). С. 289–292.
11. Слепова В.В. Проблемы участия экспертов в процедурах закупки / В.В. Слепова, П.А. Паулов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-1.
12. Ильин С.А. Правовое положение экспертов при осуществлении контрактной системы государственных закупок // Символ науки. 2020. № 1.
13. Сайгушкина С.В. Совершенствование профессионально-этической компетентности эксперта в сфере образования / С.В. Сайгушкина, Ю.Б. Шутько // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2020. № 1(9).
14. Попова Л.В. Этика эксперта в сфере профессионального образования. Новые технологии оценки качества образования. URL : https://expert-edu.ru/images/sbornik2015/1/popova1.pdf (дата обращения 21.01.2025).

References:

1. Federal Law «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control» dated December 26, 2008 № 294-FZ (latest edition) // Official website of Consultant Plus Company. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079 (date of application 25.01.2025).
2. Federal Law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs» dated 05.04.2013 № 44-FZ (latest edition) // Official website of Consultant Plus Company. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (date of application 01/21/2025).
3. The volume of government orders in Russia in 2023 amounted to 32 trillion rubles. URL : https://www.interfax.ru/business/960655 (date of application 25.01.2025).
4. Results of the year: Purchases have reached a plateau. URL : https://gkgz.ru/itogi-goda-zakupki-vyshli-na-plato (date of application 25.01.2025).

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

5. Vasilyeva O. What is expertise?. URL : http://elhow.ru/ucheba/opredelenija/e/chto-takoe-ekspertiza (date of application 01/25/2025).
6. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language : in 3 vol. M. : AST; Astrel, 2007. Vol. 3. P. 973 p.
7. Volinkina S.V. The rise of expertise as a reflection of changes in the life of modern Russian society // Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2018. №10-1(88).
8. Borovykh Yu. «External» expertise in the procurement contract system: requirements for experts. URL : https://zakupki44fz.ru/blog/vneshniaia-ekspertiza-v-kontraktnoi-sisteme-v-sfere-zakupok (date of application 28.01.25).
9. Sergeeva S.A., Bilashenko N.A. Expertise in the field of procurement: the essence of the concept and basic tools // Financial markets and banks. 2022. № 5.
10. Pavlova A.A. The limits of the competence of an expert as a participant in the reproduction of education // Young scientist. 2019. № 15(149). P. 289–292.
11. Slepova V.V. Problems of experts' participation in procurement procedures / V.V. Slepova, P.A. Paulov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 5-1.
12. Ilyin S.A. The legal status of experts in the implementation of the contract system of public procurement // Symbol of Science. 2020. № 1.
13. Saigushkina S.V. Improving the professional and ethical competence of an expert in the field of education / S.V. Saigushkina, Yu.B. Shutko // Scientific and methodological support for the assessment of the quality of education. 2020. № 1(9).
14. Popova L.V. Ethics of an expert in the field of professional education. New technologies for assessing the quality of education. URL : https://expert-edu.ru/images/sbornik2015/1/popova1.pdf (date of application 01/21/2025).

Информация об авторах

Гаджиев Хаджимурат Магомедович
кандидат технических наук,
доцент,
заведующий кафедрой радиотехники
телекоммуникаций и микроэлектроники,
Дагестанский государственный
технический университет
gadjiev.xad@mail.ru

Юсуфов Ширали Абдулкадиевич
кандидат технических наук,
доцент,
проректор по научной
и инновационной деятельности,
доцент кафедры теоретической
и общей электротехники,
Дагестанский государственный
технический университет
yusufovsha@dstu.ru

Хасанов Ильнур Ильдарович
кандидат технических наук,
доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ
ORCID 0000-0002-3422-1237
iikhasanov@fa.ru

Khadzhimurat M. Gadzhiev
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Radio Engineering,
Telecommunications, and Microelectronics,
Dagestan State Technical University
gadjiev.xad@mail.ru

Shirali A. Yusupov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Vice-Rector for Scientific and Innovative Activities,
Associate Professor of the Department
of Theoretical and General Electrical Engineering,
Dagestan State Technical University
yusufovsha@dstu.ru

Ilnur I. Khasanov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
ORCID 0000-0002-3422-1237
iikhasanov@fa.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.04.2024.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Гаджаев Х.М., Юсупов Ш.А., Хасанов И.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-8
УДК 336.131(045)

Attribution
cc by

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ФИСКАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Замбаев Х.Н.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности построения моделей фискального федерализма в зарубежных странах.

Цель. Целью исследования является установление основных элементов соответствующих моделей фискального федерализма в зарубежных странах.

Методы. Для достижения цели используются институциональный и сравнительный анализы.

Результаты. Выявлены особенности построения моделей фискального федерализма в зарубежных странах, обоснованы ограничения в применении отдельных элементов моделей, обусловленные причинами соответствующей асимметрии.

Выводы. Выявлены основные элементы моделей фискального федерализма в зарубежных странах, позволившие установить основные векторы происходящих изменений, обусловленные усложнением финансовых взаимоотношений внутри федеративных государств.

Ключевые слова: фискальный федерализм, асимметрия, развитие, децентрализация, централизация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF FISCAL FEDERALISM MODELS

Khongor N. Zambaev
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article discusses the key features of constructing fiscal federalism models in foreign countries.

Objective. The purpose of the study is to establish the main elements of the corresponding fiscal federalism models in foreign countries.

Methods. Institutional and comparative analyses are used to achieve the goal.

Results. The features of constructing fiscal federalism models in foreign countries are revealed, and the limitations in the application of individual elements of the models, due to the reasons for the corresponding asymmetry, are substantiated.

Conclusions. The main elements of fiscal federalism models in foreign countries are revealed, which made it possible to establish the main vectors of the changes taking place, due to the complication of financial relations within federal states.

Keywords: fiscal federalism, asymmetry, development, decentralization, centralization.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современный этап развития федеративных отношений в зарубежных странах характеризуется активными трансформационными процессами, обусловленными совершенствованием механизма взаимодействия органов власти в результате принятых законодательных инициатив, реализацией мер системного характера в рамках стратегического развития, что, в совокупности, приводит к необходимости исследования особенностей современных моделей фискального федерализма.

Фискальный федерализм как организация финансовых взаимоотношений федерации, субъектов федерации и муниципалитетов, постоянно совершенствуется под воздействием различных факторов, в том числе политических (развитие федеративных отношений в условиях конституционных гарантий самостоятельности публично-правовых образований (далее – ППО), управленческих (развитие государственного управления), социально-экономических (внедрение новых инструментов и мер, обеспечивающих повышение качества оказания социальных услуг, и поддержку отраслей экономики), финансовых

© Замбаев Х.И.

(реализация мер финансовой политики государства) и иных факторов [1].

Организация финансовых взаимоотношений в федеративных государствах обусловлена используемой моделью фискального федерализма, а также целевой направленностью ППО на осуществление закрепленных за ними функций, в том числе в целях эффективного предоставления государственных и муниципальных услуг.

Обсуждение.

Модель фискального федерализма позволяет выявить факторы и компоненты, влияющие на организацию финансовых взаимоотношений между ППО разных уровней, в условиях обеспечения гарантий их самостоятельности.

К числу ключевых составляющих подхода к построению модели фискального федерализма относят теоретико-методологические, политические, и финансовые особенности, характерные для соответствующих государств с федеративным административно-территориальным устройством.

Реализация отдельных нюансов в вопросах законодательного регулирования, организации деятельности органов власти, разграничении полномочий, развитости системы межбюджетных отношений, находят отражение в моделях фискального федерализма, которые целесообразно исследовать с позиции проблем и ограничений в их использовании.

Результаты.

Одним из классификационных признаков для построения наиболее распространенных моделей является уровень централизации или децентрализации управления государством, в соответствии с которым модели сведены к централизованным, конкурентным, смешанным.

Централизованные модели предполагают высокий уровень участия и ответственности федеральных органов в реализации задач и функций федеративного государства. В странах с подобной моделью наблюдается централизация доходных источников на федеральном уровне и децентрализация расходных полномочий между органами власти. К числу преимуществ подобной модели можно отнести тесное сотрудничество органов власти ППО различных уровней, что способствует сохранению единства федеративного государства. Очевидным недостатком является формальное функционирование нижестоящих уровней власти в условиях отсутствия собственных источников доходов и невозможности самостоятельного осуществления бюджетного процесса.

Для децентрализованных моделей характерна приоритетность федерального финансового законодательства перед региональным. Бюджетная самостоятельность основывается на возможности администрирования собственных источников доходов, использовании механизмов нормативного распределения налоговых доходов между бюджетами различных уровней, дистанцировании от проблемы горизонтальных дисбалансов. Достоинством модели является относительная независимость субъектов федерации, минимизация межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов. Очевидными недостатками являются риски сохранения единства государства, вероятность утраты контроля федерации за реализацией полномочий органами власти субъектов федерации. Исторически элементы децентрализованной (конкурентной) модели свойственны США [2].

Таблица 1

Сведения о соотношении государственных и муниципальных расходов и доходов в США по отношению ВВП

Год	Расходы			Доходы		
	Всего	Федерация	Штаты и муниципалитеты	Всего	Федерация	Штаты и муниципалитеты
1960	0,242	0,165	0,077	0,247	0,172	0,074
1970	0,297	0,188	0,110	0,266	0,172	0,094
1980	0,313	0,193	0,120	0,280	0,187	0,093
1990	0,327	0,199	0,129	0,287	0,182	0,105
2000	0,295	0,164	0,131	0,306	0,202	0,104
2010	0,371	0,218	0,154	0,262	0,163	0,099
2022	0,330	0,191	0,139	0,269	0,170	0,099

Источник: Составлено автором на основе [7].

Анализ развития фискального федерализма в США позволяет установить ряд особенностей.

Во-первых, в США предоставлена широкая автономия ППО как в части администрирования налогов, так и в осуществлении расходов.

Во-вторых, в организации системы власти в США на каждом уровне ППО имеются как общие черты, присутствующие в большинстве федеративных государств, так и специальные (на местном уровне могут создаваться органы местного самоуправления общего (город и округ) и специального назначения (школьные и библиотечные округа).

В-третьих, межбюджетные трансферты в США не носят ярко выраженного характера и не

© Замбаев Х.И.

направлены на выравнивание бюджетной обеспеченности штатов (межбюджетные гранты штатам на реализацию программ медицинского страхования, на образование, транспорт).

Смешанные модели фискального федерализма предполагают тесное сотрудничество федеральных и региональных органов власти в процессе разграничения на договорных началах полномочий, распределения доходных источников, осуществления межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов, повышенную ответственность федерального уровня за состояние региональных государственных финансов и создание условий для СЭР регионов, что приводит к ограничению бюджетной самостоятельности региональных органов власти и возможности осуществления со стороны федерации контроля за бюджетами субъектов федерации [3; 4].

Для смешанных моделей свойственно проведение централизованной политики в области бюджетного выравнивания, реализации крупных проектов, обеспечение финансовой устойчивости субъектов федерации. Элементы данной модели характерны для Германии [5].

Таблица 2

Разграничение полномочий между органами публичной власти в Германии

Государственные функции	Федерация	Федеральные земли	Муниципалитеты
Национальная оборона	100 %	0 %	0 %
Национальная безопасность	13 %	57 %	30 %
Обслуживание долга	58 %	35 %	7 %
Государственное управление	14 %	27 %	59 %
Общее образование	0 %	81 %	19 %
Высшее образование	13 %	87 %	0 %
Наука и исследования	74 %	23 %	3 %
Социальная политика	65 %	12 %	23 %
Здравоохранение	9 %	40 %	51 %
Жилье и городская среда	17 %	32 %	51 %
Дорожное хозяйство и связь	45 %	20 %	35 %

Источник: Составлено автором на основе [7].

Для модели фискального федерализма в Германии характерен ряд особенностей. В государственном управлении Германии предусмотрено выделение федерального уровня и уровня земель, при этом вопросы местного самоуправления не регламентируются конституцией страны, а урегулированы конституциями земель, что приводит к различиям в правах и обязанностях муниципальных образований в разных землях. Вместе с тем, федеральным землям и муниципалитетам предоставлена широкая автономия в части осуществления расходов, что подтверждается данными таблицы 2.

Таблица 3

Ключевые особенности моделей фискального федерализма

Наименование	Тип модели фискального федерализма		
	Централизованная	Конкурентная	Смешанная (кооперативная)
Особенности разграничения предметов и полномочий	Разграничение предметов ведения и предметов совместного ведения ППО, полномочий между федерацией и субъектами федерации в соответствии с общепринятым подходом		
Особенности разграничения доходных источников	Значительный объем доходов поступает в бюджет федерации с последующим перераспределением между бюджетами субъектов федерации	Предусмотрено установление собственных доходов бюджетов федерации, субъектов федерации	
Особенности оказания финансовой помощи	Вертикальная финансовая помощь, значительный объем межбюджетного перераспределения средств	Возможность предоставления вертикальной и горизонтальной финансовой помощи, объем межбюджетного перераспределения средств незначителен	Вертикальная и горизонтальная финансовая помощь, развитость механизма межбюджетного перераспределения средств
Бюджетная самостоятельность субъектов федерации	Низкая	Высокая	Средняя
Однородность взаимоотношений федерации с субъектами федерации	Свойственна симметричность взаимоотношений федерации с субъектами федерации	Свойственно проявление асимметрии	Свойственно проявление асимметрии
Антикризисное управление в целях снижения рисков развития кризисной ситуации или минимизации последствий кризиса	Осуществляется федерацией	Осуществляется в равной степени федерацией и субъектами федерации	Осуществляется преимущественно федерацией с участием по отдельным вопросам субъектов федерации

Источник: Составлено автором на основе [6].

© Замбаев Х.И.

Таким образом, фискальный федерализм в Германии фокусируется на разграничении исполнительных задач, что предполагает достаточно активное использование инструментов межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов между федеральным уровнем и уровнем земель.

Следует отметить, что сегодня находят распространение элементы конкурентной (США, Канада, Швейцария, Бразилия) и кооперативной моделей фискального федерализма (Германия, Эфиопия, Южная Африка). Существуют примеры федеративных государств, в которых фискальный федерализм строится с учетом элементов централизованной модели (Австралия, Индия, Испания).

Результаты сравнительного анализа показали, что в разграничении полномочий, установлении расходных обязательств и осуществлении расходов имеется множество общих черт.

В большинстве стран за федеральным уровнем предусмотрено закрепление предметов ведения общегосударственного характера (внешние дела, международная торговля, национальная оборона, денежно-кредитная политика, регулирование железнодорожного и воздушного транспорта, промышленная политика, регулирование финансовых рынков, конкуренции, телекоммуникации и другие).

За региональными органами власти обычно закреплены вопросы участия в сферах образования, здравоохранения, социального обеспечения, природных ресурсов и охраны окружающей среды как в форме осуществления исключительных полномочий, так и в форме полномочий по предметам совместного ведения. ОМСУ традиционно наделены полномочиями в области охраны правопорядка, водоснабжения и водоотведения, местных дорог и транспорта, жилья, отдыха, культуры, пожарной охраны и другие.

Таким образом, разграничение полномочий между органами власти в зарубежных странах соответствует стандартному распределению с учетом возможного преобладания как централизации полномочий на федеральном уровне, так и децентрализации полномочий в интересах регионов.

Следует отметить, что по соответствующим направлениям и функциям государства наблюдаются разные подходы к реализации отдельных полномочий, в том числе путем централизации на федеральном уровне, или децентрализации с последующей автономией субъектов федерации по их реализации, или же посредством совместного участия органов власти разного уровня в их осуществлении.

Результаты исследования налоговых полномочий и администрирования доходов в зарубежных странах показали, что для подоходного налога, налога на прибыль корпораций, налогов на международную торговлю свойствен централизованный характер. При этом для субъектов федерации характерно администрирование таких доходов, как налог с продаж, налог на добавленную стоимость, налог на недвижимость, транспортный налог, акцизы и другие налоги и сборы узкой направленности. При этом в вопросе наличия полномочий по администрированию доходов может наблюдаться различная степень налоговой автономии субъектов федерации.

В частности, органы власти субъектов федерации обладают налоговой автономией по администрированию подоходного налога, налога на прибыль организаций и иных налогов в таких странах, как США, Канада, Швейцария. Обратная ситуация, при которой региональный уровень не имеет или имеет ограниченную налоговую автономию по администрированию наиболее крупных налогов, свойственна для Австралии (на региональном уровне администрируется менее 20 % указанных налогов), Южной Африки (предоставлено право взимания по дополнительным нормативам, за исключением крупных налогов).

В части межбюджетных отношений результаты анализа позволили установить, что во всех федеративных государствах наблюдается большая децентрализация расходов, чем доходов. Указанный факт подразумевает, что доходы бюджетов субъектов федераций из собственных источников не соответствуют их расходам, приводит к возникновению вертикальных бюджетных разрывов, которые восполняются за счет межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов.

Значительный размер дефицита бюджетов субъектов федерации наблюдается в Южной Африке, где доходы региональных бюджетов составляют менее 2 % от общих государственных доходов.

Значительные бюджетные дефициты характерны также для бюджетов регионов в Эфиопии, Индии, Австралии и Испании. В некоторых федеративных государствах наблюдаются в большей мере бюджетные дефициты на местном уровне, чем на региональном (Бразилия, Канада, Германия, США). При этом в отдельных федеративных государствах относительная финансовая автономия органов местного самоуправления выше, чем у региональных органов власти (Австралия, Южная Африка, Испания, Швейцария).

Таким образом, в зарубежных странах система межбюджетных трансфертов используется в целях обеспечения горизонтального равенства за счет выравнивания бюджетной обеспеченности, достижения стандартов в предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Анализ расходов бюджетов субъектов федерации за счет предоставленных межбюджетных трансфертов, показал, что они составляют менее 20 % в Германии и Канаде и менее 30 % в Швейцарии, Бразилии и США.

© Замбаев Х.И.

Противоположная ситуация характерна для таких стран, как Эфиопия (около 70 %) и Южная Африка (около 100 %).

В некоторых странах органы местного самоуправления в большей степени зависят от межбюджетных трансфертов, чем органы власти субъектов федерации (Германия, Канада, Бразилия) или наоборот (Швейцария, Австралия, Южная Африка) [7].

Указанное выше свидетельствует об асимметрии в финансовых взаимоотношениях федерации и регионов.

В частности, установлены примеры существования асимметрии между регионами в разграничении полномочий внутри федеративного государства. Подобная ситуация свойственна для Испании. Асимметричные соглашения также существуют в Индии, где некоторые штаты, которые расположены в горных районах и из-за этого находятся в невыгодном экономическом положении, имеют особый статус (предоставляются преимущества в виде освобождения от уплаты некоторых налогов и дополнительные адресные межбюджетные трансферты в целях содействия экономическому развитию). В Канаде наблюдается асимметричность децентрализованной модели, при которой между федеральным и региональным уровнями (тремя северными и малонаселенными провинциями) заключены особые соглашения, в соответствии с которыми предоставляются дополнительные межбюджетные трансферты и в целом государство играет значительную роль в предоставлении некоторых государственных услуг, в том числе в сфере здравоохранения.

Результаты анализа асимметрии в сфере налогов показали, например, что в Испании отдельные субъекты федерации в рамках общего режима налогообложения имеют достаточную степень автономии в части установления налоговых ставок, льгот по отдельным налогам в случае возникновения сверхдоходов (подоходный налог, налоги на богатство и наследство); кроме того, в таких территориях, как Наварра и Страна Басков, указанные налоги полностью децентрализованы.

Заключение.

Таким образом, развитие фискального федерализма в зарубежных странах происходит путем реализации отдельных элементов соответствующей традиционной модели или сочетания их элементов, что объясняется совокупностью факторов, принимаемых во внимание при построении национальной модели фискального федерализма.

Результаты анализа позволили установить, что на построение модели фискального федерализма в зарубежных странах оказывают влияние особенности разграничения предметов ведения и полномочий, доходных источников, межбюджетного перераспределения средств, что отражается на степени бюджетной самостоятельности членов федерации, однородности их финансовых взаимоотношений с федерацией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Родионова В.М. Современные требования к бюджетному федерализму // Финансы. 1998. № 7. Р. 50.
2. Break G.F. Financing Government in a Federal System. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1980. 276 p.
3. Chandra J.P. Theory of Fiscal Federalism: An Analysis // Amity University. MPRA Paper. October, 2013. № 41769, posted 15, 33. URL : http://mpra.ub.uni-muenchen.de/41769/1/MPRA_paper_41769.pdf (date of application 12702.2024).
4. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. New-York, McGraw Hill Publ., 1959. 628 p.
5. Oates W.E. On The Evolution of Fiscal Federalism: Theory and Institutions // National Tax Journal. June, 2008. Vol. LXI. № 2. P. 313–334. URL : http:// www.ntanet.org/NTJ/61/2/ntj-v61n02p313-34-evolu- tion-fiscal-federalism-theory.pdf (date of application 12.02.2025).
6. Oates W.E. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism // International Tax and Public Finance. 2005. № 12. P. 349–373. URL : http://web. stanford.edu/~jrodden/oates.pdf (date of application 12.02.2025).
7. Tremblay J.-F. The Forum of Federations Handbook of fiscal Federalism. 2023. URL : https://library. oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/75365/978-3-030-97258-5.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of application 15.03.2025).

© Замбаев Х.И.

References:

1. Rodionova V.M. Sovremennye trebovaniya k byudzhetnomu federalizmu // Finansy. 1998. № 7. P. 50.
2. Break G.F. Financing Government in a Federal System. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1980. 276 p.
3. Chandra J.P. Theory of Fiscal Federalism: An Analysis // Amity University. MPRA Paper. October, 2013. № 41769, posted 15, 33. URL : http://mpra.ub.uni-muenchen.de/41769/1/MPRA_paper_41769.pdf (date of application 12702.2024).
4. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. New-York, McGraw Hill Publ., 1959. 628 p.
5. Oates W.E. On The Evolution of Fiscal Federalism: Theory and Institutions // National Tax Journal. June, 2008. Vol. LXI. № 2. P. 313–334. URL : http:// www.ntanet.org/NTJ/61/2/ntj-v61n02p313-34-evolu- tion-fiscal-federalism-theory.pdf (date of application 12.02.2025).
6. Oates W.E. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism // International Tax and Public Finance. 2005. № 12. P. 349–373. URL : http://web. stanford.edu/~jrodden/oates.pdf (date of application 12.02.2025).
7. Tremblay J.-F. The Forum of Federations Handbook of fiscal Federalism. 2023. URL : https://library. oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/75365/978-3-030-97258-5.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of application 15.03.2025).

Информация об авторе

Замбаев Хонгор Николаевич
кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов
финансового факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
ORCID 0009-0005-3279-0398
KNZambaev@fa.ru

Khongor N. Zambaev
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department of Public Finances
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
ORCID 0009-0005-3279-0398
KNZambaev@fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Замбаев Х.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-10
УДК 656.07

Attribution
cc by

УПРАВЛЕНИЕ ГРУЗОПОТОКАМИ КОНТЕЙНЕРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Кацемир Я.В., Классовская М.И.
Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Аннотация. В настоящий момент российская экономика и ее транспортно-логистический сектор испытывают санкционное давление со стороны Европейского союза, что приводит к повышению стоимости в цепи поставок и времени доставки. Торговля товарами народного перемещения обеспечивается за счет универсального транспортного оборудования – контейнеров, оборачиваемость которых осложнена в современных условиях. В исследовании проведен анализ тенденций развития грузопотоков контейнеров с учетом санкционных ограничений и геополитической конъюнктуры. Определены лидеры контейнерного рынка нашей страны. Выявлены проблемы, возникающие в процессе транспортировки контейнеров. Проанализирован контейнерооборот Российской Федерации. Определены страны-партнеры российского контейнерного рынка и установлено, что стратегическим партнером в цепях поставок для России является Турция. Предложены рекомендации по повышению эффективности логистики контейнерных перевозок.

Ключевые слова: контейнерооборот, санкции, морской порт, грузопоток «Россия – Турция».

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

MANAGEMENT OF RUSSIA`S CONTAINER CARGO FLOWS UNDER SANCTIONS

Yana V. Katsemir, Maria I. Klassovskaya
Economics and Management Admiral Ushakov Maritime State University

Abstract. Currently, the Russian economy and its transport and logistics sector are experiencing sanctions pressure from the European Union, which leads to an increase in the cost in the supply chain and delivery time. Trade in consumer goods is ensured by universal transport equipment – containers, the turnover of which is complicated in modern conditions. The study analyzes trends in the development of container cargo flows, taking into account sanctions restrictions and geopolitical conditions. The leaders of the container market in our country are determined. The problems arising in the process of container transportation are revealed. The container turnover of the Russian Federation is analyzed. The partner countries of the Russian container market are identified and it is established that Turkey is a strategic partner in supply chains for Russia. Recommendations are proposed to improve the efficiency of container transportation logistics.

Keywords: container turnover, license, seaport, cargo flow «Russia – Turkey».

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В настоящее время Российская Федерация находится под санкционным давлением стран Европейского союза. Уже введено 16 пакетов санкций и рассматривается возможность введения 17-го. На российскую морскую логистику санкции они наложили следующие ограничения:

1) ограничение доступа к технологиям и оборудованию, необходимым для морской навигации;

2) исключение или ограничение рынков сбыта;

3) изменение направлений грузопотоков;

4) отказ верфей от строительства морских судов для российских заказчиков.

В особенности пострадали морские контейнерные перевозки, которые не успели оправиться от ограничений, связанных с пандемией коронавируса. В морских контейнерах в Россию ввозят

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

автомобильные запчасти и электронику, ингредиенты для пищевой и химической промышленности, товары народного потребления, скоропортящиеся продукты. Мировая логистика резко отреагировала на политическую деятельность России: в 2022 г. с нашего рынка ушли следующие линейные контейнерные операторы: Maersk (имеет 20 % доли рынка), CMA CGM (11,6 %) и Hapag-Lloyd (7,2 %) [1]. Естественно, уход с рынка ведущих контейнерных линий привел к обострению дефицита контейнеров, т.к. им принадлежало около половины оборачивающегося в России транспортного оборудования.

Результаты.

Рассмотрим динамику контейнерооборота Российской Федерации [2] в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Динамика контейнерооборота Российской Федерации за 2022–2024 гг., млн TEU

Показатель	2022	2023	2023/2022, %	2024	2024/2023, %
Контейнерооборот,	4,31	4,96	115,1	5,59	112,7
в т.ч. экспорт	1,66	1,72	103,6	1,96	114,0
импорт	1,67	2,04	122,2	2,35	115,2
транзит	0,13	0,11	83,3	0,03	27,3
каботаж	0,85	1,08	126,5	1,25	115,7
груженых	3,18	3,68	115,8	4,16	113,0
порожних	1,14	1,29	112,8	1,43	110,9

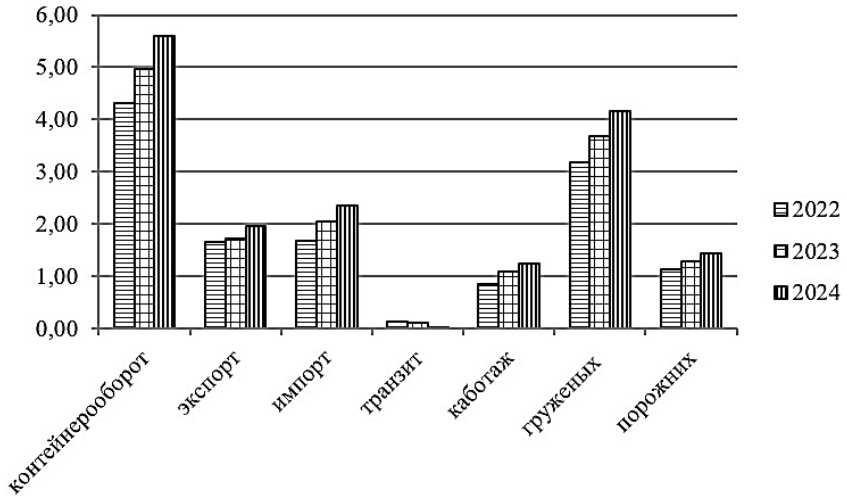

Рисунок 1 – Динамика контейнерооборота Российской Федерации за 2022–2024 гг., млн TEU.

Как можно заметить, введение санкций не смогло помешать поступательному росту контейнерооборота Российской Федерации. Снизились лишь транзитные перевозки, что можно объяснить изменением мировых логистических маршрутов. Далее рассмотрим структуру контейнерооборота Российской Федерации за 2022–2024 гг. в таблице 2.

Таблица 2.

Структура контейнерооборота Российской Федерации за 2022–2024 гг., %

Показатель	2022	%	2023	%	2024	%
Контейнерооборот,	4,31	100,00	4,96	100,00	5,59	100,00
в т.ч. экспорт	1,66	38,52	1,72	34,68	1,96	35,06
импорт	1,67	38,75	2,04	41,13	2,35	42,04
транзит	0,13	3,06	0,11	2,22	0,03	0,54
каботаж	0,85	19,81	1,08	21,77	1,25	22,36
груженых	3,18	73,73	3,68	74,19	4,16	74,42
порожних	1,14	26,53	1,29	26,01	1,43	25,58

Наибольший удельный вес в структуре контейнерооборота занимают экспортные и импортные перевозки. Следует отметить структурные сдвиги по экспортно-импортным операциям: доля экспорта снижается, а импорта, соответственно, увеличивается, что можно объяснить закупкой в других странах товаров, принадлежащим брендам, ушедшим из России. Также, необходимо отметить рост доли каботажных перевозок, который связан с активизацией логистики внутри страны на Балтийском направлении. Что касается груженых и порожних контейнеров, здесь

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

наблюдается соотношение 3:1; за анализируемый период отмечается незначительный рост доли груженых контейнеров, а, значит, проблему дефицита контейнеров пока не удается решить. Проведем анализ структуры контейнерооборота страны по бассейнам на рисунке 2.

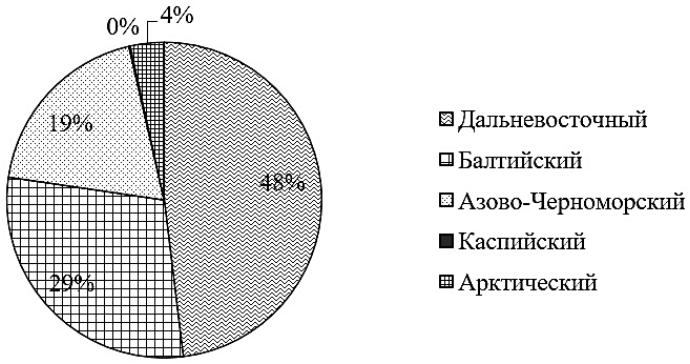

Рисунок 2 – Структура контейнерооборота Российской Федерации за 2024 г., %

Наибольший удельный вес в структуре контейнерооборота имеет Дальневосточный бассейн, что объясняется его близостью к основному партнеру по российскому импорту – Китаю. На втором месте находится Балтийский бассейн, куда в основном поступают контейнеры из стран Европы и откуда осуществляется доставка в Калининградскую область. На третьем месте Азово-Черноморский бассейн, в который наиболее часто прибывают контейнеры из Турции, Египта и Индии. Осложнение отношений со странами Европейского союза не помешало Балтийскому бассейну оставаться в тройке лидеров по контейнерообороту страны по причине качественного сервиса в порту Санкт-Петербург, предлагаемого Транспортной группой «FESCO», которая перенаправляет сюда часть грузопотока контейнеров из Владивостока, где владеет контейнерными терминалами. Далее, рассмотрим деятельность крупнейших контейнерных операторов страны в таблице 3.

Таблица 3

Деятельность крупнейших контейнерных операторов Российской Федерации в 2024 г.

Оператор	Город	Бассейн	Владелец	Контейнерооборот, тыс. TEU	Доля рынка,%
Владивостокский морской торговый порт	Владивосток	Дальневосточный	ТГ FESCO	878,7	15,72
Контейнерный терминал «НУТЭП»	Новороссийск	Азово-Черноморский	ГК Дело	612,7	10,96
Контейнерный терминал Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	Балтийский	Первая Портовая Компания	510,8	9,14
Новорослесэкспорт	Новороссийск	Азово-Черноморский	Группа НМТП	418,2	7,48
Владивостокский морской рыбный порт	Владивосток	Дальневосточный	–	369,7	6,61
Петролеспорт	Санкт-Петербург	Балтийский	ГК Дело	316,2	5,66
Первый контейнерный терминал	Санкт-Петербург	Балтийский	ГК Дело	285,9	5,11
Владивостокский морской порт «Первомайский»	Владивосток	Дальневосточный	Группа Соллерс	186,8	3,34
Пасифик Лоджистик	Владивосток	Дальневосточный	Группа Соллерс	168,8	3,02
Балтийская стивидорная компания	Калининград	Балтийский	Группа НМТП	157,8	2,82
Корсаковский морской торговый порт	о. Сахалин	Дальневосточный	Логин Дело	143,6	2,57

В целом деятельность крупнейших российских контейнерных операторов совпадает со структурой контейнерооборота страны: в лидерах находятся компании Дальневосточного, Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов. Следует отметить, что большинство контейнерных опера-

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

торов входит в более крупные организационно-правовые формы деятельности. Самыми значительными объединениями на российском контейнерном рынке являются Транспортная группа «FESCO», Группа компаний «Дело» и Группа НМТП. Важно отметить, что 11 крупнейших контейнерных операторов страны имеют общий удельный вес 72,4 % в контейнерообороте Российской Федерации.

Обсуждение.

В результате проведенного анализа выяснилось, что введение санкций не сказалось отрицательно на контейнерообороте нашей страны по причине того, что освободившийся сегмент рынка заняли новые линейные контейнерные операторы (рис. 3).

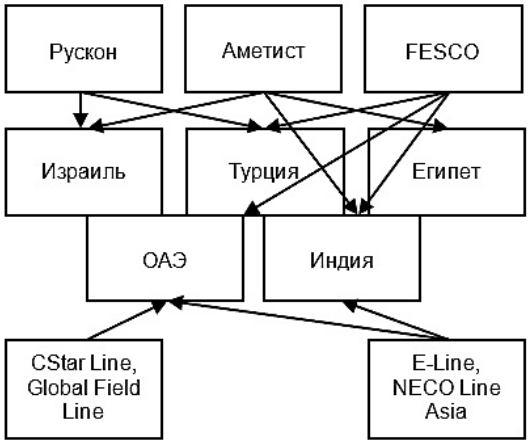

Рисунок 3 – Новые линейные сервисы с заходом в российские порты

Тем не менее, переориентация грузовых потоков повлекла за собой некоторые проблемы. Одной из них является недостаточный уровень развития железнодорожной инфраструктуры. Особенно остро она стоит на Восточном полигоне страны, из-за чего некоторые виды грузов перестали входить в перечень первоочередных [3]. Частично решением этой проблемы может стать развитие Международных транспортных коридоров. Например, с 2022 г. начал работать контейнерный поезд по восточной ветке коридора «Север – Юг» (Москва – Казахстан – Туркменистан – Иран) с дальнейшей перегрузкой на судно в Бендер-Аббасе (рис. 4).

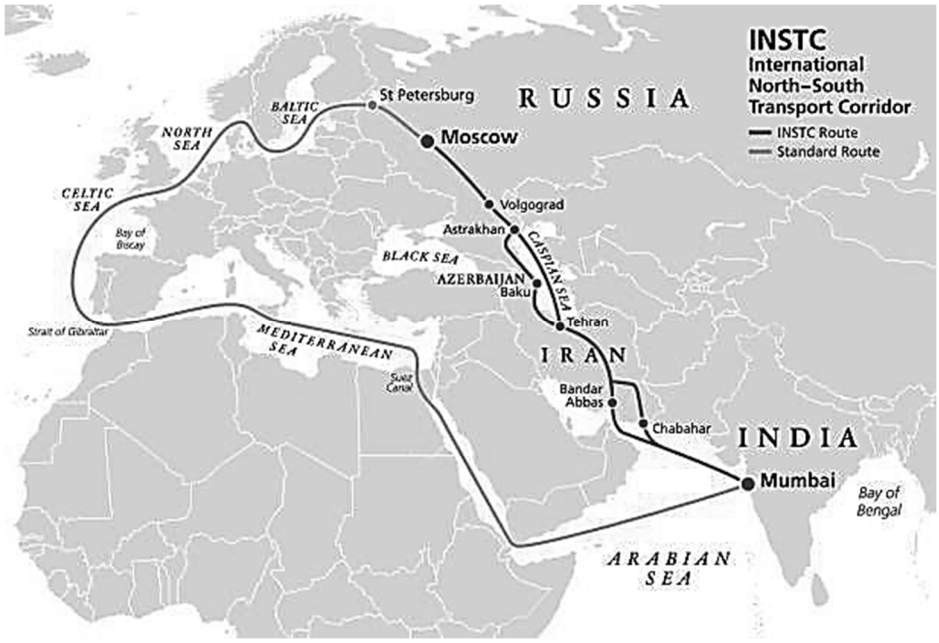

Рисунок 4 – Новый маршрут с использованием Международного транспортного коридора «Север-Юг» [1]

В этих целях Иран расширил свою сеть через собственную государственную судоходную компанию. Другое иранское направление начинается в Астрахани и заканчивается в Энзели; оно

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

было разработано в 2000 г., но не использовалось из-за геополитических препятствий и популярности других маршрутов. Но после введения санкций против России, Иранская государственная судоходная компания выделила контейнеры для перевозок на этом маршруте с конечным пунктом в Индии.

Еще одним видом транспортного сообщения с Индией являются прямые морские линии. Так, в июле 2022 г. был отправлен контейнеровоз из Новороссийска в Нава-Шева с возможностью дальнейшей фидерной отправки в Мундру [4]. Для осуществления транзакций российские компании открывают в индийских банках специальные счета с разрешения правительств обеих стран, а также используют действующие банковские счета, открытые во времена СССР.

Другой стратегический партнер России в морском контейнерном судоходстве – это Турция. Здесь также возможна смешанная перевозка – груз прибывает наземным транспортом в Стамбул, где происходит погрузка на судно и отправление в порты Азово-Черноморского бассейна, в основном, в Новороссийск. Таким же способом грузы российских отправителей могут доставляться в страны Северной Африки, Южной Америки и в Индию.

Логистические схемы иностранных партнеров России трансформировались под санкционным давлением до неузнаваемости маршрутов и способов доставки и приобрели черты усложненности, масштабности и максимальной эффективности [5]. Конечно же, это сопряжено с некоторыми сложностями и проблемами. Так, страны Евросоюза периодически накладывают на Россию и ее логистических партнеров новые санкции в попытках пресечь пути параллельного импорта. Тем не менее, объем грузопотоков на направлении «Турция – Россия» демонстрирует рост. Если в первом квартале 2022 года количество сервисов на этом направлении составляло 14 единиц, то через год их стало уже 18 [6]. Доступен заход в следующие морские порты: Стамбул, Измит, Измир, Гемлик, Мерсин, Самсун, Амбарлы, Эвьяп, Искендерун, Мерсин и др. За счет осуществления прямых судозаходов в турецкие порты, время доставки снизилось более чем в 3 раза, т.к. ранее крупные контейнерные линии на турецко-российском направлении использовали порты трансшипмента, например, Мальту.

В основном, на турецком направлении перевозчики работают по условию поставки FIFO: в тариф включена только стоимость морского фрахта, т.е. работы по перегрузке контейнера в портах отправления и назначения в тариф не включаются. Если рассматривать волатильность тарифа на направлении «Турция – Россия», то в 2023 г. ставки снизились, в среднем, на 40 % по сравнению с 2022 г. Но в 2024 г. ставки снова выросли; сейчас средняя стоимость морского фрахта из Стамбула в Новороссийск составляет 1600$ и 1800$ для двадцати- и сорокафутовых контейнеров, соответственно, против 1350$ и 1750$ в 2023 г. [7].

Дополнительно работа флота на этом направлении осложняется гидрометеорологической обстановкой и медленной обработкой судов в порту Новороссийск. Последнее вызвано недостаточной пропускной способностью морского порта по причине невозможности расширения его территории из-за расположения причальной зоны рядом с жилыми микрорайонами. Также, транспортная работа замедляется из-за большого разнообразия собственников контейнерного оборудования, что приводит к загруженности припортовых терминалов. Помимо этого, существует проблема хранения скоропортящихся грузов, т.к. часть рефрижераторных складов находится на территории припортовых терминалов, куда требуется доставка автомобильным транспортом, что приводит к росту стоимости логистики, пробкам на автомобильных дорогах, дефициту автомобилей-контейнеровозов.

У этой проблемы несколько путей решения:

1) выбрать вариант доставки с использованием железнодорожного транспорта (например, по маршрутам Международных транспортных коридоров);

2) заранее бронировать автомобильный транспорт, что вызывает дополнительные издержки за фрахтование транспортного средства;

3) вывоз контейнеров после таможенного оформления на местный склад с перегрузкой в тентованные полуприцепы;

4) выбрать вариант доставки через контейнерные терминалы Санкт-Петербурга.

Если грузоотправитель или экспедитор выбирает вариант с наземной перевозкой, необходимо определить целесообразность перетарки груза. Например, для скоропортящихся грузов стоимость использования рефрижераторного контейнера значительно выше расходов на перетарку.

Заключение.

Таким образом, проведя анализ грузопотоков контейнеров, проходящих через территорию Российской Федерации, можно предложить следующие мероприятия для повышения эффективности управления ими:

1) осуществлять гибкое реагирование на изменение геополитической обстановки и конъюнктуры рынка, активно налаживать связи с морскими перевозчиками Азии и Южной Америки;

2) координировать бизнес-процессы, начиная с низшего звена управления транспортным комплексом Российской Федерации – транспортно-логистических компаний;

3) ликвидировать узкие места в системе управления – рассмотреть возможность переключения

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

грузопотока контейнеров с Новороссийска на другие порты Азово-Черноморского бассейна, что требует строительства новых контейнерных терминалов и модернизации старых. Новороссийск может выступать как порт трансшипмента с дальнейшей перегрузкой в портах Азовского моря, в т.ч. и на новых российских территориях.

Необходимо учитывать, что санкции носят двусторонний характер: для стран Евросоюза это значительный рост цен на ресурсы, снижение объемов международной торговли и грузооборота морских портов, нарушение в международных производственных цепочках и логистике [8].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гашкова Л.В. Современное состояние рынка международных контейнерных перевозок в России / Л.В. Гашкова, О.Ю. Морозова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9-1. С. 53–61.
2. Контейнерооборот в российских портах // Информационное агентство «Интерфакс». 2024. URL : https://www.interfax.ru/business/1005102 (доступ 16.03.2025).
3. Масленников С.Н. Возможности переключения грузопотока Восточного полигона на транспортный коридор «СМП – реки Сибири» / С.Н. Масленников, Р.Е. Корчагин // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 36–39.
4. Хождения за три моря // Информационное агентство «Восток России». 2022. URL : https://www.eastrussia.ru/material/ khozhdeniya-za-tri-morya/ Доступ 18.03.2025.
5. Альтернативная логистика российской Федерации в условиях западных санкций / О.Д. Покровская [и др.] // International Journal of Advanced Studies. 2022. Т. 12. № 4. С. 111–134.
6. Турция: логистика под давлением // Информационный портал «Логирус». 2023. URL : https://logirus.ru/articles/ved/turtsiya-_logistika_pod_davleniem.html (доступ 19.03.2025).
7. Доставка грузов из Турции // Логистическая компания «РОКОТТ Транс». 2025. URL : https://trans.rokott.ru/dostavka-gruzov-iz-turcii (доступ 19.03.2025).
8. Влияние экономических санкций на развитие промышленного комплекса и транспортной системы Российской Федерации / П.В. Куренков [и др.] // Экономика железных дорог. 2022. № 4. С. 45–57.

References:

1. Gashkova L.V. Current state of the market of international container transportation in Russia / L.V. Gashkova, O.Yu. Morozova // Bulletin of the Altai academy of economics and law. 2022. Iss. 9-1. P. 53–61.
2. Container turnover in Russian ports, Information agency «Interfax». 2024. URL : https://www.interfax.ru/business/1005102 (access 16.03.2025).
3. Maslennikov S.N. Possibilities of switching the cargo flow of the Eastern polygon to the transport corridor «NSR – rivers of Siberia» / S.N. Maslennikov, R.E. Korchagin // Scientific problems of transportation in Siberia and the Far East. 2023. Iss. 1. P. 36–39.
4. Voyages beyond three seas, Information agency «East of Russia». 2022. URL : https://www.eastrussia.ru/material/khozhdeniya-za-tri-morya (access 18.03.2025).
5. Alternative logistics of the Russian Federation in the conditions of western sanctions / O.D. Pokrovskaya [et al.]. International Journal of Advanced Studies. 2022. Vol. 12. Iss. 4. P. 111–134.
6. Türkiye: Logistics under pressure, Information portal «Logirus». 2023. URL : https://logirus.ru/articles/ved/turtsiya-_logistika_pod_ davleniem.html (access 19.03.2025).
7. Cargo delivery from Turkey, Logistics company «ROKOTT Trans». 2025. URL : https://trans.rokott.ru/dostavka-gruzov-iz-turcii Access 19.03.2025.
8. The impact of economic sanctions on the development of the industrial complex and transport system of the Russian Federation / P.V. Kurenkov [et al.] // Economy railways. 2022. Iss. 4. P. 45–57.

Информация об авторах

Кацемир Яна Витальевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории,
экономики и менеджмента,

Yana V. Katsemir
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Theory, Economics and Management,

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
kacemiryana@yandex.ru

Классовская Мария Ивановна
старший преподаватель кафедры
экономической теории, экономики и менеджмента,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
mariaklass@mail.ru

Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
kacemiryana@yandex.ru

Maria I. Klassovskaya
Senior Lecturer at the Department
of Economic Theory, Economics and Management,
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
mariaklass@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Кацемир Я.В., Классовская М.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-11
УДК 339.91

Attribution
cc by

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Киреева А.В.
Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению преимуществ и недостатков международного разделения труда. Проанализированы различные существующие подходы к определению понятия «международное разделение труда». Установлено, что нет единого подхода к данному определению. Содержание определения «международное разделение труда» раскрывается в ключевых факторах и принципах, которые способствуют эффективному взаимодействию участников между собой, созданию благоприятной среды для экономического роста страны, конкурентоспособности продукции и промышленных предприятий, научно-технического прогресса и инноваций, инвестициям, человеческому капиталу и интеграции. Учтена актуальность темы. Изучение темы о международном разделении труда особенно актуально в современных условиях для обеспечения устойчивого развития народного хозяйства. С целью развития исследуемой темы, предложены некоторые рекомендации. В заключении приведены основные результаты, подведен общий итог и список использованной литературы.

Ключевые слова: экспорт, импорт, международное разделение труда, мировое хозяйство, человеческий капитал, инвестиции, инновации, конкурентоспособность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

TITLE OF THE ARTICLE: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF THE INTERNATIONAL DIVISION OF LABOR

Antonina V. Kireeva
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

Abstract. The article is devoted to the consideration of the advantages and disadvantages of the international division of labor. Various existing approaches to the definition of «international division of labor» are analyzed. It is established that there is no single approach to this definition. The content of the definition of «international division of labor» is revealed in the key factors and principles that contribute to the effective interaction of participants with each other, the creation of a favorable environment for the economic growth of the country, the competitiveness of products and industrial enterprises, scientific and technological progress and innovation, investment, human capital and integration. The relevance of the topic is taken into account. The study of the topic of the international division of labor is especially relevant in modern conditions to ensure sustainable development of the national economy. In order to develop the topic under study, some recommendations are proposed. The conclusion presents the main results, a general summary and a list of references.

Keywords: export, import, international division of labor, global economy, human capital, investment, innovation, competitiveness.

Funding: Independent work.

Введение.

Международное разделение труда занимает ключевую роль в современном мировом хозяйстве. Международное разделение труда – это главный этап в структуре общественного разделения труда, и модель производственного, научно-технического, торгового и иного сотрудничества между всеми странами мира. Целью данного исследования является анализ ситуации, связанный с международным разделением труда и национальным хозяйством.

Обсуждение.

В первую очередь, рассмотрим несколько подходов к определению «международное разделение труда».

© Киреева А.В.

В Большой российской энциклопедии [2] говорится о «международном разделении труда (МРТ) как о комплексном процессе специализации стран … для совместного выпуска и потребления конечной продукции».

На наш взгляд, в данном определении целесообразно было бы упомянуть о конкурентоспособности продукции и конкурентоспособности промышленных предприятий, а конкурентоспособность позволяет делать акцент на высоком качестве продукции и удовлетворении потребностей покупателей.

В Словаре экономической теории [9] «Международное разделение труда – это высшая ступень общественного разделения труда, которая позволяет создать высокопроизводительное эффективное производство…»

Мы считаем, что процесс создания международного разделения труда должен включать в себя инновации, а инновации играют важную роль во всех сферах современного мира.

В Экономическом словаре терминов [12] идет речь о «международном разделении труда как об источнике формирования мировой экономики в процессе которого компании различных стран фокусируются для создания характерных товаров или услуг, чтобы обмениваться ими.»

С нашей точки зрения, для развития международного разделения труда очень важно учитывать человеческий капитал.

По нашему мнению, «человеческий капитал – это совокупность знаний, умений, навыков человека [11], применяемые для развития общества, а также способность находить общий язык, выбирать третью альтернативу [4, с. 204]; то есть, то решение, которое устраивало бы всех, потому что строить взаимоотношения с людьми для развития бизнеса и для процветания любого государства очень важно, от этого зависит и экономический рост, и инновационная активность, и развитие новых технологий, помогающих человеку на современном этапе развития сохранить стабильную ситуацию на мировой арене, укрепить экономическую и цифровую безопасность» [5, с. 66].

В Большой советской энциклопедии [1] написано о том, что «международное разделение труда является важной ступенью общественного территориального разделения труда, что способствует увеличению торговли между странами и процветанию мирового хозяйства».

Раз речь идет о расширении торговли в этом определении; значит, немаловажным является аспект о привлечении инвестиций в производство. Инвестиции - это «глоток свежего воздуха» в создание нового производства с целью укреплений позиций на мировом рынке и для взаимодействия с новыми покупателями для удовлетворения их потребностей.

Мы считаем, что развитие международного разделения труда является необходимым этапом для расширения торговли между странами и совершенствованию мирового хозяйства.

К тому же, хотелось бы отметить, что использование свободного перемещения рабочей силы между странами и всемирного разделения труда приводит к эффективному развитию национальных экономических комплексов. А передвижение рабочей силы между странами возникает из-за различий объемов инвестиций, темпов развития экономик, уровнем безработицы, уровнем оплаты труда в разных странах. Основу мирового рынка рабочей силы формируют миграционные процессы. Большая часть трудовой силы передвигается из развивающихся стран в экономически развитые. На мировой рынок рабочей силы влияют межгосударственные организации, корпорации и государства.

С нашей точки зрения, единого подхода к определению понятия «международное разделение труда» нет, но исходя из рассматриваемых определений, считаем, что международное разделение труда – это процесс изготовления товаров и услуг при совместном и взаимовыгодном сотрудничестве между странами для дальнейшего эффективного развития мирового хозяйства через конкурентоспособность, инновации, человеческий капитал, инвестиции.

Содержание определения «международное разделение труда» раскрывается в ключевых факторах и принципах. Рассмотрим их на основании информации из Википедии:

«Факторы международного разделения труда [7]:

- Природно-географическое деление стран.
- Научно-технический прогресс.
- Различия в уровнях экономического и научно-технического развития стран.
- Тип хозяйствования и характер внешнеэкономических связей страны.
- Экономическая экспансия транснациональных корпораций.
- Развитие процессов международной экономической интеграции или региональной экономической интеграции.

Международная экономическая интеграция или региональная экономическая интеграция – это деятельность, которая способствует устранению экономических границ между двумя или несколькими государствами.

Принципы международного разделения труда [7]:

- Общее международное разделение труда – разделение труда между крупными сферами материального и нематериального производства (промышленность, транспорт, связь и т.п.). С общим МРТ связано деление стран на индустриальные, сырьевые, аграрные.

© Киреева А.В.

• Частное международное разделение труда – разделение труда внутри крупных сфер по отраслям и подотраслям (тяжёлая и лёгкая промышленность, скотоводство и земледелие и т.п.). Оно связано с предметной специализацией.

• Единичное международное разделение труда – разделение труда внутри одного предприятия. При этом предприятие трактуется широко – как цикл создания законченного товара.»

Важной частью мировой экономики и мирового хозяйства является международная торговля. Основными причинами возникновения международной торговли стали:

1) проблема неравномерного распределения ресурсов на планете;

2) климатический фактор;

3) развитие научно-технического прогресса и инноваций;

4) эффективность выпуска продукции.

Международная торговля характеризуется экспортом и импортом. Экспорт и импорт дают возможность странам более эффективно использовать свои ресурсы, поэтому они важны для мировой торговли.

Анализ общей динамики экспорта и импорта России за несколько лет очень важен, так как он показывает определенную картину международного разделения труда. Таким образом воспользуемся статистическими данными «Российского статистического ежегодника 2023».

Таблица 1

Экспорт и импорт Российской Федерации [8], млн т.

	Экспорт					Импорт				
	2000	2010	2019	2020	2021	2000	2010	2019	2020	2021
Всего	103093	397068	424261	337295	492907	33879	228912	244573	232138	290564
в том числе: со странами СНГ	13824	59601	54021	48690	65320	11604	31728	27541	25051	31493
со странами дальнего зарубежья	89269	337467	370240	288605	427587	22276	197184	217032	207088	259072

На рисунке 1 показано, что в 2021 году экспорт и импорт Российской Федерации значительно вырос. Это говорит о том, что была благоприятная международная ценовая конъюнктура. Но необходимо отметить, что экспорт и импорт в 2020 году значительно был сокращен из-за начала пандемии коронавируса; это объяснялось эпидемиологической ситуацией, так как на тот момент значительная часть торговых сообщений между странами была прервана, введены карантинные и профилактические меры по борьбе с COVID-19. [3] Период пандемии коронавируса стал переломным моментом для международного разделения труда, который позволил взглянуть на ситуацию в мире под другим углом, связанным с более интенсивным развитием цифровой экономики искусственного интеллекта.

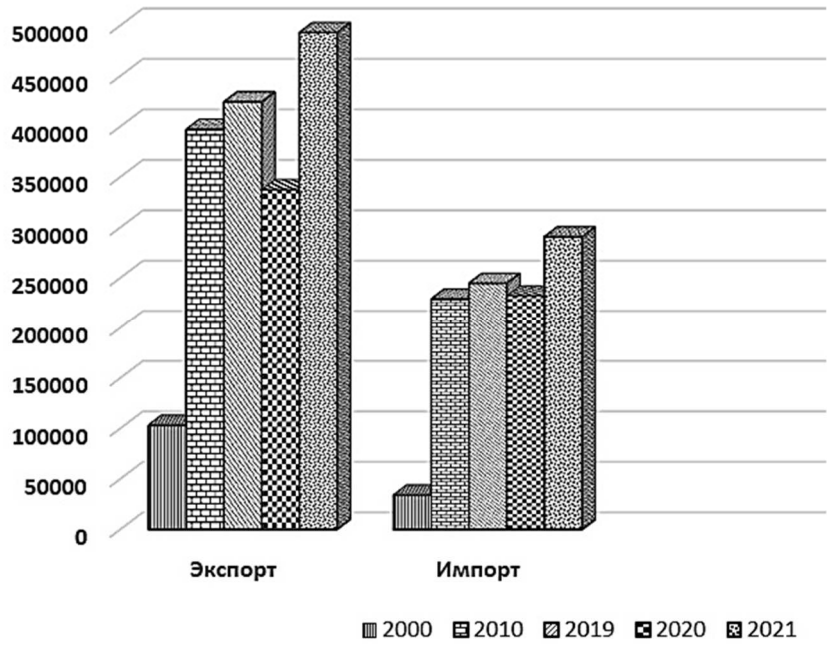

Рисунок 1 – Диаграмма экспорта и импорта Российской Федерации

© Киреева А.В.

Управление внешней торговлей и возникновение квот имеет очень важное значение для экономического развития любого государства. Квоты могут быть инструментом для ведения переговоров с другими странами, для достижения выгодных условий торговли или для решения проблем с дефицитом определенных товаров.

Поэтому, на наш взгляд, очень важным моментом является рассмотрение квот: внешнеторговой, экспортной и импортной.

В Энциклопедическом словаре экономики и права говорится о том, что «квотирование экспорта и импорта – это процесс, когда государство вводит ограничения объема экспорта и импорта товаров (работ, услуг) в любом выражении и на определенный период» [13].

Следовательно, актуальным является изучение проблематики распределения квот и квотирование в качестве механизма государственного регулирования.

В макроэкономике в области международной торговли квота – это нетарифное ограничение (барьер).

Внешнеторговая квота показывает уровень открытости страны в международной торговли.

Импортные квоты предназначены для увеличения спроса к отечественным товарам, и приводят к ограничению импортных.

Экспортные квоты уменьшают количество отечественных товаров за рубеж.

Результаты.

Сделаем несколько выводов:

Во-первых, о выгодах от участия в международном разделении труда:

1) данная специализация стран позволяет производить ту продукцию, где есть более благоприятные условия для нее;

2) разрешает увеличить производство продукции для своего населения и населения стран-партнеров;

3) отказывается от создания товаров, неудовлетворяющих условия производства, они замещаются за счет импорта;

4) позволяет повысить конкурентоспособность продукции и сформировать конкурентоспособный промышленный комплекс.

С нашей точки зрения, международное разделение труда позволяет иметь ряд преимуществ:

- повышать экономический рост;
- получить экономическое преимущество благодаря специализации;
- выгоду от экспорта и импорта;
- глобализацию экономики;
- установление прочных связей между всеми участниками международного разделения труда;
- создавать и совершенствовать инновационные технологии, внедряя их в жизнь для пользы и комфорта человека, как например, различные экосистемы;
- создавать здоровую конкуренцию;
- увеличивать рабочие места;
- привлекать инвестиции;
- обеспечивать экономическую независимость и цифровую безопасность;
- создавать и развивать базу интеллектуальной собственности.

Приоритетными направлениями международного разделения труда являются экспорт и импорт товаров и услуг между государствами-партнерами.

Помимо преимуществ, международное разделение труда имеет ряд недостатков.

1. Падение экономики страны, обширный кризис и потеря этим государством достаточно значительного источника национального дохода (прибыли от экспорта продукции) может возникнуть из-за потери конкурентоспособности на мировом рынке какого-то продукта, который будет иметь большую специализацию и может быть заменен на более качественный и дешевый аналог.

2. Зависимость стран-участников от глобальных экономических кризисов.

3. Деятельность межнациональных корпораций приводит к уничтожению здоровой конкуренции.

Влияние развитых стран на мировое хозяйство таково, что развивающихся стран больше, чем развитых. Но 80 % мирового товарооборота имеют развитые страны. К тому же, непрерывно увеличивается разрыв между развитыми и развивающимися странами. Социальное и экономическое развитие значительно отстает в развивающихся стран, чем в развитых, а в развитых странах темпы развития и социально-экономические показатели высоки.

Одностороннее развитие национальных экономик – это зависимость от экспорта одного вида продукции национального дохода, что может привести к кризису его экономики при условии снижения конкурентоспособности экспортируемого товара или возникновения дешевого товара-аналога. При постоянно меняющейся обстановке экономика какого-либо государства из-за своей специализации не имеет гибкости, что тоже может привести к кризисной ситуации в стране.

© Киреева А.В.

На основании проделанного анализа обозначим несколько рекомендаций:

Для дальнейшего положительного развития международного разделения труда необходимо учитывать все его преимущества и недостатки. К тому же, особое внимание следует уделять региональной интеграции, потому что она позволяет странам выходить на глобальный конкурентный рынок.

С возникновением мировых интеграционных процессов развивается международное разделение труда. Оно повышает эффективность производства, помогает сократить затраты общественного труда, выступает средством рационализации производственных сил.

Благополучие современного мира держится на росте производительности труда, источником которого является углубление разделения труда и специализации работников.

Фундаментом международной экономики является долгосрочное сотрудничество и установление прочных связей между странами, благодаря заключению договоров. Различные государства объединяются, чтобы решить всемирные вопросы для благоприятного развития своих стран.

О квотировании:

Цель квотирования экспорта-импорта заключается в защите национальной экономики и поддержании баланса торговли.

Заключение.

Исследование международного разделения труда, его преимуществ и недостатков позволило сделать следующие выводы:

1. Изучение темы о международном разделении труда особенно актуально в современных условиях для обеспечения устойчивого развития народного хозяйства.

2. Сформулировано авторское определение «международное разделение труда».

3. Содержание определения «международное разделение труда» раскрывается в ключевых факторах и принципах, которые способствуют:

– эффективному взаимодействию участников между собой;

– созданию благоприятной среды для экономического роста страны;

– конкурентоспособности продукции и промышленных предприятий;

– научно-технического прогрессу и инновациям инвестициям;

– росту человеческого капитала и интеграции.

Именно инновационный путь развития, который опирается на цифровую экономику, позволит Российской Федерации обеспечить устойчивое, динамичное экономическое развитие, а также цифровую трансформацию [10].

Развитие искусственного интеллекта и инноваций даст России возможность занять выгодную позицию в международном разделении труда. Для этого нужно будет объединить бизнес, общество и меры государственного регулирования [6].

4. Международное разделение труда через развитие инноваций, искусственного интеллекта и цифровой экономики дает возможность повышать общую эффективность мирового хозяйства и благосостояние человечества.

5. Особое внимание следует уделять изучению и развитию региональной интеграции, потому что она позволяет странам выходить на глобальный конкурентный рынок. С возникновением мировых интеграционных процессов развивается международное разделение труда.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1.Большая советская энциклопедия URL : https://gufo.me/dict/bse/Международное_разделение_труда (дата обращения 08.09.2024).
2. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. 6-е изд., доп. М. : Институт новой экономики, 2004. 1376 с.
3. Бударина Н.А. Динамика экспорта и импорта России в условиях локализации и перемен в направлениях глобальных товаропотоков / Н.А. Бударина, М.К. Горохова // Экономика и бизнес: теория и практика.

© Киреева А.В.

2023. № 6-1(100), URL : https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-eksporta-i-importa-rossii-v-usloviyah-lokalizatsii-i-peremen-v-napravleniyah-globalnyh-tovaropotokov (дата обращения 14.01.2025).
4. Кови Ст.Р. Восьмой навык: от эффективности к величию / Стивен Р. Кови; Пер. с англ. 12-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2017. 408 с.
5. Куприянов С.В., Киреева А.В. Научные представления о развитии промышленной политики / С.В. Куприянов, А.В. Киреева // Научно-практический журнал: «Экономика: теория и практика». 2024. № 1(73). С. 65–68.
6. Лукичев П.М. Позиция России в новом международном разделении труда // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. Вып. 5. С. 817–828. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-rossii-v-novom-mezhdunarodnom-razdelenii-truda (дата обращения 20.02.2025).
7. Международное разделение труда – Википедия. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_разделение_труда (дата обращения 27.01.2025).
8. Российский статистический ежегодник. 2023: Сборник статей / Росстат. М., 2023. 701 с.
9. Словарь экономических теорий URL : https://economic_theory.academic.ru/389/Международное_разделение_труда (дата обращения 08.09.2024 г.)
10. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL : http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения 20.02.2025).
11. Человеческий капитал – Википедия. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Человеческий_капитал (дата обращения 17.12.2023).
12. Экономический словарь терминов URL : http://www.risk24.ru/sl/m.htm (дата обращения 08.09.2024).
13. Энциклопедический словарь экономики и права. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/6014/квотирование (дата обращения 03.03.2025).

References:

1. The Great Soviet Encyclopedia. URL : https://gufo.me/dict/bse/International_division_of_labor (date of application 09/08/2024)
2. The Great Economic Dictionary / Edited by A.N. Azrilyan. 6th ed., suppl. M. : Institute for New Economics. 2004. 1376 p.
3. Budarina N.A. Dynamics of Russia's exports and imports in the context of localization and changes in the directions of global trade flows / N.A. Budarina, M.K. Gorokhova // Economy and business: theory and practice. 2023. Iss. 6-1(100). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-eksporta-i-importa-rossii-v-usloviyah-lokalizatsii-i-peremen-v-napravleniyah-globalnyh-tovaropotokov (date of application 14.01.2025).
4. Covey S.R. The Eighth Habit: From Effectiveness to Greatness / Stephen R. Covey; Transl. from English. 12th ed. M. : Alpina Publisher, 2017. 408 p.
5. Kupriyanov S.V. Scientific ideas about the development of industrial policy / S.V. Kupriyanov, A.V. Kireeva // Scientific and practical journal «Economics: theory and practice». 2024. № 1(73). P. 65–68.
6. Lukichev P.M. Russia's Position in the New International Division of Labor // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2022. Vol. 32. Iss. 5. P. 817–828. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-rossii-v-novom-mezhdunarodnom-razdelenii-truda (date of application 20.02.2025).
7. International division of labor – Wikipedia. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/International_Division_of_Labor (date of application 27.01.2025).
8. Russian statistical yearbook. 2023: Collection of articles / Rosstat. M., 2023. 701 p.
9. Dictionary of economic theories URL : https://economic_theory.academic.ru/389/International_division_of_labor (date of application 09/08/2024).
10. Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036. URL : http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (date of application 20.02.2025).
11. Human capital – Wikipedia. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Чучел_капталь (date of application 12/17/2023).
12. Economic dictionary of terms. URL : http://www.risk24.ru/sl/m.htm (date of application 09/08/2024).
13. Encyclopedic Dictionary of Economics and Law. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/6014/квотирание (date of application 03.03.2025).

Информация об авторе

Киреева Антонина Владимировна
старший преподаватель,
Белгородский государственный
технологический университет имени В.Г. Шухова
kireeva.antonina.vladimirovna@yandex.ru

Antonina V. Kireeva
Senior Lecturer,
Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov
kireeva.antonina.vladimirovna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Киреева А.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-13
УДК 334.7

Attribution
cc by

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.
Государственный университет управления

Аннотация. Технологическое развитие организаций на современном этапе развития науки и технологий основано на масштабном внедрении цифровых технологий. Исследование статистики применения таких технологий организациями в России остается на достаточно низком уровне из-за их дороговизны в части приобретения и стоимости трансформации производственных процессов, что делает их практически недоступными для малого и среднего бизнеса. Ограниченное разнообразие цифровых технологий не способствует их активному внедрению, что выражается в низкой цифровой зрелости организаций, а цифровые компетенции персонала устаревают. В статье проведена оценка использования цифровых технологий в России, сформулирован перечень требований и условий для их создания и масштабирования, а также обоснована целесообразность их разработки с активным привлечением инновационной инфраструктуры России.

Ключевые слова: бизнес-инкубатор, инновационная инфраструктура, цифровые технологии, технопарки, технополисы, экономика.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROSPECTS FOR USING INNOVATIVE INFRASTRUCTURE FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Ivan V. Levshov, Yulia N. Serdechnaya
State University of Management

Abstract. Technological development of organizations at the current stage of development of science and technology is based on the large-scale implementation of digital technologies. The study of statistics on the use of such technologies by organizations in Russia remains quite low due to their high cost, in terms of acquisition and the cost of transforming production processes, which makes them practically inaccessible to small and medium businesses. The limited variety of digital technologies does not contribute to their active implementation, which is reflected in the low digital maturity of organizations, and the digital competencies of personnel become obsolete. The article assesses the use of digital technologies in Russia, formulates a list of requirements and conditions for their creation and scaling, and substantiates the feasibility of development with the active involvement of Russia's innovative infrastructure.

Keywords: business incubator, innovative infrastructure, digital technologies, technology parks, technopolises, economy.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Для повышения конкурентоспособности суверенной национальной экономики необходимо принять дополнительные меры, направленные на обеспечение научно-технического развития и поддержку частных компаний, способных стать лидерами, в том числе на новых глобальных технологических рынках при реализации их наукоемкой продукции, а также масштабировании производства.

Информационно-коммуникационное развитие социально-экономических процессов в обществе предполагает использование новых преимуществ, которые вытекают из современных технических и технологических возможностей средств и систем информатизации и коммуникации.

В основе создания наукоемкой продукции, отвечающей требованиям международных стандартов и устойчивого развития, лежат технологии

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0. Однако анализ источников позволил сделать заключение о научной проблеме, которая заключается в следующем: в России наблюдается низкая динамика распространения цифровых технологий при отсутствии подходов и инструментов для оценки их эффективности, а также при выборе таких технологий для последующего внедрения. Подтверждение этому можно найти в статистических данных и международных сопоставлениях, которые демонстрируют отставание России по показателям цифрового развития от ведущих стран мира.

В настоящее время развитие передовых цифровых технологий Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0 продолжает играть важную роль в обеспечении конкурентоспособности бизнеса, региона и страны. Современный этап характеризуется наличием как конкурентных преимуществ Российской Федерации данной области, так и рядом неразрешенных проблем, препятствующих масштабной цифровой трансформации организаций.

Сохраняется проблема отсутствия реально работающего механизма и инструментов обеспечения восприимчивости организации к внедрению цифровых технологий, что, в том числе препятствует практическому применению результатов исследований и разработок, а также последующему созданию инновационной продукции и услуг (доля инновационной продукции в общем выпуске составляет всего 8–9 процентов; инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем в ведущих государствах; доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта составляет около 0,4 процента) [1].

Обсуждение.

По прогнозам аналитиков, мировой рынок технологий Индустрии 4.0 составит 165,5 млрд. долларов США к 2026 году и будет расти темпами около 20,6% в период с 2021 по 2026 годы, что может свидетельствовать о повышении количественного и качественного разнообразия и доступности таких технологий для различных отраслей народного хозяйства.

Основное направление применения технологии Индустрии 5.0 с высоким уровнем конвергенции социоэкосистем – это осуществление коммуникации людей и созданных цифровых технологий; такие технологии называются человекоцентричными.

По данным Росстата в России, в 2022 году статистика использования технологий Индустрии 4.0 достаточно невысокая и по некоторым показателям имеется отрицательная динамика:

– лишь 14,9 % использует цифровые платформы (в 2020 г. данный показатель составил 17,2 %);

– использование больших данных 30,4 %, а технологий искусственного интеллекта – 6,6 % (в 2020 г. данный показатель составил 5,4 %, что свидетельствует о низкой динамике внедрения таких технологий);

– Интернет вещей используют 10 % (в 2020 г. данный показатель составил 13 %, снижение показателя может говорить о наличии негативных факторов, препятствующих внедрению данной технологии).

Показатели, характеризующие состояние использования технологий Индустрии 4.0, говорят о том, что степень цифровой трансформации организаций по экономике достаточно низкий [1].

Устойчивая отрицательная динамика наблюдается в использовании организациями специальных программных средств в 2022 г. этот показатель составил 68,1 %, когда как в 2012 году он составлял 86 %. [1]

Резкое снижение показателей в использовании программных средств и низкие показатели динамики использования цифровых технологий, характеризующих степень цифровизации и цифровой трансформации организаций по экономике, свидетельствуют о том, уровень цифровой зрелости очень низкий у организаций нашей страны.

На протяжении, как минимум, двух десятилетий существует проблема отсутствия результативных методик, подходов и инструментов взаимодействия сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики.

Распространение концепции устойчивого развития формирует также потребность в разработке методов и подходов к оценке цифровых технологий Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0 с позиций антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов и учет их влияния на ESG-факторы.

Широкое внедрение и применение цифровых технологий в целях цифрового развития предполагает сформированность в стране сетевого общества; индекс России составляет 59,54, в то время как у стран-лидеров в такой области показатель составляет порядка 82 [1].

Приведенные данные говорят о необходимости разработки мер и методик поддержки принятия решений, связанных с оценкой и повышением цифровой зрелости организаций и процессов, стимулировании цифровизации и цифровой трансформации для последующего перехода на качественно новый уровень использования цифровых технологий.

Введение внешнеэкономических ограничений создает трудности при использовании ранее приобретенного в аренду иностранного программного обеспечения, которое позволяет приступить организациям к цифровизации и путем накопления «опыта» цифровой зрелости перейти

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

к цифровой трансформации. Удельный вес затрат на российское программное обеспечение в общем объеме затрат на покупку и аренду программного обеспечения составляет 37 %, что говорит о высокой зависимости от иностранных разработчиков и может препятствовать наращиванию цифровой зрелости отечественных организаций [1].

Приобретение и использование цифровых технологий – достаточно затратный процесс, поэтому малому и среднему бизнесу, который является драйвером развития рыночной экономики и определяет во много ее стабильное функционирование за счет активного конкурентного поведения на рынке, оказывается дорого проводить цифровую трансформацию и параллельно – последовательно повышать уровень своей цифровой зрелости. Менее 7 % организаций малого и среднего бизнеса используют промышленных роботов, аддитивные технологии и «цифровые двойники», этот показатель в среднем составляет 1,5 % [1]. В то же время, в технологически развитых странах крупные компании приобретают небольшие стартап – компании, занятые разработкой и производством цифровых технологий, чтобы снизить кривую обучения, повышая в кротчайшие сроки цифровую зрелость.

Наличие накопленного опыта по использованию цифровых технологий организациями позволяет сокращать кривую обучения на опыте [2]. Проведение аналитики больших данных по цифровой трансформации организаций и выявление лучших практик обеспечат мультипликативный эффект от использования создаваемых технологий, выражающийся в оценке антропогенного воздействия на окружающую среду, стимулировании перехода к передовым интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, созданию систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллект.

Проведя оценку состояния использования цифровых технологий в России, мы полагаем целесообразным обеспечение удовлетворения следующих потребностей для их создания, распространения с целью последующего качественного рывка в развитии таких технологий и повышении уровня цифровой зрелости организаций [3; 4]:

– требуют привлечения значительных финансовых ресурсов, особенно на этапе производства и масштабирования. Первый этап создания цифровой технологии можно осуществить за счет гранта, но последующие этапы инновационного цикла нужно реализовывать за счет частных инвестиций. Целесообразно на этапе инициирования разработки и подачи заявки на грант предусматривать участие индустриальных партнеров, которые могут затем взять на себя функцию производства технологии и ее масштабирования, преследуя коммерческий интерес;

– некоторые цифровые технологии обладают материальной сущностью, что требует наличия современных производственных мощностей в достаточном объеме для создания, разработки, апробации (в том числе на промышленных объектах) и производства. Некоторые имеют «информационную» сущность (например, цифровые платформы), поэтому для создания необходимо обеспечения высокими вычислительными мощностями;

– созданную цифровую технологию нужно апробировать на разных производствах и в том числе для создания инновационных товаров. Разнообразие производств, в том числе и инновационного с относительной территориальной близостью, которая важна при создании принципиально новой технологии, поскольку экономит время, издержки, минимизирует риски перемещения, расположено в технополисах и технопарках;

– цифровые технологии требуют, как и любая техника сервисного обслуживания, но обслуживание идет в двух направлениях: техническое и программное. В целях обеспечения безопасности эксплуатации и защиты данных, обслуживание необходимо выполнять силами организации-разработчика. Программное обновление можно реализовывать удаленно, предоставляя доступ к устройствам;

– в целях обеспечения технологического суверенитета и технологической безопасности страны, целесообразны разработки цифровых технологий, которые предназначены для ряда критически важных отраслей народного локализовать на территории России. Для такого условия требует территориальная близость индустриальных партнеров, готовых совместно участвовать в инновационном процессе;

– любой деятельности присуще проявление свойства кривой обучения на опыте, то есть организации из раза в раз, осуществляя деятельность, совершенствуют ее; например, они сокращают длительность производственного цикла, выявляя ненужные простои и организуя производство наилучшим образом. Индустриальные партнеры, расположенные территориально близко, обладая необходимой производственной базой, вычислительными мощностями, проводя инновационный цикл создания цифровых технологий могут сформировать ключевые компетенции в их создании и накопленный опыт могут применять другие организации, формирующие цепочку создания цифровой технологии.

Результаты.

Вышеперечисленным требованиям и условиям создания цифровых технология отвечают такие элементы инновационной инфраструктуры, как бизнес-инкубаторы, технопарки и технополисы.

Инфраструктура инновационной деятельности – это совокупность организационно-экономических

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

институтов, которые способствуют реализации инновационных проектов и оказывает управленческие, финансовые, информационные, материально-технические и другие виды услуг. Она является основным механизмом формирования эффективного государственно-частного инновационного партнерства и единственным инструментом создания инновационной деятельности, заметной на макроэкономическом уровне [5, 6].

Инновационная инфраструктура состоит из нескольких основных составляющих: производственно-технологической, информационно-консалтинговой, территориальной, образовательной и финансовой.

Бизнес-инкубаторы.

Понятие «бизнес-инкубатор» появилось в конце 1950-х годов, когда американский социолог Джозеф Манкусо арендовал старый заброшеный вокзал. Это здание он разделил на небольшие комнаты, оборудовал их в качестве офисов, нанял опытных специалистов в качестве консультантов и начал сдавать офисы по очень низкой цене. Дешевая рабочая площадь поспособствовала привлечению начинающих предпринимателей к созданию малых предприятий в первом бизнес-инкубаторе.

В те времена лишь 12 начинающих предпринимателей из 100 достигали успеха (примерно 12 %), в то время как на новом предприятии Джозефа Манкусо этот показатель достигал 30 %. Причем, значительное количество малых компаний затем переросли в средние и завоевали определенную часть рынка. Организации, которые состояли в первом бизнес-инкубаторе, почти одновременно встречались с одинаковыми проблемами; и ввиду их тесного расположения, начали обмениваться опытом для их решения. В случае недостатка опыта компании могли обратиться к специалистам, поэтому развитие организаций-участниц происходило значительно быстрее, чем при самостоятельном развитии [7].

Успех первого бизнес-инкубатора привлек внимание властей многих штатов, и они начали активно поддерживать новые бизнес-инкубаторы, финансируя их и предоставляя льготные кредиты.

Положительный опыт бизнес-инкубаторов поспособствовал их появлению в России. В последствии, многие бизнес-инкубаторы, которые включали в себя организации, занимающиеся высокими технологиями и инновационными идеями, переросли в технологические центры. Объединение бизнес-инкубаторов с промышленными организациями и элементами социальной инфраструктуры образовали научно-технологические парки, в последствии ставшими технологическими полисами. Бизнес-инкубаторы, на данный момент времени, делятся на несколько типов:

– инкубаторы, поддерживаемые местной властью, которая предоставляет территорию и выделяет деньги из федерального бюджета;

– промышленные инкубаторы, которые поддерживаются большими промышленными организациями;

– некоммерческие общественные инкубаторы, управляемые общественными некоммерческими организациями;

– университетские бизнес-инкубаторы;

– инкубаторы частных корпораций, которые создаются по личной инициативе и развиваются за счет частного капитала.

За последние 10 лет количество крупных бизнес-инкубаторов в России выросло практически в 10 раз – и составляет порядка 200 штук. Примерно 75 % из них являются некоммерческими. Они поддерживаются местными правительствами, институтами или местными компаниями [8].

Технопарки.

История технопарков началась в 1951 году в Калифорнии. Стэнфордский исследовательский парк, более известный как «Кремниевая долина», стал первым в мире технологическим парком, а также предпосылкой формированию технопарков США и в других странах мира (в США их насчитывается более 150). Именно появление «Кремниевой долины» преобразила Калифорнию. Она стала ассоциироваться с глобальным центром технологий, финансов и научных исследований [9].

Сейчас Стэнфордский исследовательский парк входит в тройку крупнейших технологических парков США. По статистическим данным, этот технопарк насчитывает от 255300 до 386000 работников разных компаний, в том числе крупнейших ТНК: Intel, eBay, Google, Apple Inc., AMD, Cisco, NVIDIA, Yahoo [9].

К основным целям технопарков относят:

1. Проведение НИОКР и коммерциализацию их результатов.

2. Создание технологичных производств.

3. Интегрирование национальной экономики в мировую экономику.

4. Подготовка кадров.

5. Взаимодействие парка и национальной экономикой.

Растущая популярность технопарков способствует их бурному появлению во всех регионах страны. Однако далеко не все из них становятся успешными и способны существовать долгое время.

Одним из основных факторов успеха можно назвать экономическая устойчивость технопарка. Прибыль от создания технопарка можно получать от коммерческого использования недвижи-

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

мости, однако, многие, не обладая достаточными навыками, не могут достичь даже точки безубыточности. Если технопарк не обладает какими-либо льготными условиями экономического существования, он, с большей вероятностью, будет убыточен на протяжении 5–10 лет. Именно поэтому основатели технопарков должны не только обладать определенными знаниями и навыками для определения жизнеспособности проекта, но и быть готовыми безвозвратно вкладывать в проект денежные средства на протяжении долгого времени до вывода его в прибыльное состояние.

В нашей в настоящее время действует 390 технопарков. 07 ноября 2024 года Министерство экономического развития представило программу создания 100 новых парков до 2030 года с объемом финансирования 30 млрд рублей. За период с 2019 по 2024 годы 38 регионам выделено было 22 млрд руб. для реализации 61 проекта [8].

В исследовании американской консалтинговой фирмы «АДЛ», которая провела исследования 5 процветающих технопарков, были выделены еще 4 критериев успешности технопарка, которые были использованы местными правительствами в качестве рекомендаций для повышения эффективности деятельности технопарка [9]:

1. Хороший организационный менеджмент. Технопарк должен обладать поддержкой со стороны местной власти и хорошими отношения с университетами, чтобы иметь возможность получать в пользование помещения и оборудование. Для парка также важна непрерывная общественная, финансовая и техническая поддержка, а также опытный руководитель и высококвалифицированные менеджеры.

2. Правильная география парка, в том числе планирование его инфраструктуры. Технопарк должен быть удобен в получении фирмами-участниками основных услуг, а также обладать особыми услугами (например, научные лаборатории общего пользования) и быть привлекательным для компаний с наукоемкими разработками.

3. Маркетинг. Развитие технопарка должно быть детально проработано, чтобы в случае его финансовой несостоятельности учредитель не потерял слишком много денег. Также, в качестве критерия маркетингового успеха было выделено обязательное привлечение в технопарк крупных компаний. В противном случае проект должен быть закрыт.

4. Финансирование. Учредители должны уметь управлять рисками и заранее предугадывать различные финансовые ситуации.

Одной из важнейших задач является создание и совершенствование информационной составляющей инновационной инфраструктуры, необходимой для информационной поддержки перехода к инновационному развитию государства.

Информационно-консалтинговая составляющая инновационной системы достаточно развита. Она обеспечивает взаимодействие со всем другими составляющими и является двигателем инновационных процессов.

Подготовка персонала к использованию новых технологий является весьма важной. Обучение включает в себя как технические навыки, так и знание методов и стратегий использования технологий для улучшения производственных процессов. Концентрация навыков по созданию, использованию, производству и масштабированию внутри организационных образований таких как бизнес-инкубатор, технопарк, технополис требуют передачи опыта компаниям-потребителям и компаниям-разработчикам, не являющихся резидентами. Передача опыта будет способствовать повышению цифровой зрелости организаций России.

Разработка программы обучения персонала должна предшествовать созданию курсов. Благодаря этому можно добиться того, чтобы учебная программа полностью соответствовала потребностям компании. Программа может включать разные виды обучения: очное или онлайн, групповое или индивидуальное, выездное или на рабочем месте.

Неразвитая система финансирования инновационной деятельности приводит к неэффективности НИОКР и, как следствие, отсутствие экономического результата от них даже при возможном богатстве научно-технического потенциала страны [10]. Поэтому, чтобы развивать свою инновационную инфраструктуру, каждое государство должно уделить особое внимание системе финансирования, чтобы поддерживать проведение НИОКР в нужное время и в нужном объеме.

Помимо основных финансовых ресурсов, особое место в финансовой системе занимают венчурные инвестиции. По объему венчурных инвестиций Россия не являются безоговорочным лидером, что требует формирование программ развития и нормативно-правовой базы для их развития.

Процесс финансирования и распределения рисков, например, в США проходит достаточно плавно за счет того, что объекты финансирования, то есть различные университеты, венчурные фонды и коммерческие банки и другие организации, являются также учредителями технопарков, за счет которых и достигается развитие инновационного потенциала страны.

Отдельно стоит отметить, что резиденты обладают возможностью компенсации затрат, что повышает эффективность их производственной деятельности. Минпромторг России готов профинансировать технопарки в сфере электроники в размере до 900 млн руб. для этих целей проводится конкурсный отбор.

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

Технополисы.

Инновационная инфраструктура технополиса содержит ряд основных элементов, способствующих развитию находящихся в нем предприятий (технополисы могу иметь статус особой-экономической зоны, что наделяет их экономическими преференциями) [8]:

1) бизнес-инкубаторы. Они являются основной единицей технопарка и представляют собой здания, где на льготной основе располагаются множество предприятий. Такие здания также отличаются услугами и оборудованием коллективного пользования, например, канцелярские и административные услуги, копировально-множительная техника, компьютеры, конференц-залы и т.д.;

2) предприятия, производящие инновационные продукты. Являются клиентами бизнес-инкубаторов. Такие компании отличаются высоким уровнем риска результатов их деятельности, а также высокой степенью неустойчивостью на рынке. Каждое такое предприятие уникально, но практически каждое в процессе своей деятельности сталкивается с различными трудностями (недостаточность доходов, сильная зависимость от потребителей, нехватка управленческих компетенций и прочие);

3) технопарки. Это – объединение интеллектуальных и производственных площадок, занимающихся разработкой инновационных проектов. Они отличаются от технополисов своей инфраструктурой, составу и занимаемой территорией. Технопарки, как правило, являются неотъемлемой частью технополиса;

4) организации обеспечения сервиса. Это - организации, способствующие созданию комфортных условий для обеспечения работы всего технополиса и его участников (предприятия общественного питания, банки и другие.

Заключение.

Инновационная инфраструктура России обладает достаточными ресурсами, чтобы взять на себя роль колыбели создания и масштабирования цифровых технологий. Создание точек концентрации компетенций в области исследования и разработок технологий Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0 ставит задачу дальнейшей передачи опыта в организации, которые не являются резидентами в целях повышения их цифровой зрелости.

Поскольку технопарки и технополисы обладают возможностью масштабирования цифровых технологий, это может способствовать повышению их доступности для малого и среднего бизнеса.

Одним из критериев эффективности работы резидентов в особой экономической зоне является цена продукта вкупе с возможностью масштабирования и накопленным опытом, может способствовать установлению адекватной цены на цифровую технологии.

На созданные цифровые технологии могут быть получены права на интеллектуальную собственность, что формирует источник дохода за счет реализации прав на интеллектуальную собственность с сохранением права сервисного обслуживания.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абашкин В.Л. Индикаторы цифровой экономики 2025: Статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский. Изд: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с. URL : https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf (дата обращения 08.03.2025).
2. Зарубежный опыт государственной поддержки инновационных малых и средних предприятий. 2016. URL : https://kfpp.ru/analytics/material/innovation.php (дата обращения 15.03.2025).
3. Четыре сценария развития ИКТ-отрасли до 2035 г. Ч. I URL : https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=180868 (дата обращения 10.03.2025).
4. Современные подходы трансфера технологий и коммерциализации инноваций / Э.Н. Абдурахимова [и др.] // Экономические науки. 2015. № 127. С. 49–56. URL : https://ecsn.ru/files/pdf/201506/201506_49.pdf (дата обращения 08.03.2025).
5. Инновационная инфраструктура: понятие, состав и функции субъектов. 2013. URL : https://studme.org/117535/ekonomika/innovatsionnaya_infrastruktura_ponyatie_sostav_funktsii_subektov (дата обращения 21.03.2025).

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

6. Зарубежный опыт построения инновационной инфраструктуры (на примере США). 2014. URL : https://foykes.com/zarubezhnyj-opyt-postroeniya-innovatsionnoj-infrastruktury-na-primere-ssha (дата обращения 19.03.2025).
7. Джоэл Уиггинс. Обзор инкубаторов США и опыта Остинского технологического инкубатора / Джоэл Уиггинс, Дэйвид Гибсон // Международная инновационная деятельность. 2005. С. 86–91. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-inkubatorov-ssha-i-opyta-ostinskogo-tehnologicheskogo-inkubatora/viewer (дата обращения 22.02.2025).
8. Портал по теме корпоративной информатизации TAdviser – портал выбора технологий и поставщиков. URL : https://www.tadviser.ru (дата обращения 01.04.2025).
9. Национальная инновационная система США: характеристики, особенности, пути развития / А.Б. Петровский [и др.] // Научные ведомости Серия Экономика. Информатика. 2018. № 2. Т. 45. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-innovatsionnaya-sistema-ssha-harakteristiki-osobennosti-puti-razvitiya/viewer (дата обращения 07.03.2025).
10. Шадиева Д. Анализ мировых тенденций финансирования инновационной деятельности. 2016. С. 1–5. URL : https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/analiz-mirovykh-tendentsiy-finansirovaniya-innovatsionnoy-deyatelnosti.pdf (дата обращения 07.03.2025).

References:

1. Indicators of the digital economy 2025: statistical collection / V.L. Abashkin, G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky. Publ.: National Research University «Higher School of Economics». M. : ISSEK HSE, 2025. 296 p. URL : https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf (date of application 08.03.2025).
2. Foreign experience of state support for innovative small and medium-sized enterprises. 2016. URL : https://kfpp.ru/analytics/material/innovation.php (date of application 15.03.2025).
3. Four scenarios for the development of the ICT industry until 2035. Part I URL : https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=180868 (date of application 10.03.2025).
4. Joel Wiggins, David Gibson. Review of US incubators and the experience of the Austin technology incubator // International innovation activity. 2005. P. 86–91. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-inkubatorov-ssha-i-opyta-ostinskogo-tehnologicheskogo-inkubatora/viewer (date of application 22.02.2025).
5. Innovative infrastructure: concept, composition and functions of subjects. 2013. URL : https://studme.org/117535/ekonomika/innovatsionnaya_infrastruktura_ponyatie_sostav_funktsii_subektov (date of application 21.03.2025).
6. Foreign experience in building innovative infrastructure (using the USA as an example). 2014. URL : https://foykes.com/zarubezhnyj-opyt-postroeniya-innovatsionnoj-infrastruktury-na-primere-ssha (date of application 19.03.2025).
7. Joel Wiggins, David Gibson. Review of US incubators and the experience of the Austin Technology Incubator // International innovation activity. 2005. P. 86–91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-inkubatorov-ssha-i-opyta-ostinskogo-tehnologicheskogo-inkubatora/viewer (date of application 22.02/2025).
8. Portal on the topic of corporate IT TAdviser – portal for choosing technologies and suppliers. URL : https://www.tadviser.ru (date of application 01.04.2025)
9. National innovation system of the USA: characteristics, features, development paths / A.B. Petrovsky [et al.] // Scientific vedomosti Series Economics. Informatics. 2018. № 2. Vol. 45. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-innovatsionnaya-sistema-ssha-harakteristiki-osobennosti-puti-razvitiya/viewer (date of application 07.03.2025).
10. Shadieva D. Analysis of global trends in financing innovative activities. 2016. P. 1–5. URL : https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/analiz-mirovykh-tendentsiy-finansirovaniya-innovatsionnoy-deyatelnosti.pdf (date of application 07.03.2025).

Информация об авторах

Левшов Иван Вадимович
магистрант 2 года обучения
по образовательной программе
«Топливно-энергетический бизнес»
38.04.02 «Менеджмент»
кафедры экономики и управления
в топливно-энергетическом комплексе,
Институт отраслевого менеджмента
Государственного университета управления
levshovi@mail.ru

Сердечная Юлия Насиховна
старший преподаватель кафедры
управления промышленными организациями,
Институт отраслевого менеджмента
Государственного университета управления
yn_kafiyatullina@guu.ru

Ivan V. Levshov
2-year Master's Student
of the Educational program
«Fuel and Energy Business»
04.38.02 «Management»
of the Department of Economics and Management
in the Fuel and Energy Complex,
Institute of Industrial Management
State University of Management
levshovi@mail.ru

Yulia N. Serdechnaya
Senior Lecturer at the Department
of Management of Industrial Organizations,
Institute of Industrial Management
State University of Management
yn_kafiyatullina@guu.ru

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Левшов И.В., Сердечная Ю.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-18
УДК 338

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КОМПАНИЙ ПРИ ИХ ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Мисько О.Б.
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей изменения системы менеджмента компаний при их переходе к цифровой экономике. Автором рассматривается интерпретация понятия «цифровая экономика» с точки зрения различны авторов, определены основные вызовы, с которыми сталкиваются компании в процессе цифровой трансформации, и анализируются новые подходы к управлению, необходимые для успешного функционирования в условиях высокой неопределенности. Цифровая эра, ознаменованная значительными прорывами в области технологий, имеет в своем арсенале такие новшества, как большие данные и искусственный интеллект. Эти инструменты выделяются автором как основные факторы преобразования текущих бизнес-моделей. Особое внимание уделяется особенностям изменений системы менеджмента компаний, необходимые при переходе к цифровой экономик. Исследование подчёркивает, что для успешного преобразования управления необходимо целостно адаптировать различные подсистемы, начиная с производственных сегментов и заканчивая управлением рисками. Это требует преодоления противодействия со стороны сотрудников, что возможно через внедрение культуры прозрачности и постоянного обучения.

Ключевые слова: цифровая экономика, система менеджмента, изменения, вызовы, возможности, гибкость, инновации, цифровые технологии, адаптация, управление изменениями.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON THE DEVELOPMENT OF STRATEGIC MANAGEMENT

Oleg B. Misko
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of changes in the management system of companies in their transition to the digital economy. The article considers the interpretation of the concept of 'digital economy' from the point of view of various authors, identifies the main challenges faced by companies in the process of digital transformation, and analyses new approaches to management required for successful functioning under conditions of high uncertainty. The digital era, marked by significant breakthroughs in technology, has in its arsenal such innovations as big data and artificial intelligence. These tools are highlighted by the author as the main drivers for the transformation of current business models. Particular attention is paid to the specifics of the changes in the management systems of companies required in the transition to a digital economy. The study emphasizes that successful management transformation requires holistic adaptation of various subsystems, from production segments to risk management. This requires overcoming resistance on the part of employees, which is possible through the introduction of a culture of transparency and continuous learning.

Keywords: digital economy, management system, changes, challenges, opportunities, flexibility, innovation, digital technologies, adaptation, change management.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях современности наглядно прослеживаются кардинальные изменения внешней и внутренней среды компаний, обусловленные стремительным переходом к применению цифровых технологий.

© Мисько О.Б.

Переход к цифровой экономике ставит перед компаниями необходимость коренной перестройки всей системы менеджмента, в связи с тем, что традиционные подходы к управлению, основанные на иерархии и жестком контроле, неспособны к гибким и адаптивным форматам оперативного реагирования, тем самым уступая место новым моделям, ориентированным на инновации и быстрое реагирование.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью адаптации менеджмента компаний к стремительно меняющимся условиям цифровой экономики.

Обсуждение.

Тема особенностей изменения системы менеджмента компаний при их переходе к цифровой экономике рассмотрены в работах таких авторов как: Х.Х. Астомирова, О.Н. Быкова, Д.У. Ибрагимов, А.П. Гарнов, В.И. Клисторин, М.А. Мирошниченко, С.Ю. Озорнин, Т.А. Окунькова, Т.Г. Соболевская, Д.Р. Шарафутдинов, Д.В. Ябурова и др.

Существует широкий перечень исследований со стороны зарубежных авторов.

Однако как отечественный, так и зарубежный опыт по работам в рамках рассматриваемого вопроса лишь нарабатывается в силу относительно непродолжительной истории развития цифровой экономики [1; 3].

Стремительное развитие цифровых технологий положило начало новому периоду в истории развития общества, когда цифровизация стала ключевым фактором, оказывающим прямое влияние на темпы экономического роста и социальной трансформации. Традиционные экономические модели, которые акцентируют внимание на физических товарах и фиксированной инфраструктуре, где затраты и ресурсы масштабировались вместе с производством, стали уступать место компаниям с цифровой трансформацией, которые используют технологии для создания ценности без той же потребности в физических активах или трудоемких процессах. Это изменение повышает эффективность бизнеса в различных секторах, включая финансы и розничную торговлю.

Анализ ряда работ исследователей, чьи труды посвящены анализу периода становления цифровой экономики (Х.Х. Астамирова, М.С. Воронько, Т.Г. Маглинова) подтверждает, что начало перехода к цифровой эпохе связывают с развитием Интернета и информационных технологий в 1970–1990-х гг. XX столетия[1; 2; 6].

Несмотря на относительно короткий срок, в научной литературе представлено множество интерпретаций понятия «цифровая экономика», часть из которых представлена в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация понятия «Цифровая экономика» различными авторами (составлено автором)

Автор	Интерпретация понятия «цифровая экономика»
Калинина Е.В. [4]	Не только технологии, но и смена парадигмы для экономики и общества в целом, связанная с глубокой трансформацией социальных и экономических отношений, влияющую на жизнь каждого человека
Лю Я. [5]	Экономика, базирующаяся или опирающаяся на цифровые технологии
Новикова И.В. [8]	Экономика, основанная на любом из цифровых инструментов, используемых в современном экономическом мире (например, 3D-, 4D-печать, искусственный интеллект, дополненная реальность, нейрокоммуникации и т.п.)
Половня А.В. [10]	Форма организации хозяйственной деятельности общества и социально-экономических отношений внутри него, появившаяся в результате научно-технического прогресса, направленная на трансформацию отраслей во всех секторах экономики для формирования возрастающей отдачи с помощью технологий шестого технологического уклада, ускоряющих процессы обмена информацией во времени и пространстве
Ткаченко И.Н., Стариков Е.Н. [13]	Социально-экономические трансформации, связанные с цифровизацией экономики и общественной жизни

Определения понятия «цифровая экономика», представленные в таблице 1, подчеркивают многогранность и сложность данного понятия, которое охватывает, как технические, так и социальные аспекты, и указывают на ее ключевое значение в формировании будущего экономического ландшафта.

Цифровая экономика относится к интеграции цифровых технологий во все сферы бизнеса, фундаментально меняя то, как работает бизнес и обеспечивает ценность для своих клиентов. Она включает в себя использование таких технологий, как:

– искусственный интеллект (ИИ);

– облачные вычисления;

– большие данные;

– Интернет вещей (IoT).

Очевидно, что при развитии цифровой экономики возникает необходимость изменений системы менеджмента компаний, поскольку для успешного функционирования в новых экономических условиях требуется не только освоение передовых технологий, но и способность адаптироваться к стремительным изменениям внешней среды, эффективно управляя при этом человеческими ресурсами, выстраивая при этом гибкую структур управления.

© Мисько О.Б.

На базе проведенного исследования определены основные особенности изменений системы менеджмента компаний, необходимые при переходе к цифровой экономике (табл. 2).

Таблица 2

Основные особенности изменений системы менеджмента компаний, необходимые при переходе к цифровой экономике (*составлено автором*)

Аспект	Характеристика	Авторы, отмечающие особенность
Переход от иерархической структуры управления к гибким гибридным формам [3]	Цифровая экономика требует стремительных изменений и адаптации, в связи с чем классические модели управления не будут соответствовать ее формату, поскольку не позволяет оперативно реагировать на изменения внешней среды и вовлекать одновременно сотрудников разных уровней	Гарнов А.В., Быкова О.Н.
Усиление роли объема данных и аналитики [4, 13]	Цифровизация ведет к росту объема данных, которые должны генерироваться компаниями. Для эффективной обработки и использования данных необходимо внедрять и развивать компетенции области Big Data. На базе этого менеджмент для принятия стратегических решений и оптимизации бизнес-процессов, повышения их эффективности переходит в соответствующий формат работы с использованием соответствующих инструментов	Калинина Е.В., Ткаченко И.Н., Стариков Е.Н
Изменение в управлении персоналом [5; 8]	Переход к цифровой экономики требует от персонала новых компетенций, в т.ч цифровых, возрастает роль удаленной работы, которая позволяет привлекать лучших специалистов вне зависимости от их территориального положения.	Лю Я., Новикова И.В.
Управление изменениями и корпоративной культурой [10; 4; 8]	Переход к цифровой экономике неизбежно влечет за собой изменение корпоративной культуры. Менеджменту приходится заниматься управлением изменениями, обеспечивая поддержку и мотивацию сотрудников, обучая их новым навыкам и помогая преодолевать страх перед неизвестностью. Важную роль начинают играть такие качества, как открытость, готовность к экспериментам и стремление к постоянному обучению	Половня А.В., Калинина Е.В., Новикова И.В.
Развитие цифровых платформ и экосистем [4; 8]	Компаниям в условиях цифровой экономики необходим переход от линейных традиционных моделей ведения бизнеса (например стандартная цепочка: производство → продажа → потребление) к созданию новых цифровых платформ, изменяющих стандартный ход событий	Калинина Е.В., Новикова И.В.

При этом период перехода к цифровой экономике подразумевает реализацию крупных внутренних изменений, направленных на улучшение бизнеса, что может включать технологические эволюции, крупные повороты в предложениях или даже сдвиги в архитектуре компании. Данный факт в свою очередь вызывает сопротивление со стороны персонала, что вполне естественно, поскольку любые значительные перемены нарушают привычное течение работы и требуют от сотрудников освоения новых навыков, подходов и технологий.

При переходе компании к цифровой экономике ее изменения в системе менеджмента многогранны и связаны:

1. С непосредственным изменением традиционной системы менеджмента на более гибкую, инновационную, адаптированную.

2. С необходимостью внедрения стратегии управления изменениями, с целью активного вовлечения сотрудников в процесс разработки и реализации новых инициатив, предоставляя им возможность внести свой вклад. Также важно создать культуру открытости и доверия, чтобы сотрудники чувствовали поддержку и понимали, что их мнение имеет значение [9; 11].

Стратегия управления изменениями – это определенная структура и набор протоколов, на которые организации могут опираться при внесении фундаментальных изменений во внутренние операции, цели или технологии, чтобы облегчить внедрение для персонала на всех уровнях и повысить шансы на успех. Управление изменениями является первоначальным процессом, который закладывает основу перехода системы менеджмента компаний к цифровой экономике, на его базу накладывается сам переход к цифровому формату.

Для успешного изменения системы менеджмента компаний при их переходе к цифровой экономике необходимо учитывать три важнейших фактора:

1. Иметь четкую стратегию перехода и интегрировать ее во все процессы организации: компа-

© Мисько О.Б.

ния должна иметь ясное представление о том, куда она хочет прийти в результате цифровой трансформации. Это означает разработку чётко сформулированной стратегии, которая охватывает все аспекты деятельности компании: от производственных процессов до маркетинга и клиентских сервисов [3; 8; 13].

2. Положительный настрой персонала: персонал играет решающую роль в любом процессе изменений. Без активной поддержки и участия сотрудников невозможно добиться успеха в цифровой трансформации [8; 10; 11].

3. Навыки и технологии перехода: для успешного перехода к цифровой экономике компании необходимо развивать у своих сотрудников определенные навыки, способствующие оперативному переходу к новым форматам экономической деятельности [4; 13].

Крупные компании при переходе к цифровой экономике должны менять систему менеджменты в таких подсистемах. как:

– управление производством;

– управление персоналом;

– управление маркетингом;

– управление финансами;

– управление информацией;

– управление рисками и т.д.

Заключение.

Таким образом, по результатам исследования определено, что цифровая экономика в обобщенном варианте представляет собой многогранную и сложную систему хозяйствования, основанную на широком использовании цифровых технологий и данных для оптимизации производственных процессов, улучшения качества товаров и услуг, а также ускорения информационного обмена между участниками рынка.

Переход к цифровой экономике, начало которому было положено в 1970–1990-х гг. XX столетия на фоне развития Интернета и информационных технологий, требует от компаний значительных изменений в системе менеджмента, затрагивающих все аспекты их деятельности – от организационной структуры до взаимоотношений с внешними партнерами. Успех в этом процессе зависит от способности руководства адаптироваться к новым реалиям, внедрять современные технологии и создавать условия для развития и мотивации сотрудников.

По мере углубления интеграции цифровой экономики отрасли станут активными реформаторами своих операционных моделей [4; 7; 10]. Традиционные роли, должностные функции, системы менеджмента претерпят значительные изменения, с большим акцентом на специализированные цифровые навыки и стратегическое использование технологий.

В связи с этим, в ближайшие годы резко возрастет спрос на профессионалов, умеющих использовать данные, автоматизировать процессы, оптимизировать системы менеджмента компаний с учетом их перехода к цифровой экономике, разрабатывать инновационные цифровые решения [8; 11; 13].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Астамирова Х.Х. Цифровая экономика и ее значимость в современном мире / Х.Х. Астамирова, Д.У. Ибрагимов // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. С. 182–187. URL : https://web.archive.org/web/20201208114244id_/http://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/f28f68b1-2dde-4f12-82ad-3e232523a801.pdf (дата обращения 03.02.2025).
2. Воронько М.С. Генезис цифровизации и цифровой экономики в России // Известия СПбГЭУ. 2022. № 3(135). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-tsifrovizatsii-i-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii (дата обращения 03.02.2025).
3. Гарнов А.П. Цифровая экономика как метод интеграции в мировое пространство / А.П. Гарнов, О.Н. Быкова // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2020. № 4(112). URL : https://cyberleninka.ru/ article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-metod-integratsii-v-mirovoe-prostranstvo (дата обращения 03.02.2025).
4. Калинина ЕВ. Ретроспективный анализ представлений о цифровой экономике // ЕГИ. 2024. № 4(54). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-predstavleniy-o-tsifrovoy-ekonomike (дата обращения 03.02.2025).

© Мисько О.Б.

5. Лю Я. Предпосылки, Зарождение и развитие цифровой экономики // Стратегии развития современной науки : сборник научных статей. М. : Издательство «Перо», 2021. Ч. VII. С. 60–63. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_47268315_89028451.pdf (дата обращения 02.02.2025).
6. Маглинова Т Г. Цифровые технологии, цифровая революция и цифровая экономика: вызовы и последствия // ЕГИ. 2023. № 3(47). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-tsifrovaya-revolyutsiya-i-tsifrovaya-ekonomika-vyzovy-i-posledstviya (дата обращения 03.02.2025).
7. Мирошниченко М.А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», 2021. С. 224–224.
8. Новикова И.В. Социально-экономический генезис цифровой экономической системы // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2022. № 2(262). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskiy-genezis-tsifrovoy-ekonomicheskoy-sistemy (дата обращения 03.02.2025).
9. Озорнин С.Ю. Проблемы цифровой трансформации предприятий: управленческий аспект / С.Ю. Озорнин, Н.Г. Терлыга // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4–7(73). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovoy-transformatsii-predpriyatiy-upravlencheskiy-aspekt (дата обращения 25.02.2025).
10. Половян А.В. Цифровая экономика: понятие и сущность явления / А.В. Половян, К.И. Синицына // Вести Автомобильно-дорожного института. 2020. № 3(34). С. 96–124. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_44061926_65992867.pdf (дата обращения 03.02.2025).
11. Соболевская Т.Г. Эволюция механизмов управления человеческим капиталом компании в условиях цифровой трансформации экономики / Т.Г. Соболевская, Е.А. Окунькова // РСЭУ. 2020. № 1(48). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizmov-upravleniya-chelovecheskim-kapitalom-kompanii-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki (дата обращения 05.02.2025).
12. Сулимин В.В. Сущность понятия « цифровая экономика» // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий. Сборник научных статей по итогам VIII Международной научно-практической конференции. 2021. С. 132–133. URL : https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/85245940/_8_2_.pdf (дата обращения 02.02.2025).
13. Ткаченко И.Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития / И.Н. Ткаченко, Е.Н. Стариков // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. № 3. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-osnovnye-trend y-i-zadachi-razvitiya (дата обращения 03.02.2025).

References:

1. Astamirova H.H. Digital economy and its significance in the modern world / H.H. Astamirova, D.U. Ibragimov // Issues of sustainable development of society. 2020. № 7. P. 182–187. URL : https://web.archive.org/web/20201208114244id_/http://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/f28f68b1-2dde-4f12-82ad-3e232523a801.pdf (date of application 03.02.2025).
2. Voronko M.S. Genesis of digitalization and digital economy in Russia // Izvestiya SPbGEU. 2022. № 3(135). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-tsifrovizatsii-i-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii (date of application 03.02.2025).
3. Garnov A.P. Digital economy as a method of integration into the global space / A.P. Garnov, O.N. Bykova // Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics. 2020. № 4(112). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-metod-integratsii-v-mirovoe-prostranstvo (date of application 03.02.2025).
4. Kalinina E.V. Retrospective analysis of ideas about the digital economy // EGI. 2024. № 4(54). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-predstavleniy-o-tsifrovoy-ekonomike (date of application 03.02.2025).
5. Liu Ya. Prerequisites, Emergence and Development of the Digital Economy // Strategies for the Development of Modern Science: A Collection of Scientific Articles. Moscow: Pero Publishing House, 2021. Part VII. P. 60–63. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_47268315_89028451.pdf (date of application 02.02.2025).
6. Maglinova T G. Digital Technologies, Digital Revolution and Digital Economy: Challenges and Consequences // EGI. 2023. № 3(47). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-tsifrovaya-revolyutsiya-i-tsifrovaya-ekonomika-vyzovy-i-posledstviya (date of application 03.02.2025).
7. Miroshnichenko M.A. Digital transformation: Russian priorities for the formation of the digital economy. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University», 2021. P. 224–224.
8. Novikova I.V. Socio-economic genesis of the digital economic system // Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management. 2022. № 2 (262). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskiy-genezis-tsifrovoy-ekonomicheskoy-sistemy (date of application 03.02.2025).
9. Ozorin S.Yu. Problems of digital transformation of enterprises: management aspect / S.Yu. Ozorin, N.G. Terlyga // Eurasian Union of Scientists. 2020. № 4–7(73). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovoy-transformatsii-predpriyatiy-upravlencheskiy-aspekt (date of application 25.02.2025).
10. Polovyan A.V. Digital economy: concept and essence of the phenomenon / A.V. Polovyan, K.I. Sinitsyna // Vesti Automobile and Road Institute. 2020. № 3(34). P. 96–124. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_44061926_65992867.pdf (date of application 03.02.2025).
11. Sobolevskaya T.G. Evolution of human capital management mechanisms in a company in the context of digital transformation of the economy / T.G. Sobolevskaya, E.A. Okunkova // RSEU. 2020. № 1(48). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizmov-upravleniya-chelovecheskim-kapitalom-kompanii-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki (date of application 05.02.2025).

© Мисько О.Б.

12. Sulimin V.V. The essence of the concept of «digital economy» // The world in the era of economic and legal globalization: the role of biotechnology and digital technologies. Collection of scientific articles following the results of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2021. P. 132–133. URL : https://pure.spbu.ru/ws/por talfiles/portal/85245940/_8_2_.pdf (date of application 02.02.2025).
13. Tkachenko I.N. Digital economy: main trends and development tasks / I.N. Tkachenko, E.N. Starikov // Izvestiya. Saratov University Nov. series. Series. Economy. Management. Law. 2020. № 3. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-osnovnye-trend y-i-zadachi-razvitiya (date of application 02/03/2025).

Информация об авторе

Мисько Олег Борисович
аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
ORCID 0009-0003-2101-4655
miskooleg@mail.ru

Oleg B. Misko
Postgraduate,
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»
ORCID 0009-0003-2101-4655
miskooleg@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Мисько О.Б.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-27
УДК 336.6

Attribution
cc by

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ФИНАНСОВОМ СЕКТОРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.
Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. Современная среда функционирования бизнеса характеризуется стремительными изменениями. Одним из вызовов в части организации внутренних бизнес-процессов и обеспечения конкурентоспособности компании становится глобальная цифровая трансформация, предполагающая радикальное изменение организационных бизнес-процессов на всех уровнях. Целью исследования является выявление ограничений и проблем цифровой трансформации бизнес-процессов в финансовом секторе. Для достижения поставленной цели были использованы методы контент-анализа, сравнения, графического анализа. В результате исследования было выявлено, что ключевыми проблемами цифровой трансформации бизнес-процессов в финансовом секторе выступают отсутствие целостной стратегии внедрения цифровых технологий, а также высокие риски, слабо поддающиеся прямой количественной оценке, к числу которых можно отнести риски хакерских атак и нарушения конфиденциальности данных, сокращение рабочих мест, нарушение связи между клиентами банками.

Ключевые слова: цифровая трансформация, организация бизнес-процессов, риски цифровой трансформации, банковский сектор, искусственный интеллект, автоматизация, роботизация, стратегия цифровой трансформации.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS PROCESSES IN THE FINANCIAL SECTOR: THEORETICAL FOUNDATIONS, PROSPECTS, LIMITATIONS

Lyubov E. Khrustova, Anna D. Chivina, Nadezhda V. Kostalyndina
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The modern business environment is characterized by rapid changes. One of the challenges in terms of organizing internal business processes and ensuring the competitiveness of the company is global digital transformation, which involves a radical change in organizational business processes at all levels. The purpose of the study was to identify the limitations and problems of digital transformation of business processes in the financial sector. To achieve this goal, the methods of content analysis, comparison, and graphical analysis were used. As a result of the study, it was revealed that the key problems of digital transformation of business processes in the financial sector are the lack of a holistic strategy for the implementation of digital technologies, as well as high risks that are difficult to directly quantify, which include the risks of hacker attacks and breach of data confidentiality, job cuts, and disruption of communication between bank clients.

Keywords: digital transformation, organization of business process, digital transformation risks, banking sector, artificial intelligence, automation, robotics, digital transformation strategy.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Цифровые технологии стремительными темпами захватывают все сферы жизни человечества. Одним из направлений применения современных технологий становится их внедрение в устоявшиеся бизнес-процессы в целях их оптимизации и повышения эффективности. Перед менеджментом организаций встает вопрос о необходимости глобальной цифровой трансформации бизнеса, поиске возможностей высвобождения трудовых, материальных, временных, финансовых ресурсов за счет использования новых подходов. Тем не менее, процесс интеграции цифровых технологий в привычную бизнес-среду сопряжен с возникновением большого числа барьеров и рисков, негативный эффект от реализации которых способен полно-

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

стью нивелировать преимущества применения инструментов цифровой среды.

Вопрос поиска баланса между эффективностью и рисками цифровой трансформации приобретает особую актуальность в финансовом секторе, где внедрение цифровых технологий находит широкое применение, начиная от уровня взаимодействия с клиентом и заканчивая проведением расчетов и платежей.

Целью исследования выступило выявление ограничений и проблем цифровой трансформации бизнес-процессов в финансовом секторе.

Для достижения данной цели авторами были рассмотрены теоретико-понятийные основы цифровой трансформации бизнес-процессов, проведен комплексный анализ цифровой трансформации на примере Сбербанка, определены ограничения и проблемы цифровой трансформации в финансовом секторе.

Обсуждение. Цифровая трансформация является неотъемлемым компонентом комплексного процесса цифровизации экономической системы, который в научной литературе не определяется однообразно. Простейший подход к определению цифровизации предлагает ее понимание как процесса использования цифровых технологий и оцифрованной информации.

Цифровизация и вытекающая из неё цифровая трансформация являются одним из направлений формирования цифровой экономики, которая также не имеет единого подхода к определению. В соответствии со Стратегией развития информационного общества в России, «цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Б.М. Гарифуллин и В.В. Зябриков определяют цифровую трансформацию бизнеса как «осознанный, инициированный руководством процесс кардинального совершенствования бизнес-процессов как во внутренней, так и во внешней среде фирмы на основе поиска и/или разработки, а также последующего внедрения и использования цифровых технологий» [1, с. 1349].

А.Б. Кознов отмечает, что «цифровая трансформация предполагает внедрение цифровых технологий во все направления предпринимательской деятельности, а эти технологии приводят к изменению способа функционирования организаций и побуждают создавать новые ценности в отношениях с клиентами» [2, с. 30–31].

По определению SAP, одного из крупнейших поставщиков цифровых решений для бизнеса на рынке, цифровая трансформация представляет собой интеграцию цифровых технологий и решений во все области бизнеса [3].

Существенное отличие цифровой трансформации от цифровизации с позиции компании состоит в том, что цифровая трансформация предполагает коренное переосмысление бизнес-модели, процессов и операций, в то время как цифровизация предполагает включение цифровых технологий в существующие бизнес-процессы.

Цифровая трансформация в плоскости бизнеса по определению цифровизации протекает по трём направлениям:

1) бизнес-модели;

2) бизнес-процессы;

3) бизнес-операции.

Другими словами, цифровизация охватывает все три уровня моделирования деятельности организации, начиная с операций и операционной деятельности и заканчивая моделью и стратегическими подходами к управлению организационной деятельности.

Г. Руденко выделяет девять элементов цифрового преобразования бизнеса, которые разделены на три направления:

- преобразование качества обслуживания клиентов;

- трансформирование операционных процессов;

- преобразование бизнес-моделей [4, с. 43–44].

Сущность цифровой трансформации состоит в комплексном и коренном изменении бизнес-процессов внутри компании с влиянием на всю существующую модель бизнеса. Особенность этого процесса состоит в том, что цифровая трансформация не может протекать локально и изолированно (внутри одной операции или процесса), а охватывает целостно всю организацию. [5]

Л.А. Петрова и Т.Е. Кузнецова отмечают следующие значимые аспекты динамики развития цифровых технологий:

- расширение и преобразование цифровых систем;

- распространение технологий с огромной скоростью, их интеграцию в материальные объекты;

- усиление разрушительного воздействия с каждым новым циклом инноваций;

- выделение схожих преимуществ и недостатков в контексте различных видов цифровых технологий [6, с. 75].

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

Анализ источников позволил нам определить, что цифровая трансформация влечёт за собой ряд специфических последствий, особенностей, которые оказывают влияние на функционирование традиционных бизнес-моделей и экономической системы в целом на:

– ускорение экономических процессов;

– сокращение фактических расходов, временных затрат, улучшение качественных показателей;

– трансформацию рынка труда, подразумевающую перестройку спроса и предложения на рынке вследствие возникновения новых и потери потребности в ряде устаревших профессий;

– усиление конкуренции как следствие цифровой трансформации. Особую значимость начинают приобретать инновационные компании технологического сектора (подтверждением этого являются в том числе особые режимы, применяемые для таких компаний, при выходе их на IPO; выделение в отдельную секцию на Московской бирже рынка инноваций и инвестиций (РИИ));

– рост барьеров входа на рынок (необходимость масштабных инвестиций при внедрении цифровых технологий и разработке цифровых продуктов);

– существенное и стремительное развитие цифровых платформ и новых каналов коммуникаций с потребителем (клиентом). Основными отраслями, в которых применяются цифровые платформы, являются банковский сектор, коммерция, образование, медицина, социальная сфера, телекоммуникации;

– цифровую трансформацию платежных систем с созданием новых инструментов платежа.

Таким образом, цифровая трансформация представляет собой сложный процесс, охватывающий все элементы внутренней организации компании. Особую роль данный процесс играет в компаниях финансового сектора, где применение цифровых технологий значительно масштабировалось, а цена ошибки крайне высока. Примером сектора, ведение бизнеса в рамках которого значительно видоизменилось вследствие влияния цифровой трансформации, является банковский сектор.

Проанализируем подход к цифровой трансформации, использованный в крупнейшем российском банке – ПАО Сбербанк.

Сбербанк является крупнейшим банком России и лидером отечественного банковского сектора по всем основным показателям, характеризующим масштаб банка (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг банков по основным показателям

	Активы	Капитал	Прибыль	Вклады физлиц
Сбербанк	1	1	1	1
ВТБ	2	2	2	2
ГПБ	3	3	3	4
Альфа-Банк	4	4	4	3
Россельхозбанк	5	5	6	6
Московский кредитный банк	6	7	16	8
Совкомбанк	7	8	15	7
ТБанк	8	11	8	5

Источник: Составлено автором на основе данных источника [7].

Более того, Сбербанк обладает значительным «запасом» лидерства, опережая своего ближайшего конкурента по активам в два раза (на 1 декабря 2024 года у Сбербанка – 61,4 миллиарда рублей, у ВТБ – 33,4 миллиарда рублей), по капиталу более чем в 3 раза (6,7 миллиардов рублей против 1,9 миллиарда рублей), по прибыли более чем в 3 раза (1,4 миллиарда рублей против 0,4 миллиарда рублей) и по вкладам физических лиц в два раза (15,7 миллиардов рублей против 7,2 миллиардов рублей).

Значительная клиентская база, большой запас прочности и объём располагаемых финансовых ресурсов позволил Сбербанку одним из первых запустить процесс внутренней цифровой трансформации банковского бизнеса и перевести свои традиционные услуги в цифровое пространство с применением наиболее технологичных решений.

Цифровую трансформацию Сбербанка можно разделить на три ключевых этапа.

Первый этап – это трансформация банковского бизнеса, перевод традиционных сервисов и услуг в цифровую среду, применение цифровых технологий для решения задач бизнеса. Ключевой задачей на первом этапе цифровой трансформации для Сбербанка стало обеспечение дистанционного бесперебойного обслуживания клиентов через систему дистанционного управления счетами. Структура дистанционного обслуживания Сбербанка многоканальна и включает в себя такие сервисы, как онлайн-банкинг «Сбербанк Онлайн», мобильное приложение «Сбербанк Онлайн», SMS-сервис «Мобильный банк» и мобильное приложение «Сбербанк Бизнес Онлайн» [8].

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

Результатом инвестиций в цифровую трансформацию и создания системы дистанционного обслуживания клиентов стал стремительный перевод пользователей традиционного банкинга в цифровое пространство. На конец 2023 года доля ежемесячных активных пользователей «Сбербанк Онлайн» в числе всех активных розничных клиентов достигла рекордных 75,4 % (108,5 миллионов активных розничных клиентов и 81,9 миллионов MAU «Сбербанк Онлайн»). В то же время, растёт и доля корпоративных клиентов, обслуживаемых через дистанционный контур «Сбербанк Бизнес Онлайн». Всего по состоянию на конец 2023 года она достигла 87,5% (3,2 миллиона активных корпоративных клиентов и 2,8 миллионов MAU «Сбербанк Бизнес Онлайн») [9].

Второй этап цифровой трансформации Сбербанка заключается в его эволюции в экосистему. Экосистема продуктов Сбербанка, получившая брендинг Сбер, является одной из первой и одной из крупнейших на российской отечественном рынке, включающая в себя широкий спектр как розничного потребления, так и предназначенного для юридических лиц и организаций.

Экосистема Сбера строится по двум стримам: B2B и B2C. Развитие сразу двух направлений экосистемы позволяет в полной мере охватить клиентов банков, приводя их к покупке других сервисов от Сбербанка.

Экосистема Сбера растёт за счет доходов от банковского, платежного и страхового бизнеса Сбербанка, то есть основного вида деятельности компании. Сверхприбыль от банковской деятельности Сбер инвестирует в нефинансовые сервисы и продукты, в том числе в дальнейшую цифровую трансформацию. Долгосрочная цель развития состоит в трансформации в IT- и финтех-компанию, а к 2030 году планируется увеличить долю нефинансовых продуктов в доходах до 30 %, а приоритетными направлениями для достижения этой цели признаются электронная коммерция, сотовая связь, IT-сервисы и услуги для бизнеса, инфраструктурные и облачные решения [10].

Необходимо отметить, что схожая тенденция отмечается во многих компаниях финансового сектора – стремление увеличить доход от продажи нефинансовых продуктов может являться следствием реализации стратегии, направленной на преодоление зависимости финансового результата компании от колебаний внутри экономического цикла (так, традиционный банковский бизнес сильно зависит от колебаний процентной ставки).

Начиная с 2024 года, можно говорить о третьем этапе цифровой трансформации Сбербанка, который характеризуется меньшим интересом к развитию экосистемы. Вместо этого развиваются три основных направления бизнеса:

1. Искусственный интеллект.

Значительно увеличиваются инвестиции в развитие искусственного интеллекта и генеративных моделей Сбера. По оценкам блока «Финансы» Сбербанка, это направление станет приоритетным инвестиционным направлением для всей группы компаний в 2024–2026 годах (объем инвестиций в рамках данного направления составит 450 млн руб., увеличившись на 150 млн руб. по сравнению с предшествующим периодом) [11]ю

Искусственный интеллект применяется активно как во внутреннем контуре, в задаче оптимизации процессов, так и для внешнего пользования. Сбер предлагает несколько передовых моделей генеративного ИИ, таких как Giga Chat, Kandinsky, Kandinsky Video, OmniFusion. Все представленные модели реализуются по двум направлениям: B2B и B2C. Решения для бизнеса предполагают возможность внедрения предлагаемых продуктов в бизнес-процессы организации для решения прикладных задач, в то время как B2C-модель – это модель свободного доступа через сайт и мобильное приложение.

2. ИТ как бизнес.

Расширение продуктовой линейки ИТ Сбера позволяет развиваться всей экосистеме. Направление ИТ как бизнес включает в себя:

1) Platform V – программное обеспечение от Сбера для разработки бизнес-приложений. Решение представляет собой уникальную для отечественного рынка платформу для ускорения и оптимизации продуктовой разработки, аналитики и других бизнес-процессов, внедряя сервисы ИТ-трансформации.

2) Умные устройства и ассистента, преимущественно направленного на B2C сегмент, предполагающего полноценную реализацию устройств умного дома и внедрения их в единую систему управления жизнью через ассистента.

3) API и LLM GigaChat, что подразумевает под собой возможность внедрения генеративной модели искусственного интеллекта в бизнес на уровне ПО.

4) ГосТех – реализация государственных контрактов на сопровождение цифровой платформы «ГосТех».

3. Цифровая трансформация как сервис.

Сбер стал совершенным новатором на рынке, впервые предложив цифровую трансформацию как услугу, сервис (DTaaS). DTaaS – это пакетное решение, включающее в себя все необходимые продукты и услуги сопровождения, способствующие цифровой трансформации конкретного бизнеса.

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

По своей сути, продукт представляет собой продажу Сбером собственного опыта цифровой трансформации, который внедряется в бизнес-процессы организации путём сопровождения экспертами. Эксперты разрабатывают уникальный трек для организации по цифровой трансформации, а процессу цифровой трансформации способствует доступ к сервисам экосистемы Сбера, включая также и Platform V, привлечение лучших практик и цифровых решений, индивидуальные условия для клиентов DTaaS по другим продуктам Сбера: облачным решениям, аутсорсингу, аналитике.

Цифровая трансформация как сервис – это шаг на пути к доступной цифровой трансформации для организаций, поскольку сам процесс является комплексным и затратным, а предложение готового решения на рынке минимизирует требуемые инвестиции, поскольку организация уже получает работающее решение.

Необходимо отметить и технологическую структуру самого Сбера, которая была достигнута в результате цифровой трансформации и функционирует на данный момент. Цифровая трансформация внутри компании осуществляется двумя основными блоками «Технологии» и «Технологическое развитие». Блоки занимаются созданием, внедрением и поддержанием необходимой инфраструктуры для оптимизации процессов. Блок «Технологии» концентрируется на создании необходимых инструментов и обеспечении ресурсов для функционирования бизнеса. Блок «Технологическое развитие» сосредоточен на развитии искусственного интеллекта и создании продуктов, базирующихся на нём.

Таким образом, Сбербанк представляет собой не просто качественный пример цифровой трансформации бизнеса, но и уникальное предложение цифровой трансформации как сервиса, что ранее не было представлено на отечественном рынке [12]. Развитие линейки ИТ-продуктов Сбера позволяет реализовывать комплексные и готовые решения для бизнеса, что упрощает процесс цифровой трансформации для других организаций. При этом сама структура Сбербанка характеризуется высоким уровнем цифровой трансформации, постоянным совершенствованием инфраструктуры, базового программного обеспечения, ИТ и финтех-решений, которые лежат в основе современного банковского бизнеса Сбербанка. Всё это позволяет оптимизировать традиционные процессы, достигая высоких показателей эффективности и результативности бизнеса.

Результаты.

Представленный подход к цифровой трансформации подчеркивает значимые характеристики данного процесса:

1) цифровая трансформация охватывает все направления деятельности компании, предполагает необходимость внесения изменений в организационную структуру с целью обеспечения данного процесса. Иными словами, это комплексный процесс, который не сводится к точечному внедрению цифровых технологий в отдельные аспекты деятельности организации;

2) развитие технологического направления в финансовом секторе способствует формированию нового сегмента бизнеса, не зависящего от общеэкономических колебаний, что позволяет повысить финансовую устойчивость компании;

3) на рынке появляется новый продукт, предлагающий помощь в реализации цифровой трансформации как услугу.

Публичные источники, посвященные анализу цифровой трансформации, характеризуют, прежде всего, положительные аспекты, связанные с реализацией данного процесса.

Однако существуют и определенные трудности, которые сопутствуют данному процессу. Прежде всего, необходимо отметить, что многие компании акцентируют внимание на оптимизации текущих операционных процессов с использованием внедрения отдельных цифровых технологий, что представляет собой лишь первый этап реализации цифровой трансформации. Однако получение максимального эффекта возможно при комплексном подходе к реализации цифровой трансформации на уровне всей организации, что требует разработки стратегии цифровой трансформации бизнеса.

Разработка и реализация такой стратегии в компаниях финансового сектора сопряжена с:

- необходимостью изменения внутренней организационной структуры (включая возможное сокращение рабочих мест);

- потребностью в большом объеме инвестируемых средств, высокие затраты;

- длительным периодом реализации, необходимостью оценки экономического эффекта цифровой трансформации в условиях неопределенности развития экономической ситуации с учетом различных сценариев;

- возможностью реализации широкого перечня нестандартных рисков, связанных с внедрением цифровых технологий;

- высокой стоимостью реализации рисков, связанных с внедрением цифровых технологий.

Анализ теории и практики цифровой трансформации, позволил выделить следующие ключевые риски, которые могут быть реализованы в процессе внедрения цифровых технологий в финансовом секторе:

- операционные и технологические риски, связанные с этапом непосредственного взаимодей-

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

ствия с клиентом (возможность нарушения конфиденциальности персональных данных клиентов, подверженность хакерским атакам, нарушение каналов коммуникации между клиентами и банками);

• инфраструктурные риски, возникающие на уровне системы (монополизация банковского сектора, трансформация рынка труда, сокращение рабочих мест);

• риски искажения моделей, основанных на применении искусственного интеллекта, включая риски, связанные с привлечением для внедрения моделей искусственного интеллекта сторонних лиц;

• глобальные риски в области информационной безопасности данных;

• этические риски;

• риски нарушения финансовой стабильности за счет принятия алгоритмами искусственного интеллекта единообразных решений.

Перечисленные риски должны быть грамотно учтены в стратегии цифровой трансформации и внутренней системе риск-менеджмента компании.

Заключение. В рамках предложенного исследования были рассмотрены теоретические основы цифровой трансформации бизнес-процессов, особенности и риски реализации данного процесса в рамках финансового сектора.

Можно заметить, что внедрение любой технологии предполагает наличие серьезного положительного экономического эффекта, однако, при этом сопровождается рисками, реализация которых может принести бизнесу прямые материальные и нематериальные потери (утрата репутации в результате риска реализации кибератаки, например).

В связи с этим, возникает проблема грамотного соотнесения положительного эффекта и рисков в целях принятия решения о внедрении технологии.

Необходимо отметить, что полный отказ от цифровой и технологической трансформации в современных реалиях ударит по конкурентоспособности организации.

Отказ от использования новых технологий будет откатом назад, поэтому важно определить общую стратегию цифровой трансформации для компании и принимать решение о внедрение технологий в соответствии с принятой стратегией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гарифуллин Б.М. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы / Б.М. Гарифуллин, В.В. Зябриков // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1345–1358.
2. Кознов А.Б. Особенности цифровой трансформации бизнес-процессов организаций //Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1(41). С. 29–38.
3. Что такое цифровая трансформация // SAP. URL : https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/what-is-digital-transformation.html
4. Руденко Г. Цифровые технологии: новые возможности для бизнеса // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2014. № 1(82). С. 42–47.
5. Фролов К.В. Понятие и сущность цифровизации и цифровой трансформации на основе фундаментальных и прикладных аспектов системно-кибернетической теории / К.В. Фролов, А.В. Бабкин, А.К. Фролов // π-Economy. 2024. № 1. URL : https://economy.spbstu.ru/article/2024.105.1
6. Петрова Л.А. Цифровые технологии в экономике и бизнесе / Л.А. Петрова, Т.Е. Кузнецова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 2. С. 74–89.
7. Анализ банков. URL : https://analizbankov.ru/rating.php?PokId=10161&DESC=1
8. Потягова В.С. Влияние цифровой трансформации на экономическую эффективность ПАО «Сбербанк» // Н.Экс.Т. 2021. № 2. URL : https://www.nxtjournal.ru/jour/article/view/37?locale=ru_RU
9. Сбер в цифрах и фактах. Сбербанк: официальный сайт. URL : https://shareholder.sberbank.com/AR23/ar/ru/facts-and-figures.html
10. Исследование цифровой зрелости розничных банков. 2023. URL : https://sdi360.ru/banks_23
11. Лазаренко В. Г. Экосистема Сбербанка: проблемы и перспективы развития // Форум. 2022. № 3(26). С. 49–54. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48501081
12. Галкина М.И. Особенности цифровой трансформации банковского сектора на примере ПАО Сбербанк // Государство и рынок: новые векторы развития: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, 2022 года. Чебоксары : Издательско-полиграфическая компания «Новое время» (Чебоксары), 2022. С. 155–160. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48078487

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

References:

1. Garifullin B.M. Digital transformation of business: models and algorithms / B.M. Garifullin, V.V. Zyabrikov // Creative economy. 2018. T. 12. № 9. P. 1345–1358.
2. Koznov A.B. Special features of digital transformation of organizational business-processes // Economic and social-humanitarian research. 2024. № 1(41). P. 29–38.
3. What is digital transformation // SAP. URL : https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/what-is-digital-transformation.html
4. Rudenko G. Digital technologies: new opportunities for business // Strategic decisions and risk-management. 2014. № 1(82). P. 42–47.
5. Frolov K.V. The concept and essence of digitalization and digital transformation based on fundamental and applied aspects of system-cybernetic theory / K.V. Frolov, A.V. Babkin, A.K. Frolov // π-Economy. 2024. № 1. URL : https://economy.spbstu.ru/article/2024.105.1
6. Petrova L.A. Digital technologies in economics and business / L.A. Petrova, T.E. Kuznecova // STAGE: economic theory, analysis, practice. 2020. № 2. P. 74–89.
7. Bank analysis. URL : https://analizbankov.ru/rating.php?PokId=10161&DESC=1
8. Potyagova V.S. The Impact of Digital Transformation on the Economic Efficiency of Sberbank PJSC // N.Eks.T. 2021. № 2. URL : https://www.nxtjournal.ru/jour/article/view/37?locale=ru_ru
9. Sber in figures and facts. Sberbank: official website. URL : https://shareholder.sberbank.com/AR23/ar/ru/facts-and-figures.html
10. Retail Bank Digital Maturity Survey 2023. URL : https://sdi360.ru/banks_23
11. Lazarenko V.G. Sberbank ecosystem: problems and development prospects // Forum. 2022. № 3(26). P. 49–54. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48501081
12. Galkina M.I. Features of the digital transformation of the banking sector on the example of Sberbank PJSC // State and market: new vectors of development: Proceedings of the XIII All-Russian scientific and practical conference, 2022. Cheboksary : Publishing and printing company «New Time» (Cheboksary), 2022. P. 155–160. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48078487

Информация об авторах

Хрустова Любовь Евгеньевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков
и финансового инжиниринга
финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
ORCID 0000-0002-0884-2734
lehrustova@fa.ru

Lyubov E. Khrustova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Financial Markets and Financial Engineering,
Faculty of Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
ORCID 0000-0002-0884-2734
lehrustova@fa.ru

Косталындина Надежда Васильевна
студентка группы УФРС22-1
финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
226266@edu.fa.ru

Nadezhda V. Kostalyndina
Student of the UFRS 22-1 group
of the Finance Faculty,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
226266@edu.fa.ru

Чивина Анна Дмитриевна
студентка группы УФРС22-1
финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
22118ф3@edu.fa.ru

Anna D. Chivina
Student of the UFRS 22-1 group
of the Finance Faculty,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
22118ф3@edu.fa.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.04.2024.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Хрустова Л.Е., Косталындина Н.В., Чивина А.Д.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-33
УДК 339.138

Attribution
cc by

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКУПОЧНОЙ И ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Шапошникова Т.Л.[1], Киселев М.В.[2], Ключиков А.В.[3]
[1]Кубанский государственный технологический университет,
[2]Чувашский государственный университет,
[3]Саратовский государственный университет генетики

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования. Проведен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей закупочную деятельность образовательных организаций, рассмотрены методы и подходы к экспертизе документации, а также выявлены основные проблемы, возникающие в ходе контроля закупок и отчетности. Особое внимание уделено современным цифровым инструментам и технологиям, позволяющим автоматизировать процесс экспертизы, повысить прозрачность и минимизировать коррупционные риски. В заключении предложены возможные пути совершенствования системы экспертизы, включая развитие нормативно-правового регулирования, цифровизацию процессов и подготовку квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: экспертиза закупочной документации, отчетность, государственные закупки, нормативно-правовое регулирование, цифровизация, антикоррупционные механизмы, мониторинг, искусственный интеллект, прозрачность закупок, автоматизация контроля.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CURRENT ASPECTS OF CONDUCTING EXPERTISE OF PROCUREMENT AND REPORTING DOCUMENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION

Tatiana L. Shaposhnikova[1], Mikhail V. Kiselev[2], Arkady V. Klyuchikov[3]
[1]Kuban State Technological University,
[2]Chuvash State University,
[3]N.I. Vavilov Saratov State University of Genetics

Abstract. The article examines current aspects of the expertise of procurement and reporting documentation in the field of education. It analyzes the regulatory framework governing the procurement activities of educational institutions, explores methods and approaches to document expertise, and identifies key challenges in procurement and reporting control. Special attention is given to modern digital tools and technologies that enable automation of the expertise process, enhance transparency, and minimize corruption risks. The conclusion proposes possible ways to improve the expertise system, including the development of regulatory frameworks, digitalization of processes, and training of qualified specialists.

Keywords: procurement documentation expertise, reporting, public procurement, regulatory framework, digitalization, anti-corruption mechanisms, monitoring, artificial intelligence, procurement transparency, control automation.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Современная система образования требует эффективного и прозрачного использования финансовых ресурсов, особенно в условиях цифровой трансформации и усиленного государственного контроля за бюджетными расходами. Одним из ключевых механизмов обеспечения прозрачности является экспертиза закупочной и отчетной документации, позволяющая выявлять нарушения, минимизировать риски нецелевого расходования средств и повышать эффективность государственных закупок.

В сфере образования закупки охватывают широкий спектр товаров и услуг – от учебных матери-

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

алов и оборудования до строительства и модернизации инфраструктуры. Однако сложность нормативно-правового регулирования, необходимость соблюдения конкурсных процедур и риски коррупционных схем создают серьезные вызовы для заказчиков, поставщиков и контролирующих органов.

Настоящая статья посвящена актуальным аспектам проведения экспертизы закупочной и отчетной документации в образовательной сфере. Рассматриваются ключевые нормативные требования, методики оценки закупочных процедур, а также современные инструменты автоматизированного анализа. Особое внимание уделяется проблемам и вызовам, возникающим в процессе экспертизы, а также перспективам совершенствования контрольных механизмов.

Обсуждение. Исследования в области экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования охватывают широкий спектр вопросов, включая нормативно-правовое регулирование, применение цифровых технологий и проблемы прозрачности закупочных процедур.

Современные исследования [6, 7] подчеркивают значимость правового регулирования в обеспечении прозрачности государственных закупок в образовании. Законодательство играет ключевую роль в формировании политики закупок, а также в предотвращении коррупционных рисков. Введение жестких требований к отчетности способствует снижению злоупотреблений, однако увеличивает административную нагрузку на образовательные организации.

Эффективное проведение экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования невозможно без четкого понимания нормативно-правовой базы, регулирующей данный процесс. Законодательство устанавливает правила формирования закупочной документации, требования к отчетности, а также механизмы контроля за расходованием бюджетных средств.

В большинстве стран регулирование государственных закупок в образовании основывается на общих законах о закупках, а также специализированных актах, касающихся образовательных учреждений. Среди основных нормативных документов Российской Федерации можно выделить:

1. Законы о государственных закупках – устанавливают правила проведения закупок, критерии выбора поставщиков и механизмы контроля [1, 2].

2. Бюджетный кодекс – определяет принципы финансирования образовательных организаций и требования к отчетности [4].

3. Нормативные акты в сфере образования – регулируют специфику закупок материалов, оборудования, различных услуг и др [5].

4. Антикоррупционные законы – содержат нормы, направленные на предотвращение злоупотреблений и конфликта интересов [9].

Документация, связанная с закупками в сфере образования, должна соответствовать следующим критериям:

1. Прозрачность и открытость – информация о закупках должна быть доступной для общественного контроля.

2. Обоснованность – все закупаемые товары и услуги должны соответствовать реальным потребностям образовательных организаций.

3. Конкурентность – закупочные процедуры должны исключать дискриминационные условия и обеспечивать равный доступ участников.

4. Соответствие техническим стандартам – особенно важно при закупке оборудования и программного обеспечения для образовательных целей.

Эксперты [10, 11] отмечают эффективность риск-ориентированных моделей контроля, позволяющих оптимизировать надзор за закупочными процессами. Подобные подходы направлены на выявление потенциальных нарушений на ранних стадиях и минимизацию финансовых потерь.

Контроль за соблюдением законодательства осуществляется различными государственными и общественными органами:

1. Счетная палата и финансовые инспекции проверяют соответствие закупок бюджетным планам.

2. Федеральная антимонопольная служба следит за соблюдением принципов конкуренции.

3. Общественные организации и независимые эксперты могут участвовать в мониторинге закупочных процедур и документации.

Регулярная отчетность является неотъемлемой частью контроля за образовательными закупками. Она включает в себя:

1. Финансовые отчеты об использовании средств.

2. Аналитические отчеты об эффективности закупок (соответствие закупок потребностям, экономическая эффективность закупок, анализ конкуренции и прозрачности закупок, оценка исполнения контрактов, риски в закупках и др).

3. Документацию о выполнении контрактов.

Экспертиза закупочной и отчетной документации в сфере образования играет важную роль в оценке эффективности расходования бюджетных средств, выявлении нарушений и оптимизации закупочных процессов. Основные задачи экспертизы – проверка достоверности закупочных документов, отчетных данных, соответствия

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

фактически выполненных работ или поставленных товаров заявленным в контракте требованиям, а также анализ экономической обоснованности затрат.

В процессе закупочной деятельности образовательные организации и органы управления образованием формируют различные виды отчетной документации:

1. Финансовая отчетность – включает сведения о расходовании бюджетных средств, выполнении обязательств по государственным контрактам и обоснованности затрат.

2. Аналитическая отчетность – содержит информацию о результатах закупок, уровне конкуренции среди поставщиков, экономии или перерасходе средств.

3. Итоговая отчетность по контракту – включает акты приемки, отчеты о поставленных товарах, выполненных работах или оказанных услугах.

4. Отчеты о мониторинге и аудите – формируются в ходе внутреннего и внешнего контроля закупочной деятельности.

При проведении экспертизы отчетных документов используется ряд ключевых критериев:

1. Соответствие контрактным условиям – анализируются фактические поставки товаров и услуг на предмет соответствия техническому заданию.

2. Финансовая обоснованность – проверяется целесообразность и адекватность расходов в сравнении с рыночными ценами.

3. Достоверность отчетных данных – выявление несоответствий между отчетными документами и реальными поставками или выполненными работами.

4. Соблюдение сроков и обязательств – анализируются графики поставок, сроки выполнения контрактов и возможные нарушения.

Методы экспертизы:

1. Документальная проверка – анализ первичных бухгалтерских документов, контрактов и отчетов.

2. Экономический анализ – сравнение фактических затрат с рыночными показателями и прогнозируемыми бюджетами [8].

3. Физическая проверка (натурный мониторинг) – аудит поставленного оборудования, учебных материалов и выполненных работ.

Все вышеуказанные методы экспертизы могут осуществляться с применением автоматизированных систем мониторинга и анализа отчетности.

Результаты. Экспертиза отчетной документации позволяет выявлять следующие нарушения:

1. Фиктивные поставки и завышение объемов выполненных работ.

2. Завышение цен и нецелевое расходование средств.

3. Нарушения в процедуре приемки товаров и услуг.

4. Неполное или несвоевременное предоставление отчетности.

Приведем примеры типовых нарушений:

1. Несоответствие отчетной документации требованиям договора.

Предоставленная отчетная документация не полностью соответствует установленным требованиям, что выражается в отсутствии некоторых обязательных документов, таких как:

– отдельные документы, входящие в состав отчетности, не представлены;

– отсутствуют подтверждающие документы о выполнении обязательств, расходовании средств или соответствии заявленных характеристик;

– нет документов, подтверждающих проведение предусмотренных мероприятий.

2. Несоответствие результатов работ, услуг или товаров требованиям к качеству.

Выявлены отклонения от установленных параметров качества, в том числе:

– отсутствие документов, подтверждающих соответствие товаров стандартам, техническим условиям или требованиям производителя (например, паспортов, сертификатов качества);

– предоставление сертификатов с истекшим сроком действия, что не гарантирует качество товара на момент поставки;

– поставленное оборудование не соответствует техническим характеристикам, указанным в спецификации;

– объем выполненных работ или представленных материалов не соответствует требованиям договора.

3. Недостатки в оформлении отчетной документации.

Выявлены несоответствия в оформлении отчетных документов, включая:

– ошибки в оформлении договоров (отсутствие печати организации, подписи одной из сторон);

– недостатки в подтверждающих документах (отсутствие даты, подписей, печатей);

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

– отсутствие технического задания в договоре;

– недостаточное описание характеристик выполняемых работ, закупаемого оборудования или материальных ценностей;

– отсутствие информации о стране происхождения товара;

– акт приемки не содержит всех характеристик, указанных в техническом задании.

4. Несоответствие места выполнения работ или поставки товаров условиям договора.

Выявлены отклонения, связанные с нарушением условий договора по месту выполнения работ или оказания услуг, а именно:

– отсутствие подтверждающих документов о доставке товара в установленное договором место;

– фактическое место оказания услуг отличается от указанного в договоре.

Последствия выявленных нарушений могут включать:

1. Административные и уголовные санкции для ответственных лиц.

2. Финансовые штрафы и взыскания с образовательных учреждений или поставщиков.

3. Пересмотр или аннулирование контрактов.

4. Внесение поставщиков в реестр недобросовестных исполнителей.

Для повышения качества и эффективности экспертизы отчетной документации в сфере образования необходимо:

1. Внедрение цифровых платформ для анализа отчетных данных и контроля закупок.

2. Использование автоматизированных систем мониторинга для выявления нарушений и недостатков в отчетности.

3. Усиление независимого общественного контроля за процессами закупок.

4. Проведение обучения сотрудников образовательных организаций по вопросам закупочного законодательства и отчетности.

Таким образом, экспертиза закупочной и отчетной документации является важным инструментом повышения прозрачности и эффективности государственных закупок в сфере образования. Современные технологии и комплексный подход к анализу данных позволяют минимизировать риски коррупции, улучшить управление финансами и повысить качество образовательных услуг.

Современные технологии значительно упрощают экспертизу закупочной и отчетной документации в сфере образования. Автоматизированные инструменты позволяют анализировать большие объемы данных, выявлять нарушения, отслеживать соответствие контрактов нормативным требованиям и повышать прозрачность закупочных процессов.

Внедрение специализированных платформ помогает автоматизировать экспертизу и минимизировать человеческий фактор. Наиболее распространенные функции таких систем включают:

1. Анализ соответствия закупок законодательству – автоматическая проверка закупочной документации на предмет нарушений норм законодательства.

2. Контроль выполнения контрактов – мониторинг сроков поставки товаров и услуг, автоматическая сверка отчетных данных с реальными поставками.

3. Выявление подозрительных операций – анализ исторических данных для поиска завышенных цен, аффилированных компаний и других признаков коррупции.

Искусственный интеллект (ИИ) и технологии анализа больших данных (Big Data) позволяют проводить комплексную экспертизу отчетности и выявлять скрытые закономерности.

Ключевые возможности ИИ-анализа:

1. Обнаружение аномалий – алгоритмы машинного обучения могут находить несоответствия в отчетных документах, сравнивая их с типичными паттернами.

2. Анализ рыночных цен – автоматическое сравнение заявленных в контрактах цен с рыночными показателями помогает выявлять случаи завышенной стоимости.

3. Прогнозирование рисков – оценка вероятности нарушений или срывов поставок на основе исторических данных.

4. Формирование аналитики по результатам экспертизы закупочной и отчетной документации.

Для эффективного контроля закупочной деятельности образовательных организаций используются системы электронного документооборота и автоматизированного аудита. Их преимущества:

1. Снижение нагрузки на проверяющие органы.

2. Централизованное хранение данных.

3. Быстрое (практически мгновенное) выявление несоответствий.

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

Дальнейшее развитие технологий экспертизы документации может осуществляться в следующих направлениях:

1. Интеграция блокчейн-технологий для обеспечения неизменяемости данных.

2. Разработка интеллектуальных чат-ботов для консультирования участников закупок.

3. Расширение возможностей сквозного мониторинга и экспертизы закупок от планирования до исполнения контрактов.

Несмотря на развитие нормативно-правовой базы и внедрение цифровых инструментов, в процессе реализации процессов закупок возникает ряд сложностей. Эти проблемы связаны как с организационными и техническими аспектами, так и с человеческим фактором, что создает риски неэффективного расходования бюджетных средств.

Можно выделить следующие основные проблемы реализации закупочных процедур:

1. Сложность нормативно-правового регулирования. Частые изменения законодательства усложняют процесс экспертизы. Разночтения в нормативных актах затрудняют трактовку требований к закупочной документации.

2. Нарушения при формировании условий закупки. Искусственное ограничение конкуренции (например, включение заведомо недоступных требований в конкурсную документацию). Заниженные начальные цены, приводящие к снижению качества поставляемых товаров и услуг.

3. Коррупционные риски и конфликты интересов. Проведение формальных закупочных процедур при заранее определенном победителе. Взаимосвязь между заказчиками и поставщиками, влияющая на честность конкуренции.

4. Отсутствие эффективного мониторинга на всех этапах закупок. Контроль часто осуществляется только постфактум, когда устранение нарушений уже невозможно. Недостаток инструментов для комплексного анализа закупочных процедур.

Основные проблемы экспертизы отчетной документации:

1. Недостаточная прозрачность и открытость отчетов. Формирование отчетных документов в закрытых системах, без публичного доступа к ключевым данным. Отсутствие стандартизированных форм отчетности, что затрудняет анализ.

2. Финансовые нарушения и ошибки в отчетности. Например, завышение стоимости товаров и услуг по сравнению с рыночными ценами. Фиктивные или частично выполненные контракты, которые подтверждаются формальными отчетами.

3. Низкий уровень автоматизации и цифровизации. Большая часть отчетной документации по-прежнему формируется вручную, что увеличивает вероятность ошибок и фальсификаций. Используемые автоматизированные системы зачастую не интегрированы с государственными платформами контроля.

На современном этапе имеет место дефицит квалифицированных экспертов:

1. Недостаточное количество специалистов, обладающих знаниями в области закупочного законодательства, финансового анализа и цифровых технологий.

2. Ограниченные возможности для повышения квалификации экспертов, особенно в регионах.

3. Высокая нагрузка на существующих специалистов, что снижает качество экспертизы.

Для преодоления перечисленных проблем необходимо:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы.

2. Усиление контроля и прозрачности закупок, в частности, за счет расширения участия общественных организаций в мониторинге закупок.

3. Развитие цифровых инструментов:

– автоматизация анализа документации с применением ИИ;

– интеграция всех этапов закупок в единую цифровую экосистему.

4. Подготовка и обучение специалистов:

– введение образовательных программ различного уровня по экспертизе закупочной и отчетной документации;

– повышение уровня финансовой и цифровой грамотности сотрудников образовательных организаций.

Заключение. Таким образом, экспертиза закупочной и отчетной документации в сфере образования играет ключевую роль в обеспечении прозрачности, эффективности и законности расходования бюджетных средств. В ходе анализа были рассмотрены основные аспекты данного процесса, включая нормативно-правовую базу, методы проверки закупочной и отчетной документации, современные инструменты автоматизированного анализа, а также существующие проблемы и вызовы.

Современные технологии, такие как искусственный интеллект, анализ больших данных и цифровые платформы мониторинга, предоставляют новые возможности для повышения качества экспертизы. Однако их внедрение требует комплексного подхода, включающего совершен-

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

ствование законодательных норм, усиление общественного контроля, развитие кадрового потенциала и повышение уровня автоматизации.

Основные выводы исследования позволяют выделить несколько направлений для дальнейшего совершенствования системы экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования:

1. Усиление нормативного регулирования, стандартизация отчетности и обеспечение прозрачности закупочных процедур.

2. Внедрение цифровых решений для автоматизированного контроля закупок и отчетности.

3. Развитие профессиональной подготовки экспертов, вовлечение независимых специалистов и общественных организаций в процесс экспертизы.

4. Усиление антикоррупционных механизмов и повышение уровня ответственности всех участников закупочного процесса.

Комплексный подход к проведению экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования позволит минимизировать риски нарушений, повысить эффективность расходования бюджетных средств и обеспечить качественное развитие образовательной системы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL : www.consultant.ru
2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964
3. Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 № 908 «О порядке формирования, ведения и размещения плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд». URL : www.consultant.ru
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). URL : www.consultant.ru
5. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 57306-2016 «Электронная торговая площадка. Общие требования». Введ. 01.07.2017.
6. Казанцев Д.А. Новое регулирование закупок по закону № 223-ФЗ: инструменты закупок // Журнал Бюджет. 2018. № 4(184). С. 48–52.
7. Гришин В.В. Государственные закупки в системе образования: проблемы и пути совершенствования / В.В. Гришин, Т.А. Смирнова // Финансы и контроль. 2021. № 6(78). С. 92–103.
8. Афанасьев М.П. Оценка эффективности закупочной деятельности в государственных организациях / М.П. Афанасьев, А.В. Кузнецов // Экономика и управление в образовании. 2022. № 3. С. 45–58.
9. Проценко Е.И. Антикоррупционные механизмы в сфере закупок образовательных учреждений // Юридическая наука и практика: Вопросы, гипотезы, ответы. 2020. № 5(14). С. 113–125.
10. Procurement Regulation in Education / J. Smith [et al.] // Journal of Public Policy. 2021.
11. Brown T. Risk-Oriented Approaches in Public Procurement / T. Brown, L. Johnson // Economic Studies Review. 2022.

References:

1. Federal Law № 44-FZ dated 04/05/2013 (as amended on 04/28/2023) «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet State and Municipal Needs». URL : www.consultant.ru
2. Federal Law «On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» dated July 18, 2011 № 223-FZ (latest edition) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/10/2012 № 908 «On the procedure for the formation, maintenance and placement of a Schedule for the procurement of goods, works, and services to meet needs». URL : www.consultant.ru
4. The Civil Code of the Russian Federation (CC RF). URL : www.consultant.ru
5. The national standard of the Russian Federation GOST R 57306-2016 «Electronic trading platform. General requirements». Introduction. 07/01/2017.
6. Kazantsev D.A. New procurement regulation under Law № 223-FZ: procurement tools. Budget magazine. 2018. № 4(184). P. 48–52.

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

7. Grishin V.V. Public procurement in the education system: problems and ways of improvement / V.V. Grishin, T.A. Smirnova // Finance and control. 2021. № 6(78). P. 92–103.
8. Afanasyev M.P. Evaluation of the effectiveness of procurement activities in government organizations / M.P. Afanasyev, A.V.Kuznetsov // Economics and management in education. 2022. № 3. P. 45–58.
9. Protsenko E.I. Anti-corruption mechanisms in the field of procurement of educational institutions // Legal science and practice: Questions, hypotheses, answers. 2020. № 5(14). P. 113–125.
10. Procurement Regulation in Education / J. Smith [et al.] // Journal of Public Policy. 2021.
11. Brown T. Risk-Oriented Approaches in Public Procurement / T. Brown, L. Johnson // Economic Studies Review. 2022.

Информация об авторах

Шапошникова Татьяна Леонидовна
доктор педагогических наук,
кандидат физико-математических наук,
директор Регионального школьного технопарка
«Квант Кубань-КубГТУ»,
заведующая кафедры физики
Института фундаментальных наук,
Кубанский государственный
технологический университет
ORCID 0000-0003-3221-4954
shtale@yandex.ru

Киселев Михаил Витальевич
кандидат технических наук,
доцент,
руководитель Лаборатории
нейроморфных вычислений,
Чувашский государственный университет
ORCID 0000-0001-7403-6418
mkiselev@chuvsu.ru

Ключиков Аркадий Викторович
кандидат технических наук,
доцент,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой
цифровое управление процессами в АПК,
Саратовский государственный университет генетики,
биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова
ORCID 0000-0002-8657-6486
Krok9407@mail.ru

Tatiana L. Shaposhnikova
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Physico-Mathematical Sciences,
Director of the Regional School Technopark
«Kvant Kuban-KubSTU»,
Head of the Department of Physics
at the Institute of Fundamental Sciences,
Kuban State Technological University
ORCID 0000-0003-3221-4954
shtale@yandex.ru

Mikhail V. Kiselyov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Neuromorphic Computing Laboratory
Chuvash State University
ORCID 0000-0001-7403-6418
mkiselev@chuvsu.ru

Arkady V. Klyuchikov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Acting Head of the Department of Digital Process
Management in Agriculture,
Saratov State University of Genetics,
Biotechnology and Engineering
named after N.I. Vavilov
ORCID 0000-0002-8657-6486
Krok9407@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© ШапошниковаТ.Л., Киселев М.В., Ключиков А.В.

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 4 от 25.04.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.04.2025
Подписано к публикации 25.04.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e–mail: id.yug2016@gmail.com